

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательства

Этнографы

В. И. Л. манска

Выпускъ I и II

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, НАБЛЮДЕНІЯ, РАЗСУЖДЕНІЯ.

1. Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ. *Θ. И. Покровскаго* 1— 51
2. Пермьки. I—VII. Съ 4 рисунками. *В. М. Яновича* 52—171
3. Нѣкоторыя чергы изъ исторической и психической жизни вотяковъ (историко-этнологическій очеркъ). *К. Θ. Жакова* 172—187

Отдѣлъ II.

ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА, НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ЖИВОЙ СТАРИНЫ.

1. Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда. I—IX. *Н. Попова* 188—224
2. Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. *Н. К. Симони* 225— 227
3. Эпическія пѣсни Дебрскія (изъ Сборника Дьяновскаго). *П. А. Ровинскаю* 228—235

Отдѣлъ III.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Рецензіи книгъ 236— 240

Отдѣлъ IV.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

1. Общинное землевладѣніе (письмо изъ г. Кадникова). *А. А. Шустикова* 241—246
2. По вопросу объ общинѣ (корреспонденція изъ Новгородской губ.). *В. А. Антипова* 247—249

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Народная пѣсня «на Горахъ» Нижегородской губерніи. *В. И. Чернышова* 250—260
2. Памяти Ф. Д. Нефедова. *Д. П. Никольскаю* 261—264

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I и II

годъ тринадцатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДѢЛЪ I.

Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1898 года, изучая, по порученію Географическаго Общества, народный говоръ Чухломскаго уѣзда, я старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать свѣдѣнія относительно семейныхъ раздѣловъ въ этомъ уѣздѣ, насколько эти свѣдѣнія выражаются въ раздѣльныхъ приговорахъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ. Условія для болѣе или менѣе полнаго изученія этого вопроса оказались крайне неблагопріятны. Вслѣдствіе очень стѣснительныхъ правилъ, которыя установилъ для семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года, произошло то, что законныхъ раздѣловъ стало въ уѣздѣ слишкомъ мало. Не будучи въ силахъ остановить теченія жизни, благопріятствующаго распаденію стараго, дореформеннаго уклада семьи, законъ этотъ произвелъ то, что крестьяне, зная затруднительность законнаго раздѣла, соединеннаго еще съ сложною канцелярскою волокитою, почти совсѣмъ отказались отъ формальностей, установленныхъ для обезпеченія правильности и законности раздѣловъ, и стали совершать послѣдніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами собой, безъ участія волостной и болѣе высшей власти. Власть эта, съ своей стороны, чувствуя явную невозможность стоять по отношенію къ раздѣламъ на формально-законной точкѣ зрѣнія, молчаливо признавала и признаётъ всѣ фактическіе раздѣлы, хотя бы о нихъ и не имѣлось въ волостныхъ правленіяхъ никакихъ канцелярскихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, случилось то, что въ особо заведенныхъ при волостныхъ правленіяхъ, по установленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ формъ, книгъ для записи раздѣльныхъ приговоровъ число этихъ записей оказалось крайне ничтожно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ ихъ и совсѣмъ не было за все время съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, раздѣльныя книги, которыя должны бы служить главнымъ источникомъ при изученіи семейныхъ раздѣловъ, на самомъ дѣлѣ оказались источникомъ весьма скуднымъ. Къ счастью, въ дополненіе къ нимъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ нашлись еще или совершенно домашніе, или же заключенные только на сельскихъ сходахъ раздѣльные акты, представленные въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія, но не засвидѣтельствованные по явной ихъ формальной неза-

конности и сохранившіеся въ волостныхъ правленіяхъ совершенно случайно, въ числѣ ненужныхъ и не имѣющихъ никакого значенія бумагъ. На основаніи ихъ и записанныхъ въ книгѣ законныхъ актовъ, а также иногда на основаніи устныхъ сообщеній мѣстныхъ жителей, картина семейныхъ крестьянскихъ раздѣловъ можетъ быть нарисована только неполно и недостаточно, такъ какъ несомнѣнно большая половина раздѣловъ совсѣмъ ускользаетъ отъ наблюденія и изслѣдованія. Думается однако, что и этими свѣдѣніями необходимо дорожить, потому что другой путь изслѣдованія, — устный опросъ населенія, по многимъ обстоятельствамъ является гораздо болѣе труднымъ, а иногда и прямо невозможнымъ. Случайная же сохранность указанныхъ выше, не утвержденныхъ подлежащею властію раздѣльныхъ договоровъ и полная необезпеченность этой сохранности на будущее время, какъ кажется, увеличиваютъ цѣнность этихъ документовъ еще болѣе.

Изъ 12-ти волостей, составляющихъ Чухломскій уѣздъ, были указаннымъ способомъ изслѣдованы семейные раздѣлы въ 11-ти волостяхъ, за исключеніемъ Просѣковской, въ которой не нашлось относительно раздѣловъ никакихъ документовъ и не пришлось получить устныхъ сообщеній. На основаніи закона 18 марта 1886 года общія условія раздѣловъ должны были представляться адѣсь въ слѣдующемъ видѣ.

Главное значеніе въ раздѣлахъ законъ признаетъ за главами хозяйствъ, съ одной стороны, и сельскимъ сходомъ—съ другой. О своемъ желаніи произвести раздѣлъ, о подлежащемъ раздѣлу имуществѣ и о способахъ самаго раздѣла семейство должно заблаговременно извѣстить сельскій сходъ, который только тогда приступаетъ къ разсмотрѣнію прочихъ условій раздѣла, когда удостовѣрится въ согласіи родителя или старшаго члена семьи на раздѣлъ или же когда признаетъ поводомъ къ раздѣлу расточительность и безнравственное поведеніе самого домохозяина. Затѣмъ, сходъ долженъ рѣшить: способны ли вновь образующіяся семьи къ самостоятельному веденію хозяйства, есть ли возможность отвести для нихъ усадебныя мѣста, и будетъ ли обезпечено послѣ раздѣла правильное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и всякихъ другихъ казенныхъ взысканій. Если все это рѣшается утвердительно, сходъ долженъ приступить и къ самому раздѣлу, въ которомъ ему опять-таки отведена весьма значительная компетенція, такъ какъ онъ распределяетъ между новыми дворами полевой надѣлъ и не только утверждаетъ, но и исправляетъ предположенія семьи относительно распределенія между частями ея всего того изъ остального имущества, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства. Не виѣшиваясь въ распределеніе имущества, приобретеннаго въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также предоставляя исключительно самой семьѣ раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства, сходъ дѣлаетъ, еще раскладку числящихся на семьѣ не-

домомъ, податей и повинностей и, въ случаѣ нужды, отводить для новыхъ усадебныхъ построекъ участки свободной мірской земли, причемъ для дѣйствительности всѣхъ этихъ постановленій необходимо, чтобы согласіе на нихъ было дано не менѣе какъ двумя третями всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участвовать на сельскомъ сходѣ. Семейство, раздѣлившееся безъ соблюденія этихъ условій, должно по-прежнему считаться по отношенію къ отбыванію всякаго рода повинностей за одну семью, а семейство, недовольное рѣшеніемъ схода, имѣетъ право, втеченіе 14 дней со времени постановленія приговора, привести на него жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію или мировому посреднику, исключая тотъ случай, когда сходъ отказывается въ раздѣлѣ вслѣдствіе несогласія на него родителя семьи.

Поставивъ, такимъ образомъ, самую возможность раздѣла въ безусловную зависимость отъ главы семейства, если только овъ не расточителенъ и не безнравственнаго поведенія, законъ 18 марта 1886 года не призналъ тѣмъ самымъ одного изъ главныхъ и наиболѣе обычныхъ поводовъ къ раздѣламъ, — семейныхъ раздоровъ и ссоръ, лишивъ сельскій сходъ даже власти рѣшать въ этихъ случаяхъ о достаточности или недостаточности повода къ раздѣлу, указываемаго отдѣляющеюся частью семьи. Съ другой стороны, на отвѣтственность самого схода возлагаются закономъ такія серьезныя поручительства за исправное веденіе самостоятельнаго хозяйства новыми семействами и вообще за ихъ имущественную достаточность, что сходъ поневолѣ долженъ опасаться давать эти поручительства въ официальныхъ документахъ, которые, въ случаѣ обжалованія ихъ, подлежатъ еще провѣркѣ высшихъ властей. То и другое обстоятельства сами собою вызывали, такимъ образомъ, раздѣлы формально-незаконные — или потому, что они совершались безъ согласія домохозяевъ, или потому, что разрѣшались сельскимъ сходомъ безъ соблюденія требованій закона, — только, такъ сказать, для деревни, а не для волости и высшаго начальства.

Эту затруднительность законныхъ раздѣловъ еще болѣе увеличивалъ составленный въ разъясненіе закона 18 марта 1886 года Наказъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, устанавливавшій въ каждомъ уѣздѣ особые сроки для раздѣловъ, когда только послѣдніе и могли совершаться, а, съ другой стороны, требовавшій отъ раздѣльныхъ приговоровъ такой точности и полноты (указано 12 пунктовъ, на которые приговоръ долженъ отвѣтить), какая для грамотѣвъ сельскаго схода доступна только въ исключительныхъ обстоятельствахъ и недостатокъ которой, почти всегда неизбѣжный, долженъ былъ заставлять волостное начальство отказывать въ засвидѣтельствованіи приговора по чисто формальнымъ основаніямъ даже въ случаѣ полной законности раздѣла по существу. Приговоръ могъ быть, напримѣръ, признанъ незаконнымъ, если въ немъ не было указано мѣста созванія схода, или не отмѣчено, не со-

державшагося даже въ законѣ 18 марта 1886 года, такого обстоятельства, какъ—будутъ ли достаточно «обезпечены въ средствахъ существованія дряхлые, убогіе и престарѣлыя члены семействъ, не имѣющіе возможности собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе». Затѣмъ, правильность составленія раздѣльнаго приговора обязанъ былъ, согласно Наказу, провѣрить волостной старшина, и только уже послѣ его дознанія приговоръ свидѣтельствовался волостнымъ правленіемъ, заносился въ особую книгу и возвращался сельскому старостѣ.

Насколько эта общая картина семейныхъ раздѣловъ соотвѣтствуетъ по Чухломскому уѣзду дѣйствительности, и при какихъ вообще условіяхъ совершаются тамъ семейные раздѣлы, если судить о нихъ по тѣмъ немногимъ документамъ, о которыхъ сказано выше, можно видѣть изъ разсмотрѣнія самихъ этихъ документовъ по тѣмъ волостямъ, къ какимъ они относятся.

Въ Алешковской волости книги для записи семейныхъ раздѣловъ заведены въ 1888 году, для каждаго сельскаго общества отдѣльно, но записано въ этихъ книгахъ всего только 7 приговоровъ, и то по одному Санцыловскому обществу; въ книгахъ же прочихъ обществъ никакихъ записей нѣтъ. По словамъ волостного писаря, раздѣлы совершаются, конечно, и въ этихъ обществахъ, но раздѣльные приговоры обыкновенно въ волостное правленіе не представляются, и поэтому другихъ, кромѣ указанныхъ 7-ми, приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ.

Изъ этихъ 7-ми приговоровъ 6 относятся къ 1888-му и 1 къ 1895 году; кромѣ того, изъ первыхъ 6-ти приговоровъ 3 касаются одного семейства, дѣлившагося почему-то три раза въ одномъ и томъ же году, такъ что, собственно говоря, за 9¹/₂ лѣтъ во всей Алешковской волости было только 5 законныхъ раздѣловъ.

Сельскій сходъ принималъ въ этихъ раздѣлахъ не вездѣ одинаковое участіе. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ раздѣломъ, фактически уже осуществленнымъ ранѣе раздѣльнаго приговора, причемъ стороны, обращавшіяся къ нему, желали, очевидно, только оформить уже сложившіяся у нихъ самостоятельныя хозяйства, и въ будущемъ не предвидѣлось у нихъ споровъ о раздѣленномъ имуществѣ, тогда сходъ не вступалъ ни въ какія подробности раздѣла, ограничиваясь простымъ его утвержденіемъ. Такъ, безъ упоминанія какого-либо имущества совершенъ былъ раздѣльный актъ 1 февраля 1888 г. между братьями, крестьянами дер. Санцылова, Иваномъ и Александромъ Зиновьевыми, каждый изъ которыхъ имѣлъ уже особый домъ съ пристройками и все вообще крестьянское обзаведеніе. Но если сходу надлежало утвердить раздѣлъ, хотя и совер-

жившійся ранѣ, но происшедшій между отцомъ и сыномъ, причемъ послѣдній отдѣлялся самовольно, а въ семьѣ отца оставались другія дѣти, въ раздѣльных актахъ, въ предупрежденіе будущихъ раздоровъ, оговаривалось, что отдѣлившійся сынъ не имѣетъ уже права требовать изъ имущества отца ничего ни при жизни его, ни по смерти. Такая оговорка имѣется въ раздѣльныхъ приговорахъ 1 февраля 1888 года: между крестьянами дер. Большого Коровья Захаромъ Семеновымъ и младшимъ сыномъ его Михайломъ, отдѣлившимся отъ отца въ 1886 г.; и между крестьянами дер. Санцылова Ксенофонтомъ Абрамовымъ и младшимъ сыномъ его Иваномъ, отошедшимъ отъ него въ 1887 г. Въ томъ и другомъ случаяхъ отдѣлившіеся дѣти имѣли уже собственные дома, полное хозяйство и жили безбѣдно. Если, наконецъ, сходъ утверждалъ раздѣлъ только еще совершающійся, то ему приходилось входить въ самое распределеніе имущества между дѣлящимися и подробности раздѣла записывать въ раздѣльномъ актѣ. Когда при раздѣлѣ 24 іюня 1888 г. между крестьяниномъ дер. Санцылова Яковомъ Ипполитовымъ и племянникомъ его Иваномъ Кузьминымъ сходъ ограничился было однимъ утвержденіемъ раздѣла, оставивъ самое раздѣленіе имущества на волю дѣлившихся, замѣтивъ имъ только, что «всѣ расчеты по дѣлежу между дѣлящимися должны быть общіе», постановленіе это оказалось, очевидно, недостаточнымъ, и потому 30 ноября того же года, а затѣмъ 3 февраля 1889 г. написаны были для этого семейства новые раздѣльные акты, въ которыхъ не только перечислено было все приходившееся на долю той и другой стороны имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства, но даже сказано было, что дѣлится пополамъ и домашняя утварь, а два самовара распределены были особо. Точно также 8 марта 1895 г. сходъ, утверждая раздѣлъ между отцомъ, крестьяниномъ дер. Санцылова Павломъ Ефимовымъ, и отошедшимъ отъ него въ томъ же году старшимъ его сыномъ, перечисляетъ въ приговорѣ все, чѣмъ «награждаетъ» сына отецъ и что, впрочемъ, составляло необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого послѣдняго приговора, а также изъ двухъ упомянутыхъ выше раздѣловъ между отцами и самовольно отдѣлившимися отъ нихъ сыновьями, видно, что въ подобныхъ случаяхъ, т. е., когда раздѣлъ былъ собственно самовольнымъ отдѣломъ, дѣти не имѣли права требовать отъ отца какой-либо определенной части имущества, а должны были довольствоваться тѣмъ, что давали имъ сами отцы, такъ что и для обозначенія дѣйствія раздѣла въ означенномъ случаѣ взятъ былъ по отношенію къ отцу глаголъ «награждать». Но когда дѣлились дядя и его взрослый племянникъ, сынъ старшаго брата, все имущество распределялось уже поровну, съ тѣмъ только предпочтеніемъ въ сторону перваго, что ему, какъ болѣе трудившемуся въ созданіи и устроеніи хозяйства, отдавались и лучшія вещи изъ тѣхъ, которыя нельзя было раздѣ-

лить совершенно одинаково: такъ, ему дана была лошадь и хорошая сбруя, а племянникъ получилъ корову и рабочую сбрую.

Причина раздѣла указана только въ одномъ случаѣ, когда трижды дѣлились только что упомянутые дядя и племянникъ. По первому приговору раздѣлъ между ними происходилъ для того, чтобы не было пререканій въ хозяйствѣ и не ухудшался хозяйственный бытъ ихъ, а въ третьемъ раздѣльномъ актѣ объяснялось подробно, что въ семействѣ возникли вражда и раздоръ, доведенные до крайности, такъ что совѣстное жительство семьи стало совершенно невозможно; самый же раздоръ произошелъ отъ незначительности къ дому племянника, а также и отъ того, что семья его имѣла болѣе членовъ и потому содержаніе ея обходилось дороже, чѣмъ содержаніе первой семьи.

Въ отношеніи самаго распредѣленія подлежащихъ раздѣлу предметовъ можно замѣтить слѣдующее.

Во всѣхъ раздѣлахъ каждое изъ вновь образующихся хозяйствъ имѣетъ уже по отдѣльному дому; только въ одномъ случаѣ сынъ, отдѣляясь отъ отца, еще не выстроилъ себѣ двора, и потому помѣщеніе для скота должно было оставаться у него съ отцомъ общее. Въ опредѣленіе стоимости домовъ раздѣльный актъ вошелъ только однажды, въ дѣлѣ дяди съ племянникомъ, когда послѣдній, оставаясь въ старомъ домѣ, долженъ былъ выдать первому, уходящему въ новый, имъ самимъ выстроенный домъ, 100 рублей, половину стоимости стараго дома. При этомъ было оговорено, что, если племянникъ не уплатитъ 100 руб., дядя имѣетъ право отломать свою половину стараго дома или заколотить ее. Въ общемъ владѣніи у нихъ изъ прочей постройки остались овинъ и баня, а сарай и амбаръ перешли—одинъ къ одному, другой къ другому.

Скоти́на по возможности распредѣлялась отдѣльно: особо лошади, особо коровы и особо овцы. Но такъ какъ не всегда случается, чтобы въ крестьянскомъ обиходѣ было двѣ лошади, то при раздѣлѣ ихъ приходилось иногда или оставлять лошадь въ общемъ владѣніи или давать за нее что-либо другое изъ скота: въ одномъ случаѣ дѣйствительно лошадь у отца и сына осталась неподѣленной, а въ другомъ племянникъ взялъ вмѣсто нея корову. Прочее имущество дѣлилось такъ, чтобы та и другая стороны получали его особо.

Отдѣльныхъ хозяйствъ образовалось по этимъ раздѣламъ 10. Каждое имѣло свой домъ, но лошадей не было въ двухъ хозяйствахъ. Остальнымъ имуществомъ, необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства, новообразовавшіеся дворы владѣли въ достаточномъ количествѣ.

Въ Бореевской волости записано въ раздѣльную книгу съ 1886 года 13 приговоровъ. Изъ нихъ одинъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ по крестьянскимъ

дѣламъ Присутствіемъ вслѣдствіе выраженнаго на самомъ приговорѣ несогласія на условія раздѣла одного изъ членовъ семьи, а также вслѣдствіе несоблюденія 9 ст. Наказа, предписывающей волостному старшинѣ прежде засвидѣтельство-ванія приговора произвести мѣстное разслѣдованіе о правильности его составленія. Любопытно, что недовольнымъ членомъ семьи былъ не глава ея, 76-лѣтній отецъ, а его старшій сынъ, который, очевидно, въ этомъ случаѣ былъ признанъ уѣзднымъ Присутствіемъ за домохозяина. Законно-утвержденныхъ раздѣловъ въ Бореевской волости было такимъ образомъ за изслѣдуемый періодъ времени 12, а всѣхъ раздѣльныхъ актовъ, на основаніи которыхъ можно судить объ условіяхъ раздѣловъ, имѣется въ правленіи 14, такъ какъ тамъ случайно сохранилась еще конія одного незаконнаго приговора, представленная въ волостной судъ въ качествѣ доказательства правильности иска, который предъявилъ къ отцу одинъ изъ его сыновей за неисполненіе обязательствъ раздѣла. Актъ этотъ относится къ 1898 году, былъ составленъ при участіи четырехъ околныхъ и сельскаго старосты и въ подлинникѣ хранился у старосты. Крестьяне, очевидно, смотрятъ на эти приговоры, какъ на совершенно законные, и ими одними и довольствуются, потому что самый послѣдній раздѣльный актъ, внесенный въ волостную раздѣльную книгу, относится къ 1892 году, и, значитъ, за все послѣдующее время въ Бореевской волости употреблялись приговоры, только подобные предыдущему. По словамъ мѣстныхъ жителей, это и дѣйствительно такъ: обыкновенно приговоры составляются тамъ сельскими старостами и въ подлинникахъ отдаются тѣмъ семьямъ, которыя будутъ жить на старой дворинѣ, въ копіяхъ же получаютъ семьями, уходящими на новыя мѣста. Любопытно было бы узнать, какъ бы посмотрѣлъ на законность этихъ актовъ волостной судъ; но, къ сожалѣнію, ему не пришлось высказаться объ этомъ, такъ какъ до судебного разбирательства по упомянутому выше приговору 1898 г. сынъ отказался отъ иска.

По годамъ записанные въ раздѣльную книгу приговоры распределяются слѣдующимъ образомъ: въ 1887 году — 1, въ 1888 г. — 7, въ 1889 г. — 2, въ 1890 г. — 1, въ 1891 г. — 1 и въ 1892 г. — 1.

Сельскій сходъ по большей части принималъ здѣсь участіе не въ одномъ разрѣшеніи раздѣла вообще, но и въ самомъ распредѣленіи дѣлимаго имущества, такъ что только въ двухъ случаяхъ ему пришлось ограничиться лишь формальнымъ утвержденіемъ совершившагося безъ его участія раздѣла. Въ одномъ изъ нихъ дѣло шло о самовольно отдѣлившемся отъ отца два года тому назадъ сынъ, уже обзаведшемся собственнымъ хозяйствомъ, а въ другомъ дѣлились два брата, изъ которыхъ младшій выдавалъ старшему за все имущество деньги и между которыми раздѣлъ совершился, очевидно, до такой степени мирно, что въ раздѣльномъ актѣ не указывалось никакихъ его подробностей:

не обозначено даже суммы, уплачиваемой однимъ братомъ другому. Когда же сходя участвовалъ въ собственномъ смыслѣ въ раздѣлѣ имущества, то иногда, согласно съ закономъ 18 марта 1886 г., онъ входилъ въ разсмотрѣніе дѣла только того имущества, которое признается необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства; иногда же, напротивъ, перечислялъ въ раздѣльномъ приговорѣ предметы, подлежащіе, въ сущности, раздѣлу домашнему. Такъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, 11 января 1887 г., послѣ перечисленія приходившихся на долю каждаго брата построекъ, скота и хозяйственныхъ орудій, замѣчено, что все остальное братья обязались раздѣлить поровну и миролюбно, по особому раздѣльному акту. Точно также особому соглашенію сторонъ было предоставлено распределеніе имущества, не относящагося къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ ея сыномъ и дочерью, 7 марта 1890 года. Случалось даже, что и изъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства не все подлежало вѣдѣнію сельскаго схода: такъ, въ 1892 г. въ раздѣльномъ приговорѣ крестьянки дер. Захарова Афимьи Антоновой съ сыновьями и деверемъ помѣщены только причитавшіеся на долю каждаго строенія, скотъ, хлѣбъ и земля, экипажи же, сбруя, земледѣльческія орудія и домашнія принадлежности стороны согласились раздѣлить особо и миролюбно, въ присутствіи посторонняго лица. За то, съ другой стороны, въ раздѣльный актъ были вписаны однажды иконы и зеркала, два раза самовары и одежда, и постоянно заносилось распределеніе выкупленной земли, если такая существовала.

Отецъ является, въ качествѣ полновластнаго распредѣлителя семейнаго имущества, только одинъ разъ, когда его сынъ, какъ уже выше было замѣчено, отошелъ отъ него самовольно два года назадъ; поэтому въ раздѣльномъ приговорѣ между ними прямо сказано, что отецъ не надѣляетъ сына ничѣмъ, какъ по указанной причинѣ, такъ и вслѣдствіе того, что сынъ уже завелъ полное собственное хозяйство. Въ прочихъ случаяхъ выдѣла дѣтей изъ семьи отца при жизни послѣдняго общее имущество дѣлятся между родителями и дѣтьми обыкновенно болѣе или менѣе безобидно. Приэтомъ, когда отецъ съ матерью еще люди не дряхлые и сами способны къ работѣ, тогда они берутъ себѣ часть равную съ сыновьями, какъ это было, напримѣръ, въ раздѣлѣ крестьянина дер. Селина Петра Васильева съ сыномъ Ларіономъ, 10 марта 1888 года. Въ случаѣ же дряхлости родителей имъ выдѣляется часть не изъ всего имущества и не всегда равная съ сыновьями, а по возможности только то, что необходимо для ихъ пропитанія. Во всѣхъ трехъ бывшихъ здѣсь случаяхъ подобныхъ раздѣловъ родители не оставили за собой земли, ни надѣльной, ни выкупленной; за то изъ постройки и хлѣба «въ зернѣ и землѣ»

имъ были предоставлены части одинаковыя съ сыновьями, изъ скота же одинъ разъ не дано было ничего, а два раза назначены были меньшія части, чѣмъ дѣтямъ. Раздѣльный актъ обыкновенно упоминаетъ, съ какимъ изъ сыновей дряхлые родители будутъ жить, и, предвидя возможность новыхъ несогласій между ними, оговариваетъ, что въ такомъ случаѣ отецъ имѣетъ право отдѣлить себѣ показанную въ приговорѣ его долю. Послѣ смерти родителей имущество ихъ должно было переходить тѣмъ дѣтямъ, съ которыми они жили и которые ихъ кормили.

При отдѣлѣ сыновей отъ матери также возможны случаи, что мать по своему желанію имѣетъ право лишать сына того или иного изъ общаго имущества. Такъ, 14 декабря 1888 г. отдѣлялся отъ матери крестьянинъ дер. Ожиганова Василій Ивановъ, а въ пользу матери, оставшейся съ пожилою дочерью, было предоставлено все движимое имущество, такъ какъ у сына уже были и собственный скотъ, и собственное хозяйство. Если мать и послѣ раздѣла съ сыномъ остается главою хозяйства, ей дается при раздѣлѣ часть во всемъ имуществѣ, такъ что, напримѣръ, 7 марта 1890 г. крестьянка дер. Рыстанова Наталья Ефимова, съ которой остались жить ея свекровь и дочь, получила во всемъ, кромѣ надѣльной земли, равную долю съ отдѣлившимся сыномъ. Въ одномъ случаѣ мать, престарѣлая и неспособная къ веденію хозяйства, не желала однако жить вмѣстѣ съ какимъ-либо изъ своихъ раздѣлившихся дѣтей, — тогда она получила равную съ сыновьями часть изъ скота и хлѣба «въ землѣ и зернѣ», а вмѣсто строенія и на прокормленіе ея сыновья были обязаны выдавать ей ежегодно по 15 руб. каждый. Наконецъ, когда мать послѣ раздѣла должна была жить вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей, ей въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ не было указано опредѣленной части имѣнія, такъ какъ съ ней остался 12-лѣтній сынъ; но она получила на свою и этого сына доли больше, чѣмъ старшій, отдѣлившійся сынъ, — больше въ скотѣ и строеніяхъ. Изъ двухъ другихъ подобнаго рода актовъ по одному матери дана равная съ сыновьями часть въ строеніяхъ, скотѣ и хлѣбѣ, а по другому — ей оставлены для пропитанія корова съ овцою и дано нѣкоторое количество зернового хлѣба, безъ соразмѣрности, однако, съ долями прочихъ участниковъ дѣлежа, такъ что здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду только возможность пропитанія ея. Такимъ образомъ, въ надѣленіи матерей можно замѣтить въ общемъ то же основаніе, что и при опредѣленіи доли отцовъ, — ихъ хозяйственную и рабочую дѣеспособность. Предусматривалось иногда здѣсь также и дальнѣйшее положеніе матери по отношенію къ отдѣлившимся дѣтямъ: когда она получила собственное хозяйство, въ раздѣльномъ приговорѣ было оговорено, что она впредь уже не можетъ требовать отъ сына никакой помощи; когда она осталась при хозяйствѣ малолѣтняго сына, было замѣчено, что она

можетъ отойти отъ него черезъ десять лѣтъ, по достиженіи сыномъ совершеннолѣтія; а когда она осталась жить при дѣтахъ, получивши равную съ ними долю во всемъ, кромѣ земли и хозяйственныхъ орудій, сказано было, что въ случаѣ ухода отъ дѣтей она можетъ взять съ собой только то, что назначено ей по раздѣльному акту.

Въ вопросѣ о значеніи для законности раздѣла общаго согласія на него братьевъ въ любопытнѣйшій раздѣльный актъ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, раздѣлившихся 11 января 1887 г., когда одинъ изъ нихъ былъ въ солдатахъ: братья раздѣлились, не спрашиваясь его, отдѣливъ ему равную съ собой часть и согласившись только уплатить безъ участія его отцовскую недоимку. Въ самомъ раздѣлѣ братьевъ между собою или съ семьей умершаго брата та и другая стороны обыкновенно пользуются одинаковыми правами, и имущество дѣлится поровну, поколѣнно, независимо отъ количества вѣдковъ и работниковъ той или иной семьи. Но когда братья дѣлятся при жизни одного или обоихъ родителей, или когда собственно происходитъ выдѣлъ изъ семьи одного брата, тогда въ основаніи дѣлежа бываютъ возможны нѣкоторыя уклоненія отъ принципа поколѣнности въ сторону соображеній хозяйственныхъ или просто старшинства. Такъ, 26 февраля 1896 г., при раздѣлѣ крестьянина дер. Усольцева Федора Михайлова съ дѣтьми, когда уходилъ на особое хозяйство младшій братъ, ему была дана сравнительно съ двумя старшими большая часть въ строеніяхъ и скотѣ, — очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы ему сразу же можно было сдѣлаться настоящимъ домохозяиномъ: въ то время какъ старшимъ братьямъ назначено было обоимъ вмѣстѣ только — дворъ, горенка, лошадь, телушка и овца съ двумя ягнятами, младшій братъ получилъ избу съ дворомъ и повитью, лошадь, корову и овцу. Такимъ же образомъ при раздѣлѣ крестьянки дер. Захарова Афиимы Антоновой съ сыновьями и деверемъ, когда уходилъ изъ дому старшій ея сынъ, онъ получилъ сравнительно съ дядей и двумя братьями болѣе скота и 2 изъ 6-ти надѣловъ земли. Точно также 29 января 1888 г. крестьянинъ дер. Полушина Алексѣй Ивановъ, отдѣляясь отъ матери и трехъ братьевъ, получилъ изъ 5-ти надѣловъ земли 2, а изъ скота почти то же, что осталось для всѣхъ прочихъ соучастниковъ дѣлежа, т. е. часть гораздо большую, чѣмъ если бы раздѣлъ происходилъ чисто поколѣнно. Съ другой стороны, при раздѣлахъ крестьянина дер. Пятинской Парфена Леонтьева (9 декабря 1888 г.) и крестьянки дер. Вдовина Наталіи Андреевой съ ихъ сыновьями меньшую долю въ надѣльной землѣ, при равенствѣ во всемъ остальномъ и даже при одинаковомъ количествѣ дѣтей у братьевъ, получили младшіе братья: въ одномъ случаѣ въ полтора, а въ другомъ въ два раза.

Въ надѣленія сестеръ, при раздѣлахъ братьевъ съ родителями, въ осно-

ваніе раздѣла кладется обыкновенно хозяйственный принципъ, и сестры, такъ какъ не могутъ образовать самостоятельнаго хозяйства, не получаютъ и равной доли съ братьями, хотя и не обдѣляются совершенно. Такъ, при раздѣлѣ крестьянки дер. Вдовина Натальи Андреевой съ сыновьями дочь ея получила почти равную съ братьями часть въ строеніяхъ, вмѣсто же всего остального, — въ томъ числѣ собственной земли, бывшей въ семействѣ, — братья должны были выдать ей 25 рублей. Въ другомъ случаѣ, именно при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ дѣтьми, 18-лѣтней дочери ея была предоставлена равная съ матерью и братомъ доля въ постройкахъ, дана была корова и овца и даже третья часть купчей земли.

Причины раздѣловъ указаны въ 10-ти раздѣльныхъ приговорахъ: въ шести-семейныя несогласія; въ одномъ они же и многосемейность; въ одномъ — несогласія, ветхость и тѣснота дома; въ одномъ — многосемейность; и въ одномъ было постановлено отдѣлить одного изъ братьевъ потому, что другіе братья, жившіе въ отхожихъ промыслахъ, не могли довѣрить ему хозяйства, отецъ же у нихъ умеръ, а мать была стара.

Въ распредѣленіи между дѣлящимися сторонами построекъ по большей части бывало такъ, что каждая сторона что-нибудь получала изъ общихъ строеній. Только въ трехъ случаяхъ было противоположное: братъ получилъ отъ брата за все нѣбные деньги; мать выговорила себѣ отъ каждаго изъ сыновей на содержаніе по 15 руб. ежегодно; и братъ остался жить вмѣстѣ съ другимъ братомъ, получивъ свою долю въ постройкѣ деньгами. Во всѣхъ остальныхъ приговорахъ обыкновенно точно указывается доля каждаго участника дѣлежа въ общей постройкѣ, хотя бы онъ оставался жить вмѣстѣ съ другими; при этомъ иногда оговаривалось, что въ случаѣ прекращенія совместнаго жительства каждый можетъ отломать свою часть отъ другой. Не всегда однако приходилось такъ, чтобы сторона, уходившая въ отдѣлъ, была обезпечена совершенно отдѣльнымъ помѣщеніемъ для жительства, хотя, конечно, въ виду семейныхъ несогласій, какъ главной причины раздѣловъ, это по возможности и наблюдалось, такъ что только въ одномъ случаѣ братъ, уходившій изъ семьи и получившій за домъ 100 руб., долженъ былъ два года жить вмѣстѣ съ матерью и братьями; въ двухъ же другихъ случаяхъ отдѣлившіеся дѣти хотя и не получали жилыхъ построекъ, но уже сами ранѣе обзавелись ими. За то стороны, рѣшавшіеся и послѣ раздѣла жить общимъ хозяйствомъ, только по одному приговору имѣли для себя каждая по избѣ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ по необходимости не могли отдѣлиться другъ отъ друга потому, что избу получалъ кто-нибудь одинъ, а прочіе лишь надворныя постройки: горницу, поллвора, дворъ, хлѣвъ и под. При этомъ родители, за исклю-

ченіемъ одного случая, всегда оставались жить съ тѣми дѣтьми, которымъ доставались старыя избы,—на новыя мѣста не уходили.

Хозяйственные постройки обыкновенно дѣлились такъ, чтобы отходящая изъ семьи сторона, по возможности, была надѣлена или амбаромъ, или сараемъ, или даже только срубамъ и бревнами для нихъ, причемъ одна такая постройка уравнивалась другою, такъ какъ рѣдко случалось, чтобы въ хозяйствѣ было по два и болѣе амбара, сарая и проч. Далеко не всегда однако возможно было отпустить отдѣлявшихся членовъ семьи даже съ какой-нибудь одной хозяйственной постройкой, и въ 5-ти случаяхъ разсматриваемыхъ раздѣловъ они уходили только съ избой и дворомъ. Овинъ и баня даже совсѣмъ не поступали въ раздѣлъ: о нихъ упомянуто въ 17-ти раздѣльныхъ актахъ, и во всѣхъ ихъ баня и овинъ оставались и послѣ раздѣла въ общемъ пользованіи.

При дѣлѣжѣ скота относительно лошадей наблюдались хозяйственные соображенія,—чтобы вновь образующееся хозяйство по возможности не оказалось безъ лошади, такъ что, если на всѣхъ участниковъ раздѣла не доставало по особой лошади, то она давалась уходившему изъ семьи члену и кому-либо изъ тѣхъ, которые и послѣ раздѣла опять соединились въ общее хозяйство; для остальныхъ же лицъ изъ этихъ послѣднихъ лошадь уравнивалась другою скотиною,—лишнею коровою или овцами. Но, разумѣется, не всегда было возможно достигнуть и этого, такъ какъ часто въ раздѣлявшейся семьѣ была и всего-то одна лошадь. Подробности распределенія скота имѣются въ 11-ти приговорахъ, и по тремъ изъ нихъ новыя хозяйства должны были начинаться безъ лошадей, а по одному—безъ лошадей оставались даже обѣ стороны. Въ хозяйствахъ же, оставшихся на старомъ мѣстѣ и представлявшихъ изъ себя и послѣ раздѣла соединеніе двухъ или болѣе его участниковъ (такихъ хозяйствъ было 6), только въ одномъ случаѣ пришлось двѣ лошади,—по одной на каждого изъ двухъ братьевъ, а во всѣхъ остальныхъ тамъ была лишь одна лошадь. Тѣмъ изъ участниковъ раздѣла, которые уже не могли быть домохозяевами,—престарѣлымъ родителямъ и дочерямъ,—выдѣлялась обыкновенно корова и одна или двѣ овцы. Только въ одномъ случаѣ отецъ не получилъ никакой скотины, а въ одномъ не получила ничего изъ скота 18-лѣтняя дочь.

О распределеніи надѣльной земли имѣются свѣдѣнія въ 9-ти раздѣльныхъ актахъ, и только въ двухъ случаяхъ поколѣнный и ныхозяйственный принципы раздѣла совпали: это—когда дѣлились три взрослыхъ брата, взявшіе каждый по одному надѣлу, и когда способный къ работѣ отецъ выдѣлилъ старшаго сына и далъ ему одинъ надѣлъ, а себѣ съ младшимъ сыномъ оставилъ два надѣла. Въ прочихъ же раздѣлахъ принималась въ расчетъ по преимуществу хозяйственная способность дѣлившихся сторонъ: такъ, когда отъ

матери съ 18-лѣтней ея дочерью отдѣлился сынъ, ей данъ былъ 1 надѣлъ, а сыну $1\frac{1}{2}$; когда отъ другой матери съ 33-лѣтней дочерью ушелъ сынъ, ей дали 1 надѣлъ, а сыну—2. Въ одномъ случаѣ была принята во вниманіе выкупленная земля и ею замѣнена надѣльная: братъ получилъ два надѣла выкупленной, а семьѣ его умершаго старшаго брата отданы были 2 надѣла общественной земли. Въ другихъ случаяхъ основанія неравномѣрности распределения надѣльной земли между хозяйствами невозможно опредѣлить, такъ какъ въ приговорахъ объ этомъ не говорится ничего.

Собственная земля, помимо указанной выше замѣны ею надѣльной, подвергалась дѣлежу въ трехъ раздѣльныхъ актахъ: въ двухъ ее подѣлили между собою поровну братья, безъ выдѣла матери и сестръ, а въ одномъ эта земля подѣлена была въ равныхъ частяхъ между матерью, дочерью и отдѣлявшимся отъ нихъ сыномъ.

Хлѣбъ въ зернѣ и землѣ въ 9-ти приговорахъ раздѣленъ совершенно одинаково,—поколѣнно, считая за особое колѣно престарѣлыхъ родителей и независимо отъ количества ѣдоковъ въ каждомъ колѣнѣ, а также и отъ того, какъ будутъ жить послѣ раздѣла эти колѣна,—всѣ порознь или нѣкоторые вмѣстѣ. Только въ одномъ приговорѣ сдѣлано было въ этомъ отношеніи различіе между хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ въ землѣ, и дряхлые родители имѣли право получить свою долю въ одномъ зерновомъ хлѣбѣ.

Хозяйственныя принадлежности,—сбруя, экипажи, земледѣльческія орудія,—дѣлились или похозяйственно, поровну на каждое отдѣльное хозяйство, совпадавшее впрочемъ и съ отдѣльнымъ колѣномъ; или поколѣнно,—поровну на cadaго участника дѣлежа, независимо отъ того, образуетъ или нѣтъ онъ самостоятельное хозяйство (при этомъ иногда даже престарѣлые родители получали равную съ сыновьями часть); или, наконецъ, отдѣлявшемуся хозяйству просто выдавалось все въ этомъ отношеніи необходимое.

Изъ одежды и обуви въ одномъ случаѣ отдано было каждому то, что имъ самимъ заведено; въ одномъ одежда раздѣлена поровну,—поколѣнно, считая за особое колѣно дряхлаго отца; и въ двухъ случаяхъ отдѣлявшемуся семейству выдѣлено было только необходимое.

Въ Бушевской волости раздѣльныя книги были заведены на каждое общество отдѣльно, но въ волостномъ правленіи сохранилось этихъ книгъ только 8, тогда какъ всѣхъ сельскихъ обществъ въ волости 13. Въ означенныхъ 8-ми книгахъ записано совершенно ничтожное количество раздѣловъ: 3; два по Баклановскому обществу и одно по Шатуновскому. Два раздѣла изъ нихъ относятся къ 1888 году и одинъ—къ 1898-му. Книги остальныхъ 6-ти обществъ совершенно чисты.

Совсѣмъ невѣроятно, конечно, чтобы на большую волость въ 2006 зе-

мельныхъ душъ за цѣля 12 лѣтъ три семейныхъ раздѣла составляли болѣе или менѣе значительную часть фактическихъ раздѣловъ: очевидно, они попали сюда чисто случайно и составляютъ только исключеніе изъ раздѣловъ, совершаемыхъ съ формальной точки зрѣнія незаконно. Я надѣялся опредѣлить здѣсь количество дѣйствительныхъ раздѣловъ изъ сравненія наличнаго числа домохозяевъ волости съ «законнымъ» ихъ числомъ, имѣющимъ право участвовать въ сельскихъ выборахъ, такъ какъ по XIX статьѣ Наказа губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія хозяйства, образующіяся отъ неутвержденныхъ раздѣловъ, не имѣютъ права числиться въ выборномъ отношеніи отдѣльными семействами, а должны считаться за одинъ дворъ съ тѣмъ, отъ котораго отдѣлились, какъ будто бы раздѣла между ними вовсе и не существовало. Поэтому въ выборныхъ приговорахъ должно обозначаться только законное количество домохозяевъ общества, т. е. фактическое число дворовъ къ 18 марта 1886 г. плюсъ число дворовъ, образовавшихся послѣ этого времени, по законно-утвержденнымъ раздѣламъ. Дѣйствительное же количество наличныхъ домохозяевъ можно было извлечь изъ черновыхъ матеріаловъ по всеобщей переписи 1897 года, хранившихся въ волостномъ правленіи, у писаря, бывшаго счетчика. Къ сожалѣнію, выборные приговоры имѣлись въ правленіи только за 1893 г., такъ что для сравненія приходится прибѣгать къ даннымъ разныхъ годовъ. Въ отношеніи правильности вывода это было бы почти безразлично, еслибы можно было увѣреннымъ, что, съ одной стороны, въ выборныхъ приговорахъ количество домохозяевъ обозначается постоянно «законное» и что въ него не включаются иногда хозяйства, образовавшіяся послѣ незаконныхъ раздѣловъ, а, съ другой, что къ 1886 году списокъ домохозяевъ заключалъ въ себѣ дѣйствительно всѣ наличные дворы. Увѣренности этой нѣтъ, но нужно думать все-таки, что цифры законныхъ домохозяевъ измѣняются далеко не такъ быстро, какъ измѣняется число дѣйствительныхъ хозяйствъ, и потому сравненіе тѣхъ и другихъ показаній не можетъ не быть интереснымъ, такъ какъ должно бы показывать хотя и не фактическое количество семейныхъ раздѣловъ за періодъ времени съ 1886 по 1897 гг., но и не далекое отъ дѣйствительности. Вотъ эти числа домохозяевъ, по отдѣльнымъ обществамъ волости, какъ они значатся въ выборныхъ приговорахъ и въ переписныхъ листахъ:

	О Б Щ Е С Т В А.													ИТОГО.
	Красно-ковское.	Маловское.	Подольское.	Гавриловское.	Фоминское.	Михайлевское.	Бурмакинское.	Стойниковское.	Фалалеевское.	Гусиневское.	Куликовское.	Шатуновское.	Заручинское.	
Приговоры 1893 г. .	50	43	54	98	85	45	45	36	60	90	28	46	48	728
Перепись 1897 г. . .	88	67	95	145	148	70	76	64	105	110	53	103	88	1212
Разница между ними	38	24	41	47	63	25	31	28	45	20	25	57	40	484

Разница между дѣйствительнымъ и законнымъ количествомъ домохозяевъ получается такимъ образомъ прямо ужасная—484, такъ что на каждый от-

дѣльный годъ 11-лѣтія 1886—1807 гг. падаетъ въ среднемъ не менѣе 44 семейныхъ раздѣловъ. Меня настолько поразила величина этой цифры, что я усомнился, дѣйствительно ли перепись производилась по отдѣльнымъ хозяйствамъ, спрашивалъ объ этомъ писаря-счетчика и получилъ увѣреніе въ правильности его показаній. Нужно поэтому думать, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе: можетъ быть, число домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ оставалось неизмѣннымъ съ 1861 года; тогда на каждый годъ пришлось бы не менѣе 13 раздѣловъ, и число это, конечно, болѣе похоже на дѣйствительность, чѣмъ первое.

Изъ вышеозначенныхъ трехъ записанныхъ въ волостныя книги раздѣловъ одинъ представляетъ собою выдѣлъ крестьяниномъ дер. Шатунова Авксентіемъ Ильевымъ среднего сына за неповиновеніе и непочтеніе къ родительской власти. Отецъ здѣсь даетъ сыну, что хочетъ, хотя и не обижаетъ его, такъ какъ семья эта, очевидно, богатая. Сынъ состоялъ на службѣ у отца и получалъ отъ него жалованья свыше 300 руб. въ годъ. У него есть уже собственный домъ со всѣми службами, скотъ и все необходимое для веденія хозяйства, но отецъ, выдѣляя его, даетъ ему еще 1000 руб. на дальнѣйшее устройство дома. За то изъ выкупленной земли онъ не далъ сыну ничего, и уже крестьяне дер. Шатунова сами предоставили послѣднему мірской надѣлъ, сложивши его съ какого-то другого односельчанина.

По другому раздѣльному приговору крестьянинъ-собственникъ дер. Кузнецова Яковъ Смирновъ 10 марта 1888 г., «находясь въ престарѣлыхъ лѣтахъ, заблагодарасудилъ при жизни своей раздѣлить между сыновьями своими имущество». Самъ онъ съ женой остался жить вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ въ старомъ домѣ, а старшій сынъ ушелъ въ новый. Для каждого хозяйства были припасены здѣсь уже особыя хозяйственные постройки: овины, сарай и амбары,—на родителей же отдѣльной части въ строеніяхъ не было дано. За то изъ скота въ хозяйство младшаго брата,—очевидно, на родителей,—назначены были лишнія сравнительно со старшимъ братомъ двѣ коровы и двѣ овцы. Точно также и хлѣбъ раздѣленъ былъ не похозяйственно, а поколѣнно, — на три равныя части, какъ въ землѣ, такъ и въ зернѣ. Хозяйственные принадлежности распределены поровну на два хозяйства.

Третій раздѣлъ произошелъ между двумя братьями изъ-за семейныхъ несогласій. Усадьбная и полевая земля была раздѣлена между ними поровну; младшій братъ ушелъ въ новую избу и кромѣ нея получилъ еще сарай, баня-же и овинъ остались въ общемъ владѣніи «до пристоя». Какъ распределялись доли въ прочемъ имуществѣ, изъ приговора не видно, но младшій братъ получилъ и въ скотѣ и въ хозяйственныхъ принадлежностяхъ все необходимое.

Въ Введенской волости въ книгу раздѣльныхъ приговоровъ, общую

для всей волости, записано 7 приговоровъ, но два изъ нихъ относятся къ одному и тому же раздѣлу, такъ что всѣхъ законныхъ раздѣловъ значится въ волости 6. Всѣ они относятся къ періоду времени за 1894 — 1898 гг., и именно: къ 1894 — 1, къ 1895 — 1, къ 1896 — 1, къ 1897 — 1 и къ 1898 — 2. За тотъ же періодъ времени волостнымъ писаремъ даны были мнѣ свидѣнія и о количествѣ не записанныхъ въ книгу раздѣловъ; распределение тѣхъ и другихъ по отдѣльнымъ обществамъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

		О Б Щ Е С Т В А								В С Е Г О.
		Бояриновское.	Гладковское.	Емельяновское.	Духовицкое.	Петровское.	Поповское.	Романовское.	Рыковское.	
1894—1898 годы.	Законные	2	—	2	—	2	—	—	—	6
	Незаконные	2	2	3	2	4	1	2	1	17
	Тѣ и другіе	4	2	5	2	6	1	2	1	23

Количество такъ называемыхъ незаконныхъ раздѣловъ превышаетъ, такимъ образомъ, здѣсь число законныхъ раздѣловъ почти въ двое, а тѣхъ и другихъ на каждый годъ приходится въ среднемъ около 6 на всю волость.

Не засвидѣтельствованныхъ приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ, такъ какъ они никогда не представляются туда. Пишутся они будто бы, однако, при каждомъ раздѣлѣ, составляются обыкновенно при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ, скрѣпляются подписью сельскаго старосты и хранятся самими заинтересованными сторонами.

Изъ шести записанныхъ въ раздѣльную книгу случаевъ раздѣла въ двухъ сельскій сходъ, согласно съ закономъ 18 марта 1886 года, ограничившимъ распределеніемъ одного только необходимаго для веденія крестьянскаго хозяйства имущества, относительно всего прочаго замѣтилъ, что оно раздѣлено самими сторонами по особымъ условіямъ между ними. Напротивъ, въ двухъ другихъ раздѣлахъ внесено въ приговоръ схода раздѣленіе обуви и одежды, а въ одномъ — самоваровъ и стѣнныхъ часовъ, хотя въ то же самое время въ этомъ последнемъ актѣ замѣчено, что движимость и домашняя обстановка дѣлятся по особому акту. Въ прочихъ приговорахъ распределялось только имущество необходимое для крестьянскаго хозяйства, безъ всякаго упоминанія о доляхъ сторонъ въ остальныхъ хозяйственныхъ и домашнихъ вещахъ, которыя, очевидно, дѣлились самими сторонами, безъ особыхъ письменныхъ условій на это.

Съ согласіемъ отца, какъ домохозяина, заключено четыре раздѣльныхъ приговора. Въ трехъ изъ этихъ случаевъ у него жива еще жена, а въ одномъ

дасть раздѣлъ своимъ сыновьямъ только престарѣлый отецъ. Относительно власти и доли родителей въ распредѣленіи имущества можно судить на основаніи трехъ приговоровъ, такъ какъ въ четвертомъ о части, взятой ими на себя, не сказано ничего. Цѣлаго хозяйства родители во всѣхъ трехъ случаяхъ не представляютъ изъ себя и потому, независимо отъ того, вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей или отдѣльно будутъ жить, берутъ себѣ изъ общаго имущества только то, что необходимо для пропитанія и жизни вообще, т. е. что-либо изъ строенія, скота, зернового хлѣба, одежды и обуви.

Раздѣлъ братьевъ между собою заключается въ двухъ приговорахъ, причемъ въ одномъ случаѣ у нихъ жива была еще престарѣлая мать. Особой части имущества на нее не было опредѣлено, и, значитъ, «раздѣлъ» между нею и дѣтьми былъ чисто хозяйственный. Между самими же братьями, — какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ, — похозяйственный и поколѣнный принципы дѣлежа совпадали, потому что братья должны были жить отдѣльно другъ отъ друга и получили по равной части, несмотря на то, что составъ семейства и былъ у нихъ различный. Точно также и въ предыдущихъ случаяхъ, т. е. при жизни отца или обоихъ родителей, братья получали на каждого равныя части, если даже послѣ раздѣла они и оставались жить вмѣстѣ, какъ это было, напримѣръ, при отдѣлѣ трехъ сыновей крест. дер. Соколова Степаномъ Трофимовымъ. Слѣдовательно, собственно между братьями раздѣлъ былъ поколѣнный, а между ними и родителями похозяйственный.

Причинами раздѣловъ въ двухъ приговорахъ указаны семейныя несогласія, въ трехъ — несогласія и многолюдство, а въ одномъ — несогласія, многолюдство и желаніе отца жить отдѣльно отъ дѣтей, «для своего покоя на старости лѣтъ».

При распредѣленіи построекъ наблюдался болѣе хозяйственный, чѣмъ поколѣнный, принципъ, такъ что на родителей, если они оставались послѣ раздѣла жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, не выговаривалось отдѣльной части ни жилыхъ, ни хозяйственныхъ строеній. Это было въ двухъ раздѣлахъ. Въ третьемъ отецъ съ матерью, отдѣливъ отъ себя троихъ сыновей въ новый домъ, сами остались жить въ старомъ, а изъ холостой постройки взяли себѣ амбаръ и свиной сарай. Въ четвертомъ раздѣлѣ отецъ не взялъ для себя никакой постройки, а выговорилъ право жить у того изъ дѣтей, у кого самъ пожелаетъ. Онъ же не взялъ себѣ ничего и изъ всего остальнаго имущества, обязавши дѣтей выдавать ему по 12 руб. ежегодно.

Братья послѣ раздѣла остались жить вмѣстѣ, не распредѣляя между собой никакихъ построекъ, только въ одномъ случаѣ, — когда отъ нихъ отдѣлился отецъ съ матерью. По всѣмъ остальнымъ приговорамъ происходилъ между ними раздѣлъ и строеній, причемъ только одинъ разъ онъ былъ не совсѣмъ полный,

такъ какъ старшій сынъ, отдѣлившись отъ младшаго брата и отъ отца, получилъ хотя и особую избу съ дворомъ, но въ связи со старымъ домомъ. Въ отцовскомъ домѣ остался жить въ трехъ случаяхъ старшій изъ братьевъ и въ одномъ младшій. На общій счетъ заблаговременно былъ выстроенъ братьями особый домъ для отдѣлявшейся семьи только одинъ разъ, а въ трехъ другихъ тотъ изъ братьевъ, который оставался въ родительскомъ домѣ, выплачивалъ уходившему изъ него соотвѣтственную сумму денегъ на приобретение особаго дома.

Хозяйственные постройки между братьями, когда они образовывали самостоятельныя хозяйства, дѣлились, поровну, т. е. поколѣнно и вмѣстѣ похозяйственно. Если не было двухъ или болѣе построекъ одинаковаго назначенія, то одна замѣнялась соотвѣтствующей по стоимости постройкою другого рода: амбаръ, напимѣръ, сарай, сарай мякинницей и под. Въ общемъ владѣнїи оставались и послѣ раздѣла обыкновенно овина и бани: первый въ трехъ случаяхъ, вторая въ двухъ. При одномъ раздѣлѣ, кромѣ овина и бани, остались еще въ совмѣстномъ пользованїи: амбаръ, сарай, погребъ и колодезь.

При раздѣлѣ земли строго наблюдалась домохозяйственная право-и-трудоспособность участниковъ дѣлежа, такъ что принципъ распределенія ея былъ поколѣнно-трудовой. Поэтому родители во всѣхъ рассматриваемыхъ раздѣлахъ, будучи уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, вовсе не взяли себѣ земли,—ни надѣльной, ни выкупленной, братья же дѣлили между собою ту и другую землю всегда поровну, независимо отъ того, велико ли у каждаго изъ нихъ было семейство.

Въ распределенїи скота между родителями и дѣтьми къ хозяйственному принципу присоединялся иногда и поколѣнный. Такъ, отецъ съ матерью, отдѣливши трехъ сыновей и отказавшись отъ земли, оставили себѣ однако лошадь и корову; въ другомъ случаѣ на долю младшаго брата, съ которымъ захотѣли жить и родители, дана была лишняя противъ старшаго корова,—очевидно на отца и на мать; за то въ другихъ двухъ раздѣлахъ ни отецъ, ни мать не взяли себѣ изъ скота ничего. Между братьями скотъ дѣлился поколѣнно, поровну: отдѣльно лошади, коровы и овцы. На каждое хозяйство во всѣхъ рассматриваемыхъ раздѣлахъ досталось по лошади и не менѣе, чѣмъ по одной, коровѣ и по двѣ овцы.

Изъ зернового хлѣба и принадлежностей крестьянскаго хозяйства только въ одномъ случаѣ назначена была на долю родителей особая часть, — тогда, когда они отдѣлили отъ себя троихъ сыновей; въ остальныхъ раздѣлахъ хлѣбъ, земледѣльческія орудія, экипажи и под. дѣлились между одними братьями,—поровну, безразлично отъ того, съ кѣмъ изъ нихъ будетъ жить отецъ, или мать, или тотъ и другая.

Одежда и обувь оставлялась за каждымъ членомъ семейства та, какую кто носилъ или какую кто себѣ самъ завелъ.

Въ Вохтомской волости, самой глухой и самой маленькой изъ всего уѣзда, состоящей всего только изъ двухъ сельскихъ обществъ, раздѣльныя книги имѣются для каждаго общества отдѣльно, но въ одного приговора въ нихъ не записано. Незаконныхъ раздѣльныхъ актовъ въ волостномъ правленіи также нѣтъ, такъ что никакихъ документальныхъ свѣдѣній объ условіяхъ раздѣловъ въ этой волости нельзя было получить. По словамъ мѣстныхъ жителей, приговоры сельского схода при раздѣлахъ вообще тамъ не пинутся, а заключаются только, и то не всегда, письменныя условія самими дѣлящимися сторонами, даже безъ участія старосты. Раздѣлы, конечно, существуютъ и здѣсь, и даже раздѣлы совершенно самовольные, когда дѣти уходятъ отъ отца безъ позволенія послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ родители иногда ничего не даютъ отдѣлившимся дѣтямъ; напротивъ, послѣдніе еще обязываются обществомъ платить за отца подати и выдавать ему ту или другую ежегодную сумму на пропитаніе.

Количество раздѣловъ въ Вохтомской волости удалось выяснитъ за періодъ времени съ 1894 г., изъ сравненія наличнаго, сообщеннаго волостнымъ старшиной, числа домохозяевъ каждой деревни въ 1898 г. съ тѣмъ, какое было въ 1894 г. и какое обозначено въ раскладочныхъ приговорахъ этого года, содержащихъ число дѣйствительныхъ домохозяевъ того времени. Оказалось, что по Яковлевскому обществу было за это время до 30 раздѣловъ, а по Долговскому до 17-ти, всего—около 47,—почти по 12 раздѣловъ на каждый годъ, что для такой малолюдной и для такой глухой волости нельзя не признать числомъ сравнительно очень значительнымъ.

Въ Идской волости книга для записи раздѣловъ существуетъ, но въ ней не записано ничего. Въ волостномъ правленіи сохранилось однако 11 раздѣльныхъ приговоровъ, написанныхъ на особыхъ листахъ и, очевидно, представленныхъ въ свое время въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 1 относится къ 1887 году, 7—къ 1889 г., 1—къ 1890 г. и 2—къ 1891 г. Послѣднимъ годомъ, очевидно, закончились всякія попытки представленія приговоровъ въ правленіе, и послѣ этого, по словамъ мѣстныхъ жителей, раздѣлы происходятъ уже съ формальной точки зрѣнія исключительно незаконные. Ихъ бываетъ въ волости будто бы только 2 — 3 въ годъ, и производятся они самими заинтересованными сторонами, при свидѣтеляхъ и сельскомъ старостѣ. Письменныя условія пріятно не всегда заключаются, а если заключаются, то къ нимъ подписывается староста и свидѣтели. Сыновья, отходя отъ отца, часто обязуются платить за него подати или выдавать ему извѣстную сумму на пропитаніе.

Изъ указанныхъ 11-ти раздѣльныхъ приговоровъ пять засвидѣтельствованы сельскимъ старостой и волостнымъ правленіемъ, такъ что въ первой инстанціи

носили на себѣ всѣ признаки законности. Но четыре изъ нихъ восходили на разсмотрѣніе высшей власти, которая по разнымъ причинамъ не утвердила ни одного, такъ что только одинъ семейный раздѣлъ,—между братьями Осиповыми изъ дер. Строева, и является здѣсь болѣе или менѣе законнымъ.

Всѣ четыре неутвержденныхъ раздѣла относятся къ 1889 году, и, можетъ быть, такое, такъ сказать, повально-отрицательное отношеніе къ нимъ уѣзднаго Присутствія, не оставшееся, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ въ населеніи, вселило въ послѣднемъ убѣжденіе въ серьезной и даже непреодолимой трудности раздѣловъ, если производить ихъ по всѣмъ правиламъ недавняго закона. Не будетъ, слѣдовательно, невѣроятнымъ предположеніе, что именно по этой причинѣ прекратились вскорѣ всякія попытки къ заключенію законныхъ раздѣловъ, такъ какъ сравнительное обиліе представленныхъ къ 1889 году въ правленіе раздѣльныхъ актовъ доказываетъ, что вначалѣ населеніе не имѣло особаго предубѣжденія противъ того пути къ раздѣламъ, который указанъ закономъ 18 марта 1886 года.

Въ трехъ случаяхъ причиною неутвержденія уѣзднымъ Присутствіемъ раздѣльныхъ приговоровъ послужило то обстоятельство, что старшиною не было произведено установленнаго Наказомъ губернскаго Присутствія мѣстнаго разслѣдованія о правильности раздѣла, а также, что въ самыхъ приговорахъ не обозначено было количества крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, и числа всѣхъ домохозяевъ общества. Присутствіе требовало только дополненія раздѣльныхъ актовъ, но волостное правленіе и сами крестьяне, очевидно, сочли возможнымъ обойтись и безъ его утвержденія, такъ что оставили приговоры, какъ они были первоначально написаны. Четвертый раздѣльный актъ по жалобѣ отца и по отзыву непрѣмѣннаго члена Присутствія былъ вовсе отмѣненъ послѣднимъ, такъ какъ былъ заключенъ вопреки правиламъ закона 1886 г., требующимъ согласія на раздѣлъ главы семейства, и такъ какъ происходилъ не въ тотъ срокъ, который установленъ для раздѣловъ въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Изъ 6-ти раздѣльныхъ актовъ, которые не свидѣтельствованы волостнымъ правленіемъ, одинъ представляетъ изъ себя только заявленіе матери сельскому старостѣ, чтобы сходъ произвелъ раздѣлъ ея дѣтей; остальные же пять не были засвидѣтельствованы правленіемъ вѣроятно потому, что ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ ни подписи, ни печати сельскаго старосты, хотя онъ въ двухъ случаяхъ несомнѣнно былъ на сходѣ, такъ какъ это упомянуто въ самыхъ приговорахъ; да и на прочихъ раздѣлахъ сельскій староста, вѣроятно, также былъ, потому что они происходили на сходахъ, и къ раздѣльнымъ актамъ подписались бывшіе на сходѣ крестьяне.

Объ объемѣ власти сельскаго схода и самихъ заинтересованныхъ лицъ на раздѣлъ вообще можно судить на основаніи 9-ти раздѣльныхъ актовъ. Въ

одномъ, какъ уже выше было упомянуто, мать просила сельскаго старосту про-
извести раздѣлъ ея дѣтей на сходѣ и такимъ образомъ признавала за послѣд-
нимъ полную въ этомъ отношеніи власть. Самаго раздѣла здѣсь однако не
указано, и потому нельзя узнать, какъ отнесся сходъ къ предоставленному ему
праву и какъ подчинились его власти дѣти.—Два другіе приговора, относящіеся
къ 1889 и 1891 гг., представляютъ въ сущности только формальное утверж-
деніе сходами раздѣловъ, фактически состоявшихся уже нѣсколько лѣтъ ранѣе,
по добровольному согласію сторонъ, такъ что въ этихъ случаяхъ сходу при-
шлось ограничиться весьма, напротивъ, незначительнымъ участіемъ въ раздѣлѣ.
Точно также и въ другихъ четырехъ случаяхъ раздѣловъ центръ тяжести ихъ
лежалъ не на сходѣ, а на самихъ дѣлившихся семействахъ, потому что здѣсь
прежде поступленія дѣла на сходъ раздѣлъ происходилъ въ семьѣ, и тамъ же
заключалось особое письменное условіе, которое сходъ только признавалъ и
переписывалъ. Эти домашніе раздѣльные акты были представлены въ правленіе
вмѣстѣ съ приговорами схода, и изъ нихъ видно, что иногда раздѣлъ происхо-
дилъ исключительно въ предѣлахъ семьи, такъ что и подписывались къ акту
только заинтересованныя стороны (въ одномъ случаѣ даже только отецъ); иногда,
напротивъ, здѣсь присутствовали свидѣтели: крестьяне-сосѣди, крестьяне дру-
гихъ деревень и даже разъ—только двѣ крестьянки-сосѣдки. Наконецъ, въ
одномъ случаѣ приговору сельскаго схода о раздѣлѣ отца съ сыномъ предше-
ствовало духовное завѣщаніе отца, а потомъ обоюдная, данная сельскому ста-
ростѣ росписка отца и сына въ ихъ взаимныхъ обязательствахъ. На основаніи
этой росписки сходъ произвелъ подробный между ними раздѣлъ и составилъ
отдѣльный приговоръ, который приводили въ исполненіе черезъ 10 мѣсяцевъ
старшина и староста съ окольными людьми. При этомъ они не выдали отцу
сполна всего, что ему назначено было, и потому онъ принесъ жалобу непре-
мѣнному члену уѣзднаго Присутствія, и послѣднее, какъ уже выше сказано
было, отмѣнило самый приговоръ, какъ незаконный.

Предѣлы вѣдѣнія схода въ самомъ распредѣленіи или только въ утверж-
деніи распредѣленія между сторонами общаго ихъ имущества сравнительно
широкіе. Между десятью раздѣльными приговорами, въ которыхъ есть подроб-
ности этого распредѣленія, нѣтъ ни одного, ограничивающагося раздѣломъ
только указаннаго въ законѣ 1886 года имущества: вездѣ къ этому имуществу,
т. е. къ остроеніямъ, домашнему скоту, надѣльной землѣ, хлѣбу и необходи-
мымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, присоединяется что-нибудь
лишнее. Такъ, въ одномъ случаѣ была раздѣлена собственная земля, въ двухъ—
общіе долги, въ семи—одежда, въ четырехъ—вообще все домашнее обзаведеніе,
безъ указанія отдѣльных его вещей, а въ нѣсколькихъ случаяхъ перечислены
и такіе предметы, какъ самоваръ, часы, бревна, посуда, тесь, бересто, овчины,

кадки, лари, шкафы, столы, ухваты, ковши, топоры, чугуны, стулья, мохъ, шерсть, лодка, кровать и даже одинъ разъ—кринка масла. По сравненію съ раздѣльными приговорами предыдущихъ волостей, здѣсь между прочимъ въ двухъ актахъ упомянуто о раздѣленіи навоза, но послѣдній, можетъ быть, собственно говоря, отнесенъ къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, такъ что долженъ бы и всегда подлежать вѣдѣнію сельскаго схода.

Права и власть отца при раздѣлахъ внѣшнимъ образомъ выражаются въ томъ, что раздѣльный приговоръ пишется по большей части отъ его имени, такъ что, если изъ семьи отдѣляется одинъ изъ сыновей, а прочіе остаются, отецъ и оставшіяся дѣти какъ будто даютъ уходящему члену семейства, что сами находятъ нужнымъ; если же отецъ, находящійся уже въ престарѣлыхъ годахъ, даетъ раздѣлъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, онъ представляется какъ будто бы полновластнымъ распредѣлителемъ между ними общаго имущества, и потому, напримеръ, при раздѣлѣ кр-на дер. Пуповатаго Александра Яковлева съ сыномъ, по духовному завѣщанію его, сказано въ завѣщаніи, что отецъ награждаетъ сына такимъ-то и такимъ-то имуществомъ. Въ самомъ распредѣленіи общаго имѣнія отецъ однако получаетъ на себя и на жену, если она у него жива, гораздо меньшую часть, чѣмъ его дѣти, такъ какъ главнымъ соображеніемъ при этомъ служитъ хозяйственная работоспособность и будущность каждаго члена семьи, имѣющаго право на общее имущество. Когда отецъ послѣ раздѣла остается жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, на него иногда даже вовсе не указывается особой части—въ землѣ, въ посѣянномъ хлѣбѣ, въ строеніяхъ и въ хозяйственныхъ и домашнихъ принадлежностяхъ, дается же обыкновенно что-нибудь определенное въ зерновомъ хлѣбѣ и въ скотѣ: въ хлѣбѣ по большей части равная съ дѣтьми часть, а въ скотѣ меньшая, такъ какъ ему уже нѣтъ надобности въ лошади. Однако, въ одномъ случаѣ раздѣла дѣтей при отцѣ послѣднему выдѣлено было въ каждомъ полѣ по 10 загоновъ земли, хотя онъ и долженъ былъ жить со старшимъ сыномъ; относительно этой земли оговорено было въ приговорѣ, что послѣ смерти отца она поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми братьями по равнымъ частямъ. Въ остальномъ имуществѣ подобной оговорки не было ни разу, и нужно думать, что оно поступало тому сыну, съ которымъ отецъ жилъ.—Объ обязанности дѣтей давать родителямъ пропитаніе послѣ раздѣла раздѣльные акты обыкновенно не упоминаютъ. Только въ одномъ случаѣ сынъ былъ обязанъ выдавать на пропитаніе отца по 15 рублей ежегодно,—это, когда сынъ у него былъ единственный. Такимъ же образомъ мать, просившая сходъ о раздѣлѣ своихъ дѣтей, представила ему подписку сына объ ежегодной уплатѣ ей 3-хъ рублей, съ условіемъ не препятствовать выдачѣ паспорта. Такимъ образомъ дѣти, которыя послѣ раздѣла начинали жить

отдѣльно отъ родителей, очевидно, освобождались тѣмъ самымъ и отъ обязанности кормить ихъ.

При матери дѣти дѣлились въ 6-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто было, мать просила старосту произвести раздѣлъ дѣтей на сельскомъ сходѣ и такимъ образомъ сама не признавала за собой никакой власти въ распредѣленіи общаго имущества. Изъ другихъ подобныхъ раздѣльныхъ приговоровъ въ одномъ, между крестьянкою дер. Заболотья Марьей Прокофьевой и дѣтьми, дѣло представлено въ такомъ видѣ, какъ бы мать раздаетъ сыновьямъ и невѣсткѣ общее имущество по собственному усмотрѣнію; въ прочихъ же приговорахъ раздѣлъ производится собственно между братьями, что, надо думать, бывало обыкновенно и на самомъ дѣлѣ. Ни въ одномъ случаѣ мать не уходитъ отъ дѣтей совсѣмъ, а всегда остается жить вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ: по двумъ раздѣльнымъ актамъ—со старшимъ сыномъ, а по тремъ—съ младшими. Особой части на нее не выдѣлено было въ одномъ приговорѣ, по которому она живетъ съ двумя младшими сыновьями и который собственно только формально узаконяетъ раздѣлъ, фактически существовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ прочихъ случаяхъ мать получала всегда: избу безъ надворныхъ построекъ, корову или телушку, одинъ разъ—овцу, два раза—нѣкоторое количество зернового хлѣба, не въ равной долѣ съ дѣтьми, и одинъ разъ—одежду, какая на нее была шита. Остальное имущество дѣлилось только между дѣтьми, и мать не получала въ немъ никакой части, такъ что при этихъ раздѣлахъ преобладало хозяйственное основаніе, а не поколѣнное. Платежъ общихъ долговъ также не распространялся на мать, а о судьбѣ назначеннаго ей имущества послѣ ея смерти не говорится нигдѣ ничего. Обязанность дѣтей, съ которыми мать по раздѣльному приговору осталась жить, кормить ее упомянута только въ одномъ случаѣ,—когда на мать не было выдѣлено и указано особаго имущества.

Между братьями безъ родителей было два раздѣла, и въ обоихъ случаяхъ общее имѣніе раздѣлено было на нихъ поровну, такъ что принципы хозяйственный и поколѣнный здѣсь совпадали. При этомъ, когда дѣлились братья Павелъ Сергѣевъ и Иванъ и Максимъ Михайловы изъ дер. Строева, младшаго брата не было дома,—онъ служилъ въ солдатахъ,—и дѣлежъ произошелъ безъ него.—Въ раздѣлѣ же братьевъ при родителяхъ, по одному приговору старшій братъ получилъ больше младшихъ въ надѣльной землѣ,—вѣроятно потому, что съ нимъ осталась жить мать. Въ четырехъ остальныхъ раздѣльныхъ актахъ, въ которыхъ части братьевъ и родителей указаны съ точностію, части эти были совершенно равны, независимо отъ состава семейства у каждаго брата.

Семья умершаго брата участвовала въ двухъ раздѣлахъ. Въ одномъ све- кровь даетъ невѣсткѣ на дѣтей ея часть земли, равную съ той, какая была

назначена среднему сыну, и зернового хлѣба втрое болѣе, чѣмъ ему; а какъ дѣлилось остальное имущество, не извѣстно, потому что семейства эти жили врозь еще за нѣсколько лѣтъ до составленія приговора. Въ другомъ случаѣ подобныхъ раздѣловъ о той долѣ имущества, которую далъ снохѣ свекорь, отдѣляя отъ себя еще сына, также не сказано почти ничего и даже не видно, были ли у этой снохи дѣти.

Причины раздѣловъ указаны въ трехъ приговорахъ,—во всѣхъ семейныя несогласія, причѣмъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ разладъ между отцомъ и сыномъ дошелъ до такой степени, что, по заявленію отца, онъ опасался за свою жизнь.

При распредѣленіи отдѣльныхъ частей общаго имущества жилия постройки дѣлились поколѣнно, считая за особое колѣно родителей. Только въ одномъ случаѣ отецъ съ матерью просто перешли на жительство къ старшему сыну, не получивши повидимому никакой части въ строеніяхъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда они должны были жить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, имъ указывалась опредѣленная часть жилой постройки,—именно изба, тогда какъ сыну, съ которымъ они соединялись, отводилась другая половина дома, дворъ или даже полдвора. При этомъ только одинъ разъ мать и младшій сынъ получили новую избу съ дворомъ на сломъ, чтобы постройться на другомъ мѣстѣ; въ прочихъ—мать оставалась въ старомъ домѣ и на старой дворинѣ. Отецъ ушелъ изъ стараго дома также въ одномъ случаѣ,—когда отдѣлялъ отъ себя единственнаго сына. Между ними сначала рѣшено было получить отцу съ сына 770 руб. за старшій домъ и черезъ два года выстроиться на новомъ мѣстѣ, а до того времени жить у сына; но сынъ вскорѣ выгналъ отца, и тотъ построилъ себѣ отдѣльный домъ, такъ какъ имѣлъ собственный капиталъ. Между братьями далеко не всегда можно было раздѣлиться такъ, чтобы каждому доставался совершенно отдѣльный и вполнѣ устроенный домъ: часто приходилось отламывать только часть дома или же оставаться нѣкоторое время всѣмъ подъ одной крышей. Такъ, одинъ разъ, напримѣръ, старшій изъ трехъ братьевъ получилъ старую избу и клѣтъ, средній—старый дворъ и бревна, а младшій—новую избу: послѣдніе двое должны были 2 года жить вмѣстѣ, а всѣ трое это же время жили подъ одной кровлей и разгородили только на общій счетъ сѣни. Въ другомъ случаѣ старую избу и полдвора беретъ старшій братъ, младшій же съ матерью должны были отломать полдвора и новую избу и перейти на другое мѣсто. Или: мать со старшимъ сыномъ остается на старомъ мѣстѣ въ передней избѣ, заднюю же отламываетъ средній сынъ, а младшій получаетъ отдѣльную новую избу и 300 бревень. Или: отецъ со старшимъ сыномъ переходятъ въ новый домъ, средній же и младшій сыновья дѣлятъ старшій домъ такъ, что новую избу съ крыльцомъ и сѣнями получаетъ

первый, а второй долженъ отломать старую избу съ дворомъ и подволокой и переселиться на новое мѣсто. Вообще полного обезпеченія всѣхъ дѣлившихся сторонъ жилыми постройками не было ни разу, а всегда кому-нибудь нужно было или жить до времени въ старомъ домѣ, или отламывать отъ него только нѣкоторую часть, или же строиться на новомъ мѣстѣ уже послѣ раздѣла, имѣя пока одни только срубы.

Хозяйственныя постройки распределялись обыкновенно по хозяйствамъ, и потому родители, остававшіеся жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, не получали изъ нихъ ничего. Но и дѣти по большей части имѣли въ своемъ распоряженіи для раздѣла весьма небольшое количество этихъ построекъ, такъ что, распределяя ихъ по возможности такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ хоть что-нибудь въ этомъ родѣ,—то амбаръ, то сарай, то мякинницу,—принуждены были чаще всего оставлять нѣкоторые изъ строеній,—на время или навсегда,—въ общемъ пользованіи. Напримѣръ: три брата пользуются сообща овиномъ, амбаромъ, погребомъ и банею; два брата—амбаромъ, овиномъ и мякинницею; два брата—овиномъ, который согласились даже сообща перестроить; два брата—амбаромъ втеченіе года и овиномъ навсегда; отецъ, сынъ и сноха—овиномъ и сараемъ, и т. под.

Лошади всегда дѣлились по хозяйствамъ, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла отдѣльнаго хозяйства, никогда ихъ и не получали. Но лошадь такое цѣнное имущество въ крестьянскомъ обиходѣ, что и на каждое хозяйство не всегда приходилось дать особую лошадь, хотя, впрочемъ, здѣсь число раздѣловъ, при которыхъ всѣмъ хозяйствамъ досталось по лошади, сравнительно значительное,—пять. Въ прочихъ раздѣлахъ или одна лошадь давалась на два хозяйства; или выражалось согласіе сторонъ сообща пользоваться въ цѣлое лѣто лошадью, доставшеюся одному хозяйству; или, наконецъ, лошадь замѣнялась при раздѣлѣ чѣмъ-нибудь другимъ: въ одномъ случаѣ—коровою, а въ другомъ—двумя хорошими сбруями. Остальная скотина, какъ необходимая не столько для веденія крестьянскаго хозяйства, сколько вообще для пропитанія семьи, дѣлилась поколѣнно, и потому одна корова, а если возможно, то и овца, назначались родителямъ, а прочее дѣлилось поровну между младшими поколѣніями,—такъ, что, когда не доставало на всѣхъ по коровѣ и по овцѣ, корова уравнивалась телушками или овцами. Ни которому хозяйству не досталось ни коровы ни овцы только одинъ разъ,—при раздѣлѣ трехъ братьевъ, крестьянъ дер. Строева Павла Сергѣева и Ивана и Максима Михайловыхъ, 12 ноября 1889 года.

Надѣльная земля дѣлилась похозяйственно, и потому только одинъ разъ отецъ взялъ на себя часть ея, по 10 загоновъ въ каждомъ полѣ, къ одному мѣсту,—въ виду того вѣроятно, что, хотя онъ и остался жить съ

сыномъ, но былъ еще въ силахъ,—59-ти лѣтъ. Притомъ же, послѣ его смерти земля эта должна была поступить опять въ раздѣлъ между его дѣтьми поровну, и такимъ образомъ хозяйственный принципъ дѣлежа возстановлялся споина. Изъ остальныхъ указанныхъ въ приговорахъ распредѣленій надѣльной земли неравномѣрность раздѣла ея между самими хозяйствами случилась одинъ разъ,—когда старшій братъ, оставшись съ матерью, получилъ тягло огородной земли, а два другихъ брата по полтяглу. — Въ раздѣлахъ собственной земли, бывшихъ только по двумъ приговорамъ, однажды мать, оставшись жить съ двумя младшими сыновьями, взяла на свое хозяйство 27 десятинъ, а другому сыну и дѣтямъ умершаго сына дала только по 6¹/₂ десятинъ. Въ другомъ случаѣ собственная земля подѣлена была поровну между братьями, и мать, жившая съ однимъ изъ нихъ, не получила этой земли ничего.

Хлѣбъ въ зернѣ дѣлился обыкновенно поколѣнно, и на родителей выдѣлялась или равная съ дѣтьми часть, или же только нѣкоторое количество, за вычетомъ котораго все остальное поступало въ раздѣлъ дѣтей поровну. Въ двухъ однако раздѣлахъ на отца съ матерью и на мать не было назначено изъ зернового хлѣба вичего, а весь онъ пошелъ на сыновей.—Хлѣбъ въ землѣ дѣлился только одинъ разъ и вполнѣ похозяйственно, такъ что отецъ, отдѣляя старшаго сына и самъ оставаясь съ младшимъ, далъ первому изъ посѣяннаго хлѣба половину.

Отступленія отъ похозяйственного распредѣленія сбору, экипажей и земледѣльческихъ орудій встрѣчаются два раза:—когда въ одномъ случаѣ отецъ, отдѣляясь отъ сына и не составляя особаго хозяйства, взялъ себѣ хомутъ, шлею, сани, молотило, косу и колоколець, и когда въ другомъ раздѣлѣ матери досталась вмѣсто полшубка дуга и хомутъ.

Изъ одежды поступало обыкновенно каждому члену семьи то, что было шито на него или что онъ завелъ себѣ самъ, а посуда и домашнія принадлежности дѣлились по хозяйствамъ. Въ одномъ впрочемъ раздѣлѣ самоваръ поступилъ въ общее пользованіе раздѣлившихся братьевъ.

Платежъ общихъ долговъ распредѣлялся въ двухъ приговорахъ: по одному долгъ должны были заплатить только братья, безъ участія матери, поровну, а по другому—одинъ изъ братьевъ взялся заплатить долгъ младшаго брата, бывшаго на военной службѣ.

Въ раздѣльную книгу Каликинской волости вписано три приговора: одинъ—въ 1894 г. и два—въ 1898 г. Волость эта большая, въ 3032 надѣльныхъ души, и состоитъ изъ 13-ти сельскихъ обществъ. Очевидно, что указанные раздѣлы должны быть только весьма незначительной частью всѣхъ вообще раздѣловъ. О приблизительномъ числѣ ихъ за 1894—1898 гг. и за

1886—1898 гг. можно до нѣкоторой степени судить изъ представляемой ниже таблицы, которая показываетъ, съ одной стороны, наличное число домохозяевъ по раскладочнымъ вѣдомостямъ 1894—1898 гг., заключающимъ въ себѣ всякій отдѣльный дворъ, независимо отъ того, по законному или незаконному раздѣлу онъ образовался, и, съ другой, формально-законное число домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ 1898 г., въ которые не должны были вноситься съ 1886 г. домохозяева, не получившіе надлежащаго утвержденія своихъ раздѣловъ. Поэтому разница между числами раскладочныхъ вѣдомостей должна бы показать приблизительное количество всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ особо и во всей волости вмѣстѣ по отдѣльнымъ годамъ и за весь періодъ времени 1894—1898 гг., а разница между цифрою раскладочныхъ вѣдомостей за 1898 г. и цифрою домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ этого года должна обозначить приблизительное число всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ и въ волости за періодъ времени съ 1886 по 1898 гг. Цифры эти, конечно, не могутъ показать дѣйствительнаго числа раздѣловъ, потому что увеличеніе и уменьшеніе количества крестьянскихъ хозяйствъ происходятъ и отъ другихъ, кромѣ раздѣловъ, причинъ, — приписки къ обществамъ отдѣльныхъ семействъ со стороны и выписки на сторону, а также вымиранія семей, — но причины эти производятъ настолько незначительное измѣненіе въ числѣ хозяйствъ, что позволяютъ считать цифры разницы другъ съ другомъ наличныхъ хозяевъ и цифры разницы этихъ же чиселъ съ числами законныхъ домохозяевъ за весьма близкія къ дѣйствительнымъ цифрамъ семейныхъ раздѣловъ. Но нужно замѣтить, что приводимая ниже таблица не можетъ быть вполнѣ точною и совершенно полною еще и потому, что раскладочныя вѣдомости сохранились въ волостномъ правленіи не всѣ, а въ выборныхъ приговорахъ не всегда обозначено общее число домохозяевъ: для этой цифры оставлено иногда тамъ одно только мѣсто, такъ что въ подобныхъ случаяхъ для общихъ итоговъ она заимствована нами изъ выборныхъ приговоровъ какого-либо предшествующаго года, начиная съ 1894-го, тѣмъ болѣе, что измѣнялась она вообще очень рѣдко и весьма незначительно.

Вотъ эта таблица:

ОБЩЕСТВА.	Раскладочныя вѣдомости.					Выборные приговоры 1894—1898 года.	Число сем. раздѣловъ.	
	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.		1894—1898 гг.	1886—1898 или 1861—1898 года.
Аксеновское . . .	378	383	380	377	378	270	5	108
Гордовское . . .	нѣтъ.	91	нѣтъ.	88	97	82	не менѣе 6	15
Григоровское . . .	64	64		68	70	42	6	28
Дорковское . . .	38	38		36	36	23	—	15
Климовское . . .	98	нѣтъ.	нѣтъ.	101	101	82	3	19
Липихинское . . .	92	90		90	91	74	—	17
Макарьинское . .	нѣтъ	65		65	62	55	—	7
Мальгинское . . .		94		93	91	62	—	29
Мелехинское . . .	45	49	48	51	53	52	8	1
Наталинское . . .	363	365	нѣтъ.	376	383	250	20	133
Никулинское . . .	89	90	90	90	91	90	2	1
Сывининское . . .	46	47	46	46	48	26	2	22
Федяевское . . .	54	54	53	54	53	52	—	1
Вся волость .	—	—	—	—	—	—	около 52	396

Количество раздѣловъ за періодъ времени 1894—1898 гг. явилось здѣсь изъ сравненія чиселъ раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ числами тѣхъ же вѣдомостей за 1894 годъ. Въѣсто послѣднихъ цифръ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ за 1894 г. раскладочныхъ вѣдомостей не оказалось, взяты вѣдомости 1895 г., а когда числа 1898 г. оказались равными или даже меньшими чиселъ 1894 г., предполагалось, хотя конечно и не съ полнымъ основаніемъ, что семейныхъ раздѣловъ тутъ за весь разсматриваемый періодъ времени совѣмъ не было. Въ общей сложности во всей волости оказалось такимъ образомъ за это время около 52 раздѣловъ или, среднимъ числомъ, по 13 раздѣловъ въ годъ.

Количество раздѣловъ за 1886—1898 гг. получилось изъ сличенія раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ выборными приговорами за тотъ же годъ; но такъ какъ общая и годичныя цифры оказались приэтомъ настолько значительными, что въ среднемъ приходилось бы на всю волость не менѣе 33-хъ раздѣловъ въ годъ, а на періодъ времени за 1886—1894 гг. и еще

болѣ несообразное число ($396 - 52 = 344 : 8 = 43$), то нужно думать, что и здѣсь, какъ и въ Бушневской волости, количество домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ почти не измѣнялось, можетъ быть, съ самаго начала волостной жизни, съ 1861 года. При такомъ предположеніи средняя цифра ежегодныхъ раздѣловъ равнялась бы почти 11-ти, а это настолько близко подходитъ къ средней и очень вѣроятной цифрѣ за 1894—1898 гг., что указанное предположеніе должно считать довольно близкимъ къ дѣйствительности.

Обращаясь къ раздѣламъ, записаннымъ въ волостную книгу, видимъ, что два изъ нихъ происходили между братьями при жизни матери, и одинъ— только между братьями. Въ первыхъ двухъ случаяхъ у обоихъ братьевъ были уже до раздѣла особыя осѣдлости и особыя дома съ хозяйственными строеніями, такъ что раздѣлы здѣсь состояли собственно въ выдѣлѣ нѣкоторой части имущества матери. Въ одномъ случаѣ старшій братъ даже не присутствовалъ при раздѣлѣ, а, «находясь на промышленности», нотаріально передалъ свои права сыну. Мать осталась при этомъ въ старомъ домѣ со старшимъ сыномъ и получила на себя корову и 10 мѣръ хлѣба, а все остальное раздѣлено было между братьями поровну. Въ другомъ раздѣлѣ точно также мать рѣшилась жить со старшимъ сыномъ, и точно также ей дана была корова и 10 мѣръ хлѣба, а прочее пошло поровну на братьевъ, такъ что и собственная земля раздѣлена была только между ними же.—По третьему раздѣльному приговору двое братьевъ разошлись въ разные дома: старшій остался въ прежнемъ домѣ, а младшій ушелъ въ новый. Все хозяйство и надѣльную землю они раздѣлили между собою на двѣ равныя части, причемъ у обоихъ у нихъ оказалось по лошади, и вообще они были снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства въ достаточномъ количествѣ.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ—многолюдство, а въ другомъ—семейныя несогласія.

Въ Коровской волости на каждое сельское общество существуетъ особая раздѣльная книга, но записано въ этихъ книгахъ съ 1886 г. только три приговора: два по Ермаковскому обществу и одинъ по Маланинскому. Раздѣлы эти были: въ 1887 г., 1889 г. и 1898 г. Книжки прочихъ четырехъ обществъ совершенно пустыя.

Такъ какъ въ волостномъ правленіи имѣются раскладочныя приговоры, составленные особо для каждой деревни въ 1894 и 1895 гг., по закону 8 іюня 1893 г., на 12 лѣтъ, и, такъ какъ, съ другой стороны, тамъ же есть списки домохозяевъ каждаго общества, также по отдѣльнымъ деревнямъ, составленные къ 1 января 1896 г., то здѣсь возможно было составить изъ сличенія цифръ тѣхъ и другихъ списковъ приблизительное представленіе о числѣ семейныхъ раздѣловъ съ 1886 по 1894—1895 гг. Раскладочныя

приговоры несомненно представляют наличное число отдѣльных крестьянскихъ хозяйствъ ко времени ихъ составленія, т. е. по одѣтѣ деревнямъ къ 1894-му, а по другимъ къ 1895 году. Но общая сумма этихъ чиселъ не можетъ выражать количества всѣхъ хозяйствъ волости, такъ какъ по нѣкоторымъ деревнямъ раскладочные приговоры находились у земскаго начальника, и потому относительно обществъ, къ которымъ эти деревни принадлежатъ, приходится ограничиться цифрою домохозяевъ меньшей, чѣмъ въ дѣйствительности. Списки же домохозяевъ хотя и составлены были къ 1896 году, т. е. позже, чѣмъ писались раскладочные приговоры, однако число хозяйствъ въ нихъ поставлено менѣе, чѣмъ по раскладкамъ, и слѣдовательно въ нихъ вносились не всѣ отдѣльные дворы, а вѣроятно только такіе, которые образовались по законнымъ семейнымъ раздѣламъ. При этомъ, числа списковъ разнятся отъ цифръ раскладочныхъ приговоровъ не особенно значительно, и можно поэтому думать, что они остались неизмѣнными со съ 1861-го, а съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, разница между тѣми и другими должны дать приблизительное минимальное число семейныхъ раздѣловъ за 1886—1894—1895 гг., потому что увеличеніе и уменьшеніе хозяйствъ отъ другихъ, помимо раздѣловъ, причинъ всегда бываетъ очень незначительнымъ. Сопоставленіе цифръ раскладочныхъ приговоровъ и списковъ домохозяевъ по каждому обществу представляетъ слѣдующая таблица:

	О Б Щ Е С Т В А.						Вся волость.
	Ерма- новское.	Есаков- ское.	Маланин- ское.	Разанов- ское.	Саливанов- ское.	Трасов- ское.	
Списки домохозяевъ въ 1896 г. . .	242	41	90	42	62	42	519
Раскладочн. приговоры въ 1894 или 1895 году.	болѣе 264	43	болѣе 94	болѣе 44	болѣе 68	45	болѣе 558
Приблизительное число семейн. раздѣловъ въ 1886—1894— 1895 г.	22	2	4	2	6	3	болѣе 39

Въ среднемъ, такимъ образомъ, на всю волость приходится въ годъ не менѣе четырехъ или пяти семейныхъ раздѣловъ, в число это при сравнительной незначительности волости является довольно вѣроятнымъ.

Изъ записанныхъ въ раздѣльныя книги приговоровъ два касаются раздѣловъ между братьями при жизни одного и обоихъ родителей и одинъ—только между братьями.

8 февраля 1887 г. раздѣлился крестьянинъ дер. Баршкардина Иванъ Власовъ съ двумя сыновьями вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

Здѣсь любопытно то, что раздѣлились между собою не одни дѣти, но и родители, такъ какъ отецъ остался жить со старшимъ сыномъ, а мать съ младшимъ. Въ раздѣльный приговоръ внесены доли каждой стороны только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, — остальное же имущество было раздѣлено по домашнему полюбовному акту, предъявленному сходу, но не записанному въ его приговоръ. Изъ того имущества, которое дѣлилось на сходѣ, родители получили по нѣкоторой, хотя и не равной съ дѣтьми, части въ строеніяхъ и скотѣ, а все прочее раздѣлено было чисто похозяйственно, поровну между братьями, такъ что отцу досталась изба, горница, сарай и корова, а матери — горница и корова, между тѣмъ какъ братья взяли себѣ по двору, по сараю, амбару, по лошади, коровѣ, овцѣ съ ягнятами и т. д. Относительно имущества отца сказано, что послѣ его смерти оно переходитъ къ старшему сыну и дѣтямъ его.

При раздѣлѣ крестьянина дер. Гузина Ивана Миронова съ двумя сыновьями въ приговоръ внесены доли каждого участника дѣлежа не только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ, землѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, но и въ одеждѣ, иконахъ, самоварахъ, посудѣ и часахъ, а относительно остальной движимости сказано, что она должна быть раздѣлена между братьями поровну и миролюбно. Отецъ (65 лѣтъ) остался жить съ младшимъ сыномъ на старомъ мѣстѣ, и доставшееся ему имѣніе должно послѣ его смерти перейти въ пользу этого сына, который обязанъ кормить и поить его до смерти. На долю его была дана изба, корова, телушка, два поросенка, нѣкоторыя иконы, самоваръ, треть чайной посуды и треть зернового хлѣба и корма для скота, такъ что только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а хозяйственныя постройки, лошади, хлѣбъ въ землѣ, самая земля и земледѣльскія принадлежности раздѣлены были на два хозяйства между братьями, поровну. Въ общемъ владѣніи остались баня и овинъ, а одежда оставлена каждому члену семьи та, какая на немъ была. Самый раздѣлъ произошелъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

По третьему приговору отдѣлялся 20 марта 1898 года изъ 6-ти братьевъ старшій. Но такъ какъ у него былъ уже до этого времени собственный домъ и полное хозяйство, а усадебная и полевая земля значилась на немъ отдѣльно еще по раскладочному приговору 1894 года, то, очевидно, этотъ раздѣлъ существовалъ фактически ранѣе, и раздѣльный приговоръ только давалъ ему законную форму.

Въ Мирохановскомъ волостномъ правленіи сохранилось только четыре раздѣльныхъ приговора, составленныхъ на сельскихъ сходахъ, подписанныхъ участниками схода и сельскими старостами, но почему-то не засвидѣствованныхъ волостнымъ правленіемъ и не записанныхъ въ книгу, такъ что и

раздѣлы эти являются въ сущности не вполне законными. Одинъ изъ нихъ относится къ 1892 г., два—къ 1897-му и одинъ къ 1898 году.

Не подлежащее вѣдѣнію сельскаго схода имущество упомянуто здѣсь только въ одномъ приговорѣ,—когда между деверемъ и невѣсткой дѣлилось не только то, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, но и иконы, самовары, столы, шкафы, дари и отцовскіе частные долги. О согласіи родителей на раздѣлъ упомянуто во всѣхъ трехъ приговорахъ, производившихся при ихъ жизни; въ одномъ изъ нихъ это согласіе шло даже, какъ отъ главы семейства, отъ матери, потому что отца уже не было въ живыхъ.

Особая часть имущества была выдѣлена отцу только въ одномъ случаѣ, а въ двухъ остальныхъ родители просто оставались жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и отдѣльной доли общаго имѣнія на нихъ не указывалось; братья же, равно какъ и деверь со всей семьей невѣстки, вездѣ пользовались одинаковыми правами на распредѣлявшееся между ними похозяйственно и поровну имущество. Что касается отца, хотя и оставшагося жить вмѣстѣ съ сыномъ, но взявшаго себѣ особую долю, то послѣдняя заключалась въ строеніяхъ, скотѣ и зерновомъ и посѣянномъ хлѣбѣ. Слѣдовательно, только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а все остальное, такъ же какъ и имущество въ прочихъ раздѣлахъ, дѣлилось по отдѣльнымъ хозяйствамъ, независимо отъ состава семействъ.

Въ жилыхъ постройкахъ не всегда возможно было каждому хозяйству имѣть готовое и вполне отдѣльное отъ другихъ помѣщеніе, такъ что въ одномъ случаѣ два младшіе брата получили со старшаго вмѣсто своей части общаго дома деньги, а въ другомъ—хотя младшій братъ и сталъ жить въ своемъ домѣ, но послѣдній былъ пристроенъ къ старому,—сзади. Родители во всѣхъ трехъ случаяхъ остались жить съ тѣми дѣтьми, которыя получили старыя дома: въ двухъ раздѣлахъ со старшими и въ одномъ—съ младшимъ сыномъ.

Изъ хозяйственныхъ строеній въ общемъ владѣніи по всѣмъ четыремъ раздѣламъ остались овины; кромѣ этого, по одному раздѣлу раздѣлившіяся семейства должны были пользоваться сообща мякинницей, погребомъ и баней, а по другому—амбаромъ, сараемъ и баней.

По особой лошади и даже по коровѣ не получили братья въ одномъ раздѣлѣ: отецъ взялъ себѣ здѣсь со старшимъ сыномъ лошадь и двухъ коровъ, а старшему и младшему сыновьямъ достались,—одному теленокъ, другому—телушка.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ обоихъ много-семейность.

Въ Муравьищенской волости не записано въ книгу ни одного семейнаго раздѣла. Но тамъ сохранилось въ волостномъ правленіи 11 раздѣльныхъ актовъ, составленныхъ на сельскихъ сходахъ и представленныхъ сельскими

старостами въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 6 актовъ относятся ко времени до 18 марта 1886 г., начиная съ 1873 г., а 5 къ послѣдующему времени, именно: 3 къ 1887-му и 1 къ 1897 году. Кроме того, волостнымъ старшиною было указано мнѣ еще 5 раздѣловъ, бывшихъ въ волости за 1886—1898 гг., такъ что всѣхъ раздѣловъ за эти 12 лѣтъ было здѣсь только 10, что объясняется, можетъ быть, незначительностью самой волости, состоящей лишь изъ 5 сельскихъ обществъ, а, можетъ быть, и тѣмъ, что волость эта сравнительно глухая, и отхожій промыселъ развитъ здѣсь нѣсколько менѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

По своей формѣ раздѣльные приговоры до и послѣ 1886 года ничѣмъ существеннымъ не отличаются, такъ что, очевидно, законъ 18 марта нисколько не повліялъ ни вообще на условія, какими раздѣлы сопровождались здѣсь раньше, ни, въ частности, на участіе, какое принималъ въ нихъ сельскій сходъ и общество. Волостнымъ правленіемъ засвидѣтельствованы три приговора: два до 18 марта 1886 г. (одинъ въ 1875-мъ, другой въ 1877 г.) и одинъ 5 декабря 1897 года, почему-то не занесенный въ раздѣльную книгу. Изъ остальныхъ раздѣльных актовъ на нѣкоторыхъ подписались бывшіе на сходахъ крестьяне и сельскій староста, который иногда прикладывалъ, а иногда не прикладывалъ своей печати; на другихъ—только крестьяне, безъ старосты; а въ одномъ случаѣ раздѣлъ происходилъ, очевидно, домашнимъ порядкомъ, такъ какъ къ приговору подписались лишь дѣлившіяся стороны. Значитъ, вообще участіе схода въ семейныхъ раздѣлахъ здѣсь не всегда признавалось обязательнымъ, и раздѣлы могли совершаться помимо общества. Самъ сходъ признавалъ это возможнымъ по крайней мѣрѣ въ распредѣленіи дѣльнаго имущества и, напримѣръ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Ноговицына Ильиныхъ, въ мартѣ 1875 г., ограничился однимъ дозволеніемъ раздѣла вообще, поручивши произвести его старостѣ съ окольными людьми. Точно также въ декабрѣ 1885 г. сходъ особымъ приговоромъ дозволилъ произвести раздѣлъ между крестьяниномъ дер. Бочкова Павломъ Сергѣевымъ и его неродной матерью съ малолѣтними дѣтьми въ присутствіи опекуна, сельскаго старосты и окольных людей.

Что касается того, какого рода имущество записывалось въ приговоры и, слѣдовательно, подвергалось вѣдѣнію сельскаго общества, то по большей части оно ограничивалось только необходимыми для веденія крестьянскаго хозяйства предметами, а иногда и другими, болѣе или менѣе цѣнными вещами. Такъ, въ трехъ раздѣльныхъ приговорахъ упомянуто распредѣленіе одежды и обуви, въ двухъ—одежды, въ одномъ—долговыхъ обязательствъ, а въ нѣкоторыхъ—такихъ предметовъ, какъ: самоваръ, чайная посуда, коверъ, дары, шкафы и карманные часы.

Отецъ и сынъ дѣлились между собою только по одному приговору, и

отецъ надѣлялъ имуществомъ сына, какъ хотѣлъ, такъ что и въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что онъ «награждаетъ» сына такимъ-то и такимъ-то имѣніемъ. Что оставилъ тутъ отецъ себѣ, изъ приговора не видно, но сына онъ надѣлилъ повидному достаточно и даже отдалъ ему не только лошадь, корову, 2-хъ овецъ, избу сбоку и земледѣльческія орудія, но и весь посѣянный хлѣбъ, выдѣливъ себѣ изъ зернового хлѣба двѣ трети,—очевидно, на себя и жену. Такимъ образомъ онъ, хотя и «награждалъ» сына, однако считалъ себя вправѣ взять на свою долю только то, что необходимо было ему для пропитанія, а не для веденія самостоятельнаго хозяйства.

Сыновья при матери раздѣлялись въ трехъ случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ мать даетъ отдѣляющемуся отъ нея и отъ младшаго брата и сестры сыну также что хочетъ, оставляя однако въ своемъ домѣ изъ зернового и посѣянаго хлѣба только половину и тѣмъ самымъ не признавая за собой и дочерью равныхъ съ сыномъ на этотъ хлѣбъ правъ. Въ другомъ случаѣ мать, отъ которой отдѣлился неродной сынъ съ двумя своими сестрами, получила часть общаго имѣнія только на своихъ малолѣтнихъ дѣтей; а въ третьемъ было оговорено, что, если мать вздумаетъ отойти отъ сына, съ которымъ согласилась жить, то послѣдній обязанъ выдать ей избу и корову. Значитъ, и въ отношеніи къ матери, какъ и къ отцу, вообще право признавалось не на все имущество, а только на то, которое необходимо для жизни ея, но не для отдѣльнаго хозяйствованія.

Права тестя относительно раздѣла имѣнія между нимъ и принятымъ въ домъ зятемъ болѣе широкія и опредѣляются вполне его волею. Такъ, когда зять, проживши съ тестемъ мирно 9 лѣтъ, началъ на десятомъ притѣснять его, тотъ попросилъ сельскій сходъ вывести зятя изъ дому, и сходъ удалилъ его къ родной матери, а изъ имѣнія постановилъ выдать ему только за работу его минувшимъ лѣтомъ 5 мѣръ озимаго хлѣба, 3 мѣры ячменя и 10 мѣръ овса. Въ другомъ случаѣ тесть, принимая зятя въ домъ, заблаговременно составляетъ съ нимъ раздѣльный актъ, по которому въ случаѣ раздѣла подписываетъ ему половину всего имущества и оговариваетъ, что, если онъ, тесть, «по милости Божіей» помретъ, то его доля имѣнія должна пойти зятю, за выдѣломъ только коровы старшей дочери. Съ своей стороны, зять обязуется за это кормить тестя до смерти.

Свекоръ, раздѣляя между собой и снохою съ двумя ея малолѣтними сыновьями скотину, а также зерновой и посѣянный хлѣбъ, считъ себя вправѣ взять изъ скота половину, а изъ хлѣба только третью часть. Въ другомъ раздѣлѣ свекровь беретъ себѣ изъ имущества умершаго сына, вдова котораго, оставшись съ малолѣтнею дочерью, хочетъ снова выйти замужъ, всю постройку, а невѣстку «награждаетъ» скотиной и всѣмъ зерновымъ хлѣбомъ.

Братъ, отъ котораго уходитъ «въ келью» сестра, также «награждаетъ»

се по собственному усмотрѣнію. Онъ берется поставить ей изъ бани келью, даетъ право безпрепятственно рубить въ его полосѣ лѣсъ для отопленія и снабжаетъ ее двумя шубами и сапогами, а также 10-ю мѣрами ржи, предупреждая однако, что послѣ этого она должна кормиться сама.

Братья безъ родителей дѣлились одинъ разъ и оба получили по равной части во всемъ имуществѣ. Точно также и при матери они получали себѣ совершенно равныя части, независимо отъ состава семейства у каждаго. Только убогій братъ при раздѣлѣ кр-нки дер. Быкова Феклы Сергѣевой съ неродными дѣтьми получилъ гораздо большую часть, чѣмъ его братья и сестры: все имущество здѣсь было точно оцѣнено, и половина его отдана была убогому, а другую половину раздѣлили на 5 частей,—поровну на трехъ сестеръ и двухъ братьевъ.

Доля зятя, какъ уже было ранѣе видно, опредѣляется или волею тестя или особымъ съ нимъ договоромъ. Когда тестъ подписывалъ зятю половину имущества, онъ оговаривалъ также и то, кому эта половина пойдетъ послѣ смерти зятя: если тотъ «по милости Божіей» помретъ, все должна наследовать его «хозяйка».

Право сестеръ на общее съ братьями имѣніе тоже было видно выше: въ одномъ раздѣлѣ сестра получила только то, чѣмъ «наградилъ» ее братъ, а въ другомъ тремъ сестрамъ, правда малолѣтнимъ, были выдѣлены, по точной оцѣнкѣ, совершенно равныя съ братьями части.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ семейныя ссоры, а въ другомъ—притѣсненіе зятемъ тестя.

Общая оцѣнка всего дѣлимаго имущества, безъ указанія цѣнности отдѣльных предметовъ, производилась два раза, и въ обоихъ отдѣлившіеся братья получили свои доли деньгами съ тѣхъ, которые остались жить въ родительскомъ домѣ. Въ третьемъ раздѣльномъ приговорѣ, уже упомянутомъ выше, оцѣнена была подробно каждая вещь, и сообразно этому рассчитана точно доля каждаго участника дѣлежа.

При распредѣленіи построекъ не всегда случалось, чтобы отдѣльныя хозяйства были обеспечены жилыми помѣщеніями. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія изъ дому стороны не получили въ этомъ отношеніи совсѣмъ ничего, а въ двухъ братья взяли свои части деньгами, такъ что одному брату негдѣ было жить, и въ раздѣлѣ выговорено было право прожить ему 2 года въ избѣ старшаго брата, хотя въ этомъ же самомъ случаѣ мать, оставшаяся жить со старшимъ сыномъ, взяла себѣ избу, такъ что поколѣнный принципъ раздѣла имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ похозяйственный. По двумъ другимъ раздѣльнымъ актамъ раздѣлъ вовсе даже не касался построекъ,—ни жилыхъ, ни холостыхъ,—и раздѣлившіеся стороны должны были жить въ одной избѣ

и послѣ раздѣла, какъ и до него. Затѣмъ, въ одномъ случаѣ отдѣлившійся отъ отца сынъ хотя и получилъ себѣ избу, но она была пристроена сбоку къ избѣ отца и не имѣла даже особыхъ сѣней; въ раздѣлѣ было сказано, что сынъ можетъ не отламывать этой избы до своей «исправы», т. е. до тѣхъ поръ, пока не соберется съ силами, чтобы поставить особый домъ. Когда же отдѣлялись члены семьи, не имѣвшіе возможности образовать отдѣльное хозяйство, — наприимѣръ, вдова, выходявшая вновь замужъ, — имъ въ постройкахъ совсѣмъ не давали части.

Относительно хозяйственныхъ строеній еще менѣе можно было ожидать, чтобы дѣлившіеся семьи были снабжены ими каждая отдѣльно въ достаточномъ количествѣ. Поэтому, здѣсь по большей части оставались и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи такія постройки, какъ овинъ, баня и другія. Овинъ, наприимѣръ, остался въ общемъ владѣніи въ четырехъ случаяхъ, баня — въ двухъ, а амбаромъ рѣшено было однажды пользоваться сообща до «исправы» одной изъ дѣлившихся сторонъ.

Домашнею скотиною дѣлившіеся семьи тоже не могли быть снабжены всегда въ достаточномъ числѣ. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія на новое хозяйство семьи оказались безъ всякаго скота; въ двухъ рѣшено было пользоваться сообща лошадыю и послѣ раздѣла, — на одно лѣто и навсегда; въ одномъ — отдѣлившаяся семья уехала безъ лошади, такъ какъ та осталась въ старомъ домѣ; а въ одномъ, напротивъ, уходившей въ новое замужество невѣсткѣ дава была и лошадь, и корова, и три овцы.

Зерновой хлѣбъ дѣлился иногда поколѣбно, — поровну, иногда — похозяйственно, а иногда по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ. Такъ, свекоръ, наприимѣръ, беретъ себѣ треть, а двѣ трети отдѣляетъ снохѣ съ двумя ея малолѣтними сыновьями; въ другомъ случаѣ отецъ на себя и жену взялъ двѣ трети, а отдѣлившемуся сыну далъ треть; въ третьемъ — старшему сыну, ушедшему отъ матери, брата и сестры, дана была половина, а другая осталась всѣмъ прочимъ членамъ семьи; въ четвертомъ, наконецъ, единокровные, но неединоутробные братья и сестры взяли каждый поровну, а матери не было предоставлено ничего.

Посѣянный хлѣбъ обыкновенно дѣлился похозяйственно, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла особаго хозяйства, не получали и хлѣба въ землѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда все прочее имущество, за выдѣломъ половины на убогаго брата, дѣлилось между единокровными братьями и сестрами поровну, хлѣбъ въ землѣ раздѣленъ былъ на двѣ половины, и одну изъ нихъ дали малолѣтнимъ брату и сестрѣ, отдѣлившимся съ матерью, а другую взялъ старшій братъ, принявшій къ себѣ убогаго брата и двухъ сестеръ. Впрочемъ, похозяйственный принципъ дѣлежа въ двухъ случаяхъ и здѣсь былъ

выдержанъ не совсѣмъ; въ первомъ свекоуръ взялъ себѣ хлѣба въ землѣ треть, а другія двѣ отдалъ снохѣ съ двумя малолѣтними сыновьями; въ другомъ—уходившей въ новое замужество невѣсткѣ съ малолѣтней дочерью дали цѣлую половину посѣяннаго ея мужемъ хлѣба.

Обруя и земледѣльческія орудія дѣлились по хозяйствамъ; одежда давалась какая кому шита, а обувь распредѣлялась «по ногамъ».

Въ Судаѣской волости не записано въ книгу ни одного раздѣльнаго приговора. Точно также нѣтъ въ волостномъ правленіи ни одного и неутвержденнаго акта за все время послѣ 18 марта 1886 года. По словамъ волостного писаря, мѣстнаго старожилы, въ настоящее время раздѣлы тамъ часты, но крестьяне будто бы не составляютъ при нихъ никакихъ приговоровъ, такъ какъ старостамъ объяснена незаконность подобнаго рода документовъ. Поэтому совсѣмъ нельзя судить, какъ происходить въ этой волости раздѣлы теперь: принимаетъ въ нихъ какое-либо участіе общество въ лицѣ сельского схода и старосты, или же все дѣло ограничивается предѣлами семьи и свидѣтелями изъ сосѣдей.

За то за время, предшествующее 18 марта 1886 года, въ волостномъ правленіи сохранились на отдѣльныхъ листахъ приговоры о семейныхъ раздѣлахъ, начиная съ 1871 года. Такихъ приговоровъ 38; къ 1887 году относятся 3, къ 1872—8, къ 1873—4, 1874—6, къ 1875—5, къ 1880—1, къ 1881—2, къ 1882—4, къ 1883—1, къ 1884—2, къ 1885—1 и къ неизвѣстному году—1.

Три изъ этихъ приговоровъ представляютъ собою простое дозволеніе сельского схода раздѣлиться тѣмъ или другимъ лицамъ, безъ всякихъ подробностей и условій раздѣла, такъ что вѣроятно самый дѣлежъ общаго имущества происходилъ здѣсь домашнимъ порядкомъ. Затѣмъ, въ трехъ приговорахъ совершенно не обозначено, при комъ производился раздѣлъ, и нѣтъ никакихъ подписей у приговора: ни старосты, ни свидѣтелей, ни даже самихъ дѣлившихся лицъ, хотя изъ приговоровъ и видно, что раздѣлы эти происходили не семейнымъ порядкомъ, а на сельскомъ сходѣ, или же при крестьянахъ деревни, къ которой принадлежали дѣлившіеся. Одинъ раздѣльный актъ 1871 г. былъ признанъ волостнымъ правленіемъ незаконнымъ, такъ какъ раздѣлъ происходилъ безъ участія старосты. У трехъ другихъ актовъ также нѣтъ ни подписи, ни печати сельского старосты, а существуютъ только подписи свидѣтелей, почему и можно думать, что эти раздѣлы происходили не на сельскихъ сходахъ, а болѣе частнымъ порядкомъ. Далѣе, къ 14-ти приговорамъ подписался или приложилъ свою печать староста, и подписалось еще по нѣскольку свидѣтелей, такъ что, можно думать, эти раздѣлы производились только съ общаго разрѣшенія схода, старостами и свидѣтелями, безъ участія схода въ самыхъ под-

робностяхъ распредѣленія дѣлимаго имущества. Даже вѣроятно, что иногда не требовалось отъ схода и разрѣшенія на раздѣлъ вообще, а послѣдній сначала производился со старостой и свидѣтелями и потомъ уже представлялся на утвержденіе схода или волостного правленія. Такой именно порядокъ раздѣла виденъ въ трехъ приговорахъ сельскаго схода, утверждавшихъ заранѣе составленные, при участіи старосты и свидѣтелей, раздѣльные акты, а также въ приговорѣ 30 іюня 1872 г. о раздѣлѣ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Маркова. Этотъ послѣдній приговоръ есть собственно представленный старостой въ волостное правленіе при особомъ рапортѣ протоколъ произведеннаго имъ при свидѣтеляхъ раздѣла. Въ немъ содержится отчасти и самый процессъ дѣла: кр-нъ Матвій Григорьевъ пожаловался старостѣ, что его братъ увезъ къ себѣ неподѣленный между ними отцовскій гуменный сарай; староста отправился въ деревню и пригласилъ на раздѣлъ свидѣтелей и братьевъ; Александръ Григорьевъ не явился, и раздѣлъ произведенъ былъ безъ него, а о всемъ изложенномъ и составленъ настоящій «актъ». Были однако же раздѣлы, сполна производившіеся на сельскихъ сходахъ, такъ какъ, напримѣръ, раздѣлъ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Аленушкина, 5 февр. 1875 г., заключенъ въ формальномъ приговорѣ сельскаго схода. Иногда еще раздѣлъ совершался не при старостѣ, а по предложеніямъ и при участіи волостного старшины. Правда, это было одинъ только разъ, и то, можетъ быть, потому, что дѣлились кр-не собственники, дер. Сельца Старого братья Никифоровы, самое имущество которыхъ находилось не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ была собственная мастерская. Раздѣлъ между ними совершенъ былъ при волостномъ старшинѣ и «третейскихъ» людяхъ.

Наконецъ, было нѣсколько раздѣловъ, произведенныхъ по предписаніямъ волостного правленія, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, непремѣннаго члена Присутствія и мирового посредника.

Одно изъ предписаній волостного правленія послѣдовало вслѣдствіе рѣшенія волостного суда, и раздѣлъ (между братьями и матерью) произведенъ былъ сельскимъ старостой со всѣми домохозяевами деревни. Объ участіи послѣднихъ въ двухъ раздѣлахъ, также произведенныхъ по приказу волостного правленія, въ раздѣльныхъ приговорахъ не сказано ничего, а только замѣчено, что раздѣлы эти произошли безъ споровъ, «добровольно и по любви». Затѣмъ, въ 1874 г. волостнымъ правленіемъ предложено было сельскому старостѣ возстановить старый раздѣлъ между братьями Дмитріемъ и Макаромъ Корниловыми, крестьянами дер. Савина, раздѣлившимися еще въ 1863 году. По словамъ Макара, ему досталась тогда передняя половина двора, которую онъ, уходя на военную службу, добровольно уступилъ на время брату, а теперь требуетъ возвращенія ея, а также и другихъ вещей, оставленныхъ имъ въ то время

отцу, перешедшему жить къ Дмитрію, гдѣ послѣ его смерти онѣ и остались. Сельскій староста пригласилъ на сходъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые присутствовали при раздѣлѣ 1863 г., и ими тогдашній раздѣлъ былъ дѣйствительно возстановленъ. Наконецъ, также по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, волостное правленіе распорядилось производствомъ раздѣла въ 1885 году. Крестьянинъ дер. Макарова Иванъ Русовъ прислалъ тогда изъ Москвы въ правленіе прошеніе, въ которомъ «всепокорѣйше» просилъ сообщить ему: «почему законной женой моею Настасья Ивановой Русовой не отдѣляютъ принадлежащую мнѣ землю, такъ какъ я постоянно, что съ меня требуется подушные подати плачу всегда исправно каждый годъ и потому покорнѣйше прошу правленіе сдѣлать распоряженіе безъ всякаго препятствія съ моей стороны о выдачѣ принадлежащей мнѣ земли женой моею выписанной». Волостное правленіе передало это прошеніе старостѣ для исполненія, а тотъ созвалъ сходъ, постановившій раздѣлить надѣльную землю между просителемъ и его отцомъ пополамъ.

До уѣзднаго Присутствія раздѣлъ восходилъ только въ одномъ случаѣ. Въ 1881 г. крестьянинъ дер. Филипповскаго Лаврентій Кузьминъ отпустилъ отъ себя сына Александра, взявши съ него обязательство платить за него подати за 1 тягло и выдавать ему съ матерью по 35 руб. ежегодно на прокормленіе. Раздѣлъ этотъ былъ произведенъ въ присутствіи сельскаго старосты и постороннихъ свидѣтелей, а затѣмъ утвержденъ въ тотъ же день особымъ приговоромъ сельскаго схода и такимъ образомъ имѣлъ повидному признаки совершенной законности. Но въ январѣ 1882 г. Александръ Лаврентьевъ подалъ жалобу въ уѣздное Присутствіе: онъ говорилъ, что отецъ его ведетъ невоздержную жизнь, пропивая посылаемыя имъ деньги, и выгналъ его съ семьей изъ дому, на устройство котораго Александръ Лаврентьевъ изстратилъ будто бы до 700 рублей; правда, онъ согласился на раздѣлъ съ отцомъ, но раздѣлъ этотъ—семейный и не имѣетъ никакой законной силы. Присутствіе, потребовавъ отъ волостнаго правленія объясненій, постановило передать дѣло сельскому сходу. Сходъ собрался въ мартѣ 1882 г., призналъ обвиненіе сыномъ отца въ нетрезвости ложнымъ, объяснилъ, что Александръ Лаврентьевъ самъ ушелъ отъ отца къ тещѣ, и постановилъ снова утвердить раздѣлъ 1881 г., прибавивъ, что, если Александръ Лаврентьевъ не станетъ высылать отцу денегъ, то не давать ему раздѣла и вовсе. Въ іюлѣ 1882 г. угроза эта была приведена въ исполненіе, и сходъ, по предписанію волостнаго правленія, постановилъ не давать Александру Лаврентьеву, за грубости его отцу, озимого хлѣба съ даннаго ему въ 1881 г. тягла. Тогда 1 октября 1883 г. Александръ Лаврентьевъ снова жалуется уѣздному Присутствію и проситъ его передать дѣло волостному или третейскому суду, такъ какъ раздѣлъ 1881 г.

былъ будто бы вынужденъ у него невыдачей паспорта и такъ какъ принятое имъ тогда по отношенію къ отцу денежное обязательство непосильно для него. Присутствіе почему-то признало раздѣлъ 1881 г. миролюбивымъ соглашеніемъ, которое не подлежитъ обжалованію, и предписало волостному правленію согласить тяжущихся миромъ. Въ январѣ 1884 г. правленіе довело Присутствію, что оно исполнило это предписаніе: между Александромъ Лаврентьевымъ и его отцомъ состоялось соглашеніе, по которому отецъ удовлетворился ежегодной выдачей ему 20 руб. и оплатой за него душевого надѣла.

По предписанію мирового посредника раздѣлы произведены были два раза. Въ 1871 г. крестьянинъ дер. Гришнева Иванъ Кондаковъ жаловался въ волостное правленіе, что, когда въ 1863 г. онъ взятъ былъ въ солдаты, жена его ушла къ своимъ родителямъ, и у брата его Никиты осталось ихъ общее имущество. Теперь, когда онъ вернулся со службы, невѣстка не пускаетъ его въ домъ, а братъ живетъ въ Петербургѣ. Старшина распорядился переписать имѣніе и сдать его подъ росписку жившей у Никиты матери Кондаковыхъ. Въ февралѣ 1872 г. дѣло разбиралось на волостномъ судѣ, который выдѣлялъ матери седьмую часть имущества, а остальное подѣлялъ между братьями поровну. Тогда Никита пожаловался мировому посреднику, указывая, что братъ, уходя въ солдаты, взял на свою часть 100 бревенъ и что теперь, если ужъ дѣлить между ними имущество, то дѣлить только то, которое было 10 лѣтъ назадъ, а не то, которое сейчасъ,—приумноженное трудами его одного. Посредникъ предписалъ волостному правленію дать разъясненіе по всемъ обстоятельствамъ дѣла и склонить стороны къ мирному соглашенію. 18 марта 1872 г. это соглашеніе было достигнуто, и между братьями произошелъ раздѣлъ. Другой случай былъ въ 1874 г., когда крестьянинъ дер. Зорина Василій Гавриловъ жаловался посреднику, что въ 1855 г., когда онъ былъ на богомольѣ въ Кіевѣ, братья его раздѣлились, утаили отъ него раздѣльный актъ и выдали ему только телушку, 8 мѣръ ржи, 4 мѣры овса и избу. Посредникъ приказалъ произвести дознаніе, по которому оказалось, что Василью выдѣлена была еще, кромѣ упомянутого имъ имущества, треть овина и амбара и что онъ, возвратившись въ томъ же году домой, согласился на раздѣлъ и написалъ раздѣльный актъ; но такъ какъ онъ ничего не заплатилъ за написание акта писарю, то послѣдній и оставилъ актъ у себя. Теперь староста вмѣстѣ съ братьями Василіемъ произвелъ оцѣнку амбара и овина; братья выдали затѣмъ причитавшуюся Василію треть деньгами, а обо всемъ этомъ написали раздѣльный актъ, который и подписали вмѣстѣ со старостой.

Непремѣннымъ членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія приказано было произвести раздѣлъ въ 1882 г., между крестьянкой села Шартанова Марьей Померанцевой и сыномъ ея Лавромъ, въ имуществѣ, отказан-

номъ Марѣ мужетъ ея по духовному завѣщанію. Раздѣлъ, названный миролюбивымъ, произошелъ въ присутствіи старшины, который подписался къ акту вмѣстѣ со сторонними свидѣтелями, и самый актъ былъ потомъ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи.

Имущество, заносившееся въ раздѣльные акты и, слѣдовательно, подлежащее вѣдѣнію тѣхъ, кто присутствовалъ при раздѣлѣ, было не всегда одинаково. Въ трехъ случаяхъ его не было записано въ приговоръ совсѣмъ, такъ какъ послѣдній представлялъ собою только общее дозволеніе на раздѣлъ, оставляя подробности его самимъ дѣлившимся сторонамъ. Затѣмъ, одинъ приговоръ упоминаетъ только о строеніяхъ и о выдачѣ дѣтми ежегоднаго пропитанія отцу; одинъ—только о землѣ и о хлѣбѣ; два—о строеніяхъ, скотѣ и о хлѣбѣ; и одинъ—о строеніяхъ, скотѣ, срубѣ и хлѣбѣ. За то въ 28-ми другихъ раздѣльныхъ актахъ, кромѣ имущества, составляющаго необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, упоминается многое иное, что этой необходимости не имѣетъ, но считается почему-либо особенно цѣннымъ въ крестьянскомъ быту вообще или въ данныхъ случаяхъ въ частности. Такъ, навозъ упомянутъ въ 5-ти приговорахъ; платежи по долговымъ обязательствамъ—въ 11-ти, причемъ недоимки въ податяхъ и хлѣбные долги по запаснымъ магазинамъ были только въ 5-ти случаяхъ, а прочее представляли частныя обязательства; одежда—въ 11-ти; обувь—въ 1-мъ, а разныя другія домашнія и хозяйственныя принадлежности — въ 17-ти приговорахъ, причемъ онѣ иногда обозначались однимъ общимъ именемъ «рухляди», «утвари» и под., а иногда подробно указывались и самые эти предметы, какъ-то: иконы, самовары, чайная посуда, стѣнные и карманные часы, зеркала, шкафы, лари, подносы, перины, подушки, столы, котлы, безмѣны, чугуны, жернова, стулья, книги, говядина, сковорода, сковородникъ, косарь и т. д. Въ трехъ случаяхъ дѣлились также купленные земли; въ одномъ—доходъ съ отданныхъ въ наемъ лавокъ; въ одномъ—арендованная земля, и въ одномъ—мастерская въ Петербургѣ.

При жизни отца и матери или одного отца раздѣлы происходили въ 10-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ относительно участія и власти отца въ раздѣлѣ не сказано ничего, потому что раздѣльный приговоръ представляетъ только дозволеніе схода на раздѣлъ. Изъ другихъ случаевъ въ одномъ сынъ, уже упомянутый выше Русовъ, просилъ о раздѣлѣ волостное правленіе, такъ что отецъ его, очевидно, не давалъ ему просимой надѣльной земли добровольно. Въ нѣкоторыхъ раздѣльныхъ приговорахъ, напротивъ, отецъ отпускаетъ отъ себя дѣтей миролюбно, съ Божиимъ или родительскимъ благословеніемъ, и «награждаетъ» ихъ такимъ-то имуществомъ. Если же сынъ уходитъ отъ отца противъ воли послѣдняго, отецъ имѣлъ право не давать ему почти ничего. Такъ, при раздѣлѣ между крестьянами дер. Филипповскаго Лаврентіемъ Кузь-

минимъ и сыномъ его Александромъ, доходившемъ не одинъ разъ до уѣзднаго Присутствія, отецъ далъ сыну только земли на одно тягло и взялъ съ него обязательство оплачивать подати за его, отца, собственное тягло и выдавать ему и матери, по смерти ихъ, 35 руб. ежегодно на прокормленіе. И сходъ, какъ мы видѣли, не только утвердилъ эти условія раздѣла, но еще прибавилъ, что, если сынъ будетъ продолжать оказывать отцу грубости, то не нужно давать ему и вовсе раздѣла. Такимъ же образомъ ежегодной выдачи на пропитаніе себѣ потребовалъ отецъ и въ другомъ раздѣлѣ, взявши обязательство съ каждаго изъ своихъ трехъ сыновей выдавать ему всякій годъ: по 5 руб., по 6 мѣръ ржи и по 3 мѣры овса. Далѣе, крестьянинъ дер. Федосова Назаръ Елифановъ, дозволяя въ 1872 г. своему сыну Петру раздѣлъ «отъ всѣхъ слоровъ и отъ несогласія», надѣлилъ его «добровольно» всякимъ имѣніемъ и, оставивши себѣ полднуша надѣльной земли, обязалъ сына оплачивать подать за эту землю до смерти его, «для прокормленія». Въ остальныхъ случаяхъ отцы не брали себѣ земли, а оставляли обыкновенно избу или домъ съ дворомъ и нѣкоторую часть хлѣба въ землѣ и зернѣ. Изъ посѣяннаго хлѣба отецъ бралъ себѣ въ трехъ случаяхъ по равной части съ дѣтьми; въ одномъ—болѣе на треть,—вѣроятно потому, что работалъ онъ, а сынъ жилъ въ Москвѣ; и въ одномъ—болѣе вдвое въ озимовомъ хлѣбѣ и весь посѣянный овесъ.—Изъ прочаго имущества доля отца указана только въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ, когда отецъ получилъ поровну съ сыновьями въ навозѣ, сбруѣ и домашней посудѣ. Судьба отцовской части имущества послѣ его смерти оговорена была также въ одномъ случаѣ: изба съ дворомъ должна была остаться его женѣ, такъ какъ та выстроила ее на свой счетъ; ей же пойдетъ клѣтъ и гуменный сарай.

Раздѣлы дѣтей съ матерью или при матери заключаются въ 15-ти приговорахъ, при чемъ въ 10-ти изъ нихъ мать остается послѣ раздѣла съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, а въ 5-ти ей повидимому дается совершенно отдѣльная часть, для отдѣльнаго жительства. На власть и права матери относительно раздѣла вообще и распредѣленія самаго имущества здѣсь указываютъ иногда выраженія что мать «даетъ» раздѣлъ своимъ дѣтямъ и «награждаетъ» ихъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, а себѣ «беретъ» то-то и то-то. Но что она всетаки не является совершенно полновластной распорядительницей раздѣла и не можетъ не дать сыну никакой части, видно между прочимъ изъ упомянутого выше раздѣла между крестьянкой села Шартанова Марьей Померанцевой и ея сыномъ, когда самый раздѣлъ произошелъ по предписанію непрежняго члена и касался имущества—въ томъ числѣ и не принадлежащаго къ крестьянскому надѣльному хозяйству,—оставленнаго Померанцевой мужемъ ея по духовному завѣщанію.—Относительно дальнѣйшихъ обязательствъ дѣтей кормить мать упоминается въ трехъ приго-

ворахъ: по одному мать, отпуская отъ себя сына, отказавшагося отъ всего отцовскаго имущества, и оставаясь съ другимъ сыномъ и дочерью, въ свою очередь дала подписку не спрашивать съ отдѣленнаго сына на свое пропитаніе никогда и ничего; по другому—сынъ, съ которымъ мать осталась жить, долженъ кормить ее, не касаясь ея части, до смерти; по третьему—сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась съ двумя несовершеннолѣтними сыновьями, обязался выдавать ей ежегодно по 10 руб., когда одного изъ братьевъ отдадутъ въ солдаты, а другой еще не будетъ совершеннолѣтнимъ. Кому должно пойти имущество матери послѣ ея смерти, сказано въ двухъ случаяхъ: въ одномъ только тѣмъ дѣтямъ, съ которыми мать будетъ жить, а въ другомъ—поровну между всѣми дѣтьми, хотя жила она у одного сына. Между прочимъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Плоскова, братьевъ Ивановыхъ, матери дана была изба, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она ее не продавала, а давала въ ней жить тому сыну, съ которымъ пожелаетъ.—Что касается самой доли общаго имущества, выдававшейся матери, то въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя вовсе отдѣлялась отъ дѣтей, она брала себѣ помѣщеніе для жилья,—избу, хотя бы дѣтямъ ея это жилье и не всѣмъ доставалось. Изъ скота ей давалась въ этомъ случаѣ корова и овца, иногда съ телянкомъ и ягнятами. Земля дана была только одинъ разъ, полтягла, причемъ дѣти взяли себѣ по тяглу. Изъ хлѣба—въ двухъ случаяхъ поровну съ дѣтьми, а въ двухъ другихъ—въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ каждому сыну. Изъ прочаго имѣнія матери дано было въ одномъ случаѣ всего по равной съ дѣтьми части и въ одномъ—только даръ; въ остальныхъ же раздѣлахъ, гдѣ ея часть обозначена ясно, никакого другаго имущества ей не назначалось. Въ раздѣлахъ, послѣ которыхъ мать оставалась жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, ей въ одномъ случаѣ дана была только изба; въ двухъ—только нѣкоторое количество зернового хлѣба; въ четырехъ—изба или горница и корова съ овцой, телянкомъ, курицами, или только одна корова; и въ одномъ—кромѣ предыдущаго ей дана была еще равная съ сыновьями часть хлѣба.

Раздѣльныхъ приговоровъ между братьями безъ родителей—8. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчено, что раздѣлы эти — «мирюлюбные», «добровольные», а изъ нѣкоторыхъ видно, что при нихъ не всегда признавалось необходимымъ участвовать тому или другому изъ братьевъ, или не всегда требовалось согласіе на раздѣлъ всѣхъ братьевъ. Такъ, уже выше упоминалось, что однажды раздѣлъ происходилъ въ то время, когда одинъ изъ братьевъ былъ на богомольѣ въ Кіевѣ. Въ другой разъ при раздѣлѣ былъ только одинъ братъ, а вмѣсто другаго присутствовала жена его по довѣрительному письму. Былъ даже такой случай, что сначала подѣлились между собою жены братьевъ, въ отсутствіе своихъ мужей, а потомъ уже окончательно раздѣлились и эти послѣдніе. Во

время отсутствія одного изъ братьевъ произошелъ однажды раздѣлъ между остальными также и при жизни отца, но братъ этотъ всетаки особымъ письмомъ далъ свое согласіе на раздѣлъ. Напротивъ, когда одинъ изъ братьевъ отказался придти, по приглашенію старосты, на раздѣлъ отцовскаго гуменнаго сарая, раздѣлъ былъ произведенъ безъ него, старостою съ другимъ братомъ и посторонними свидѣтелями. Когда, затѣмъ, въ одномъ случаѣ между дѣлившимися были малолѣтніе братья и сестры, раздѣлъ сдѣланъ былъ полный, и сельскій сходъ рѣшилъ отдать части малолѣтнихъ тому изъ старшихъ братьевъ, который согласится взять ихъ къ себѣ. Въ противномъ случаѣ постановлено было избрать изъ среды общества опекуна, чтобы онъ впослѣдствіи обществу же отдалъ въ своемъ опекунствѣ отчетъ. Избирать опекуна изъ среды общества однако не оказалось нужнымъ, такъ какъ малолѣтнихъ братьевъ согласился взять одинъ изъ старшихъ, которому и отдано было ихъ имущество подъ росписку, опекуномъ же назначенъ былъ другой братъ, хотя онъ и долженъ былъ жить отдѣльно отъ нихъ.

При самомъ распредѣленіи общаго имущества братья по большей части получали себѣ равныя другъ съ другомъ части, такъ что раздѣлъ между ними производился обыкновенно поколѣнно, независимо отъ возраста ихъ, семейнаго положенія и того, отдѣльныя ли хозяйства образуются изъ семьи каждаго изъ нихъ, или нѣсколько братьевъ, соединяясь, образуютъ общее хозяйство. Но были однако раздѣлы, гдѣ эта равномерность соблюдалась не вполне, а тотъ или другой братъ почему-либо получалъ въ какомъ нибудь отношеніи болѣе прочихъ братьевъ. Такихъ раздѣловъ было 8. Въ однихъ изъ нихъ неравномерность распредѣленія общаго имущества зависѣла отъ хозяйственныхъ соображеній, и такимъ образомъ получались, напримѣръ, такія сочетанія: сынъ, отдѣляясь отъ матери и двухъ младшихъ братьевъ, получаетъ цѣлую половину посѣяннаго хлѣба; средній сынъ, также отдѣлившійся отъ матери и двухъ братьевъ, беретъ себѣ половину овина, земледѣльческихъ орудій и навозу, а двое малолѣтнихъ братьевъ, оставаясь съ матерью, не получаютъ ничего изъ скота,—вѣроятно потому, что уже корову и овцу получила жившая съ нимъ мать. Въ другихъ случаяхъ на неравное распредѣленіе между братьями дѣльнаго имѣнія вліяло количество труда, вложеннаго каждымъ изъ нихъ на пріобрѣтеніе его, такъ что старшій братъ получаетъ, напримѣръ, вдвое болѣе младшаго въ хлѣбѣ; въ другомъ раздѣлѣ доля старшаго брата болѣе, чѣмъ младшихъ, лошадей и коровой. Иногда къ трудовому соображенію присоединялось еще семейное. Вслѣдствіе этого старшій братъ получаетъ не одну, а двѣ трети хлѣба потому, что у него дѣти и что онъ обрабатывалъ тягло 8 дѣтъ; онъ же беретъ себѣ болѣе младшаго брата лошадей, двумя коровами, теленкомъ, овцою и одной частью всей домашней утвари. Были и другія причины нерав-

наго раздѣла между братьями. Такъ, въ одномъ случаѣ старшій братъ получилъ себѣ всю жилую стройку потому, что обязался выкормить и выпойть двухъ малолѣтнихъ братьевъ, на которыхъ особой доли не было дано; въ другомъ раздѣлѣ одинъ изъ братьевъ взялъ себѣ безъ дѣлежа гуменный сарай, такъ какъ построилъ его самъ, и въ томъ же раздѣлѣ два брата не допустили третьяго къ участию въ дѣлѣжъ сруби, посуды и одежды,—вѣроятно потому же, что завели это безъ него.

Семейство умершаго брата участвовало въ раздѣлѣ въ двухъ случаяхъ и въ обоихъ получило на себя одинаковую часть съ частями живыхъ братьевъ, такъ что и здѣсь раздѣлъ былъ чисто поколѣнный. На малолѣтнюю сестру братъ, принявшій ее къ себѣ, взялъ равную съ братьями часть хлѣба, а изъ всего остального имущества не получилъ на нее ничего. По другому раздѣльному приговору мать получила на свою малолѣтнюю дочь изъ имущества умершаго отца нѣкоторую часть домашней скотины, зернового хлѣба, одежды и иконъ, и была назначена ея опекуницей. Наконецъ, одинъ разъ въ раздѣлѣ нѣсколькихъ братьевъ участвовала ихъ тетка, которой дана была только теплая горница.

Причинами раздѣловъ изъ восьми указанныхъ въ приговорахъ случаевъ въ 7-ми были семейныя несогласія и раздоры, а въ одномъ—многолюдство.

Особыя жилия помѣщенія предоставляются для каждаго новаго хозяйства только по 8-ми раздѣльнымъ приговорамъ, и не всегда эти помѣщенія являются вполне устроенными и готовыми: иногда одной сторонѣ достается только особая изба безъ двора; иногда дворъ дѣлится на двѣ части, а иногда избу нужно еще перевезти на другую дворину и поэтому жить нѣкоторое время и послѣ раздѣла вмѣстѣ. Совершенно безъ всякой части въ жилыхъ помѣщеніяхъ уходило какое-либо изъ отдѣлившихся семействъ въ 16-ти случаяхъ, въ двухъ изъ которыхъ были взяты въ возмѣщеніе за домъ съ той стороны, которая въ немъ оставалась, деньги, а въ трехъ дано было нѣкоторое количество бревенъ для будущей собственной постройки. Въ 7-ми другихъ раздѣлахъ уходившему семейству приходилось довольствоваться только какою-нибудь частью стараго дома на отломъ,—сейчасъ или же спустя нѣкоторое время; можно было даже навсегда остаться въ старомъ домѣ,—только въ отдѣльной половинѣ его. Такимъ образомъ отдѣлившіяся семейства получали: полдома и полдвора, одинъ этажъ дома, дворъ и срубы для избы, полдвора, дворъ, избу съ сѣнями и т. под. Все это приводило къ тому, что въ раздѣльныхъ актахъ довольно часто встрѣчается условіе, по которому и послѣ раздѣла устанавливалось на нѣкоторое время совмѣстное жительство раздѣлившихся семей, или же опредѣлялся срокъ, ранѣе котораго нельзя было принуждать уходившую на новое мѣсто семью отламывать доставшуюся ей часть прежняго дома. Такъ, одинъ разъ опредѣ-

лено было жить вмѣстѣ въ избѣ и дворѣ 2 года, въ двухъ раздѣлахъ - полтора года (въ одномъ было поставлено условіе—«жить тихо, смирно»), въ пяти—годъ, и въ двухъ—полгода. Условлено было въ одномъ случаѣ не гонить на новую дворину 20 лѣтъ, а въ другомъ—2 года.

Хозяйственные постройки дѣлились по возможности такъ, чтобы каждому отдѣльному хозяйству достался или сарай, или шакинница, или амбаръ, или погребъ и т. под. Поэтому постройка извѣстнаго рода, доставшаяся одному семейству, замѣнялась для другой семьи постройкою какого-либо другого рода. Но иногда одну и ту же постройку дѣлили на нѣсколько частей, такъ что дѣлившимся доставалось, напримѣръ, по полсарая, по одной трети овина и амбара, по одной пятой овина, по полъовину и по полбанѣ и т. д. Съ другой стороны, нерѣдко случалось, что послѣ раздѣла у какого-нибудь одного или двухъ хозяйствъ и вовсе не оказывалось хозяйственныхъ строеній въ отдѣльное пользованіе. Такихъ раздѣловъ было 17. Понятно поэтому, что въ отношеніи хозяйственныхъ построекъ, такъ же какъ и въ отношеніи жилыхъ, нерѣдко приходилось оставлять старыи порядокъ общаго ими пользованія, тѣмъ болѣе, что въ такихъ постройкахъ, какъ напримѣръ гуменныя, поводовъ къ взаимнымъ ссорамъ бываетъ немного. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что въ 13-ти случаяхъ рѣшено владѣть сообща овинномъ безсрочно, а въ одномъ—3 и въ одномъ—2 года; гуменными постройками вообще—одинъ разъ условлено пользоваться навсегда и одинъ—на годъ; банею—въ двухъ случаяхъ—навсегда; погребомъ—въ одномъ случаѣ—тоже навсегда, а клѣткою,—въ одномъ раздѣлѣ—на нѣкоторое время, до постройки особой.

Безъ всякаго домашняго скота новое хозяйство уходило изъ стараго дома въ 4-хъ раздѣлахъ, причемъ въ трехъ случаяхъ это были отдѣлы сыновей отъ родителей противъ воли послѣднихъ, а въ четвертомъ—вся скотина двухъ братьевъ и матери состояла изъ коровы и лошади, отбѣенной въ 3 рубля. Лошадь досталась одному изъ братьевъ, а корову отдали матери,—съ условіемъ, чтобы она не продавала ее, а давала пользоваться семейству того сына, съ кѣмъ останется жить. Не досталось лошади какому-либо изъ новыхъ хозяйствъ въ 15-ти случаяхъ, въ которыхъ этотъ недостатокъ долженъ былъ возмѣщаться другою скотиною: коровами и овцами. Затѣмъ, въ 6-ти другихъ раздѣлахъ хотя также не хватало каждому хозяйству по особой лошади, но въ нихъ это обстоятельство уравнивалось уже не скотиною, а нѣкоторою суммою денегъ, выдававшаяся безлошадному хозяйству той стороною, которая взяла изъ стараго хозяйства лошадь. Кому при этомъ нужно было брать лошадь, рѣшалось иногда жеребьемъ. Такъ, когда дѣлились крестьяне дер. Лобанова, братья Григорій и Филиппъ Евстафьевы, то относительно лошади въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что нужно было бы кинуть жеребій о томъ,

кому ее отдать, но такъ какъ у Филиппа, все одно, денегъ на выдачу Григорію нѣтъ, то пусть возьметъ лошадь послѣдній и выдастъ за нее двумя рублями болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по оцѣнкѣ. Наконецъ, въ 8-ми раздѣлахъ каждое новое хозяйство получило по отдѣльной лошади, причемъ два хозяйства оказались даже съ двумя, а одно съ тремя лошадьми. Иногда еще въ раздѣльныхъ приговорахъ оговаривалось, что лошадью можетъ пользоваться нѣкоторое время и хозяйство, не получившее ея. Такъ, въ одномъ случаѣ отецъ выговорилъ себѣ право взять у сына лошади на 10 дней; въ другомъ—одна лошадь дана была на два хозяйства; и въ третьемъ—отецъ позволяетъ сыну на своей лошади запахать и заборонить въ первое послѣ раздѣла лѣто. Прочая скотина дѣлилась по возможности такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ была корова или по крайней мѣрѣ телушка; однако, и тутъ было 6 раздѣловъ, послѣ которыхъ въ одномъ или даже въ двухъ хозяйствахъ не было ни одной коровы. Безъ овецъ оставалось то или другое хозяйство, или оба вмѣстѣ, въ 4-хъ случаяхъ.

Посѣянный хлѣбъ дѣлился въ 13-ти раздѣлахъ. Между отцомъ и отдѣлившимся отъ него сыномъ охъ былъ подѣленъ въ двухъ случаяхъ поровну; въ одномъ—отецъ взялъ себѣ двѣ трети, а сыну далъ треть; и въ одномъ—три четверти озимового хлѣба и весь посѣянный овесъ достались отцу, а сыну только четверть озимового хлѣба.—Когда дѣлились дѣти при матери, то послѣдняя въ двухъ раздѣлахъ не получила изъ хлѣба въ землѣ ничего; въ одномъ—она взяла на себя и дочь равную часть съ сыномъ; въ одномъ—ей дана была одинаковая доля съ сыновьями; и въ двухъ раздѣлахъ мать получила посѣяннаго хлѣба вдвое менѣе cadaго сына.—Братья, а равно и деверь съ невѣсткою, дѣлившіеся между собой и съ матерью, только въ одномъ случаѣ получили изъ хлѣба въ землѣ неравныя части,—когда старшій братъ, отдѣлившись отъ двухъ младшихъ, взялъ себѣ половину этого хлѣба, раздѣлившимъ его чисто похозяйственному.

Изъ зернового хлѣба отецъ, отдѣляя отъ себя сына, обыкновенно давалъ ему по собственному усмотрѣнію нѣкоторую часть, а прочее оставлялъ себѣ, такъ что, въ какомъ отношеніи стояли эти части другъ къ другу, нельзя видѣть. Только въ одномъ случаѣ отецъ, оставшись жить съ сыномъ и отпустивши другого, раздѣлилъ хлѣбъ на три части: двѣ трети оставилъ въ своемъ домѣ, а одну отдалъ ушедшему сыну.—Матери, при раздѣлѣ сыновей, одинъ разъ не было дано никакой части зернового хлѣба; другой разъ для нея выдѣлено было нѣкоторое количество, а остальное дѣти раздѣлили поровну между собой; въ четырехъ раздѣлахъ она получила равную часть съ сыновьями, хотя только въ двухъ изъ этихъ раздѣловъ должна была жить отдѣльно отъ дѣтей; въ одномъ—ей дана была вдвое, а въ другомъ въ полтора раза меньшая

часть, чѣмъ каждому сыну, и, наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ мать, отдѣляя сына и оставаясь съ дочерью, взяла на себя и дочь: половину ярового хлѣба, половину муки и двѣ трети ржи.—Братья обыкновенно дѣлили между собою, а также между собой и семьей умершаго брата общій или оставшійся за выдѣломъ родителей хлѣбъ поровну и поколѣнно, независимо отъ того, вѣстѣ или порознь они будутъ жить. Только въ двухъ случаяхъ старшій братъ взялъ себѣ вдвое болѣе младшаго,—вѣроятно потому, что болѣе я работалъ надъ этимъ хлѣбомъ.—Малолѣтняя сестра одинъ разъ получила равную съ братьями часть зернового хлѣба, а въ другой—ей была выдѣлена послѣ умершаго отца нѣкоторая, но неизвѣстно которая, доля.

Распределение надѣльной земли указано только въ 4-хъ раздѣльных приговорахъ,—вѣроятно потому, что оно вообще зависитъ болѣе отъ сельскаго общества и по рѣшенію послѣдняго можетъ измѣняться въ какое угодно время, а не только при раздѣлахъ. Отпуская сына, отецъ въ одномъ раздѣлѣ взялъ себѣ «для прокормленія» полдуши, обязавъ сына платить за эту землю подати; въ другомъ случаѣ земля была раздѣлена между отцомъ и сыномъ поровну; а въ третьемъ отецъ, оставшись съ однимъ сыномъ, далъ другому цѣлую половину земли.—По четвертому раздѣлу мать, раздѣлившись съ двумя сыновьями, взяла себѣ полтягла земли, а дѣти ея по тяглу.—Относительно собственной земли въ одномъ раздѣлѣ, между матерью и сыновьями, сказано, что она пойдетъ «законнымъ порядкомъ наслѣдства»; въ другомъ—два брата должны были владѣть лѣсомъ и пашнею пополамъ; въ третьемъ случаѣ мать съ дочерью и сынъ должны были засѣвать эту землю сообща; если же мать не станетъ почему-либо сѣять, то сынъ имѣетъ право засѣять всю землю одинъ.

Экипажи, земледѣльческія орудія и сбруя упоминаются въ 16-ти раздѣльных приговорахъ, но выяснять болѣе или менѣе точно основанія ихъ распределенія между дѣлившимися сторонами невозможно, такъ какъ сравнительная цѣнность ихъ изъ документовъ не видна. Несомнѣнно только то, что здѣсь не было одного,—хозяйственнаго или поколѣннаго,—принципа, а дѣйствовали и тотъ и другой, хотя и съ преобладаніемъ перваго. Такъ, на хозяйственные соображенія указываетъ то обстоятельство, что по пяти приговорамъ, ни мать, ни отецъ, не составляя изъ себя особаго хозяйства, хотя иногда и совершенно отдѣляясь отъ дѣтей, не получали ничего изъ этихъ принадлежностей хозяйства. Напротивъ, когда мать въ одномъ раздѣлѣ взяла себѣ полтягла надѣльной земли, ей были даны андрецъ и колеса. Точно также по хозяйственнымъ, очевидно, интересамъ средній сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась со старшими и младшими сыновьями, получилъ себѣ не третью часть земледѣльческихъ орудій, а половину. Наоборотъ, на поколѣнное

основаніе дѣлежа указываетъ тотъ случай, когда старшій изъ братьевъ, отдѣляясь отъ второго брата, оставшагося съ тремя малолѣтними братьями и сестрой, получилъ не половину экипажей и сбруи, а только пятую часть; точно также отецъ, отдѣливъ отъ себя одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому изъ сбруи одну треть, а двѣ трети оставилъ у себя дома.—Раздѣловъ, послѣ которыхъ какое-либо изъ новыхъ хозяйствъ вовсе не получало земледѣльческихъ орудій, было — 3.

Общіе долги въ трехъ случаяхъ раздѣловъ между братьями, образовавшими каждый самостоятельныя хозяйства, распределены были поровну. На мать возложена была равная съ сыновьями часть хлѣбнаго долга только въ томъ раздѣлѣ, по которому она взяла себѣ полтягла земли и слѣдовательно стала главой собственнаго хозяйства; въ четырехъ же другихъ случаяхъ, когда матери не брали земли, и общіе долги распределены были только между сыновьями—домохозяевами: въ двухъ раздѣлахъ поровну и въ двухъ не поровну. Въ одномъ изъ послѣднихъ взялся уплатить общій долгъ старшій сынъ, потому что онъ получилъ всю домашнюю движимость, кромѣ скота и одежды; во второмъ раздѣлѣ два брата согласились, что недоимку въ 33 руб. 9½ коп. уплатить тотъ изъ нихъ, которому не придется идти въ солдаты, или же, если рекрутская очередь минуетъ ихъ обоихъ,—тотъ, кому это выпадетъ по жребію. Наконецъ, въ трехъ раздѣлахъ сыновья взяли на себя уплату родительскаго долга какъ бы въ видѣ вознагражденія за дозволеніе отдѣлиться. Поэтому, напримѣръ, сынъ, отойдя отъ матери съ сестрой, выплатилъ отцовскій долгъ въ 60 руб. и недоимку за годъ; другой сынъ, отдѣлившись отъ матери и брата съ сестрой, взялъ на себя недоимку отца въ 34 р. 3 к.; третій, раздѣлившись съ отцомъ, долженъ былъ,—также безъ возмѣщенія въ какомъ-либо другомъ имуществѣ,—уплатить вмѣсто отца недоимку за два года, въ количествѣ 45 р. 32 к.

Навозъ дѣлился и поколѣнно и похозяйственно. Такъ отецъ, отдѣливши одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому треть навоза; старшій братъ, отдѣлившись отъ матери, которая вмѣстѣ съ двумя младшими сыновьями образовала одно хозяйство, получилъ также третъ навоза,—въ этихъ случаяхъ раздѣлъ былъ, очевидно, поколѣнный. Наоборотъ, когда мать, не получая земли, не имѣетъ части и въ навозѣ, или когда два брата, оставшись съ матерью взяли себѣ только половину навоза, а другую отдали отдѣлившемуся брату,—здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду основанія чисто хозяйственнаго характера.

Изъ трехъ случаевъ раздѣла корма для скота, въ одномъ дѣлились два брата и взяли себѣ поровну, въ двухъ же другихъ случаяхъ матери, не составившей отдѣльнаго хозяйства, дана была въ кормъ равная часть съ

сыновьями, такъ какъ ей досталась скотина, которую нужно было кормить. Раздѣлъ здѣсь былъ, значить, болѣе поколѣнный, чѣмъ хозяйственный.

Одежда въ двухъ раздѣлахъ дана была каждому члену дѣлившейся семьи, какая на него заведена, въ прочихъ же перечислялись вѣроятно только тѣ одежды, которыя были болѣе или менѣе общими въ семействѣ. Какими именно основаніями руководились въ распредѣленіи этихъ одеждъ, изъ раздѣльныхъ актовъ невозможно видѣть.

Въ распредѣленіи домашней «рухляди», насколько объ этомъ возможно судить на основаніи тѣхъ раздѣльныхъ приговоровъ, въ которыхъ указываются доставшіяся дѣлившимся сторонамъ опредѣленныя ея части, а не отдѣльные предметы, руководились и хозяйственными и поколѣнными и трудовыми соображеніями. Такъ, когда старшій сынъ, отдѣляясь отъ матери и младшихъ братьевъ, получаетъ изъ домашнихъ вещей только то, что даетъ ему мать, имѣются въ виду интересы хозяйственные. Когда же отецъ, отдѣляя одного сына и оставаясь съ другимъ, даетъ первому треть въ домашней посудѣ; или когда средній сынъ, раздѣляясь съ матерью, при которой остаются старшій и младшій сыновья, получаетъ на себя не половину, а только треть домашней посуды; или когда, наконецъ, старшій братъ, отдѣлившись отъ второго брата, взявшаго къ себѣ троихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестру, получилъ только пятую часть домашнихъ вещей,—во всѣхъ этихъ раздѣлахъ, очевидно, руководились поколѣнными, а не хозяйственными основаніями. А тѣ и другія соображенія совпадали другъ съ другомъ въ тѣхъ (четырехъ) случаяхъ раздѣловъ братьевъ или деверя съ невесткой, въ которыхъ участники дѣлежа, образовавши каждый особое хозяйство, взяли изъ домашнихъ принадлежностей равныя другъ съ другомъ части. То же самое было и при упоминавшемся ранѣе раздѣлѣ матери съ дѣтьми, когда она получила лично на себя полтягла земли и потому взяла изъ мелкихъ домашнихъ вещей равную долю съ сыновьями.—Наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ старшій братъ, раздѣлившись съ младшимъ, получилъ на себя двѣ трети домашней утвари, вѣроятно, потому же, почему онъ получилъ двѣ трети и хлѣба: онъ обрабатывалъ тягло въ продолженіе 8-ми лѣтъ, и кромѣ того у него было болѣе, чѣмъ у младшаго, дѣтей.

Такимъ образомъ, ни сколько-нибудь приблизительнаго количества семейныхъ раздѣловъ за тотъ или другой промежутокъ времени по всему Чухломскому уѣзду, ни совершенно единообразныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, по которымъ бы эти раздѣлы происходили по уѣзду всегда и вездѣ, нельзя установить, такъ какъ какую-либо регистрацію раздѣловъ, а слѣдовательно и статистику ихъ сдѣлалъ невозможнымъ законъ 18 марта 1886 г.,

косвеннымъ образомъ поставившій въ число незаконныхъ почти всѣ совершающіеся теперь раздѣлы; условія же, при которыхъ эти раздѣлы происходятъ, бывають настолько разнообразны и сопровождаются такими различными обстоятельствами, что почти каждый раздѣлъ имѣетъ собственную фیزیономію, и черты, принадлежащія имъ всѣмъ, имѣють поэтому очень общій и отвлеченный характеръ. Законъ 18 марта 1886 г. не сдѣлался рамкой, въ которую бы укладывались всѣ крестьянскіе раздѣлы, и нисколько не послужилъ къ сокращенію ихъ; вопреки своей цѣли, онъ фактически только изъялъ раздѣлы почти изъ всякаго вѣдѣнія учреждений, стоящихъ надъ сельскимъ обществомъ. Но, являясь въ настоящей дѣйствительности какъ бы несуществующимъ, законъ этотъ въ рукахъ усерднаго крестьянскаго начальства, которое бы рѣшилось примѣнять его во всей его строгости, способенъ послужить къ немалому разстройству семейныхъ отношеній, а въ рукахъ недобросовѣстныхъ лицъ изъ самихъ крестьянъ можетъ сдѣлаться иногда благовиднымъ предлогомъ для уклоненія отъ платежа разнаго рода повинностей, такъ какъ по этому закону крестьянскіе дворы, образовавшіеся помимо его, должны считаться въ отношеніи отбыванія всякихъ казенныхъ повинностей за одинъ дворъ, и «всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей»; значитъ, недомыка, накопившаяся на одномъ изъ образовавшихся послѣ раздѣла хозяйствъ, должна взыскиваться со всѣхъ этихъ хозяйствъ, а не съ одного его.

Ө. Покровскій.

ПЕРМЯКИ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (лѣшій, икоты, хикиморы, сусадна, водяной, полудница, чугунная баба).—Характеръ пермяка.—Бытовые и санитарныя условія (трахома, чосотка).—Домашнія средства лѣченія (черъ-эшванъ, челнанъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя).—Заговоры, кабала.—Вѣтшій типъ пермяка и одежда.—Возвращеніе его на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но нѣкогда несомнѣнно владѣла не только обоими ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Инвы, такъ называемый Инвинскій край, почти сплошь заселены пермяками. Инвинскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егвинскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердвинскую (Питеевскую), Верхъ-Инвинскую, Кувинскую, Вълоевскую, Кудымкорскую и Тиминскую. Кромѣ перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенныя пермяками только отчасти: Купросская, Нердвинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Инвы пермяки сохранились еще по теченію р. Косы, Чердынскаго уѣзда, да въ Зюздинской (Аванасьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовскаго у.). Собственно въ Инвинскомъ краѣ пермяковъ насчитываютъ приблизительно 70³/₄ тысячи, а всего съ Чердынцами и Зюздяками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыряне, называютъ: «коми-мортъ» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводитъ на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти всѣ пермяки, кромѣ своего родного языка, говорятъ еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужского рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ, «лѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется к: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется п: Пилипъ, вмѣсто Филиппъ; ц—ч или с, напр., саръ, саряча, вмѣсто царь, царипа; л—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣдъ Филиппъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотрѣть на царя и царицу и видѣлъ ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки слѣдовало бы сказать такъ: «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотрѣть на саря и саричу и видѣва ихъ, а бабка сидѣу, обѣдалъ и никого не видѣулъ». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляетъ изъ себя переходъ отъ «елъ» къ «улъ» и къ «олъ». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Инвинскаго края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки вѣрятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что всѣ думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напасть, какъ бы устроить какую-либо мерзость доброму человѣку. Лѣшій не прочь поугатъ, кричить, хохочетъ, а иной разъ даже и украдетъ у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ дорогу, онъ пропасть, если только, по оплошности своей, не приметъ должныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшнимъ можно—стоитъ только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть на изнанку свои шамшуръ (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть на изнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только выдавшихъ лѣшаго, во и гостившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждаго высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшіе живутъ въ большихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькіе. Но и между «сухоухими дядями», какъ называютъ лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такіе, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, принявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Казань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простаго смертнаго можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣтъ—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взошедшему въ избу лѣшему, выбраться изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуновъ, «сухоухій дяля» и самъ вывести на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводитъ порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшнимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помреть, либо скотина падеть. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится какъ это здѣсь дознано-долголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить все тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлитъ послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ящи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзnią отнюдь нельзя курить: икота табаку не любитъ; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось курить при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня, курящимъ, говорилъ: «своо знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насъ, русскихъ, также принадлежатъ къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало непріятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждаго жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроеннаго дома. Постоянная резиденція сусѣдки — подполье (голбецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка считаютъ и холятъ его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскателевъ—слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; онъ не пугаетъ людей, и если его и побанваются, то все же божескихъ почестей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставятъ въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ скорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволенъ, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣетъ, у бабъ хлѣбъ не удастся, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволенъ, тогда онъ и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея онъ наплететъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что больше любятъ), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство прахомъ пойдетъ: все равно старайся—не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро сплетенными косами—стоитъ только ихъ расчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мнѣ лично приходилось видѣть подобныя косы въ головѣ и бородѣ у нѣкихъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдской любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видятъ его, а по большей части слышать, когда онъ съестъ муку. Это совсѣмъ маленькій и сѣдинный старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленькій, синенькій огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить соннаго человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давишь», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худу.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водино (Санскульпінъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непременно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбу черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устривай. Какую голову давали водиному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ, для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкѣ) выдернетъ и броситъ въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинныя волосы, засѣвъ гдѣ-нибудь между ивовыми кустами. Стоять водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усѣянной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домахъ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запирать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запирать замок. Такой замок или запор называется по пермяцки «Иертань», очевидно исковерканное слово Иердань.

«Православный» пермякъ вѣруеть въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы» ¹⁾. Въ рудникахъ и штольняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждять.

Понятія пермяковъ объ Единомъ Истинномъ Богѣ весьма скудны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святаго они считаютъ также за отдѣльнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слышную за куринаго бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ «Кочѣ», Чердынского уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скотъ изъ разныхъ мѣстъ, верстъ за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаетъ въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашиваетъ: «Какого Бога купилъ?»—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь. «Какъ Чудотворца?» вподошлся старикъ и тотчасъ же побѣждалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая». «То-то, удовлетворился старикъ» а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!?... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ—пусть святить. Чудотворца, говоритъ, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басенькій (красивый, хорошій, приглядный) старичекъ!» Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобшившись св. Таянъ, спросила священника: «А когда исповѣдать-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться. «Ты зачѣмъ, говоритъ ему священникъ, вѣдь ты не говѣлъ?» «Нѣтъ,

¹⁾ Въ самое недавнее время въ полдни т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадается—въ припадкѣ злости она можетъ съесть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батьюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послалъ, да ты все ве отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скуки съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. молитва: «Егорій храбрый, Микова Мивостивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, спасите и сохраните меня; матушка вода не прогвоти, а будь мивостива!»! Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермянокъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходятъ крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счастья» или, если ребенокъ боленъ, то ова или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученіемъ «счастья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаютъ не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждого изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Анфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батьюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы Агаши», а потомъ, черезъ день-два: «батьюшка, разслужи молебенъ, чтò и заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на происшедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядахъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказываетъ, но самого населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждается, забывая, что въ этой косности далеко безвинно и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Словъ «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣтъ. Пришелъ, сунулъ руку для рукопожатія—значить поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значить простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣтъ пермякаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перешеголяли насъ, русскихъ. Воровство—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣтъ, а почему бы не наоборотъ»? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, чтò лежатъ въ люлькахъ. Гостепріимны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣшительно каждаго пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угощаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣшнимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному прделается все, что имѣется въ пещкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лисвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызносіе куры, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовы рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити (разумѣется Орелъ) и около-бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти» («Пермская старина» А. Дмитриева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Иньва, Обва и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованныхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ объ утвержденіи за Григоріемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обвѣ, Иньвѣ и Косвѣ») отошло за него людей 14.003 чел. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описаніе котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патриотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко, онъ постоятъ съумѣетъ. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе Императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на одѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—хлѣбопашество. Зимой, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ трудѣ за безцѣнокъ неприспособленность пермяка даетъ себя знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя—заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

виѣтся и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшекъ включительно, по никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удоины. Оно и не мудрено: кормить ихъ всю зиму яровой соломою, а весмою, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доятъ, такъ какъ пермявки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доение коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоить, не придетъ—искать стануть, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣетъ ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодѣ, заставляеть отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ Чердынскаго уѣзда у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Прага—питье, мучное, и густое; чтобы оно было крѣпче, его держать на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькіе червячки. Эти червячки быстро растутъ, становятся прежирнѣйшими. Попали въ кружку,—ковырнулъ перстомъ, и нѣтъ досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живетъ въ жилихъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатою. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомерно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцію: плеснуть изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоими полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чуть теплой водѣ. Прямыми послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и милліарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпороджденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпородженному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей ве водится. Всѣмъ извѣстно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, идти въ свои курныя бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ вліяніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жаромъ кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточнаго становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покупаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуетъ оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальные заразные и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости, на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляетъ немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермякахъ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, и ими не вычесываются; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя въ силу какихъ-то непонятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводять, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣть вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебныя обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при побѣжанахъ, и вонющая грязь никто не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе. Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи котораго можно вполнѣ достоверно узнать: какой богъ или какой покойникъ напалъ на больного (значить, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвись». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльнаго бога,—вотъ его-то именно и находятъ при помощи заклятій. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ названіе: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вяжущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводитъ имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ извѣстныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладетъ узелокъ къ хлѣбу, гаситъ огарокъ восковой свѣчки и кладетъ ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшванницѣ, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшванницѣ рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его, приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самымъ рав-

нимъ утромъ на тошакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горячіе уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесеннаго узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и челпанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчку и, положивъ огарокъ вѣсть съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горячіе уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжвись или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствию—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе черъэшвана производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обыкновенно къ полатамъ такъ, чтобы топорѣ было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному такъ обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, черъэшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексѣя, Божьяго чемовѣка—Егвенской, Егорей—Крабой Юсьвинской, Щипицинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиранія боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произноситъ ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени котораго качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебень, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снятъ. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удостоверясь такимъ образомъ въ невинности боговъ, черъэшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается черъэшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а томоръ всетаки не качается, тогда она начинаеть задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и объщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, объщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шев). Въ иныхъ случаяхъ объщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаеть имя напавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить объщаніе черъэшваницы, и так. обр. ублаготворивъ бога, выздоровѣтъ самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыми обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквяхъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашнего, не отбѣленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ в формѣ отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черъэшваницъ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаваній и посылныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи націентонъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черъэшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжливцевъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самыя невинныя, самыя безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенно славою пользуются тѣ знахары, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполне обезпечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такіе счастливыцы шепчуть какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чанку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водою поятъ или натирають больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжливца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ нѣкто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому извѣстныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему пріѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ

вельзя не признавать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднюю осенью въ самую гололедицу олинъ и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за сѣномъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ залѣзъ на возъ и, понукнувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угораздило опрокинуться. Грянулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣлъ на него вѣжливецъ Николай, покачалъ головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣться. Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взялъ оттуда здоровое полѣно, принесъ его въ избу, разыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими прибилъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полѣно было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противоположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣва, оставилъ больного лежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подѣйствовало слишкомъ сильно; голова съ правой стороны плеча перекочевала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ пациентовъ Николая не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ потрафить. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже бесплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходитъ онъ съ головою свернутой на лѣвую сторону.

При оспѣ ребятъ, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ и подпариваютъ (почти также лѣчатъ и сифилисъ, давая при этомъ больнымъ суемую или внутрь или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ перваго же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, <чтобы не осердить оспицу>. Очевидно, и оспица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый так. обр. ребенокъ все время находится или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглоѣ, вонючей и до нельзя грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно открываемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе оспеннаго больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія оспенныхъ ужасны: нѣкоторые деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь <божья милость>. Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхожденія этой болѣзни, по возможности скрываютъ, такъ какъ пермяки свято вѣрятъ, что стоитъ только начать лѣчить, и «оспица» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нѣчто невозможное, невѣроятное, но и то, о чемъ громко говорить не принято. Когда у напившагося до потери сознанія начинается наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (остров отравленіе алкоголемъ), тогда ему ложкою или лезвиемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стошнить. Эта-то тошнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни большую роль, чѣмъ настои изъ травъ и сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смѣютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжливца. Сами колдуны крѣпко хранятъ свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявшій идетъ къ вѣжливцу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишетъ свою кабалу также, но при этомъ пишетъ буквы на выворотѣ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки т. е. на просвѣтъ ¹⁾. Здѣсь приведу тексты кабады какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабадахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабадѣ гласитъ слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоитъ; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофанъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлалъ. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чертой ты у насъ куда ве пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же беспокоить, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя поларить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...» ²⁾

¹⁾ Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.

²⁾ Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь. 1895 г.

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотнымъ и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—лѣсному царю просьбу; гдѣ у насъ находится лошадь, 50 рублей стоитъ; быть тобы у васъ? Дайте намъ добромъ, мы бы вамъ жевали поднести $\frac{1}{4}$ водки, да рыбный пирокъ. На это вы не согласны, то иначе. . . . Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не дадите, мы станемъ съ вами ссориться».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печкѣ, самимъ подателемъ прошенія, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю ¹⁾. Самая подача прошенія лѣсному царю производится такъ. Знахарь вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнію потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо, своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой нибудь пенъ или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочтя описаніе обоихъ кабалъ, вы видите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отъ дарить лѣсного царя, причѣмъ въ экземплярѣ моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практичнымъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выберется изъ лѣсу и придетъ домой, то пившій кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполненъ обѣтъ, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоитъ ли говорить, что знахарь зорко слѣдитъ за исполненіемъ обѣщанія и умѣетъ использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угонять его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидитъ ни самъ крестьянинъ, ни его родня. Почешетъ тогда перьякъ свою голову и рѣшитъ: «за дѣло наказалъ меня лѣсной царь—я обманулъ его!» Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣритъ и по-

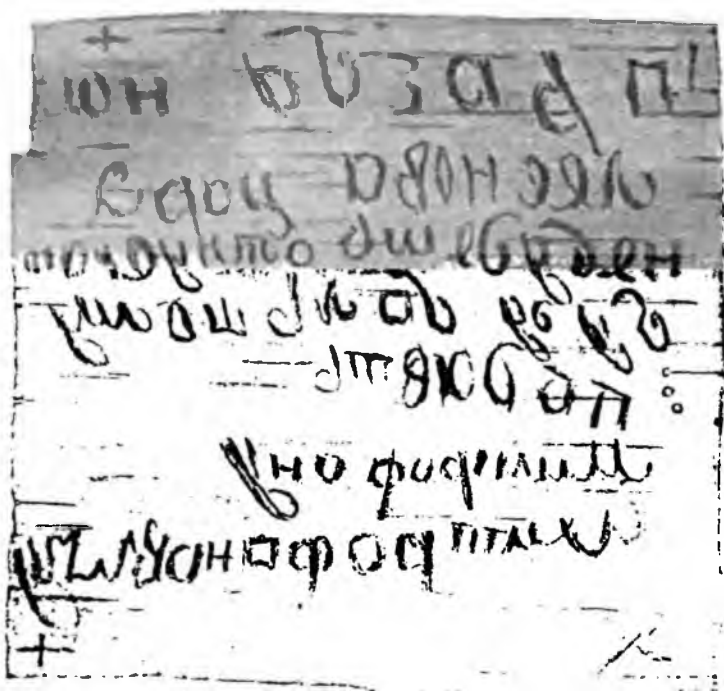
¹⁾ Это обстоятельство, очевидно, неизвестное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ или одну полную кабалу (какъ я) или, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

No 1.

No 2.

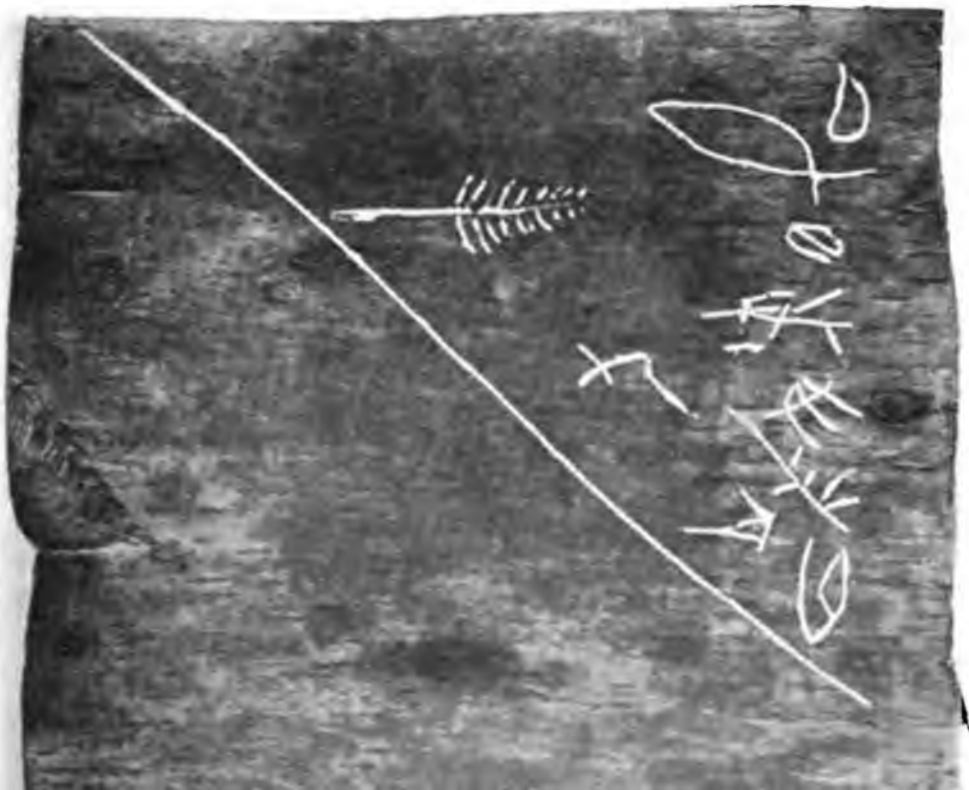

Кабала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углемъ).

№ 2 (писана гвоздемъ)

бавается его и, въ третьихъ, остальные вѣжливы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ профессиональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть сжигается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ самимъ знахаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угля. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошелъ». Понятаюсь разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рѣсается елка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты не вправѣ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мнѣ правильной только въ ея первомъ изображеніи; вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддѣльную. Судите сами: можетъ ли и хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики—писать буквы на выворотѣ, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотнѣйшая—поддѣльна; если же нѣтъ, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и при этомъ съ совершенно иными знаками, чѣмъ у той, что приобретена мною ¹⁾.

Собственно кабала состоитъ изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служить только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добропорядочность принесутъ дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія напоялъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталась кабала и г. Теплоухову.

¹⁾ 1 Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бывшій царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль знахарей не ограничивается писаніемъ кабагъ и черъшваномъ. При описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одежды. По наружному виду, пермякъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣднихъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшіе, узенькіе, монгольскаго типа; у нѣкоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нрѣдки случаи альбинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣетъ замѣчательно бѣлые волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видятъ днемъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣтъ. Пермяцкая одежда незатѣйливая. Женщины носятъ на головѣ шамшуръ (родъ нашего очипка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашняго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинутъ платокъ, а талію охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго тѣмъ, что онъ обшитъ опушкою изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Ненитіе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурнаго тона и встрѣчается или у записнаго лѣнтя или у пьяницы. Поверхъ этой одежды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (пальто), а зимой шерстяной вилпунъ; кто побогаче—носитъ и шубу. Мужская одежда, кромѣ обыкновеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вроде длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вроде матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запонъ всегда или бѣлаго или синяго цвѣта. Шапки лѣтомъ круглыя, войлочные, киргизскаго образца, а зимой большія, самодѣльные изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныя и очень теплыя. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднее неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Слѣдуютъ, что во время беременности, рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе она никакъ не одѣвается, и ходить тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ замнюю стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь изодраннымъ дубасомъ.

Отдѣльныя части одежды называются лонотью, лопотниною; вся же одежда и бѣлье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изводрава всю вопоть», говоритъ пермянка, когда у ней ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хващъ чисто-чисто и рубива»,—плачетъ она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такіе любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ совсѣмъ съ плечъ. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣрья, объ этомъ и говорить не стоитъ. Ребятъ одѣваютъ совсѣмъ попросту в у нинхъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашенкѣ сомнительной цѣлости. Повидимому, нигдѣ такъ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества пріемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Пріемышей много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и пріемными дѣтьми и, взростивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтеннаго какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытовая черта замѣчательно гуманная. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятія о цѣломудріи почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочны и устои семейной жизни. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и не вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего важивешь—говоритъ пермякъ—а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволокъ есть (ребенокъ, управляющій лошадью во время бороненья)». Братъ моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, сложила надъ нимъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. «Жениться—женись и дѣтей наживай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Миѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ бѣдѣ, чѣмъ юношѣ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣчала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣетъ ребенка: «не видала я его, что-ли», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ мѣстныхъ этнографовъ, Рогова, перваго бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ по крайней мѣрѣ въ мѣстнѣ общества, уже потеряли дѣвство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей

своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: «что разъ (т. е. развѣ) дочь моя пенна (отъ слова пеня, пенный—виновный), что прижель ты сватать»? Немѣнне дѣтей для замужней женщины большое несчастье; ее бьютъ и корятъ всѣ въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки прыгуть дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ нижеподписавшіеся ставили условіе: истецъ отдаетъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истеченіи срока, представилъ ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платитъ нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истеченіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жену и даже съ ребенкомъ, но не мужского, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора найма, проситъ присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрятъ на честныхъ дѣвушекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина пермячка съ просьбой о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, въ виду того, что мужъ безпощадно бьетъ ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно. — «За что же бьетъ онъ тебя. Вѣрно сама нехорошо себя ведешь», — спрашиваетъ ее земскій. — «Именно за то и бьетъ, батюшка, что съизнала себя хорошо держала». — «Какъ-такъ»? — «Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня коритъ: даже въ дѣвкахъ была, никто на тебя не позарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На увѣщанія одного изъ священниковъ жить правственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣдь мы, батюшка, и такъ по божьи живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣлъ, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ!» Не удивительно, поэтому, что въ семьѣ пермяка рѣдко бываетъ тишь да гладь. Всѣ семейные устои распатаны, взаимнаго уваженія и довѣрія нѣтъ и въ поминѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже и на языкѣ пермячкомъ. Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ предродовой и послѣродовой періоды, тяжелая работа—все это немало способствуетъ измѣлчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бьютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься—еще и не такъ вздуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнію бьющихъ, не наносятъ. «Да нешто я билъ; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнулъ», говоритъ супругъ, по поводу причитаній нѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательною жестокостью; доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, что ва нее смотрятъ лишь какъ на самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явленіе совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваютъ женъ у своихъ братьевъ; нерѣдко даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бывають случаи и сожительства сыновей съ матерями и дочерей съ отцами. Случаи по- слѣдняго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.— за тѣми, приемыши.—Свадебные обряды.—Угощеніе (стола, пелвиня). — Похороны.—Поминки.—Душа покойнаго.—Заговоры отъ сглазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ чедовѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именины и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто; на нихъ смотрятъ небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломѣ, а на нее и кладутъ роженницу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больше; онѣ помогаютъ роженницѣ. Если, по мнѣнію этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то онѣ начинаютъ мять бабѣ животъ, трясуть ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшивание производятъ или за руки, если ребенокъ идетъ правильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ неправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжкихъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употребленіемъ средствъ симпатическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расклетеніе водосѣ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмываетъ и паритъ ребенка. Одна изъ бабушекъ въ то же время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, зачерпнувъ тамъ приторшпеню воды, которую непремѣнно черпаетъ не противъ теченія, а по теченію, опускаетъ ее по локтю въ тузъ (ведерко, взявъ бересты). При этомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни приазоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды триде- вять горстей (т. е. три раза по девяти), которыя считаются всегда съ отри- цаніемъ, какъ говорится, «сзали»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и срыски-

ваетъ ея съ березоваго уголька (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденнаго; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продѣлывается отъ «уроковъ» — отъ сглазу. Въ силу уроковъ вѣрять далеко не одни пермяки, а и люди весьма интеллигентные. Новорожденнаго, затѣмъ, приносятъ въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженницу же, напивъ и накормивъ, оставляютъ въ покоѣ. Въ ближайшій праздничный день новорожденнаго несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ обѣдни батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и одно для всѣхъ дѣвочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходятъ недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреные имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рожденіи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный широгъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаютъ иной разъ не только не меньше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подбавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленькій ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разрешится не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываютъ, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснѣйшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время морова). Съ достиженіемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребятъ начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жалъ лишь одного — школъ не хватаетъ.

Именины празднуютъ у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ именинникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто выдалъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», напьется по этому случаю до-пьяна, предварительно сходивъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды, они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невесты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, презрѣдно выдрали, а затѣмъ и женили въ тотъ же операционный день. О томъ же говорить и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня жонили,
Я на мельничѣ былъ.
Пріѣзжаю я домой,
Меня жавуютъ жоной.

Женятъ пермяковъ чаще всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявши свою волюшку. Поэтому, чуть не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтъ силъ, становится обладателемъ предпочтѣннѣйшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрнѣйшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вещей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ, заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланный родителями жениха свать или сваха, при входѣ въ домъ невесты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришелъ сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отошкомъ не кидаться (старыми лантями), ожегомъ (палка, которой мѣнаютъ въ печи уголья, отъ сгорания она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невеста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породниться)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значить. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаньи напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невесты только курятся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концовъ послѣдуетъ отказъ. Свать усиленно хваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спать и видѣть только одно—свою желанную невесту (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тотъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ нехудаль, того и гляди помереть, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнимую услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невесты не отстают от свата и до небесъ восхваляютъ добрыя качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преринетъ сказать, что лучше рабочей, невдвинѣйшей его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволокани, найти нельзя. Зато и свать, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говорить, что за невестой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же свать уговаривается съ родителями невесты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, что только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходитъ и до драки. Сваты чаще всего приѣзжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ то же время на хозяйскій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, водка. Распитіе ея составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идетъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невеста потчуетъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удаляется, а родители ея и свать начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здѣсь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много раззорительно, но страшно и мало дать. Тогда молодую изъѣдаютъ покорани: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ поконченъ, свать уѣзжаетъ и приѣзжаетъ обратно не поздне слѣдующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершается пропой, но не рукобитье (этого уже нѣтъ). Приѣзжаютъ возможно рано и ужъ ни въ какомъ случаѣ не поздне полудня. Приѣзжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, привозятъ: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только взомель женихъ, невеста накрываетъ на столъ, а ее родственники устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, женихъ и невесту сажаютъ въ передній уголъ и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголъ, до конца пропой, а копецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермяковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропой (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невесту нарочно привезеннымъ для нея десертомъ: пряниками, конфетами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разумѣется, что сугубо непраздными остаются приѣздомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка распивается чуть ли не моментально, за нею тотчас же появляется новая, приготовленная въ ожиданіи пріѣзда дорогихъ гостей родителями неvěсты, а чаще нѣмъ же сдѣланная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣтъ, то подается или хмѣльное—прехмѣльное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитья наступаетъ только тогда, когда всѣ поѣзжане, а нынѣ и женихъ съ неvěстой перепились. Раньше было въ обычаѣ, что новонарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современнаго рукобитья представляется безшабашнымъ пьянствомъ. Да и сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ изрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропой или рукобитья составляетъ весьма существенное значеніе при просватаньи. Послѣ давъ слова еще можно отказаться, но послѣ пропой отказъ невозможенъ. Рукобитье—половина закова, и отказаться послѣ него значитъ «законъ разлучить», а это великій грѣхъ.

Свадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бываютъ въ одно промежутокъ. Въ день свадьбы женихъ еще до сбора поѣзжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ пріѣзда гостей. Среди поѣзжанъ находится и заранѣе приглашенный вѣжливецъ, безъ котораго свадьба не обходится. Собственно говоря при совершеніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякомъ случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжлива, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онъ слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только поѣзжане усьдѣлись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ и женщины ѣдутъ лѣтомъ верхами, причемъ женщины и дѣвушки ѣдутъ по-мужски, и ѣдутъ прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуется ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь изъ ухабѣ, это уже означаетъ нерадивость вѣжлива: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и, поэтому обязанъ тотчасъ же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, я никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ поѣзжанъ. Для постороннихъ же, т. е. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказанье. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ слѣпые сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортить. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не равны сплю. Есть получше-покрѣче, есть и по-

хуже-послабше. Разъ въ свадьбѣ принявъ руководство лучшей—сильнѣйшей вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортитъ. Даже встрѣчныя свадьбы должны будутъ не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустьяхъ. Пока вѣжливецъ не пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаютъ каждое его слово. Зато, когда колдунъ напьется до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ постели не одну недѣлю. Бьютъ вѣжливецъ только безобразно пьянаго, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бьютъ же его за сдѣланный кому-нибудь до этого времени вредъ, т. е. самимъ поѣзжанамъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣннымъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и пригипляютъ этотъ воскъ къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ продѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ тоже время доказываетъ и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависитъ всякая пакость въ Божьемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказываетъ, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступилась. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участи. По возвращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подвыпившій старшій вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою силу. Да не на таковского началъ; шутникъ-колдунъ, съ нимъ и спорить не сталъ. «Куда, говоритъ онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее заклану, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не высидѣть». — «Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Поспорили. Взяли по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то закланія. Потомъ подошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ стараго стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подаль ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, всетаки весь выпилъ. Поѣзжане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрять поѣзжане—что за притча такая: мутить стараго вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пить себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Блѣднѣетъ старикъ и, въ концѣ концовъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки путникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ кастороваго масла. Вѣжливецъ потерялъ всякій престижъ, а слѣд. и заработокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многіе послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый обрядъ вѣнчанія оказывается невозможно дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большимъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные, выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодухи заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашмуръ—съ этого момента перманка становится покрываломъ. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ вапазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невесты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простылъ. Пирогъ разламывается молодухою пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ тотъ, такъ и другая обязаны съѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самаго вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнчающіеся еще при рукобитии и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательнаго ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невестою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побьютъ преосновательно, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьютъ. При чтеніи евангелія во время вѣнчанія невеста, разъ она нравственна, подходитъ къ аналою и кладетъ на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невеста так. обр. передаетъ Самому Богу. То, что обозначало раньше цѣломудріе, то, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы дѣвической красоты и чистоты вызываетъ нынѣ сальными улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньше онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едва ли можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительскаго дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтъ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возвращеніи не соблюдается, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стеречься задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходятъ въ низенькія двери пермяцкихъ набушекъ, перегнувшись чуть не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попоятъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбець (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ простъ до нелзя. Открывается голбець, куда по малюсенькой и зачастую чуть живою дѣсенку спускаются въ предпештвѣн вѣжливецъ и свахъ съ нуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣзжане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное ложе молодыхъ и выпивъ бражки, поѣзжане уходятъ кверху, и въ голбцѣ остаются только молодые съ вѣжливецомъ и свахами. Въ самомъ голбцѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный пирожекъ на закуску. Съ благословенія вѣжливецъ начинается, при помощи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ и молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допировывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливецъ изъ подполья, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьютъ за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушено. Тостамъ при выпивкѣ нѣтъ числа: пьютъ за каждаго гостя отдѣльно, пьютъ за горе и удачу, даже за дѣла подпольныя, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣзжане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почиститься, т. е. помыться. Поѣзжане же во время мытья ихъ бьютъ о двери и стѣны ея разную глиняную посуду, разумѣется, уже никуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая даритъ свою свекровку ею самую вышитою и сшитою рубашкою; рубаха эта, хотя и ночная, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ и тѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу съизнова. Понятно, что такое издѣвательство не проходитъ даромъ и поѣзжане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣрнѣе—дольше, тотъ бросаетъ или монеты покрупнѣе или почаще. По окончаніи метенія

половъ, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодухи) беретъ стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшетъ, а гости въ это время вновь пьютъ и бьютъ нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и при метеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходы съ ласковой улыбочкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Иные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плеснутъ на хорошую, бѣлую рубашку стаканъ краснаго или другого вина, да бросать въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы— это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдъ. Готовить его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ нымъ страпухъ. Чѣмъ больше кушаній въ смыслѣ переимѣй, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ шеи, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельнянь—традиціоннаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малые ребята; грудныхъ поятъ только теплой бражкой (тоже хивльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидятъ иногда по полсутокъ, а смѣны блюдъ считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы—самый главный. Онъ называется большіе столы. У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣтъ почти никакой; конечно въ послѣднихъ поменьше блюдъ и —только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправленіи невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносится и передается дружкѣ, который и ѣдетъ съ нимъ въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ вещи къ молодымъ.

Такъ совершается свадьба въ захолустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посовѣтовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то—дѣло подходящее, пріѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинается происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бьютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходятъ къ

образами и молятся Богу. Прослышавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплою бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣжлива, но уже ломанная русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермяцкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, признано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ розыскамъ (Роговъ, Шищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, пирующие угощаются на славу, кушая разные пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсень невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ одариванья, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенья включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарятъ самымъ дорогимъ, деньгами. При самомъ разѣздѣ съ рукобитья невѣста даритъ и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинается ѣздить по гостямъ. Въ поѣздкахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣстѣ подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь елзы запѣваетъ вытчица, при чемъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводитъ не раньше, какъ встанетъ по срединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубоваго,
На бѣлокатанномъ войлочкѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочки,
На своя рѣзвыя ноженъки.
Ужъ я кваяюсь моводешенька

Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищущѣмъ,
Не могу высмѣкати,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего родимаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здѣсь вытчица начинаетъ перебирать рѣшительно всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляютъ ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концовъ, подъѣзжаетъ обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводитъ пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшіеся поѣзжане.

На встрѣчу выходить изъ дому сестра или близкая родственница невѣсты, выносятъ съ собою теплую брагу или водку и подчуетъ ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей питье. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входятъ въ домъ. Здѣсь съизнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дому успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, вылѣзаютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильно, помочь ей. Во время пѣнія пѣсенъ никакихъ плясокъ не происходитъ.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, время отъ времени, потягиваютъ бражку) и вновь въ голосъ начинаютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ пермаки крайне невыскаательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общеою любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣвокатанномъ воѣчкѣ,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватыюшкѣ.
Послѣшите дойти до меня,

До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареньице—
Да на худое рукодѣйице,
У меня стойко свучивоса.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причеъ невѣста дарить каждого посильно я какъ при рукобитѣ было уговорено. Послѣ одариванія съ невѣстой остаются только ея подруги, которыя и помогаютъ ей снаряжаться къ свадьбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженъе) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное выте: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ дѣвушки посылаются за водой, иди за ней, онѣ поютъ.

Ужъ вы, кумушки,
Вы, подруженьки,
Посбужите мнѣ, моводешенькѣ (не-
вѣста идетъ съ ними же).
Отъ роду мнѣ впервые,
Сегодня мнѣ въ посвѣднее.
Вы возьмите ведра
На круты пвеча,
Идите вы по воду

На Дунай рѣчку быструю.
Ужъ вы черпайте, мои кумушки,
По пути воды бѣгучей.
Принесите мнѣ воду
И наварите щевоку.
Наварите щевочки слязкіе—
Хорошо мнѣ умыватися,
Чисто стнаряжатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а повѣзжанки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; приэтомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитаютъ. Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то въ честь ихъ поютъ поминальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,
Со восточной сторонушки.
Вы слуйте же, вѣтры буйные,
Со сырой земли бѣвы снѣжки.
Раздвойся-ка, мать-сыра земля,
Расковися-ка гробова доска,
Распахнитесь, саваны бѣвые,
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) ба-
тющки (матушка),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя)
батюшка (матушка),
Да свои очи ясныя.
Да проснись-ка, родимый (ая) ба-
тющка (матушка),
Да отъ сна, отъ вѣчнаго,
Отверзи уста свадкія.
Востань-ка, востань-ка,
Родимый (ая) мой (моя) батюшка
(матушка),

На свои рѣзвыя ноженьки.
Направь-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Сызоперья кривышка,
Полетай-ка родимый (ая) батюшка
(матушка)
На сине морюшко.
Ужъ ты смой-ко, родимый (ая) ба-
тющка (матушка),
Со бѣва лича ражавчину,
Съ ретива сердца червоточены.
Придтай-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Да въ нашу горенку.
Бвагосвовѣяйте меня, родимый (ая)
батюшка (матушка),
Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постилаютъ солому и уже на солому начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вытѣю. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще непорочныхъ, обязательно носятъ въ косѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадьбы—ленту «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше—

и еще совѣсьмъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣстѣ съ красотой пѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сумеркаются
О красной дѣвушкѣ.
Цвѣтная красота
Бьется — убивается,
Около дѣвушки завивается.
Повно вамъ дѣвушки
Красоватся,
Пора времечку
Разставатся.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,

Во свою праву рученьку,
Свою русу косыньку.
Развяжи авую ленточку
Предъ Пресвятую икону
Божью Матерь.
Пусть она тутъ успокоится
И отъ всего прихранится,
Пока я буду умываться,
Хорошо стнаряжаться.

Дѣвушки идутъ топить баню, а когда истопятъ ее, то расплетаютъ невѣстину косу, садятъ ее за столъ и поютъ.

Ужъ не восточка—
Касаточка,
Она вьется—увивается
Около матушки родимой.
Помоги-ка дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
Да души красной дѣвицы.

Развяжи-ка, родимая матушка,
Мои авыя ленточки,
Расплети мою дѣвичью красоту.
И въ говубушку трубчату косу
Не поднимаются мои рученьки бѣвыя,
На свою буѣну гововушку.

Мать, если же ея нѣтъ у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста проситъ благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, нѣныя идутъ разряженными (замаскированными) и при этомъ всѣ поютъ пѣсни.

Наглядись-ка моя
Руса косынька,
Наглядись-ка авая ленточка,
Какъ на небо съ синя-говубое.
На батюшку на свѣтѣ—мѣсяць
И на частыя мевкія звѣздочки.
Наглядись-ка моя русая коса
На всѣ четыре сторонушки:

На поля—на широкія,
На вуга —на зеленыя,
На всѣ дороженьки
И троиночки.
Наглядись-ка моя руса коса
На дѣса дремучіе,
На рѣченьки быстрыя,
На всѣ уочки-переуочки.

Дѣвушки подходятъ къ банѣ, передъ дверьми которой останавливаются, заводя новую пѣсню.

Ужъ вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопили мнѣ банюшку.
Нагрѣли-ли воды горячія?

Накипятили-ли щевки слизкіе?
Приготовили-ли вѣтошки шевковыя,
Мыла-то канфарныя?

Въ баню, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, причесть невѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выйдетъ замужъ и ея мужъ шибко парить (бить) станетъ». Баню для невѣсты топятъ подъ наблюденіемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ баню не поколотилъ головѣшекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обречется на всю жизнь на битые супругомъ и его родней. По окончаніи мытья, вновь начинается вытье пѣсенъ.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученьки бѣвыя,
Не согрѣли мое тѣло бѣвое
Отъ вѣнчика горячаго.
Не угадивось мое сердечико
Вашей этой теплой банюшкой.
Раскатысь-ка наша банюшка
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка наша банюшка
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,

Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то соперничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка наша каменка
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка наша каменка
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Моя-то сопернички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здѣсь, уже передъ самыми дверями, всѣ поѣзжане-хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ всхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни перьяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, порой при сильномъ вѣтрѣ, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передъ дверьми дома поется пѣсня:

Не хотѣва, родимая матушка,
На мосту заморозити.
Прищипава рѣзвыя ноженьки
Ко сафьяннымъ ко башмачикамъ.
Прищипава бѣвы рученьки
Ко скобѣ ко желѣзной.
Я иду, моводешенька,

Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Переквадинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходить мать или сестра невесты и выносить ей шить (брагу). Невѣста входитъ въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣдній разъ въ этотъ день—заплетаютъ косу, причемъ «красота» въ нее уже не вылетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невесту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончаніи этой пѣсни всѣ присутствующіе отдариваютъ невесту деньгами и плачутъ, припѣвая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.

Ужъ и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святые иконы смѣняти.
Есть Божіи храмы—построены,
Есть святые иконы—смѣняны.
Не откупится будетъ этой гривной
зовотой

Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонущи.
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонущи,
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Отъ чужаго чужь-чуженина.
Откуписься ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонущи
Моей-то буйной гововушкой.
Отдарисься, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвничей красотой
Чужому чужь-чуженину.

И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванія, вновь даритъ невесту деньгами и приноситъ ей шамшуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шамшуру снимается только въ банѣ и надевается на голову женщины даже при ея погребеніи.

Я бы дѣвица возрадовалася,
Душа моя возвеселилася.

Я еще бы дѣвушкой оставалася,
Да еще бы красовалася.

Много слезъ приходится пролить и невестѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день. Не успѣетъ зазариться востокъ, какъ въ домъ невесты все приходитъ въ движеніе; вновь появляется угощеніе, вновь то заплетается, то расплетается невестина коса и, по прежнему, поются заунывные, словно похоронные, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнія къ самимъ себѣ, приправляемые слезами.

Ужъ ты, восточка-касаточка,
Она вьется-увивается,

Оково матушки родимой.
Вы можете ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки,
До души красной дѣвицы,
До моей буйной говоушки,

До моей дѣвѣй красоты,
Развязать авую ленточку,
Расплести мою дѣвю «красоту».

И т. дал.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соотвѣстственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и накануне, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая родственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время вплетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣсту и вновь невѣстина коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,
Не спасибо, мои подруженьки,
Обмануви меня, моводешеньку,
Посадили за стоу дубовенькій.
Посмотри-ка, родимая матушка—
Развязали мои авыя ленточки,
Расплели мою русую косу.
Растрепавли мою буйную говоушку.
Нѣтъ, не жавѣетъ меня мамонька,

Не выводить изъ-за стова дубаваго,
Не плететь мнѣ русу косыньку.
Не завяжетъ мнѣ авую ленточку;
Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Пора мнѣ разставитися
Со своей дѣвѣй красотой разставитися.
Ну, что такое свучивося.
Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?

И т. дал.

Когда рѣшительно всѣ кумушки-подруженьки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»
Отъ меня—моводешеньки
По стову по дубовенькому;
Среди пова останавливася,
Низко всѣмъ поклонивася...
Вотъ пошва моя «красота»
Съ душой красной дѣвицей,
И пошва—до дверей дошва;
И пошва по новымъ сѣнямъ,
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.
Вотъ и пошва наша «красота»
И до саней дошва,
Въ саночки садивася,
Во Божью церковь кативася.
Пріѣзжаеъ къ Божьему храму—

Тутъ она останавливася,
Красной дѣвицѣ поклонивася.
Ты прощай, прощай, моя дѣвица;
Ужъ не довго красоватися,
Пора-времячко разставатися.
Вотъ заходятъ они
Во Божью церковь.
Среди церкви становятся,
Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
Богу молятся.
Свѣчи ярко зажигають,
Попы, дьяконы одѣваются;
Двери царскія растворяются;
Книги евангелія открываются...
Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной дѣвушки
Во святую книгу-евангеліи.
Тутъ она остановилася,
Низко дѣвушкѣ поклонилася.
Ты прощай-прощай, красная дѣвица,
Хорошо мы съ тобою красовались.

Ужъ и гдѣ мы съ тобою увидимся,
Гдѣ встрѣчу мы советрѣтисся:
И во снѣ мы не увидимся.
Только разъ еще увидимся—
Во христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолясь, просить у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она просить его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, подерживаемая подруженьками-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, запѣваетъ.

Я стою моводешенька
Среди пова дубоваго
На бѣвокатанномъ ва войлокѣ
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго
Своему родимому батюшкѣ.
Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
Не звата, ни серебра,
Ни скатнаго жемчуга.

Прошу я у васъ,
Родимый батюшка,
Бвагосѣвъенница великаго.
Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
Хорошо стнаряжатися,
Во Божью церковь ѣхати,
Законъ божій приняти
Со чужимъ, со чужениномъ,
Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту словами: Богъ бвагосѣовитъ». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсю (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ такихъ нѣтъ, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбецъ и уноситъ съ собою мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣсту и снаряжаютъ ее. При одѣваніи прежде всего «лычикомъ» крѣпко-на крѣпко вяжутъ невѣстину бѣлое тѣло, а ужъ сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совсѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молятся Богу, вставъ—обязательно—по срединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлочкѣ.

За кого же я Богу молюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За царя бваговѣрнаго,
За царичу усердную.
За кого Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?

Я за батюшку родимаго
И за матушку родимую.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же поквонъ повожу?
За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.
За кого же я еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,
За чужую свекровь-матушку.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же еще поквонъ повожу?
За чужихъ-то деверей-братчиковъ,

За чужихъ зововокъ-сестричекъ.
За кого же еще Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Да за чужаго чужь-чуженина,
За свою буйную гововушку.
Создай намъ, Боже и Господи,
Даръ здоровья намъ крѣпкаго,
Ума-разума хорошаго.

Свашить со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входитъ, освѣдомляясь предварительно, можно или нѣтъ ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаетъ невѣста пѣніемъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Восприѣмная крестная матушка,
Ты зачѣмъ поздно пріѣхала,
Когда я уже засватана
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.
Ты тогда бы пріѣхала,
Когда я была не сосватанная.
Сва бы межъ родимаго батюшки
И межъ родимую мою матушку,
Разговорива бы ихъ о моеѣ-то выдать.

Я бы еще дѣвушкой-то оставалась,
Весну красную красовалась.
Разскажи-ка, моя крестенькая,
Про чужую дальнюю сторонущу,
Про чужаго отца-батюшку,
Про чужую свекровь-матушку,
Про чужаго деверя-братчика,
Про чужаго чужь-чуженина.

Крестная макенька или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поетъ ея окончаніе:

Разскажу я тебѣ, моя крестница,
Про чужую дальнюю сторонущу:
«Ровно зимонька студеная».
Какъ чужой-то свекоръ-батюшка—
«Въ поѣ ровно лютой звѣрь».
Какъ чужая-то свекровь-матушка—
«Ровно звая мѣдвѣдича».

Какъ чужіе-то деверья-братчики,
«Какъ черные соборы».
Какъ чужая чужь-чуженина—
«Великая занубушка,
Безъ морозу тебя вызнобить
И безъ вѣтру тебя высушить».

Невѣста, за частую совершенно не знающая своего чужь-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорятъ пермяки: говосомъ воетъ. Вытица, подружки, да и вся родня, словно спохватившись, режутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается дѣйствительно потрясающая. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсень ожидаетъ невѣста и поѣзжане пріѣзда жениха. Врѣня тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающійся поѣздъ жениха—зимой на нѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда всѣ сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзжаютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки.
Мои ѣдутъ сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ нелѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкіе.
Налетятъ черны вороны,
Подхватятъ меня бѣвую лебедушку
За сиво-перыя кривышки;

Утащатъ меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моею буйной гововушкой.
Торговався бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моею буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подъѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачь. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходитъ изъ саней и говоритъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Дома ли хозяинъ»? На что домохозяинъ (—зыйка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:— «дома». Тогда колдунъ спрашиваетъ: «было ли сватовство; было ли просватанье; было ли обручение»? Ему отвѣчаетъ: «Было». Тогда спрашивающій говоритъ: «нашъ князь просится въ вашъ дворъ въѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣчать или самимъ въѣзжать»?— «Ну, хорошо, отвѣчаютъ изъ избы въ окно, встрѣчать выйдемъ; сами встрѣчать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно уславливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки я, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуетъ: «о томъ бьемся, о томъ кваньемся, нѣтъ ли у васъ звыхъ собакъ; нѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣбамъ; старыхъ старухъ по поватамъ»! Ворота отпираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отпирая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однакоже выговорить себѣ немного-не-мало, какъ-то, чтобы его напоили до-пьяна. Послѣ угощенія братца, поѣзжане въѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ беретъ въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный пирогъ, лагунъ съ пивомъ и входитъ въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладетъ передъ иконами поклоны и приговариваетъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ»! — «Аминь. Ваша молитва», отвѣчаетъ ему вытчица.— «Мы прибыли со всѣмъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгиня?» — «Жива и здорова», отвѣчаютъ ему. — «Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что жданы», говоритъ вѣжливецъ и проходить за занавѣсъ, гдѣ сидитъ невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите мои гостинчики со чужой, дальней сторонушки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не прину ваши гостинчики
Со чужой, дальней сторонушки
Безъ родимаго отца-батушки,

Безъ родимой моей матушки,
Безъ братчика родимаго,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсъ приходятъ отецъ и мать и благословляютъ невѣсту, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашиваетъ: «смирнѣе ширнуть, пырнуть; наша невѣста укуклилась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на куньихъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черянянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ пырните: наша невѣста укуклилась». Послѣ этого невѣста беретъ изъ рукъ вѣжлива подарки, подымаетъ ихъ на свою «буиную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпана, символизирующаго довольство. Люди зажиточные приносятъ не по одному, а по нѣсколько штукъ, и тогда невѣстѣ приходится знакомиться съ вкусомъ каждаго изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣзжане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передній уголъ на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходитъ съ ними за занавѣсъ къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же зацѣвуютъ.

Свашенька-разсвашенька,
Зачѣмъ скоро подскочива
Безъ спроса родимаго батюшки,
И родимой матушки?
Не приму я ваше цвѣтно пватынце
Безъ родимаго батюшки,
Родимой моей матушки.

Вы можете дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
До моей буиной гововушки.
Благословляйте меня, моводешеньки
Хорошо мнѣ стнаряжатися
Мнѣ въ Божью церковь ѣхати,
Законъ Божій принять.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова»! Какъ только последовало это объявленіе, встаетъ вѣжливецъ и говоритъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Моводой князь сидитъ за столомъ дубовенькимъ, за стовешенкой кедровой, за скатертью шитой-браною, за пятами за бражними, за явствами за свадкими; кваляется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвыя ручки, за бумажный

иваточекъ. Врєня али не время выводить. Говорять, что время? Послѣ этаго запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсъ и поетъ.

Я не выйду и не выступлю	Мнѣ въ Божью церковь ѣхати
Изъ куты-занавѣса	За чужь-чужимъ чуженномъ,
Безъ родинаго батюшки,	Мнѣ законъ Божій принять,
Безъ родимой моей матушки.	Чудный крестъ цѣловати:
Бвагосъовѣяйте меня моводешеньку	Бвагосъовѣяйте меня всѣ крещеные!

Невѣсту выводить на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣшивая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и кланяется на всѣ четыре стороны, затѣмъ, отвѣшиваетъ особый поклонъ жениху. Когда она садеть, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобитыи. Сваха подноситъ невѣстѣ опояску, и та лично опоясываетъ ею жениха, который и отдариваетъ свою ласковую княгинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжлива, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обрусѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладываньи молодыхъ въ голбцѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣваніе молодыхъ, причемъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говорить: «стану, я рабъ божій, бвагосъоваясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совышко, подъ бѣвыи мѣсяцъ, подъ часты мевки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присущая; подойду поближая, поквонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присеунить, праву ручку поцѣвую, о чемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ одѣяломъ, доканчивается: «Аминь» и уходитъ.

Иногда на другой день свадьбы всѣ поѣзжане раннимъ утронъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причемъ вся эта ватага идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросаетъ—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она задариваетъ водяного, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умиваніи происходятъ комичныя картинки. Только кто-нибудь вымылся, глядь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбамъ устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной парень работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, пріѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявляютъ: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости, такую-то дѣвку высватали. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будеть; чѣмъ стропниую (работницу) держать, лучше стряпку въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ «работникомъ». Ваять на себя работника значить — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Приѣдетъ женихъ и видитъ — уродъ его невѣста. Перетерпѣть до свадьбы, зато потомъ.... тяжелое житѣе и отъ мужа, я отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то, такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаше всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подъѣхалъ къ дому пермякъ; ему лѣнь самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричитъ: «Кага, каа-га!» (ворона, ворона). Зато собственныхъ именъ не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее. — «Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ?» спрашиваютъ тамъ. — «Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленіемъ спрашиваютъ: «да неужели же сосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣжденіемъ въ голосъ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говоритъ: «какъ же, въ сусѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ — никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣдны, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ расчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой и сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча — собака попалась, не поѣду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ее». Зато попадись навстрѣчу свинья — лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдаются то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодуха не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ соборное воскресенье всѣ молодухи приѣзжаютъ въ церковь и здѣсь встрѣчаются съ своими подруженьками. Послѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злоключеніяхъ и притомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхавъ «сковородники» продавать (губы при плачѣ слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посѣщаютъ неохотно; но стоитъ кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боясь смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе не удивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ни разу не соборованнаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начинаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обмываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкою и ставятъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности никуда негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякое время года, т. е. в лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собою челпанъ и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку загѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадаетъ на встрѣчу, бросается взятый изъ дома челпанъ—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлѣбъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжело оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорбленіе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большого парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Поднимитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со гвубокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Раздвойся ты, сыра-земля,
Раззавись гробова доска
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты встань-ко, встань,

Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня моводешеньки
Про мое житье-бытье сиротское.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясенъ ты мой соконачекъ.
Куда ты взлетѣлъ
Мой соконачекъ.
Во вѣчныя твои свояси.

Оставяешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Остави ты мнѣ на память
Твой хорошій образъ
Ангейскаго лица,
Не могу я твой икъ зааа-а-абымыть.

Провожая свекра, причитаютъ такъ.

Богдарный ты мой батюшка,
Не во вору, не во времяячко
Оставляя насъ моводыхъ.
Какъ мы будемъ дома правити?
Кто насъ будетъ будить

По утру ранешенько?
Кто намъ будетъ работу сказывать?
Твой сынъ моводенекъ,
Я сама зевененька —
Остаюсь съ мавыми дѣткааа-а-ааинии.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейскаго смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ — причитаніи свекровкѣ, женщинѣ — какъ вездѣ — суровой, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,
Вейкая моя надѣюшка!
Не во пору, не во времяячко
Подвоивись твои рѣзвыя ноженъки,
Повавивась твоя буйная говоушка,
Опаи твои бѣвыя рученьки
И не будутъ мнѣ помогати.
И пойду я на лѣтнюю работу,
Останю я своихъ мавыхъ дѣточекъ
Съ чужой-то свугой и замѣнушкой.

Не по моему дѣво дѣвають.
Возмутиться мое серце ретивое
И вспомниться богдарная
Моя матушка.
При вейкой моей заботушкѣ
Прійдемъ съ поя по вечеру поздненько,
Повстрѣчаешъ ты насъ, наша матушка,
И все дѣо твое исправъенное
Да и про насъ ужинъ приготовавее-е-сеный.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,
Ученица моя (учительница-настави-
тельница)!
Кто мнѣ дѣво прикажетъ,
Учевича моя!
Ужъ и тыжъ меня любива,

Ученица моя!
И любива ты и бива,
Ученица моя!
Наставляа на умъ-разумъ ты меня,
Ученица мооо-о-оаяя!

Привезеннаго въ село покойника, первоначально оставляютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отцу-батюшкѣ духовному и проситъ его прійти и отпѣть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаніями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровенъ, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершеніи краткой литіи, везетъ покойника къ церковной паперти и оттуда вноситъ въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровожд-

деніи духовенства (а при неуплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносятъ изъ церкви въ кладбище. Могила копають весьма неглубокія. Какъ только покойника выносятъ изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно раздаются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, слезы прекращаются и поѣзжане уѣзжаютъ домой помянуть покойника. Торопятся пермяки съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по зову» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ людю скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—прийти ей отъ трупа назадъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятностей, поскорѣе распространиться съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохраненія и заставляетъ пермяковъ продѣлывать разныя странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ послѣднемъ случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ могъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только вставать изъ могилъ, но и совершать довольно-таки отдаленныя прогулки, вывертываютъ оглобли и самыя дровни перевертываютъ вверхъ копыльями (полозьями), причѣмъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направлению дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылезти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, если и поѣдетъ, такъ не въ сторону семейниковъ, а въ противоположную, не найдетъ ихъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенныя работы покойникъ положить такъ много времени, что до пѣтуховъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокойничка». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, устроить какую-либо каверзу или упрямить кого слѣдуетъ напомнить о своемъ загробномъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по домашнему обиходу. Все это виѣтъ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, сверхъ обыденныхъ поминокъ, сорокоусть (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кромѣ того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальнички. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣдѣ 15 — 20 коп.), въ церковь несутъ кто пирогъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе яствъ является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики прѣзжаютъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести яства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая нищей баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъ-за пазухи вытаскиваетъ толстѣйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ трипцахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шали не пожалѣетъ, чтобы донести все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо пирогъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этоть-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминovenія. Сама снѣдь, во время литургіи (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесеннаго, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣрять пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видима для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основнаго начала, нельзя не придти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кромѣ пара, и ѣсть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячею ѣдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 дней не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не взошла въ домъ въ это время, пермяки нанимаютъ кого-нибудь изъ грамотной нищей братіи читать псалтирь. Въ 40 дней устраивается общій для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по окончаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходныя двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины—мужчину; послѣ умершей женщины—женщину. По убѣжденію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходить изъ дому, если только какъ-нибудь успѣла забраться, и душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причтаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно выгнаться отъ хворости безъ травъ и снадобій,—отъ тѣхъ болѣзней, что приключились съ глазу. Для

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку слѣдуетъ не показываться черному-черемному (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнѣйшее средство: посыпьте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ, чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасаютъ отъ сглаза. Сыпать соль слѣдуетъ не только при встрѣчѣ съ помянутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боишься сглазу. Захватили вашего жеребенка, позавидовали вашей кось, силѣ или дородству и вы бонетесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительныя, заболѣваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, слѣдуетъ заговорить дитя. И что болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, пригласить нельзя—средствъ нѣтъ, да и дорогъ нѣтъ или онѣ дальнія. Бываетъ и такъ: прїѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долго ѣздить, а прїѣдешь въ больницу—его въ ней нѣтъ. Заклинатели—тѣ же вѣжливы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ обращикъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, перепонока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ дѣвки догововоски; отъ бабы кручнововоски; отъ мужика стригововоска; отъ всякаго человѣка: отъ темнокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремьяна, прїидите Вы къ намъ, въ нашу пользу, къ рабу мваденцу мвадому (имя рекъ)». Приэтомъ заговорица (такowymi обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами надъ маленькими не занимаются) беретъ въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего происходятъ въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начерпанной девять разъ ковшемъ водою, паритъ сглаженнаго приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мваденецъ (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоитъ только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водою, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченыхъ.

III.

Домоустройство. — Пища (брага, черинья, кумышка). — Соціальное и семейное положеніе женщины. — Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другіе промыслы (охота, талисманъ, магнитъ). — Народное образованіе.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнее. Семьи по 30 и по 40 чел. были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣтъ. Говорятъ, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ здѣсь большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаетъ въ томъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадебъ. Вольная дѣвушка, понавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ей мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, а если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для новаго дома и закупивъ потребное количество дѣса, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьезное, начинается молитвою. Молятся только семейники у себя въ домѣ, а помолясь идутъ на работу—рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строится домъ. Щена, отлетѣвшая отъ перваго удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ вездѣ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ класть на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, равняющійся съ поверхностью пола, работы приостанавливаются и назначается «окладъ». Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угощеніе. При наложеніи на фундаментъ перваго вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяинномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щена и когѣйка или больше, въ зависимости отъ богатства. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподнимаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лопаточными опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлый холстъ рыбный пирогъ (символь будущаго довольства домохозяина); если ни у самихъ хозяевъ, ни у сосѣдей нѣтъ рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вмѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусниковъ идетъ на заработокъ за пирогомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ дѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолясь Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонь до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ въ тре-

*) Матица—это бревно, которое проходятъ по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыя доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земли, насыпаемой въ защиту отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

тій уголь я оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается матица — онъ идетъ по ней, снимаетъ пирогъ я, положивъ его на голову и все время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа пирогъ на головѣ лѣвой рукой, онъ молится Богу, а послѣ этого снимаетъ пирогъ и слѣзаетъ внизъ по углу. Работа эта — доставанье пирога очень серьезна. Наградой за труды для ловкача служить: холстъ и олояски — покромки. Самый же пирогъ идетъ въ общій кругъ, т. е. дѣлится между всѣми работниками. Послѣ подъема матицы никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ всѣхъ и самъ со всѣми угощается.

При разрѣшеніи вопроса о поселеніи хозяевъ въ новый домъ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и ближнему порадоваться. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато плохо бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обѣихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обонхъ домовъ въ одинъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ приводется уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ подняться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ полночь новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея хозяйка съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и таковою же курицею, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ беретъ съ собою кота (тоже желателенъ черный). Вся процессія двигается въ путь. Вошедшій въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголь икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставитъ квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. Но тутъ-то и сказываются обоюдные хитрости домохозяевъ. Хватется одинъ изъ нихъ за вьюшки — не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да оно и не диво. Противникъ его еще утромъ велѣлъ своему малолѣтнему сынишкѣ незаметно прокрасться въ избу и положить вьюшки ушками книзу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истопить печку и хлѣбъ садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдушко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новый домъ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Оставшаяся семья, боясь, чтобы спорина въ хлѣбъ и во всемъ другомъ не перешла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;

на руки одѣвають теплыя шубины (рукавицы), а за голову шапку. Разряженная такимъ образомъ семья сидитъ на лавкахъ и не встаетъ съ нихъ, пока выселяющіеся не выселятся совсѣмъ. Новоселы, чтобы къ нимъ какъ-нибудь въ домъ не попала кикимора—отчаянная блудница, топятъ печь оставшимися отъ постройки дома щепками. Когда щепки израсходуются, кикимора отойдетъ отъ дома и не будетъ нарушать спокойствія живущихъ.

Самыя избы и деревни ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ; между бѣлыми избами очень часто попадаются и черныя, курныя. Деревеньки чаще всего располагаются не на горѣ, а подъ горой, почему грязь въ деревняхъ, особенно весной и осенью, непролазная. Самая деревня расположена или просто нагромождена домами безъ всякаго порядка; никакихъ иныхъ соображеній, кромѣ своихъ собственныхъ, не признается. Окна у большинства избъ (въ глухихъ пермяцкихъ мѣстечкахъ) дѣлаются во дворъ, а не на улицу. Такое устройство удобно, конечно, въ хозяйственномъ отношеніи: хозяева во всякое время видятъ все, что творится на скотномъ дворѣ; за то въ избахъ очень мало свѣта, да и воздуха, попадающій лѣтомъ въ избу, сильно насыщенъ ароматами скотнаго двора. Въ настоящее время въ оконныя рамы почти вездѣ уже вставляются стекла, а все-таки еще попадаются окна не съ стеклами, а съ заслонками изъ бычьяго пузыря или бычьей брюшины («сиренья»). Каждый хозяинъ обноситъ свою усадьбу плотнымъ заборомъ, а иногда и тынникомъ. Въ этомъ-то, скрытомъ отъ взоровъ, заплотѣ построенъ домъ, такъ что проѣзжіи положительно не видятъ въ деревнѣ ни одного дома, а все только заборы, дѣлаемые иногда настолько высокими, что изъ-за нихъ не видно даже крыши. Крыши домовъ тесовыя и этимъ пермяцкая деревня рѣзко отличается отъ великорусскихъ нерѣдко соломенныхъ деревень. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить малочисленность здѣсь деревенскихъ пожаровъ, несмотря на то, что сами пермяки крайне неаккуратны въ обращеніи съ огнемъ. Всѣ надворныя постройки также тесовыя, равно какъ и масса гуменъ. Потолокъ, за самыми рѣдкими исключеніями, замѣняетъ собой крышу; входныя двери до крайности узки и низки. Неподалеку отъ избы помѣщается баня, похожая болѣе на курятникъ или собачью конуру. Почти всѣ бани курныя, съ землянымъ поломъ. Внутри каменка и лавка для мытья; полки бываютъ рѣдко, да и помѣстить ихъ въ банѣ положительно некуда. Въ низкихъ баняхъ мыться можно только сидя. Мыло и въ банѣ не употребляется и идетъ исключительно при стиркѣ бѣлья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моются особаго рода глиной («землянымъ мыломъ»).

Во многихъ деревушкахъ выстроены часовенки, по виду и по размѣрамъ, напоминающія небольшія церковки. Каждая деревня строитъ часовню въ честь своего собственнаго деревенскаго святого, и онъ высоко чтутся пермяками. Въ дни чествованія именъ этихъ святыхъ здѣсь зачастую происходятъ вакханаліи.

Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляетъ наибольшая, если только она еще въ силахъ, а если нѣтъ, то старшая по ней невѣстка. Она готовитъ кушанья и питье; она же наряжаетъ на работу другихъ женщинъ.

Пермяки любятъ поѣсть хорошо и разнообразно. Мясо-солонина и рыба, тоже соленая, какъ наиболѣе дешевая, въ рѣдкій день не появляются за столомъ мало-мальски смознаго пермяка. Зато, если въ домѣ нѣтъ ничего, такъ пермякъ умѣетъ изготавливать кушанья изъ ничего. Весною посылаетъ всѣхъ бабъ и ребятъ въ паровое поле собирать пестяки. Пестяками называется полевой хвощъ; онъ выходитъ изъ земли, очень рано и собирать его надо въ самомъ раннемъ возрастѣ, пока онъ не размятлся, не распушился; въ противномъ случаѣ онъ теритъ свой вкусъ. Пестяки ѣдятъ въ ячичнѣ, въ пирогахъ и отваренными въ круто-посоленной водѣ. Изъ травъ въ большемъ почетѣ такъ же пиканы. Это тѣ самыя дудки, что растутъ въ каждомъ огородѣ и на поляхъ и изъ которыхъ многіе изъ насъ въ дни юности прыскали водою. Изъ пиканъ готовятъ только два кушанья: варятъ въ водѣ и ѣдятъ ихъ горячими, круто подсаживая, или квасятъ и ѣдятъ холодными съ квасниной. Запахъ у пикановъ неважный, и въ мѣстахъ не пермяцкихъ ихъ кладутъ въ кадки, изъ которыхъ берутъ воду для поливки огорода, такъ какъ настоявшаяся на пиканахъ вода хорошо помогаетъ отъ блохъ, истребляющихъ капустную и другую росаду.

Такимъ образомъ, пермяки весной нуждаются, въ крайности, въ очень немногъ. Зато въ дни довольства у нихъ достаточно всего изъ яствъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить чисто пермяцкія—кушанье «пельняни» и питье—брагу.

Я поставилъ слово «пельняни» въ кавычкахъ не зря. До сихъ поръ тысячи людей кушали и говорили про это кушанье, а названіе его перевирали самымъ разнообразнымъ образомъ. Такъ, Немировичъ-Данченко пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кама и Уралъ», 1890 г. стр. 505: «Твой гость. Назадъ повѣду, приверну.... Ужъ и перменями я тебя тоды угошу». Совсѣмъ недавно въ газетѣ, издающейся въ Пермской губерніи, коренной корреспондентъ изъ г. Перми пишетъ такъ: «перменями они называются потому, что придуманы пермяками». Никогда такъ ихъ не называли. Правда, кушанье это чисто пермяцкое, но ничего съ пермяками, точнѣе, съ ихъ именемъ, общаго не имѣетъ. Слово «пермяне» не существуетъ, какъ это совершенно вѣрно разъяснилъ г. Роговъ, а есть слово «пельнянь», что по-русски значить хлѣбное ухо (пель-ухо, нянь-хлѣбъ). Тѣ, кому приходилось кушать пельняни, знаютъ, что по формѣ своей они напоминаютъ ухо. Пельняни — традиціонное кушанье пермяковъ, и безъ него они дорогого гостя не встрѣтятъ и не проведать.

Кушанье это весьма распространено по Сибири, часто встрѣчается и у насъ русскихъ, только мы ѣдимъ его совершенно не по-пермяцки. Пельняни дѣлаются рѣшительно изъ всего: мяса, рябковъ, рыбы соленой и свѣжей, капусты, и проч. Способъ приготовленія ихъ чисто пермяцкій описанъ уже Роговымъ и я, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе его теперь уже почти библиографическая рѣдкость, дѣлаю изъ него выдержку. «Пельняни дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ, ячныхъ сочней и свиного, разведеннаго водой, фарша. Сочень перегибается и зашпиливается по краямъ. Получается пирожокъ, который съ прямого края выгибается дугой на большемъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его—правильный полукругъ—измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія пельняни варятся въ водѣ». Въ одномъ только я не согласенъ съ почтеннымъ авторомъ. Онъ говоритъ: «ѣдятъ руками, безъ уксуса». Пельняни всегда и у всѣхъ ѣдятъ съ домашнимъ уксусомъ, приготовливаемымъ изъ-подъ пива. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ. Пельняни вкусное и сытное кушанье; они тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ мельче изрублена заправка—фаршъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, даже лѣнливый пермякъ, какъ только дѣло доходитъ до рубки фарша, беретъ въ руки мясное корыто и усердно рубить въ немъ до тѣхъ поръ, пока фаршъ не превратится въ совершенно однородную полужидкую, отъ разведенія его водой, массу.

Какъ нелегко пермяку обойтись безъ пельняней, такъ же точно трудно ему обойтись и безъ браги. Первые составляютъ, конечно, роскошь, хотя капустные и не дорогую, а вторая уже замѣняетъ собою насущный хлѣбъ, и очень часто многія семьи въ недородъ если не умираютъ съ голоду, такъ только благодаря ей. Вотъ какъ Роговъ описываетъ ея изготовленіе и потребленіе. «Обыкновенное питье пермяковъ составляетъ брага. Немнѣнныя браги—немакое несчастье для пермяка. Лишившись возможности пить брагу, пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не имѣетъ средствъ удовлетворить своей страсти. Брага готовится изъ «бражнаго солода», который дѣлается изъ одной части ржаного солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкая и густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною (казеръ-ырошъ); получается она, когда насолоду (бражный заторъ) разводятъ большимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ насолоды, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ готовятъ квасину бѣдники, по немнѣнью въ недостатокъ «бражнаго» (солода), послѣднимъ—зажиточные. Густая брага составляетъ достойное питье зажиточныхъ пермяковъ, дѣлается теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче пермякъ. Она чрезвы-

чайна питательна: напившись густой браги, перьякъ ёсть очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или колубка тѣста, замѣшаннаго на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, и въ этомъ видѣ особенно уважается перьяками. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная (кодвить), то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносятъ лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполицу. Теплая брага (шоныть пропь) получается, если, послѣ приготовления, ставятъ ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она уксисаетъ и становится очень крѣпкою. Ее дѣлають только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьбамъ, къ поминкамъ, къ важнымъ, рабочимъ днямъ—всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная, теплая брага называется сюремкой. Страстные любители теплой браги, мужчины и женщины, готовятъ ее, кромѣ праздниковъ, на всякій воскресный день: по утру на шестѣ, во время топки печи, подогреваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, распиваютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія—совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлають съ конопляной куглиной (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или, лучше, какъ выражаются перьяки, дурна, потому, что отъ нея, говорятъ они, «люди дурятъ». Она производитъ сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большомъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники—болѣе полуведра на человѣка въ день». Къ этому, съ своей стороны, могу добавить, что, по вышнему своему виду, брага холодная напоминаетъ собою кисля или; она весьма пѣна и въ лѣтніе жаркіе дни незамѣнима, такъ какъ не только утоляетъ жажду, но въ тоже самое время и кормитъ человѣка. Цвѣтомъ своимъ она напоминаетъ ополоски, получаемыя при мытьѣ чайнаго стакана, когда чай былъ налитъ съ молокомъ. Густота браги, хотя и зависитъ отъ бражнаго, но въ среднемъ всетаки одинакова, и рѣдко бываетъ гуще пивнаго сусла. Холодная или, какъ здѣсь называютъ, «ководная» брага замѣняется многими не только питье, но и ѣду. Я лично наблюдалъ недородъ; почти граничащій съ голодомъ и благополучно минувшій, лишь благодаря брагѣ. Нельзя сказать того же про особенно уважаемую теплую брагу; она замѣняется съ успѣхомъ водку, такъ какъ перьяки нынѣ изощрились и прибавляютъ въ нее при заквашиваніи водку, спиртъ и даже ромъ. И потому, что теплая брага пьется рѣшительно во всякое время года, дня и ночи и рѣшительно всеми и старыми, и малыми и грудными дѣтьми, то состояніе, въ какомъ обыкновенно находится перьякъ, нельзя не признать подупьянымъ. Такое состояніе не можетъ не отзываться на перьякахъ, и наружный видъ перьяка всегда какой-то тупой, апатичный. Бѣднее перьяки, ни нѣтъ возможности вливать въ брагу, для большей ея хмѣльности, водку и спиртъ, все же хотя отчасти

достигаютъ большею ея хмѣльности опускаеиъ въ нее на время броженія горсточку изюма или агодъ изъ подъ домашней настойки.

Безъ браги и пельяиной существованіе пермяка какъ будто немислимо; почти въ той же мѣрѣ оно не мыслимо я безъ двухъ другихъ атрибутовъ пермяцкаго существованія: черняны и кумышкн. Черняны, по-русски рыбный пирогъ, составляетъ, во первыхъ, принадлежность каждаго пермячки порядочнаго человѣка; во вторыхъ, онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность и всякаго рода веселыхъ, серьезныхъ и печальныхъ торжествъ. Наконецъ, онъ особенно вкусно пермяками готовится—это тоже немаловажно. Рыбный пирогъ готовится рѣшительно изъ всѣхъ видовъ рыбы, но чтобы пирогъ былъ надлежаще вкусенъ, пермяки отнюдь не счищаютъ съ рыбы чешую и, кто, по не знанію и не разсмотрѣвъ этого обстоятельства, начнетъ жевать взятую рыбу, тотъ долго послѣ будетъ выплевывать рыбы чешуйки. Пирогъ готовится чаще всего въ черномъ или ячномъ тѣстѣ и рѣжется не кусками, а съ него снимается верхняя корка и рыба достается изъ полученнаго отверстія: такого рода рѣзкой достигается сохраненіе рассола.

У пермяковъ, какъ и вообще у русскихъ, усердно соблюдается правило: <рыба плавала>. Для того, чтобы она могла наслаждаться своею стихіей и въ загробной жизни, пермяки приготавливаютъ и пьютъ свою кумышку-своедѣлку. Кумышка это та же водка, но только неочищенная. Тѣмъ, кому извѣстенъ вредъ сивушваго масла, легко сознають, какой вредъ приноситъ эта кумышка, при ежедневномъ ея употребленіи. Крѣпостью своею кумышка мало отличается отъ обыкновенной водки, хотя нѣкоторые мастера изготовляютъ ее % на 60, а то и болѣе. Съ способомъ ея изготовленія ознакомиться не трудно (тѣмъ болѣе, что и припасовъ для ея изготовленія требуется немного, я всѣ они подъ рукой). Вотъ какъ готовится кумышка—шандара, или своедѣлка, или курыть-ва (горькая водка). На пудъ ржаной муки и два фунта хорошаго хмеля берется такое количество воды, чтобы, при размѣшиваніи, получалась полужидкая масса. Эту массу на сутки ставятъ париться, заквашиваться въ печь въ большихъ корчагахъ. Заквашиваніе должно происходить въ вольномъ жару. Полученную на другіе сутки барду сливаютъ въ чугунные котлы, и эти котлы ставятъ на огонь, закрывъ верхъ ихъ деревянной крышкою. У одного изъ краевъ этой крышки сдѣлано круглое отверстіе, съ вершокъ въ діаметрѣ; въ это отверстіе вставляется мѣдная или желѣзная трубка, согнутая на подобіе французской буквы s. Второй конецъ трубки вставляется въ глиняную корчагу, также закрытую деревянною крышкою съ отверстіемъ въ ней для трубки. Какъ корчага, такъ и трубка держатся или обложенными холодными и мокрыми тряпками, или (если есть проточная вода) въ холодной водѣ. Благодаря такому несложному устройству прибора, пермяки выгоняють съ пуда муки одну четверть крѣчайшей до 80% водки, такъ

называемой «съ носка», и столько же % въ 40—45. Такъ какъ свой хлѣбъ пермяки для себя на деньги не перекладываютъ, такъ какъ дрова еще, относительно говоря, недороги, то главную цѣну сводѣлки составляетъ хмель. Но и хмѣль недорогъ. Поэтому, кумышка, какъ выгодный, крѣпкій и быстро дурманиющій продуктъ, господствовала раньше, да и нынче очень въ ходу. Съ поднятіемъ цѣнъ на вино, она играетъ прямо-таки выдающуюся роль. Всѣ карм за производство кумышки безсильны, такъ какъ пермяки исчислили математически, что выгоднѣе попадаться и варить кумышку, чѣмъ, не попадаясь, покупать вино въ лавкахъ.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ яствъ и напитков у пермяковъ наблюдается и вся та пища и питье, что имѣется и у насъ, русскихъ. Но то, что пермякъ ѣстъ повседневно, русскіе ѣдятъ лишь въ большіе праздники. Въ этомъ да въ деревянныхъ крышахъ пермяки обогнали насъ на-много.

Кухонная посуда, употребляемая пермяками для изготовленія кушаній, почти ничѣмъ не отличается отъ нашей и упомянуть развѣ только о плетеныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей корзинкахъ, имѣющихъ видъ плоской шляпы. Въ нихъ скатанный хлѣбъ-тѣсто поднимается на печкѣ и приобретаетъ круглую и правильную форму. Свѣчка для мяса имѣется, конечно, въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ нея нельзя приготовить пельменяей.

Если мы всмотримся въ полумракъ избышки, то замѣтимъ, что въ избѣ, кромѣ глинобитной печи, занявшей чуть не треть избы, имѣются палаты, въ красномъ углу иконы, а по стѣнамъ лавки. Въ этой избѣ, протравствомъ до двухъ сажень въ квадратѣ, помѣщаются отъ двухъ до двадцати и болѣе человѣкъ. Здѣсь спать и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, все наружу.

Женщины у пермяковъ мало приносятъ дохода, кромѣ чисто семейнаго. Правда, онѣ помогаютъ мужьямъ въ отработкѣ полевыхъ работъ, но такъ неутило, что только дивиться стоитъ. Вотъ, напримѣръ, вышли люди на работу—на сѣнокосъ. Вездѣ люди идутъ и косятъ, а какъ только коса притупилась—точать ее. Совсѣмъ не то здѣсь. Баба ложится на траву и ждетъ, когда къ ней подойдетъ ее благовѣрный или родственникъ, чтобы взять косу и наточить ее. Конечно все по дому исправляется женщиной, да только не-многое ей и исправлять-то. Все, что потребно для насыщенія, уже приготовлено ее мужемъ, отцемъ или братомъ; остается состригать—это для женщины и нетрудно и необременительно. Изъ остальной женской работы на пермянкахъ, главл. обр., лежитъ шитье и приготовленіе одежды. Для приготовленія ее обыкновенно засѣвается до пуда льна. Ленъ не полетса, а что уродилось, за то и Бога благодарятъ. Пермянки всецѣло живутъ на то, что или заработать мужъ, или на то, что безъ помощи мужа и ее уродилъ въ поляхъ и лѣсахъ самъ Господь Богъ. Въ свободное зимнее время какъ дѣвушки, такъ

и женщины ткнут домашній холстъ для себя и домашних и—ужь совсѣмъ отъ нечего дѣлать—для продажи. Въ каждой волости найдется нѣсколько искусницъ по части тканья опоясокъ, и—дальше пермяки не пошли.

Пожалуй, не многимъ больше придется сказать я о пермякахъ, разъ коснешься ихъ не только домашняго, а не полевого хозяйства. Все, что полагается сдѣлать пермяку въ домѣ, ограничивается мелкими домашними подѣлками и рубкой фарша для пельменей. Что же касается полевыхъ работъ, то пермякъ абсолютно земледѣлецъ: дѣлаетъ здѣсь, при своихъ скудныхъ средствахъ, не только необходимое, но и многое. Все, чѣмъ только существуетъ пермякъ, хлѣбъ. Его урожай—пермяцкое богатство, неурожай—пермяцкое несчастіе, при крайней неприспособленности пермяковъ къ борьбѣ съ нимъ. Никакой спеціальной работы у нихъ нѣтъ. Никакого ремесла у пермяковъ не имѣется уже потому, что и изучать-то его не у кого. Все, что только употребляется у пермяковъ, все покунное, все привезенное—до крестьянскаго кованнаго гвоздя включительно. Своего ничего нѣтъ. Подковы, телѣжныя хода и т. п., все приобретено и приобретается отъ вятскихъ кустарей за недешевую плату. Никто и никогда пермяковъ никакимъ ремесломъ не училъ, никакихъ ремеслъ они до сего времени не знаютъ и безъ помощи, безъ указанія, никогда имъ не научатся.

Земледѣліе у пермяковъ находится почти въ первобытномъ состояніи, не смотря на то, что безъ землепашества пермякъ немислимъ, и на это дѣло онъ не жалѣетъ ни труда, ни денегъ. Немало вредитъ сельскому хозяйству и полное пренебреженіе пермяка къ чужимъ интересамъ. Всѣ поля у пермяковъ, во избѣжаніи погнѣванія ихъ скотомъ, огорожены. Иначе имъ поступить нельзя, такъ какъ даже до такой несложной мысли, какъ: не лучше ли и не выгоднѣе ли вмѣсто городьбы держать скотину при пастухахъ, они не додумались. Надо замѣтить, что изгороди городятся всѣми хозяевами извѣстнаго поля по расчету, кому сколько сажень приведется. Вотъ здѣсь-то и открывается просторъ для злоупотребленій и для доказательства пренебреженія пермяковъ къ чужимъ интересамъ. При недобросовѣстномъ отношеніи со стороны сосѣдей, мало-мальски зажиточный человѣкъ, помимо общей изгороди, огораживаетъ свое поле еще и со всѣхъ другихъ сторонъ. Страшная черешолосица, существующая у пермяковъ, дѣлаетъ то, что въ одной перемѣнѣ бываетъ отъ трехъ + четырехъ до семи-восьми полосъ и каждую полосу, во избѣжаніе погнѣванія, слѣдуетъ огородить. Когда вы проѣзжаете по Ивинскому краю, то видите сплошной переплетъ изгородей. Одинъ изъ пермяковъ вычислилъ, что всего въ одной только Юсьвинской волости 2.500 тысячъ сажень изгороди. Считая стоимость изгороди только въ 80 коп. за полторы сажени, причемъ изгородь будетъ обыкновенной высоты въ 8 жердей, оказывается, что на городьбу полей въ этой волости затрачено немного-немало, какъ 1.500,000 рублей. Принявъ во

вниманіе то обстоятельство, что изгородь держится не больше 10 лѣтъ, т. е. въ теченіе этого времени должна быть обновлена, приходится вывести такое заключеніе: Юсьвинская волость на городьбу полей ежегодно тратитъ 150.000 руб. и всетаки изъ-за потравъ снимаетъ плохой урожай. И едва ли стоимость изгороди не выше цѣнности земель этой волости. Тоже самое и въ другихъ волостяхъ, если только не въ высшей степени. Пермьки знаютъ, что неудобренная земля родитъ плохо, и они не жалѣютъ ни времени, ни труда на удобреніе земли. Они усердно навозятъ землю, и рогатый скотъ держать почти для навоза. Они рубятъ въ болотахъ болотную кочку, сушатъ и перемешиваютъ ее, удобряя поля такою перемешанной кочкой. Они удобряютъ землю всякимъ отбросомъ: щепомъ, костями и почнымъ золотомъ. Словомъ, дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать, а земля все родитъ плохо. А виновата-то всетаки не земля, и это знаютъ и сами пермьки; только нину-то они относятъ не туда, куда слѣдуетъ. Они воображаютъ, что урожай стали плохъ отъ того, что поны рѣдко служатъ молебны, что сами они, пермьки, согрѣшили. Между тѣмъ, у пермьковъ нѣтъ ни плуга, ни порядочной бороны, ни пониманія, что не масса зеренъ родитъ хлѣбъ, а качество зеренъ. Жалкій разныкъ замѣчаетъ плугъ. Глубоко ли онъ входитъ въ землю. Онъ только чешетъ ее, да и то неровно. На каждую десятину земли высѣвается масса сѣмянъ, а именно: отъ 10 до 12 пудовъ ржи, отъ 25 до 30 пудовъ овса, отъ 15 до 18 пудовъ ячменя; пшевица же сѣется, какъ и рожь. Громадность цифръ поразительна. Не всѣ сѣмена ввойдутъ, часть ихъ погибнетъ безъ всхода только потому, что сѣмена не были отсортированы и не могли бы, при иныхъ условіяхъ, быть посѣяны. Что подборъ зеренъ необходимъ, это сознаютъ и пермьки; много семей (женщины и старики) цѣлую зиму заняты выборомъ полновѣсныхъ зеренъ для предстоящаго весенняго посѣва. Молотьба производится въ гумнахъ на земляномъ толку.

Слѣдятъ за земледѣльствомъ у пермьковъ и дѣтъ коневодство. Пермьковъ-безлошадниковъ крайне мало; зато такихъ, у кого имѣется нѣсколько взрослыхъ лошадей и нѣсколько подростковъ—и не оберешься. Впрочемъ, лошади—мелочь, худоба и полнѣйшая изнуренность. Скотъ содержится или на люхомъ сѣнѣ или на яровой солодѣ. Причиной тому служитъ слишкомъ малое количество сѣнокосныхъ угодій, съ одной стороны, и погоня пермьковъ за количествомъ, а не за качествомъ скота, съ другой. Притомъ, здѣсь жаждутъ какъ можно скорѣе использовать работоспособность животнаго. Многие хозяева держатъ по-много лошадей только потому, что яровую солому дѣвать некуда, а на ней все же хоть и худенькая лошаденка вырастаетъ. Пока растеть—навозъ даетъ и кой-что по домашнему обиходу дѣлать помогаетъ, а подросла, глѣнь—въ нужную пору ее и по-боку, анъ подати-то уплачены, свадьба исправлена,

сына въ солдаты снарядили и много разныхъ другихъ удобствъ приносить лишняя ничего нестоящая лошадь. Про убойный скотъ нельзя и говорить, разъ называешь его рогатымъ. Скотъ пермяковъ весь комолый. Говорятъ, что онъ смириѣ, и комолая скотина никого поранить не можетъ и поэтому безопасна рогатой. Пермяки держатъ иногда до 12—15 коровъ и бычковъ съ подростками; разумеется, это бываетъ въ годы урожайные и богатые яровой соломой. Молока мало употребляется въ пищу, оно квасится, съ него собирается сметана въ какую-либо посудину и, когда посудина полна, бьется масло. Сметана, за время ея собиранія, отъ времени горкнетъ, плѣсневѣетъ, и масло получается невкусное и горькое. Кромѣ того, я при большемъ количествѣ скота масла получаютъ такъ мало, что лишне говорить объ этомъ продуктѣ крестьянскаго хозяйства. Видѣ крестьяне не держатъ пастуховъ при скотѣ, а оставляютъ его на волѣ и въ силу необходимости должны отпускать его въ лѣсъ. Придетъ корова домой, ее подоятъ. Нѣтъ—можетъ быть завтра будетъ. Не пришла дня три, надо поискать—не равно на грѣхъ—звѣрь задавилъ. Чаще всего ее находятъ, затрачивая на поиски немало дорогого лѣтняго времени; но и отъ найденной проку мало—молока уже нѣтъ. Зимой же бабы-пермянки доятъ неохотно, говоря, что отъ морозу руки трескаются. У пермяковъ находится въ изобиліи и другой скотъ: овцы, свиньи, отчасти козы. Голодная скотина употребляетъ всѣ шѣры, чтобы удовлетворить чувство голода; она перепрыгиваетъ, разворачиваетъ изгороди и идетъ въ хлѣбныя поля. Видя поправіе своихъ правъ, пермякъ не церемонится со скотомъ. Онъ хватаетъ топоръ или вилы и преспокойно бросаетъ первое или тычетъ вторымъ. А присмотритесь къ пермяку поближе, и вы увидите, что на самомъ дѣлѣ онъ любитъ скотъ, только ходить за нимъ не умѣетъ. Кромѣ скота, пермяки держатъ помногу птицы: куръ, индюшекъ, гусей, утокъ. Множество рѣчекъ, пересекающихъ пермяцкій край, даетъ удобства для вскармливанія гусей и утокъ. За ними только и привору надо, что зимой и ранней весной выпустить на волю. Даже выросшую птицу пермякъ не умѣетъ использовать: онъ не несетъ ее на торжокъ, а кушаетъ самъ. Рыбчики употребляются каждымъ, кто только умѣетъ владѣть ружьемъ; продажа же ихъ ничтожна.

Вообще пермякъ не знаетъ, какъ использовать себя, не знаетъ онъ во многихъ еще мѣстахъ и соразмѣрности между трудомъ и деньгами, такъ какъ трудиться за деньги ему не приходилось.

Кромѣ хлѣбопашества и домашнихъ промысловъ, пермяки занимаются еще промыслами случайными: охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ; кустарными: изготовленіемъ домашней деревянной посуды, мѣстныхъ полевыхъ орудій и т. п.

Вообще охотниковъ среди пермяковъ немного, да и до охотниковъ-зырянъ имъ далеко. Пермякъ-охотникъ стрѣляетъ дичь (звѣря почти не бьетъ,

за исключеніемъ кунцы и бѣлки) только въ томъ случаѣ, когда она сидитъ на мѣстѣ, когда его ружье навѣрняка донесетъ дробь, т. е. сажень за 10—15 и когда дичь сидитъ не одна, а въ кучкѣ; изъ остальныхъ въ розницу быть только рябка, да и то осенью, т. е. когда его легко сохранить до заморозковъ и предстоить возможность взять хорошую цѣну. Крупнаго звѣря пермякъ избѣгаетъ, онъ его боится.

Ни одинъ охотникъ не пойдетъ на охоту и до днесь, разъ онъ не имѣетъ талисмана. Изъ талисмановъ охотничьихъ укажу на одинъ. Документъ нижепронисанный и очень старъ, и очень испытанъ. Онъ взятъ мною отъ внука охотника, носившаго этотъ талисманъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ пермяки грамотны, а каждому изъ нихъ лестно имѣть заговоръ, поэтому неграмотные заставляютъ таковыя списывать и носить записки у себя за пазухой. Вотъ экземпляръ одного изъ такихъ «ношенныхъ» заговоровъ.

«Господи Иисусе христе Боже нашъ Помилуй насъ.

Господи Боже благослови стану я рабъ божій благословесъ, и пойду перекрестесъ изъ избы во двѣри изъ воротъ воротами изъ заворъ заворы въ чистое поле восточную сторону подъ красное солнце подъ младъ мѣсяцъ подъ вечернія звѣзды утреннія плакати я рабъ божій и подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю (ния рекъ) Медвеною росю умоюся утруся христовою пеленою облечуся свѣтлымъ бѣлымъ подпоюшусь, пойду я рабъ божій (ния рекъ) въ восточную сторону на святой океанъ море и на океанную сторону и на бѣлый островъ и на томъ свѣтломъ Океанъ моръ и на сіонской горѣ и на бѣломъ островѣ стоитъ Святая Апостольская Церковь, стоитъ сырой дубъ на томъ сыромъ дубу Сидятъ двенадцать Апостоловъ, я рабъ божій (ния рекъ) прійду поклонюся и помолюся отъ лица до земли, пойдите и молитесь вы къ самому Истинному Христу просите и молитъ у самого у истиннаго Христа самъ истинный Христосъ. Отворилъ бы свою теплую пазуху и выпустилъ звѣрей шалучихъ закованныхъ лисицъ черныхъ красныхъ и пуршистыхъ зайцовъ, черноухихъ кривоногихъ и косолапыхъ горностей, чернохвостыхъ рисей, коротколопыхъ росомачъ и широколопыхъ, пойду я рабъ божій (ния рекъ) во ту Святую Апостольскую Церковь и завижу на престолѣ сидящихъ Святыхъ Апостоловъ Василія Великаго Михайла Архангела, Ксенофонта Исосима и Савватія и Климонта Священномученика и возьмите вы огненное оружіе и поѣзжайте на всѣ четыре Стороны на востокъ, западъ, поддежь и на сѣвѣръ гоните и палите стреляйте всякихъ звѣрей волковъ серыхъ, лисицъ черныхъ, красныхъ и пурнастыхъ зайцевъ, черноухихъ и кривоногихъ и косолапыхъ горносталей Чернохвостыхъ, рисей, Коротколапыхъ росомачъ Широколапыхъ, въ ночныхъ часахъ дневныхъ и въ полуночныхъ затри дѣвятые реками затри дѣвяти морями и затри девяти ловцами, хитрыхъ и мудрыхъ, изъ заозеръ изъ подъ-

озеро въ изъ мелкихъ речекъ, изъ великихъ луговъ изъ чистаго поля, изъ темнаго лѣсу изъ подъ всякаго пня, изъ подъ колоды, изъ подчища, изъ подъ вершини изъ подъ всякаго куста, изъ подъ всякаго дерева, изъ подлежащаго остожья, изъ подъ сена, и они бы постарымъ тропамъ и поновымъ безъ детатки и безъ оглядка и безъ отвороту на мою путину, на мою лыжницу къ моимъ ловушкамъ къ моимъ поставушкамъ, ко клещамъ, деревяннымъ жильнымъ и железнымъ поставушкамъ высокимъ и погребамъ глубокимъ избункамъ толстымъ на мой путикъ и на моей лыжницѣ много пшеры и эдеры Сахарны пшты медвяны ншцы, и еще небываетъ илибы и елибы опасу не имели не зыку не крику ни треску ни моего Стуку Грапосту, и я рабъ божій (имя рѣкъ) приѣду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Пресвятой Матери Вожіей Покрову Богородицѣ во еси ты Матерь Вожія Покровъ богородица какъ же ты стерегла и берегла Самого Ісуса Христа Царя небснаго крыла и укрывала своими ризами нетленными и пеленами Господними отъ всякихъ людей отъ страшныхъ и отъ попутныхъ злыхъ отъ пона отъ попадѣи, отъ Діакона, Діаконицы, отъ Дьячка отъ Дьячницы отъ пономаря отъ пономарицы, отъ сутулова, Горбатова, отъ шипива, Килватова отъ двоеротыхъ безъ зубовъ, отъ простоволоса, отъ женскаго белаго полу, отъ красныхъ волосовъ, отъ черныхъ и отъ Черемныхъ волосовъ, отъ рыжихъ и отъ белыхъ, отъ вдовы самокрутки отъ колдуна отъ колдуньи, отъ блядуна отъ блядуньи отъ вѣщія вѣщницы, отъ Старца отъ Старицы отъ мельника отъ мельничихи и отъ дѣвки простоволоски и отъ своей радости, и на пече сидящаго изъ окна глядащаго и всквось заплотъ смотрящаго и на путѣ сидящаго и вой вы вѣтры буйные холодные и совсѣхъ Четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу съ полдня и съвѣру прийдѣтъ возмѣтъ отъ злыхъ Человѣковъ всѣ злыя дѣла поганые не давъ сок. (два совершенно истершіяся слова) нажавистями, возьмите и понесите затѣса темные и зареки быстрые и за болота сыпучіе и на четыре грязи топучіе в тутъ таковыхъ поразитѣ и тутъ затопчитѣ и назадъ не носите и въ младѣ мѣсяцѣ и на ущербѣ и на исходѣ будѣтъ мои слова божественные тверды и крепки и Лепки, Тверже канія и востраго ножа булатнова въ томъ словѣ ключъ и замокъ во сходную пятницу отдаваемые и до представленія свѣта и которые мои словеса божественные забылись не помянулъ снолна мастеръ недоучилъ или самъ позабылъ которы, прийдѣтъ приимѣтъ пособитѣ и помогите мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) на мои пути и на мою лыжницу всякихъ звѣрей приведите и всѣ мои словеса божественные заедино слово и всѣ мои зубы за ѣдинъ зубъ и тѣмъ моимъ словамъ божественный ключъ въ небо, а замокъ въ море подъ бѣлымъ алатыревымъ камнемъ, еще я рабъ божій (имя рѣкъ) приѣду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Василию Великому, Михайлу Архангелу, поставьте огненный столбъ отъ земли и до небеса въ кругъ моихъ

ловушекъ и вокругъ моихъ поставушекъ чтобъ волхвамъ воспитателямъ и колдунамъ колдунницамъ блядунамъ и блядунницамъ неохитити и не помудрити еще и рабъ божій (имя рекъ) прииду поклонюсь и поклоюсь отъ лица до земли Якову Спутнику какъ же ты Яковъ Спутникъ стоишь при пути и при дорогѣ указываешь путь и дорогу всякому человѣку и такъ же ты Спутникъ Яковъ, стой при пути и при дорогѣ указывай Путь и дорогу на мою лыжнику въ ночныхъ часахъ въ денныхъ и въ полуночныхъ часахъ о росѣѣтѣ свѣта, и допредставленія свѣта и во вѣки вѣковъ Аминь». Подобные талисманы находятсѣ у очень многихъ охотниковъ.

Кромѣ заговоровъ, почти у каждаго охотника имѣется «магнитъ». Магнитъ вообще играетъ въ пермяцкой жизни большую роль. Свойство магнита, по мнѣнію пермяка, распространяется на притягиваніе къ владѣльцу магнита рѣшительно всего. Взявъ магнитъ на охоту, онъ и будетъ тянуть звѣря и птицу; подвѣсивъ его къ продольнику или крюку и онъ будетъ притягивать налимонъ и другую рыбу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушки относятся къ какому-нибудь мѣстному Донъ-Жуану неособенно благосклонно, то и тутъ магнитъ оказывается незабѣдимымъ: онъ окончательно привораживаетъ дѣвицъ. «Магниты» расходятся въ нашихъ мѣстахъ въ слишкомъ большомъ количествѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ способовъ ловли звѣрей и птицъ, среди пермяковъ существуетъ еще рядъ различныхъ ловушекъ, въ которыя залавливаютъ звѣря и птицу. Всѣ эти ловушки-поставушки самаго примитивнаго устройства и не разъ были описаны.

Шкурки звѣрей всегда поступаютъ на продажу. Торгъ ими происходитъ въ с. Егвинскомъ 17 марта. Скупщики такъ монополизировали скупку шкурокъ, что продажа ихъ приноситъ только разочарованіе охотникамъ и большіе барыши покупателямъ. Лучшая куница рѣдко продается дороже 3 — 3 руб. 50 коп., а такъ какъ пермяки въ цѣнности звѣрей никакого толку не имѣютъ, то самыя цѣнныя шкурки покупаются отъ охотниковъ совсѣмъ за безцѣнокъ. Такъ, чернобурая лисица, прекраснаго качества и весьма крупная, была куплена купцемъ-милліонеромъ, изъ жалости къ охотнику, всего за 40 коп. Такіе случаи неединичны. Они-то глав. обр. и составляютъ причину упадка охотничьяго промысла.

Рыболовнымъ промысломъ занимаются не только сами пермяки, но и пермячки и ихъ дѣти. Рыба составляетъ одно изъ любимыхъ кушаній пермяковъ, а потому и страсть ихъ къ рыболовству естественна. Естественно также, что это любимое кушанье никогда почти не поступаетъ въ продажу, а идетъ въ чернянни (рыбные пироги). Рыба ловится или неводами (этотъ родъ ловли мало употребителенъ, въ виду дороговизны снаряда и засоренности рѣкъ, почему снасти рвутся слишкомъ скоро), или сакомъ (наметомъ), или просто бред-

никами изъ сѣти или двухъ трехъ кусковъ самаго рѣдкаго домашняго холста. Такой бредникъ называется «недотка». Недотка самый злоудный снарядъ. Изъ мелкой рыбы варится уха или готовятся рыбные пироги и рыбныя селянки (рыба жарится съ яицами или съ картофелемъ). Часть этой же рыбешки идетъ въ ѣду и прямо сыроу. Сильно нажимая пальцами на тѣло рыбешки, перьяки проводятъ пальцами отъ головы до хвоста ея и выдавливаютъ изъ рыбки ея внутренности, а затѣмъ кушаютъ ее. Кружную рыбу—лещей и налимовъ, язей и дукъ и т. п. ловятъ или удами, или на крюки, а осенью и весной въ запоры. Запоры состоятъ изъ слѣдующаго. Теченіе рѣки заграждается по ширинѣ рядомъ кольевъ, которые в переплетаются ивовыми прутьями, причемъ, приблизительно черезъ сажень, между кольями оставляютъ не заплетенное пространство, въ которое и вставляютъ на длинныхъ жердяхъ морды (плетенныя изъ ивы конусообразныя корзинки). Такія загражденія перепортили здѣсь всѣ рѣки. Рыбѣ волей-неволей приходится лѣзть въ эти корзинки и становится добычей человѣка. Особенно много вреда приносятъ эти запоры весной, когда во время половодья рыба усердно оставляетъ на прутьяхъ запора свою икру. Какъ только вода начинаетъ спадать, икра сохнетъ или понадесть въ клювъ птицы. Вообще я долженъ сказать, рыба истребляется перьяками не вѣроятно в ея становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Кромѣ лѣтней ловли, кой-кто занимается и зимней, но та ведется и въ маломъ размѣрѣ, в только запорами. О зимней ловлѣ рыбы другими снастями, перьяки, къ величайшему счастью рыбъ, понятія не имѣютъ.

Для болѣе успѣшнаго хода ловли рыбы употребляется магнитъ и всякаго рода заговоры. Рыбная ловля, разумѣется, находится въ полной зависимости отъ добрыхъ отношеній къ водяному, а потому для успѣха ловли необходимо постараться заблаговременно расположить его въ свою пользу, т. е. подарить его чѣмъ-нибудь. Въ противномъ же случаѣ, водяной не только не дастъ рыбы, но можетъ устроить непріятности и самому рыболову: вытолкнуть его изъ лодки, а то и утопить.

Изъ домашнихъ ремеслъ и издѣлій приносятъ перьякамъ пользу: кузнечное, до нѣкоторой степени плотничное и гончарное, а перьякамъ выдѣлка домашняго холста и другой домашней одежды.

Вообще кузнецовъ у пермяковъ мало; работы ихъ ограничиваются только ковкою лошадей, свариваніемъ поломанныхъ частей и—только. Съ увѣренностью можно сказать одно: гвозди, подковы, косы, телѣжныя хода, серпы и т. д. все это привозится изъ Вятской губерніи, несмотря на то, что матеріалъ въ сыромъ видѣ идетъ зачастую изъ Пермской же губерніи. Удивляться здѣсь не приходится. Откуда можетъ научиться пермякъ разнаго рода мастерствамъ, когда среди пермяковъ нѣтъ ни одного ремесленнаго училища. Самъ по себѣ перьяки люди перемичи-

вые, люди способные. Намъ извѣстны такіе изъ нихъ, которые, кончивъ только мѣстную земскую школу, собственнымъ трудомъ дошли до того, что устроили въ своихъ хибаркахъ электрическое освѣщеніе. Устройство разнаго рода сельскохозяйственныхъ орудій по моделямъ тоже совсѣмъ не рѣдкость. Обыкновенная глиняная посуда стала изготовляться на весь Инвенскій край всего пять-шесть лѣтъ, да и то благодаря сообразительности крестьянъ Юсьвинской волости, а до этого времени каждую зиму пріѣзжали изъ Вятки кустари-крестьяне и снабжали десятки тысячъ народа этимъ товаромъ, являющимся предметомъ первѣйшей необходимости. Издѣлія изъ дерева не идутъ дальше кадокъ, корытъ, лодокъ и т. и. Что касается даже ложкарнаго промысла, и тотъ отсутствуетъ, такъ какъ токарныхъ станковъ у пермяковъ не имѣется. Недалеко отъ своихъ мужей ушли и пермянки. Обыкновенная женская работа: приготовленіе къ пряжѣ льна, пряденіе сго и тканье холста тѣ же, что и у насъ на всей Руси, и среди пермянокъ попадаются искусницы въ тканье. Самый узоръ рисунковъ и пестръ, и не оригиналенъ. Трудно сказать, что у пермяковъ есть свои узоры, свой вкусъ.

Кромѣ домашнихъ промысловъ и работъ, пермяки каждую зиму отправляются еще въ отхожіе промыслы: на рудники, заводы, рубку дровъ и въ лѣса и т. п. Выходъ на эти работы для пермяка неизбѣженъ, такъ какъ подати и другія повинности имъ уплачиваются исключительно этими заработками. Самыя трудныя, но и самыя надежныя работы рудничныя. Здѣсь пермяковъ подражаютъ на выработку или вывозку извѣстнаго числа пудовъ подрядчики изъ своей же братьи-крестьянъ. Тѣ, хотя и выжимаютъ все, что можно, но все же рассчитываютъ сполна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ нимъ на слѣдующій годъ никто не пойдетъ. Зато совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются работы на разнаго рода заводы, которыя сдаются по подряду или по слѣлкѣ самихъ заводоуправленій. Здѣсь пермяку приходится жутко. Богатѣйшіе заводовладѣльцы ранней осенью посылаютъ къ пермякамъ своихъ довѣренныхъ съ предложеніемъ записаться на какую-либо работу и взять въ число ея задатокъ. Осень—самое хлѣбное, но и самое безденежное время для пермяка. Хлѣбъ еще необмолоченъ, да еще и не выяснилось, въ какой цѣнѣ будетъ, а старшина и староста уже требуютъ подати и недоимки. Дающій деньги обѣщаетъ всякія блага. Если рабочіе придутъ рано, до вскрытія рѣки, говорятъ нанимающимся на сплавыя работы: «мы дадимъ хлѣба и работу на берегу». «Иди пилить лѣсъ на дрова—предлагаютъ другому; онъ уже давно въ бунтахъ на берегу Камы лежитъ». И идутъ, приходятъ, дѣйствительно рѣка еще не вскрылась. Работы и хлѣба нѣтъ. И ждутъ пермяки и день, и два, и недѣли, иной разъ выжидаютъ мѣсяцъ. Совсѣмъ они исхарчатся; все, что было на себѣ, проѣдаютъ; иные, имѣющіе дома сотни пудовъ хлѣба, идутъ, прижатые голодомъ,

просить «Христа-ради» и, наконецъ, не вытерпѣвъ, сбѣгаютъ съ работы. Тотъ, кто подрядился на распиловку, пришелъ и видитъ, что лѣсъ совсѣмъ не въ бунтахъ, а лежитъ въ самой рѣкѣ въ плотяхъ.—«Какъ такъ, давайте его на берегъ, намъ пилить надо».—«Да еще рабочихъ нѣтъ, подождите—скоро придутъ». Ждутъ и эти рабочіе и, затѣвъ, такъ же бѣгутъ домой. Дома ихъ уже ждетъ начальство, требуетъ деньги въ податъ, высылаетъ на работы, по требованію огорченнаго убѣгомъ рабочихъ завода. Не ограничиваясь этимъ, тѣ же заводы предъявляютъ къ пермякамъ еще иски о возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неотработки, а выданныя на руки сбѣжавшимъ рабочимъ деньги удерживаютъ со всей артели, при окончательномъ разчетѣ. Что касается систематическаго обшета рабочихъ, то о немъ можно было бы написать цѣлыя книги. Тамъ, гдѣ разчеты ведутся на чистоту, пермяку въ рудникахъ приходится крайне тяжело отъ положенія работъ. Промозглый, до нельзя сырой воздухъ, сквозной вѣтеръ, кромѣшная тьма, вода зачастую выше щиколдки,—все это ведетъ къ массовымъ заболѣваніямъ сыпнымъ тифомъ. Совмѣстное житье въ душныхъ, вонючихъ казармахъ заставляетъ перемогающихся пермяковъ снабжать схваченной ими болѣзнью и своихъ прибывающихъ вновь сотоварищей. Тифозныя вспышки, ежегодно повторяющіяся среди пермяковъ, всегда совпадаютъ съ праздникомъ Рожд. Хр. и великимъ постомъ—временемъ возврата народа изъ рудниковъ: въ первый разъ—для взноса податей, а второй по случаю окончанія работъ. Тифъ это грозный бичъ пермякаго народа; здѣсь онъ никогда не переводится. Правда, онъ у насъ не такъ страшенъ, смертность, относительно говоря, незначительна, но ущербъ отъ тифа не ограничивается только смертью. Эта болѣзнь надолго лишаетъ и больного, и его семью, вслѣдствіе изоляціи, возможности добывать сторонніе заработки и сильно и надолго подрываетъ силы самого больного. На самыхъ работахъ пермякъ заслужилъ почетную репутацію хорошаго и выносливаго работника. Для пермяка нѣтъ ничего грязваго, нѣтъ ничего не подходящаго. Разъ работа, по его мнѣнію, выгодна, онъ идетъ на нее безъ разговоровъ. Въ своей домашней, не рабочей жизни пермякъ, напротивъ, крайне лѣнивъ. «Успѣю» вотъ слово, которое можетъ быть девизомъ пермяка. Только нужда заставляетъ его бросить брагу и, одѣвшись въ шабуръ, выйти изъ избы. И взявшись за дѣло, онъ не старается закончить его. Не хватило, напримѣръ, дровъ и приходится мужику ѣхать за ними въ лѣсъ. Онъ везетъ домой цѣлую лѣсину, отрубаеъ отъ нея кусокъ, рубить дровъ на истоплю и уходитъ домой. Завтра, утромъ, онъ пойдетъ снова нарубить на новую истоплю: «на седне кватить».

При всемъ этомъ пермякъ очень любознателенъ и охотно готовъ поучиться уму-разуму. Вы не найдете ни одной школы или школки въ селахъ и деревняхъ съ пермяцкимъ населеніемъ, которая была бы не переполнена уче-

никами. Даже дѣвочекъ учать охотно и если учать менѣе, чѣмъ мальчиковъ, такъ потому, что, по мнѣнію пермяковъ, въ женскихъ школахъ учать немногому и не преподають того, что составляетъ для дѣвочекъ самое главное—рукодѣлій. Въ школахъ же рукодѣлію не учать за отсутствіемъ средствъ. Разсматривая типъ народной школы, я долженъ сказать, что въ церковныя школы по первоначалу дѣтей начинали отдавать охотнѣе, но, затѣмъ, довѣріе къ нимъ было подорвано и, вѣроятно, на-долго. Теперь въ эти школы отдають малышей или непринятыхъ за неимѣніемъ вакансій въ земскія школы. Пермяки говорятъ, что въ церковныхъ школахъ учать плохо. Почему плохо учать—этого они не знаютъ. По моему мнѣнію, первое и главное затрудненіе—это неимѣніе у этихъ школъ матеріальныхъ средствъ; второе — неимѣніе подходящихъ учителей и завѣдывающихъ этими школами. Конечно, у пермяковъ, какъ и вездѣ, таковыми значатся священники. Понятно, грамотъ можетъ учить только грамотный человѣкъ, а между тѣмъ практика показываетъ намъ и совершенно обратные факты. Случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ грамотностью одного изъ завѣдывающихъ школою. Я привожу рукопись эту дословно. Прочтите ее и скажите, правъ или нѣтъ пермякъ, когда онъ говоритъ: «своко попы учать». Вѣдь многого ученія, при такомъ руководителѣ, и ждать нельзя. Вотъ документъ:

В. П. И.

14 Ноября.

Михайло Архангельской Церкви священника I—на III—ва отношеніе леніе.

14 Ноября 1890 г. № 16-мъ.

Совѣтъ Бротства Св. Стефана постановили Журналъ своемъ отъ 14 Морта 1890 г. За № 2-мъ заботясь опросвѣщеніи религіозно-нравственной жизни народа, открыли Пермской Губерніи при каждомъ приходѣ школы Грамотности и змыскывая причины нехожденіе мальчиковъ въ школу, нашли Припятствія таковы, 1-е осень дожливая, грязь, холодъ, 2-е, Зимой морозъ, вьюга, 3-е, весною розлитіе рѣкъ, а бѣдный людъ не можетъ здѣлать мольчику теплой одежды отъ чего мольчики болѣе хворуютъ тифовной горячкой, посему всѣ органы вывѣли заключеніе и обратились за разрѣшеніемъ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Епископу Владиміру Пермскому и Соликамскому Каковъ Журналъ Утвердилъ: Со-Указаніемъ мѣстностей, напримеръ моемъ приходѣ назначило открыть, въ деревнѣ Нижней-Лопвѣ, просить общества пособіе для школы, 1-е сторожа, 2 отопленіе, 3-е Учителю жалованье за труды, какое-либо Вознагражденіе.

По сему Всепокорнѣйше прошу Архангельское волостное Провленіе предложить на сходѣ обществу что бы они неоставили безниманія, выбрали сторожа, доли отопленіе, и денежное пособіе Учителю за труды. О Чемъ покорнѣйше

прошу Ар. волостное провѣненіе почтить меня Формально Увѣдомить. Михайло-Архангельской-церкви подписался: Священникъ I—въ III—въ.

Ни одна буква въ этомъ документѣ ни прибавлена, ни убавлена. Священникъ III—въ завѣдывалъ и училъ ребятъ или, какъ онъ говорилъ, былъ «преподавателемъ русской грамматики» болѣе пяти лѣтъ. Чему выучились у него ребята, какъ пишутъ они — я не знаю. Настоящій фактъ слишкомъ не-единичный; въ противномъ случаѣ, я не обратилъ бы на него вниманія. Конечно, въ значительно болѣе мягкой формѣ, но почти тоже приходится изрѣдка наблюдать и въ земскихъ пермяцкихъ школахъ. Учителя тамъ пишутъ гранотно, но поведеніе ихъ ниже всякой критики. Повторяю, и теперь при подобныхъ учителяхъ учащихся больше, чѣмъ мѣсть въ школахъ, особенно тамъ, гдѣ учителя стоятъ на высотѣ своего положенія; такихъ, само собой разумѣется, тоже достаточно, даже больше. Большинство выучившихся пермяковъ идутъ въ учителя, въ писаря, лѣсные сторожа и т. п. должности, навсегда порывая свою связь съ землей. Это крайне прискорбное явленіе нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ тѣмъ, что школа даетъ пока пермякамъ только кое-какія знанія, но не учитъ пермяка ни кустарнымъ промысламъ, ни сельскому хозяйству. Въ послѣднемъ, правда, нынче сдѣлана слабая попытка: открыта сельскохозяйственная школа и опытно-показательное поле, но дѣло какъ въ той, такъ и въ другой ведется настолько неосновательно, что крестьяне рѣшительно ничего не теряютъ, игнорируя ихъ.

Для спасенія себя отъ полного обезлѣсенія, пермяки принимаютъ средства, къ сожалѣнію, неудачныя по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Когда лѣсъ почти исчезъ, пермяки сознали его пользу. Правда, они и теперь истребляютъ его всѣми мѣрами, но уже не у себя, а у владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ и, въ то же время, стараются развести свой лѣсъ взаимѣнъ вырубленнаго. Такъ, въ то время, когда еще не было и рѣчи о посадкѣ деревъ (зеленыхъ праздникахъ), пермяки уже садили деревья для пробы. А между тѣмъ, едва вышелъ законъ о выдачѣ премій за лѣсоразведеніе, какъ пермяки уже получили отказъ отъ премирующаго такіе труды министерства, отказъ на просьбу не о выдачѣ медали или денегъ, а сѣмянъ. А вѣдь, пермяки хотѣли засѣять немного-немало почти двѣ тысячи десятинъ!

IV.

Васильевъ день. — Крещенскій праздникъ. — Масляница. — Великій четвергъ. — Семикъ. — Широкия и узкія субботы. — Первый громъ. — Петровъ день. — Марія Голиндуха. — Праздникъ Флора и Лавра (скотьяго бога; обряды жертвоприношеній; хожденіе въ воду; лошадиная гоньба). — Частные деревенскіе праздники. — Ярмарки. — Воровство; конокрадство. — Рождественскіе сватки и игры на нихъ. — Посидѣлки или суирядки. — Зимнія помочи.

Пермякъ веселится по поводу церковныхъ празднествъ, а равно и тогда, когда онъ веселится самостоятельно, потому что желаетъ повеселиться. Вообще праздничныхъ дней у пермяковъ достаточно. Общій ихъ типъ почти одинъ и тотъ же. Сначала бываетъ богомолье, хотя распитіе бражки и кумышки до молебна не только не воспрещается, но даже считается до нѣкоторой степени бонтоностью, такъ какъ доступно только тѣмъ, кто въ состояніи, напившись до молебна, принять поповъ и всю уйму народа, что придетъ въ избу слѣдомъ за ними и не оставитъ этой избы до тѣхъ поръ, пока темная ночь не принудитъ и самыхъ выносливыхъ вспомнить о снѣ.

Первое января, какъ первый день новаго года, почти неизвѣстенъ пермякамъ, а чтится имъ и называется Васильевымъ днемъ. Празднованіе этого дня начинается съ утра. Какъ только всѣ въ домѣ поднялись, домохозяинъ приглашаетъ семью помолиться. Вся семья, включая и работниковъ, становится у образовъ и втеченіе времени отъ четверти часа до получаса усердно молится, причемъ тѣ, кто не знаютъ никакихъ молитвъ, только и дѣлаютъ, что твердятъ съ глубокими вздохами: «Осподи Сусе, Осподи Сусе». По окончаніи молитвы хозяинъ направляется къ печкѣ, гдѣ заботливой рукой хозяйки еще съ вечера приготовлена теплая бражка. Выпивъ кружку браги, хозяинъ наливаетъ другую и подноситъ ее старѣйшему члену семьи, затѣмъ слѣдующему, пока не переберетъ всѣхъ. Тоже самое продѣлываютъ въ слѣдъ за хозяиномъ, по старшинству, и другіе члены семьи. Повторяю, празднованіе начинается рано, чаще еще до свѣту, съ такимъ расчетомъ, чтобы питье браги у себя въ домѣ было закончено до разсвѣта, такъ какъ съ первыми лучами солнца мужчины уже направляются въ гости къ сосѣдямъ, гдѣ и продолжаютъ пить брагу до тѣхъ поръ, пока не слягутъ. Въ состояніи охмѣленія пермяки становятся крайне буйными и раздражительными; пустить въ это время въ ходъ ножъ, топоръ и, въ особенности, свое любимое національное оружіе «стяжекъ» (обломокъ жерди) или просто палку—ничего не стоитъ. Рѣдкій праздникъ обходится безъ крупныхъ дракъ; что же касается мелкихъ ссоръ, то таковыя на праздникахъ положительно обязательны. Женщины ведутъ

себя нѣсколько сдержаннѣе. Онѣ начинаютъ ходьбу по гостямъ только съ полудня, хотя къ вечеру и онѣ становятся въ большинствѣ случаевъ пьяными. Въ первый день праздника (всѣ праздники продолжаются по нѣсколькимъ днямъ) готовится часамъ къ 8—9 утра завтракъ, а къ 12—1 дня обѣдъ или полдникъ. Часамъ къ 8 вечера готовится паужинъ, а затѣмъ всѣ ложатся спать, чтобы на завтра проснуться снова часа въ два утра и приняться за бражку. На второй и послѣдующіе дни столовъ, т. е. угощенія яствами для постороннихъ не дѣлается. Въ ночь на Васильевъ вечеръ дѣвушки пермянки бѣгаютъ на улицу погадать о своей судьбѣ, о грядущемъ счастьи и несчастьи. Обряды гаданья обще-русскіе и поэтому описывать ихъ излишне.

Въ Крещеніе кой-кто и теперь, несмотря на зимнюю стужу, разъ только онѣ рядился (маскировался), купается въ проруби и тѣмъ очищаетъ себя отъ грѣха. Рядомъ за толпой молящихся помѣщаются лошади, которымъ такъ же, какъ и людямъ, дается крещенская вода—лучшее средство отъ всякаго рода болѣзней. Попоявъ лошадей, пермяки гоняютъ ихъ, чтобы вся вода вошла въ нутро лошади и, так. обр., на животное оказала бы наибольшее вліяніе.

Послѣ Крещенія вплоть до масляницы у пермяковъ нѣтъ особенно чтимыхъ дней; зато масляница «празднуется» всѣми, и каждый, у кого только есть хоть какая-либо физическая возможность, не преминетъ возвратиться домой къ этому празднику, хотя бы работалъ на выгодной работѣ и за нѣсколько сотъ верстъ. Во все время масляницы пекутся рыбные пироги, готовятся различныя постряпушки и всѣ семейщики ходятъ съ ранняго утра и до поздняго вечера полупьяными. Никакихъ работъ въ эти дни нѣтъ. Всѣ кутятъ, кто только можетъ и какъ кто можетъ. Любвеобильные отцы и матери поятъ даже дѣтей, не исключая и грудныхъ, теплою бражкой. Нѣкоторые затѣйники устраиваютъ масляничныя поѣзды. Устройство его нехитро: въ маленькія дровни, на которыя брошенъ ворохъ соломы, запрягаются одна или двѣ лошади; на дровни садится масляница (одѣтый въ шубу на выворотъ и въ женское платье мужикъ, у плеча его метла). Лошади обильно изукрашены соломой. Если на одной изъ лошадей посаженъ, также съ вывороченной на изнанку шубой, мальчуганъ, то и у него на спинѣ и на головѣ болтаются пучки соломы. Для ребятъ и дѣвицъ въ каждой деревушкѣ, какъ бы она ни была мала, устраивается горка «катушка». Оффициальное празднованіе масляницы кончается въ воскресенье, хотя первый день великаго поста у пермяковъ составляетъ продолженіе масляной, но при постномъ столѣ; только со вторника, а нынѣ и со среды кончаютъ гульбу. Можно положительно сказать, что масляница—самый разорительный для пермяковъ праздникъ и на немъ пропивается все, что у кого припасено или осталось отъ зимнихъ стороннихъ заработковъ.

Слѣдующимъ за масленицей праздниковъ является Великій четвергъ. Праздникъ этотъ отличается нѣкоторыми особенностями. Всегда рано встающіе пермяки, въ этотъ день стараются встать возможно раньше. Они вѣрятъ, что все нижеописанное только тогда исполнится, когда будетъ выполнено до восхода солнца. Проснувшійся пермякъ, вставъ на ноги, тотчасъ же хватается за ружье, разъ онъ охотникъ, и бѣжитъ съ нимъ въ поле, стараясь вернуться не съ пустыми руками, а хотя бы съ застрѣленной вороной или воробьемъ. Рыбакъ бѣжитъ къ рѣчкѣ, сталкиваетъ тамъ на снѣгъ свою лодку, кладетъ въ нее свои рыболовные снасти и, взявъ въ руки весла, дѣлаетъ видъ, что плыветъ. Плотникъ идетъ въ лѣсъ и вырубаетъ тамъ хотя бы лычку. Разумѣется, всякому пріятно принести что-нибудь домой, т. е. птицу, рыбу и т. п., но иногда это не удается, тогда возвращающійся дѣлаетъ видъ, что путешествие его было вполне удачно, что ему что-то попало и онъ несетъ добычу. Каждый пермякъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, старается приберечь къ этому дню сколько,нибудь мѣдяковъ и, считая ихъ, говоритъ: «разъ!.. два!.. три!.. у-у, какъ много!» Ни одна пермянка не оставитъ въ этотъ знаменательный день пустою свою печь; каждая изъ нихъ старается изъ всѣхъ силъ поставить въ нее какъ можно больше кушаній; ставятъ по нѣсколько корчагъ съ нивомъ, брагой и проч. Какъ только женщина проснулась, она тотчасъ же накрываетъ столъ скатерткой и ставитъ на него хлѣбъ, соль и кувшинъ браги. Боже упаси, не накрыть стола—весь годъ придется жить въ проголодь. Накрывъ столъ, женщина открываетъ дымное окошко (отверстіе въ стѣнѣ для выпуска дыма при топкѣ печи въ курныхъ избахъ) и въ него кличетъ соотвѣстными кличками скотъ и другую живность до птицъ включительно. Тамъ, гдѣ устроены настоящія печи, то же самое хозяйка кричитъ въ печную трубу. Благодаря такимъ мѣрамъ, пермякъ увѣренъ, что и скотъ, и птица втеченіе всего года будутъ находиться и въ цѣлости, и въ сохранности. Слѣдно управившись по хозяйству, пермянки садятся за шитье или пряжу, причемъ всѣми силами стараются сработать какъ можно больше до солнцевосхода. Мужчины кромѣ всего выше сказаннаго осматриваютъ амбары и другія мѣста складовъ хлѣба. Дома пермяковъ къ этому дню слегка прибираются и на полъ избы накладываются вѣтви можжевельника. Вечеромъ, накануне праздника, дѣвушки поютъ пѣсни, не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ тѣмъ особымъ обычаямъ, что сопровождаютъ этотъ праздникъ. Вакханалія, пѣсни, плясъ и глубокая вѣра пермяковъ въ чертовщину особенно становятся дикими, когда принимаешь во вниманіе благоговѣйный трепетъ истинныхъ христіанъ, ожидающихъ наступленія Страстей Господнихъ.

Не меньшимъ уваженіемъ и приготовленіями къ встрѣчѣ сопровождается и «семикъ». Ровно черезъ семь недѣль послѣ Великаго четверга въ четвергъ же

начинается празднованіе семика. Въ этотъ день, только разъ за весь годъ, души всѣхъ умершихъ, по вѣрованію пермяковъ, получаютъ отъ Господа однедневный отпускъ на землю, гдѣ и присутствуютъ при трапезѣ своихъ родственниковъ, которая совершается послѣдними въ домахъ и на могилахъ. Трапезуютъ веселыми и нарядными, чтобы не обезпечить душу, а то она можетъ еще, заѣтивъ какіе-нибудь безпорядки, разсердиться, наслать какую-нибудь болѣзнь и тогда предстоятъ, кромѣ боли физической, еще и матеріальныя расходы: надо будетъ вязать черъэшванъ и справлять экстраординарныя поминки. Души покойниковъ не только присутствуютъ при трапезѣ своихъ живыхъ родственниковъ, но пьютъ и ѣдятъ. Къ празднованію семика начинаютъ готовиться заблаговременно. Такъ, уже за недѣлю ловятъ рыбу, колютъ барановъ и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащатъ мыть какъ можно чище на ближайшую рѣчку, чтобы въ самый семикъ покойники не осудили женщинъ за нечистоплотность. За недѣлю же начинается и ку-мышко-и-пивоваренье, а передъ семикомъ готовится въ изобиліи и теплая бражка. Въ самый семикъ бабамъ не до сна: имъ въ этотъ день предстоитъ слишкомъ много работы, поэтому почти не встрѣтишь такой бабы, гдѣ бы уже съ полуночи не топила печь. Съ этого ранняго времени уже стараются пельмени, тупоськи (колобки, приготовляемые изъ творожнаго сыра или изъ ячной муки), оладьи, блины, шаньги, рыбныя селянки и рыбныя пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся, по пасхальному, яйца. Только что покойивъ со страшной, хозяйки все изготовленное ставятъ на столъ, а передъ иконою затепливаютъ восковую свѣчку и вся семья молится Богу. Затѣмъ, домохозяйинъ приказываетъ отодвинуть столъ отъ лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко отъ стола для того, чтобы усопшимъ можно было совершенно свободно помѣститься у стола со всѣмъ ихъ скарбомъ, иногда очень многочисленнымъ. Скарбъ этотъ заключается у покойниковъ въ тѣхъ вещахъ, которыя они покрали на этомъ свѣтѣ, будучи живыми: съ этихъ краденными вещами покойникамъ суждено носиться вѣчно. Когда все, что приказываетъ хозяйинъ, сдѣлано, хозяйинъ и хозяйка оборачиваются къ столу, низко кланяются и говорятъ: «вошъшы» (кушайте). Простоявъ не менѣе получаса у стола, дымящагося кушаньями, которыя, къ тому же заранѣе надломлены для болѣе свободнаго выхода пара, служащаго, какъ уже было говорено, единственной пищей мертвыхъ душъ, — за тотъ же столъ садятся и всѣ живые. Основательно закусивъ обильной страшной, вся семья отправляется въ церковь, а оттуда на кладбище, захвативъ съ собою и на кладбище разной странни, пива, браги и водки. Причемъ, чтобы кушанья можно было донести горячими, ихъ тщательно завертываютъ теплыми тряпками и одеждой. Пришедшіе накрываютъ могилу скатертью

и, ломая пироги пополамъ, разбивая и расколушывая яйца, ставятъ все на скатертку, равно какъ и напитки, послѣ чего женщины начинаютъ свои причитанія. Причитаютъ женщины каждая на свой ладъ, причемъ жалуются умершимъ на тѣ горя и обиды, что имъ, по ихъ мнѣнію, приходится переносить отъ свекра, мужа, мачихи, снохи или братьевъ и т. д. Причитанія произносятся зачастую въ присутствіи противной стороны и, по возвращеніи причитавшихъ домой, служатъ порою поводомъ къ дальнѣйшимъ ссорамъ. Вотъ образецъ причитанія надъ могилкой матери дѣвушки, жалующейся покойницѣ на свое плохое житіе отъ злой мачихи.

Мамъ иней тэ, матушка,
А мыля тэ кувинъ,
Да мѣнэ кòдинъ
Енысвэ на грѣхъ,
Да отерывсэ на смѣхъ.
Сякэй роботасэ ме кѣра
И быдэня унаджикъ уджава,
А мачикавысь все мѣнэ видэ.
Сусѣдасъ ме ветва,
Да гортэ вòкта,
Сыя и сыпонда мѣнэ видэ
И сяко мѣнэ шувасъ.
И пòндасъ ювасьны:
«Кычэ пэ тэ б...ь ветвинъ»...
А ачисъ куйвэ кыджэ дэчка-а-а....

Маменька ты, матушка,
А зачѣмъ ты умерла,
Да меня оставила
Богу на грѣхъ,
Да людямъ на смѣхъ.
Всякую работу я дѣлаю
И всѣхъ больше работаю,
А мачиха все меня ругаетъ.
Въ сосѣди я схожу,
Да домой возвращусь,
Она и за это меня ругаетъ
И всяко меня назоветъ.
И начнетъ спрашивать:
«Куда ты б...ь ходила».
А сана лежитъ (на постели) какъ
свинья-я-я...

Легко себѣ представить, что будетъ у перняка дома, если захвораетъ мачиха. Въдѣ въ этомъ случаѣ болѣзнь напущена матерью недовольной, а такъ какъ лѣчение всякой болѣзни бьетъ пермяцкую семью по карману, то и не-удовольствіе будетъ не одиноличное, а всей семьи. Если въ семьѣ все обстоитъ благополучно, то причитаніе сводится къ сожалѣніямъ по поводу того, что извѣстный обрядъ или дѣло за смертью покойнаго (ницы) приходится сдѣлать уже не ему. Такъ, мать плачетъ надъ сыномъ и говоритъ, что кормить се подѣ старость, а когда она умретъ, то закрыть ея глаза ему не придется. Жена оплакиваетъ мужа въ виду того, что теперь ее и ея малыхъ дѣтушекъ уже не призрѣтъ ему, мужу, а если ихъ обидятъ, то и не защититъ. Окончившее церковную службу духовенство совершаетъ въ это время надъ могилами усопшихъ, по приглашенію родныхъ, панихиды или литіи. Позади священниковъ идутъ люди, которымъ передается (чаще всего самими

священниками) кое-что изъ разставленнаго на могилахъ: рыбный пирогъ, селянка, блины и т. п. По уходѣ духовенства, начинается обрядъ настоящаго поминанія, тризна. Какъ мужики, такъ и бабы приглашаютъ и родныхъ, и знакомыхъ помянуть покойныхъ, кто чѣмъ можетъ. Пермскъ вообще никогда не отказывающійся отъ угощенія, въ данномъ случаѣ даже торопится исполнить просьбу приглашающихъ, чтобы тѣ не могли какъ-нибудь увидѣть въ его промедленіи желанія оскорбить память усопшихъ. Каждый пришедшій пробуетъ по немногу всего приготовленнаго, откладывая хоть нѣсколько крошекъ на могилу умершаго и, выливая на нее хоть по капелькѣ язъ питья. Забыть про голодъ покойника никто не рѣшается, мало ли чего онъ можетъ надѣлать. Если извѣстно кушанье или питье, которымъ покойный (ая) отдавалъ особенное предпочтеніе, то ихъ откладываютъ (выливаютъ) побольше: пусть не жалуется на жадность живыхъ. Когда помянуты всѣ родные и знакомые, своимъ и сосѣдскіе, поминальщики съ раскраснѣвшими лицами, подъ шумный говоръ, а иной разъ и подъ звуки разухабистой пѣсни, отправляются по домамъ, гдѣ продолжаютъ поминать дорогихъ покойниковъ, вспоминая объ ихъ былыхъ добрыхъ качествахъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить, а языкъ ворочаться. Не въ рѣдкость и такіе случаи, когда чтущій покойника переусердствуетъ еще на кладбищѣ и, забывая свой обычный передъ этимъ мѣстомъ страхъ, преспокойно ложится спать на немъ, причеиъ могила почитаемаго родственника становится изголовьемъ. Насколько пѣсни возвращающихся съ кладбища поминальщиковъ не сходятся съ только что совершеннымъ обрядомъ, указываютъ записанныя именно при возвращеніи поминальщиковъ съ сеиика пѣсни, сопровождаемыя пляскою и звуками гармоніи, въ родѣ слѣдующей:

Ахъ ты, звирь ли, мой звиречокъ,
Ясноѣ соковочокъ.
Расповадився звиречокъ
За ягодку ричьку;
Што за ягодку за ричьку—
Къ Аннушкѣ сестричкѣ.
Аннушка сестричка
По саду гулява,
Калину ломава.
Я калинушку ломава
Дружка поджидала.
Приходи ко мнѣ звиречокъ
Во время ты въ гости,
Когда батюшка дома нѣту,

Матушка въ гостякъ,
Мивы братцы за стрѣльбою,
Мивы сестры за гульбою,
Мои сношкы говубушки—
Они за работой.
Только я, мвада мваденъка,
Одна остававався,
Со звирькомъ лежала,
На правой ручкѣ держала,
Лѣвой обнимала.
Лѣвой ручкой обнимала,
Къ сердцу прижимала.
Я къ сердечку прижимала,
Крѣпко чевовала.

Почти въ томъ же духѣ проводятся и другіе поминальные дни, число которыхъ значительно, хотя, должно замѣтить, празднованіе большинства остальныхъ поминальныхъ дней, сводится лишь къ подачѣ тѣхъ или иныхъ даровъ въ церковь и къ служенію, а у бѣдныхъ—къ поминанію покойныхъ.

Наибольшую популярность пользуются изъ этихъ скорбныхъ дней широкія субботы: три субботы передъ Димитріевской, празднуемой въ ближайшую къ 26 октября субботу. Субботы эти называются широкими въ отличіе отъ остальныхъ субботъ, въ которыя также происходитъ поминаніе и которыя называются узкими. Разница между этими субботами, главн. обр., заключается въ количествѣ поминаемыхъ. Въ узкія субботы поминаются ближайшіе родственники или недавно скончавшіеся дальніе, а въ широкія поминаются рѣшительно всѣ, кто когда-либо состоялъ въ родствѣ и еще не исчезъ изъ памяти поминальщиковъ. Обрядъ поминовенія родни въ Родительскую субботу и иные поминальные празднуемые, вѣрнѣе, чтимые дни происходитъ у пермяковъ такъ же, какъ и въ широкія субботы.

Вскорѣ послѣ семика пермякамъ приходится считаться съ первымъ громомъ. Это также дѣло не изъ послѣднихъ и требуетъ нѣкотораго знанія. Вообще грома и громовержца Илью—пророка у насъ въ достаточной степени побаиваются. Хотя самое небо, по вѣрованіямъ пермяковъ, находится въ непосредственномъ владѣніи Бога, такъ, напримѣръ: Онъ небо и запираетъ, и оттыкаетъ, прямымъ слѣдствіемъ чего бываетъ засуха и дождь, но, тѣмъ не менѣе, Илья пророку небо отдано для прогулокъ, отъ чего бываетъ громъ и градъ. Особенно благоговѣнно встрѣчается здѣсь первый весенній громъ. Происходитъ это отъ того, что пермяки боятся, какъ бы ихъ желанія и надежды не разбились объ этотъ громъ. Противъ грома нѣтъ ни одного заговора или наговора; точно также нѣтъ ни заговоровъ, ни наговоровъ и противъ вѣтровъ. Громовой заговоръ, какъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, совсѣмъ не отъ грома. «Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословесъ и перекрестясь. Умываюсь чистою водою, утираюсь и обтираюсь бѣлымъ полотенцемъ выйду я на чистое поле, увиdѣлъ я тучу и морокъ, какъ на небеса поднимаются и Оноки, и Меланіи, святую русскую землю очищаютъ, нечистаго духа и непріятную силу, какъ Илья пророкъ, скорный помощникъ, какъ онъ грянулъ и хряснулъ, всѣ поразсыпались и песокъ разсыпался, какъ зеленая вичка день и ночь дрожить, такъ же и отъ меня раба Божія (имя рекъ) всѣ люди боялись бы и дрожали, какъ царь царица пріужаснулись, такъ чтобы и люди пріужасались, и, душа моя у меня, слово мое—громъ, и, я же тутъ хочу заговориться, на всѣ четыре стороны, и Бѣло-каменной стѣной и булатнымъ тыномъ отъ сырой-мать земли до небеси, по шестіку и по крестіку и по ангелу, сѣкутъ и рубятъ, а до меня до раба человека не допускаетъ, будьте мои словеса крѣпки и лѣпки

тверже камня и остраго булатнаго ножа, полно-полновицею, крутоверховы, противъ слова стой и противъ зуба и тридцать три слова, чтобы были на зубахъ, и каждый часъ и каждую минуту мои словеса, чтобы были въ полны, что прочитала (алѣ)». Заговоръ этотъ называется громовымъ потому, во первыхъ, что въ немъ упоминается о громѣ, а во вторыхъ, потому, что онъ начнетъ дѣйствовать, т. е. держать всѣхъ въ страхѣ только съ тѣхъ поръ, какъ будетъ прочтенъ при первомъ весеннемъ громѣ. Если громовой заговоръ исполненъ, а заговарившаго все-таки никто не боится, это значитъ: или первый громъ былъ раньше и заговаривающимъ пропущенъ, или же, что прежде чѣмъ заговаривающій успѣлъ окончить свой заговоръ, кто-нибудь его уже унредилъ имъ и получилъ себѣ просимое. Только разъ въ годъ, только на одинъ годъ, только одинъ человѣкъ можетъ получить просимое въ громовомъ заговорѣ.

Говоря о громѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о кой-какихъ растерянныхъ громовержцемъ предметахъ, тѣмъ болѣе что часть ихъ находится у пермяковъ. Будучи сами прекрасными наѣздниками, пермяки и Илью пророка представляютъ себѣ ѣздящимъ по небу не иначе, какъ на верховой лошади. По повѣрью пермяковъ, лошадь эта была въ полной верховой упряжкѣ, но (времени точно никто не знаетъ) обронилъ Илья пророкъ сѣдло съ своей лошади и оно пало въ Архангельской волости, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ. Занимательный рассказъ, я осматривалъ сѣдло и нашелъ слѣдующее. На краю села находится небольшая деревянная оградка, внутри ея столбикъ съ иконою, какихъ немало встрѣчается на перекресткахъ дорогъ, и передъ нимъ огромный камень, вѣсомъ приблизительно въ 70 пудовъ. Форма этого камня, дѣйствительно, слегка напоминаетъ собой очертанія грубаго сѣдла. Въ настоящее время я не могу сказать, что представляетъ изъ себя этотъ камень. Вѣроятно, осколокъ метеора. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ошибской волости (въ 20 в. по прямому направленію) на одномъ изъ полей находится такой же камень, причѣмъ народная молва прямо говоритъ, что онъ упалъ съ неба, что подъ нимъ зарытъ очень большой и цѣнный кладъ. Дѣйствительно, камень этотъ точно такого же строенія, какъ и Архангельскій, только значительно больше послѣдняго.

Свойство молніи бить чаще всего въ хвойный лѣсъ извѣстно пермякамъ, но они увѣрены, что молніей Господь Богъ преслѣдуетъ всегда нечистую силу (дѣвола), послѣдній же, укрываясь отъ гнѣва Божьяго, естественно, спѣшитъ укрыться въ лѣсной чащѣ, гдѣ разглядѣть его уже становятся дѣломъ хитрымъ. Хотя громъ и убиваетъ людей, но только не дѣвушекъ: «Илья Пророкъ съ земли дѣвокъ не воруетъ». Еслибы отъ громового удара что-либо загорѣлось, то такой пожаръ можно тушить не водой, а молокомъ и брагой.

Въ Петровъ день, а также въ послѣднее воскресенье передъ Покровомъ Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марію-Голиндуху пермяки приносятъ въ мѣстныхъ часовни: бараны ноги и головы — въ первый праздникъ; курицъ и разную другую птицу (колотую) — въ послѣдній. Святые Петръ и Павелъ, равно «Егорій Краброй» считаются покровителями животныхъ; отсюда происходитъ обрядъ принесенія имъ въ жертву животныхъ. Около Петровокъ частую начинаютъ теряться молодые барашки то отъ хвори, то отъ деревенскихъ собакъ и отъ острыхъ зубовъ «сѣраго» пріятеля, дѣткамъ котораго тоже вѣдь надо кормиться. Тогда-то перепуганныя хозяйки и даютъ торжественное обѣщаніе привести апостоламъ одну или двѣ бараны ноги или голову, чтобы только они сохранили ихъ скотинку. То, что случается съ мелкимъ скотомъ лѣтомъ, тоже повторяется съ молодою птицей осенью. И ястребъ, и злой человекъ, и хворь все преслѣдуетъ выводокъ, какъ же тутъ за сохраненіе ихъ не пожертвуешь Маріи-Голиндухѣ — «куриному богу» (точнѣе: птичьему). Дѣйствительно, въ часовняхъ, гдѣ только празднуютъ эти праздники, приносятся бараны ноги, головы и птица въ избыткѣ. Все принесенное послѣ молебновъ поступаетъ въ пользу духовенства и употребляется таковымъ для собственныхъ нуждъ или продается имъ же, въ засоленномъ видѣ, бѣдной паствѣ по схожей цѣнѣ.

Изъ осеннихъ праздниковъ необходимо отмѣтить праздникъ Флора и Лавра, — «скотьяго бога». Этотъ праздникъ занимаетъ первенствующее значеніе между всѣми праздниками остальныхъ покровителей животныхъ. Онъ празднуется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но глав. обр. въ д. Кочѣ, Чердынскаго, и въ д. Бутылевоѣ, Соликамскаго уѣзда. Съ прошлаго года власть не духовная, а административная запретила празднованіе въ Кочѣ. Праздникъ перенесли въ ближайшую деревеньку Соликамскаго уѣзда. Впрочемъ, такія запрещенія въ мѣстахъ, переполненныхъ старовѣрами, даже и небезопасны. — «Идите къ намъ, молитесь, какъ мы молимся, и приносите жертвы, кому хотите». Вѣдь, вотъ что говорятъ старцы, а лѣсовъ у нихъ такъ много, и пермяку, чтобы выполнить все то, что выполнялъ онъ самъ и его дѣды и прадѣды, переходъ изъ церкви православной въ старовѣрье становится даже заманчивымъ. — «Мы, если перейдешь къ намъ, ни за крестины, ни за свадьбу ничего не требуемъ». Къ кому будетъ лежать сердце? Нѣтъ, средство для борьбы съ празднествами въ честь скотьяго бога едвали выбрано удачное. Болѣе всего свѣтомъ церковнаго и школьнаго ученія надо бороться съ такими явленіями, какъ нижеописываемое. Память Флора и Лавра чествуется церковью 18 августа, но у пермяковъ сборы къ этому празднику начинаются еще задолго, а у иныхъ чуть не за цѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что когда болѣетъ какая-либо скотина, пермяки, прося покровителя животныхъ о выздоровленіи ея, даютъ обѣтъ принести часть

ей или часть другой скотины, если больная не съдобна, или, если скотина невелика, привести ее на веревочкѣ къ святому вмѣсто живой. Есть и такіе поклонники, что обѣщаютъ въ жертву и очень большихъ животныхъ, напримѣръ, трехъ-четырехъ лѣтнихъ быковъ. Такіе жертвователи проживаютъ нерѣдко за много десятковъ верстъ отъ часовенъ, гдѣ празднуется память святыхъ и поэтому отправляться имъ къ празднику приходится задалго. Къ этому же времени со всѣхъ сторонъ отправляются къ празднику и нищіе, какъ профессионалы, такъ и любители, въ чаяніи хорошей подачки. Особенно много народа стекалось въ д. Кочѣ. Въ ночь на праздникъ то тутъ, то тамъ зажигаются большіе костры, фантастически освѣщающіе и группы народа, и тутъ же стоящій скотъ. Шумъ отъ говора, блеянія и мычанія скота, кой-гдѣ отъ пѣсенъ и пьяной ругани стоитъ всю ночь. Съ наступленіемъ же ночи начинается обрядъ жертвоприношенія животныхъ. Всѣхъ животныхъ колютъ около самой часовни, причѣмъ шкуры заколотыхъ остаются въ пользу часовни, а часть мяса идетъ на угощеніе богомольцевъ. Нѣкоторые богатые люди, взаимѣнъ мяса и шкуры, платятъ соотвѣтственную сумму денегъ. Самое важное, такимъ образомъ, не жертва мяса, а фактъ «закланія» и принесенія за это закланіе хотя бы денегъ въ доходъ часовни. Особо приставленные лица колютъ приведенный скотъ и слѣдятъ за исполненіемъ обряда жертвованія. Доходность отъ такого празднованія весьма велика. Такъ, напримѣръ, въ Кочу приводили иногда до 50 штукъ быковъ и множество барановъ. Въ жертву можно приносить не каждую скотину, а только «невинную» и, притомъ, мужского пола. Рознятое и пожертвованное въ пользу богомольцевъ мясо варится въ нарочно для этого устроенныхъ котлахъ неподалеку же отъ часовни. Въ варево идутъ глав. обр. ноги и головы. Пospѣвшее варево и мясо изъ него раздаются особыми сторожами; народъ рвется къ котламъ, чтобы получить хоть кусочекъ мяса, служащаго вѣрнымъ средствомъ противъ всякихъ скотскихъ болѣзней. Давка, шумъ и драка, приправляемые крупною бранью, не перестаютъ все время вокругъ часовни. Съ ранняго утра приходятъ священники и начинается служеніе молебновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ д. Бутилевой, Юсьвинской волости, къ этому времени запруживаютъ высокой плотиною мимо протекающую рѣчку и въ образовавшемся так. обр. прудѣ, подъ пѣніе духовенства, богомольцы становятся въ воду—иные по колѣна, иные на колѣни, иные заходятъ въ воду по поясъ и выше—какъ кто обѣщалъ святому. Все это происходитъ въ Пермской губерніи 18 августа, т. е. въ то время, когда нерѣдко уже бываютъ заморозки. Стояніе въ водѣ продолжается не минуту или двѣ, а все время совершенія молебна, да еще и ве простого, а съ водосвященіемъ. Много ревматизмовъ, много тифа и всякой простуды уносятся отъ праздниковъ святымъ, признаваемымъ пермяками за покровителей животныхъ. Намъ лично приходи-

лось видѣть немало народа, стоявшаго въ студеной водѣ по горло. Какъ только оканчивается молебствіе, священники идутъ между выстроенными въ два ряда лошадами и окропляютъ ихъ святой водой. Въ д. Бутылевоѣ эта ширинга простиралась въ длину, по крайней мѣрѣ, на полверсты. Затѣмъ, всѣ лошаде-владѣльцы начинаютъ гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь въ потъ—признакъ всосанія воды въ кровь лошади. Разумѣется, наряду съ этимъ фигурируетъ и желаніе хвастнуть лошадыю, чтобы въ первой же ярмаркѣ продать ее возможно дороже. Последнее обстоятельство часто бываетъ причиною нежданно-негаданной смерти спортсмена. Въ узкомъ мѣстѣ отчаянная гоньба становится особенно опасной и, вслѣдствіе столкновеній и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, много отуманенныхъ кумышкою и брагою головъ закончило свой жизненный путь преждевременно. Почти также празднуется этотъ праздникъ и въ другихъ пермяцкихъ поселкахъ.

Это празднованіе, впрочемъ только въ слишкомъ слабой степени, напоминаетъ празднованіе св. Георгія Побѣдоносца (такое празднованіе нынѣ уже выходитъ изъ моды, но раньше было повсемѣстно), когда также выгоняли скотъ, кропили его святой водой и, радуясь откывшемуся дешевому способу кормленія скота на подножномъ корму, народъ пилъ и ликовалъ.

Въ промежутокъ времени между праздникомъ «скотьяго бога» и праздниками святокъ проходитъ слишкомъ много времени, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь не отпраздновать праздника. Не знаемъ, гдѣ найдется больше частныхъ «деревенскихъ» праздниковъ, какъ у пермяковъ. Построена у насъ часовня въ честь Егорья,—празднуемъ его и на зимняго, и на вешняго; построена на «Микову милостиваго»,—празднуемъ его и весной, и зимой и т. д. Къ каждому празднику чужіе его готовятся заблаговременно. Но еще болѣе благовременными считаютъ себя люди, непричастные къ празднику: уже задолго до праздниковъ начинаютъ они поговаривать о днѣ грядущемъ, и съ ранняго утра толпы народа тѣснятся около каждой избы въ чаяніи получить кружку браги, а не то и кумышки. Во время часовенныхъ праздниковъ къ приходу духовенства какъ хозяева, такъ и хозяйки нерѣдко бываютъ сильно пьяны, но все же каждый изъ нихъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они служили у него отдѣльный молебенъ. Большинство священниковъ этому подчиняются, и нововведенія молодыхъ батюшекъ, уходящихъ изъ такихъ домовъ, встрѣчаются съ негодованіемъ.

Нельзя не отмѣтить и религіозности пермяка. Войдите вы въ его домъ: въ немъ передъ каждой иконой теплится зажженная восковая свѣчка; столъ покрытъ свѣжею скатертью, на немъ разставлены яства и питья.

Почти также неприглядно проходятъ и многочисленныя здѣсь ярмарки, чаще всего приурочиваемыя къ часовеннымъ или перковнымъ праздникамъ. Разнообразіемъ тутъ является только кража, та кража, о которой человекъ, не

не знающій быта пермяковъ, не можетъ составить себѣ понятія о ней. Крадутъ все, крадутъ все, что ни попало подъ руку. Попалась живая курица—хватай ее, а перья еще у живой можно ощипать по дорогѣ. Многіе для кражи отправляются изъ Соликамскаго уѣзда въ Кунгурскій и другіе. Кажется нигдѣ воровство такъ не развито, и не можетъ быть такъ развито, какъ у пермяковъ. Главная причина та, что воровство за порокъ не признается. Правда, Богъ воровства не долюбиваетъ. Но, вѣдь, не такая ужъ страшная кара полагается, чтобы бояться воровства. Самое большое наказаніе—это тасканіе покойнымъ съ собой всего, что онъ успѣлъ наворовать за земную жизнь, слѣд., чтобы воровство было полезнѣе, а отвѣтственность возможно легче, слѣдуетъ воровать только вещи негромоздскія, тогда ихъ и на томъ свѣтѣ носить будетъ нетрудно, въ особенности же при сознаніи того, что и за семиковымъ столомъ для помѣщенія ихъ достанетъ мѣста и онъ мирной трапезѣ не помѣшаютъ. Къ воровству же вещей негромоздскихъ располагасть удобство скрывать ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно высокая ихъ цѣнность по сравненію съ вещами громоздкими, встрѣчающимися въ крестьянскомъ обиходѣ. Конокрадство, этотъ страшнѣйшій бытъ каждого крестьянина, свилъ въ пермяцкомъ краѣ прочное гнѣздо, причемъ къ особенно наглымъ ворами здѣсь нитаютъ нѣчто въ родѣ уваженія и даже благоговѣнія. Звѣрскія расправы, производимыя надъ этими любителями чужой собственности почти повсемѣстно, здѣсь рѣдки. Впрочемъ, разъ пермяка вывели изъ терпѣнія, онъ не прочь примѣнить къ конокраду не кару, не истязаніе, а мѣру исправительную: отхлестать его кнутовищемъ. Пермяки удостовѣряютъ, что мѣра эта радикальна, т. е. что послѣ ея примѣненія виновный не станетъ больше воровать. Въ данномъ случаѣ пермяки безусловно правы: наказанный так. обр. конокрадъ заканчиваетъ на третій-четвертый день послѣ пріема порки свою жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ.

Изъ числа остальныхъ особо чтимыхъ празднествъ нельзя не отмѣтить дни святочные (предъ-рождественскіе); самое же Рождество Хр. равно какъ и Пасха, здѣсь не чтятся и за праздники не признаются. Не признаются здѣсь также за праздники и большинство праздниковъ православныхъ, напримѣръ: Благовѣщеніе, Вербное воскресенье и многіе другіе. Въ недѣлю передъ Рождествомъ Хр. молодежью устраиваются различныя игры, въ большей части напоминающія наши русскіе хороводы. Игры эти имѣютъ мѣсто лишь на святкахъ, поэтому онѣ выдѣляются здѣсь изъ общаго круга игръ и пѣсенъ. Какъ святочные, такъ и все другія пермяцкія игры, въ общемъ, сводятся къ пѣнію, хожденію подъ это пѣніе молодежи кругомъ, и къ исполненію всего того, о чемъ поется въ пѣснѣ.

Крѣпъ мой, крѣпъ,
Садовой мой крѣпъ.

Кто тебя сѣяу?
Кто полеваю?

Менѣ сѣяу Иванъ,
Поливау Силиванъ.
Силиванова жена
Крѣнъ укаживава.
Дѣвка по саду гулява,
Буйну говову чесава.
И сама при костъ приговаривава:
Ты расти, расти коса
До шевкова пояса,
До сырой земли,
Чтобы люди гледѣли—
Завидовали.

Что завидовали
Сподзавидовали.
Опшпо ѣкали бояре
Изъ нова города,
Да завидѣли дѣвичу:
Дѣвка моетча да румянитча.
«Безъ тово дѣвка баска
(Безъ того дѣвка хороша).
Безъ того короша,
Не бѣлися, душа,
Не румянься, душа,
Душа будь короша».

Когда поется эта пѣсня, всѣ дѣвушки встаютъ стаей къ дверямъ и берутъ руками за дверную скобку, кавалеры же разсаживаются по лавкамъ. Какъ только пѣсня оканчивается, одинъ изъ кавалеровъ встаетъ, подходитъ къ играющимъ дѣвушкамъ и проситъ у нихъ позволенія выдернуть на свой пай «крѣновинку». Дѣвушки наперерывъ спрашиваютъ парня: на что ему крѣнъ и высказываютъ свои, порой довольно таки циничныя догадки. Парень же отвѣчаетъ, что крѣнъ ему нуженъ для продажи проѣзжему купцу. Повѣривъ на слово говорящему, дѣвушки позволяютъ ему выдернуть одну крѣновинку, что тотъ и исполняетъ, причемъ выдергиваетъ почти всегда свою временную подругу жизни, съ которой отправляется на лавку. Тутъ онъ усаживается самъ, а дѣвушку садитъ къ себѣ на колѣни. Пѣсня начинается съизнова, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія дѣвушки не разсядутся на колѣняхъ своихъ благопріятелей. Послѣ же этого двѣ какихъ-нибудь дѣвушки идутъ на средину избы, обходятъ сидящихъ и спрашиваютъ: «слатокъ ли крѣнъ»? Отвѣтъ отъ всѣхъ получается одинъ и тотъ же: «горькой». Тогда дѣвушки говорятъ: «а коли горекъ, то можно и крѣнъ подсластить, подбавить сахару», причемъ цѣлуютъ другъ друга. Тотчасъ же цѣлуются и сидящіе парочки, и дѣвушки сходятъ съ колѣнъ парней, чѣмъ заканчиваютъ эту игру, если парни не требуютъ повторенія пѣсни.

Либединъ мой, либединъ, либедушка бѣвая. И. т. д.; конецъ пѣсни:

Пошелъ мой—отъ лебединъ,
Во три торгоа торговать.
Во три торгоа торговать,
Закупоччи закупать.
Дорогу покушку,
Шовкову плетку.

Отворите ворота,
Пропустите лебедя.
Здрастуй, жонушка,
Здрастуй, лебедушка!
Я принесъ тебѣ гостинечъ—
Шовкову плетку.

Погледите люди,
Жена-то мужа любить,
Погледите добры,
Жена-то мужа добрить.

Къ людямъ кодитъ плечикомъ,
Ко мнѣ, радость, личикомъ.
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣвая.

При пѣніи пѣсни «Лебединъ мой, лебединъ» дѣвушки и парни становятся кругомъ и ходятъ въ ту или другую сторону (хороводъ водятъ), причемъ одна изъ дѣвушекъ становится въ самый кругъ. При пѣніи словъ «отворайте ворота», кругъ разрывается пополамъ и въ него входитъ одинъ изъ парней, неся съ собой что-нибудь завернутое въ свертокъ и изображающее юбку. Свертокъ этотъ онъ подаетъ дѣвушкѣ, но та отвертывается отъ подарка и бросаетъ его на полъ; парень выходитъ изъ круга и входитъ вновь въ него при повтореніи тѣхъ же словъ «отворите ворота», причемъ приноситъ съ собой и подаетъ дѣвушкѣ взятую у кого-либо изъ играющихъ шаль или простой головной платокъ. Дѣвушка встрѣчаетъ парня еще суровѣе, она сердито смотритъ на него и бросаетъ подарокъ ему прямо въ лицо. Парень еще разъ выходитъ изъ круга, для того чтобы вновь возвратиться въ него уже съ плеткою, при словахъ: «здравствуй, жанушка»! Увидѣвъ въ рукахъ парня плетку, дѣвушка сразу измѣняетъ суровое выраженіе лица на пріятливую улыбку и низко ему кланяется. Парень же слегка стегаетъ дѣвушку плеткой, а при концѣ пѣсни цѣлуетъ ее. Этотъ заканчивается игра.

Святочныхъ гаданій и пѣсенъ у пермяковъ немного; тѣ и другія сводятся къ одному: придется или нѣтъ дѣвушкѣ выйти замужъ въ наступающемъ промежуткѣ. Выйти замужъ—это мечта пермянки. Хоть и плохо, можетъ быть, ей будетъ въ новомъ домѣ, но все же впереди ее ждетъ свой собственный кусокъ хлѣба; дома же, особенно при мачихѣ, дѣвушкѣ живетъ очень жутко: побои и попреки, да тяжелая, иной разъ совсѣмъ непосильная, работа. Гадая о замужествѣ, дѣвушка отнюдь не идеализируетъ его и спокойно поетъ:

Отдадимъ мы красну дѣвку
Замужъ за Ивана.
У Ивана въ саду яма,

За все будетъ пьяна.
У Пилипа въ саду липа,
За все будетъ бѣта.

Пермячки любятъ повеселиться и въ простое будничное время. Въ будніе дни онѣ веселятся уже нѣсколько по другому. Будничное веселье проходитъ на вечеринкахъ—посидѣнкахъ, т. наз. «супрядкахъ», когда подъ видомъ пряденія льна сходятся дѣвушки, а также подростки одной или и сосѣдней деревни къ кому-нибудь въ одну изъ до крайности маленькихъ тѣсныхъ бань поработать-позубоскалить; туда же, конечно, иногда заходятъ и молодые парни. Всѣ посидѣнки начинаются съ сумерекъ и продолжаются до поздней ночи, а иногда и раннего утра. На супрядкахъ поются пѣсни и играютъ различныя игры.

Точно также поютъ и веселятся дѣвушки на зимнихъ помочахъ. Зимнія помочи устраиваются людьми болѣе или менѣе зажиточными и изрѣдка духовенствомъ. Словомъ, устраиваются тѣми, кто не въ состояніи собственными силами справиться съ пряденьемъ льна. Пришедшія на помочь дѣвицы собственно говоря, во время самой «помочи», никакой помощи хозяевамъ-устроителямъ ея не оказываютъ, а только пьютъ да ѣдятъ въ изобиліи приготовленныя яства и питія, пляшутъ да поютъ. Но зато, уходя съ помочи, онѣ получаютъ, каждая на свой пай, известную часть кудели, которую должны расчесать, выпрясть въ нитки и представить, затѣмъ, хозяевамъ помочи. Если прикинуть все, что истрачивается хозяиномъ на помочь и что стоитъ дѣйствительная работа, то, конечно, становится жалъ дѣвушекъ-помочанъ, отдающихъ свой трудъ ни за грошъ. Но если принять во вниманіе, что такія помочи, дѣйствительно, веселы, то станетъ понятнымъ, почему молодежь поступаетъ горбomъ. Не приглашаемые сюда парни бродятъ по близости дома съ помощью и расчеты ихъ иногда оправдываются. Нѣтъ-нѣтъ, кто нибудь изъ участницъ помочи исчезнетъ съ нея преждевременно. Вотъ на этихъ-то супрядкахъ и помочахъ и «созрѣваютъ», по выраженію пермяковъ, ихъ дочери. Дѣвушки невинныя считаются ими еще не созрѣвшими; о замужествѣ ихъ до періода созрѣванія думать рано—такая дѣвушка, несмотря на свои годы, считается ребенкомъ.

V.

Пѣсни.—Сказки (Кривая Лютра, Лѣнивая жена, Сказка про медвѣдя, Иванушка-дурачекъ, Глупые люди и Молодая старуха).—Присказки.—Пословицы.

Пермяцкая народная поэзія крайне бѣдна. Она представляетъ плохую передѣлку заимствованныхъ великорусскихъ пѣсень. На пермяцкомъ языкѣ имѣется лишь нѣсколько пѣсень. Народныхъ музыкальных инструментовъ (нынѣ въ ходу только гармонія) у пермяковъ также нѣтъ.

Тороканъ тэ, тороканъ,
Тороканъ абу-ованъ.
Шелье пыранъ-чувъены,
Горва каянъ-бокъ сотэ.
Тороканъ абу-ованъ.
Челядь, пѣтамъ да мунамъ,
Ерь гэгэрсэ гэгэртамъ,
Пѣганука-сэ кутамъ.
Ванька пѣсэдзе пырамъ,
Сурсэ, брагасэ ювамъ,
Бѣми писня висътавамъ.

Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.
Въ щель залѣзешь—тычуть,
На печь поднимешься — бокъ ожжешь.
Тараканъ не живучій.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ,
Около поля покружимся,
Пѣгануху поймаемъ.
На Ванькино крыльце зайдемъ,
Пива, браги попьемъ,
Пермяцкую пѣсню скажемъ.

Ишшо суръ ектэ,
Ишшо брага ектэ.
Учитикъ Иванокъ
Сэтэнь-же бергавэ,
Кыдзь гора кай вебавэ
Мэлэ окавны мёна.
Челядь, пётамъ да мунамъ
Ыджить туй кузясь.
Міе вэрасъ пырамъ,
Вэрасъ опъ сеясъ;
Міе кэзвасъ каямъ
Кэзвасъ урь пурасъ.
Тороканъ тэ, тороканъ,
Тороканъ абу-ованъ.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Прикатили горьюшки!
Кыдзь ме нёнда овнытэ?
Ой-вунсэ джендэтытэ,
Ой-вунсэ джендэтытэ,
Гажа-эсэ нуинэсэ,
Гажа-эсэ вуннэсэ,
Мича-эсэ ой-эсэ!

Васэкъ нывка
Волькытъ юра,
Кузь чикися,
Гэрдъ ленточка,
Дженытъ голя,
Гэрдъ ернэса,
Вэзъ дубаса,
Гэрдъ запона,
Чёчкомъ чўвки,
Ддрэмъ чарки.

Боба тэ, боба,
Съра тэ зоба,
Кычэ боба вётвинъ?
Чужей гўввэ вётви.

Еще пиво пляшетъ,
Еще брага пляшетъ.
Маленькій Иванъ
Тутъ же вертится,
Какъ пѣвчая птичка летаетъ,
Хочетъ поцѣловать меня.
Ребята, выйдемъ да пойдёмъ
По большой дорогѣ.
Мы въ лѣсъ войдемъ —
Въ лѣсу медвѣдь съѣсть;
Мы на елку влѣземъ —
На елкѣ бѣлка загрызетъ.
Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Пришли горести!
Какъ я буду жить-то?
Ночи и дни коротать,
Ночи и дни коротать,
Веселые дни,
Веселые дни,
Ясные ночи!

Красивая дѣвушка
Съ гладкой головою,
Съ длинной косою,
Съ красною ленточкой,
Съ короткой шеей,
Въ краснай рубашкѣ,
Въ синемъ дубасѣ,
Въ красномъ передникѣ,
Въ бѣлыхъ чулкахъ,
Въ подкованныхъ башмакахъ.

Заяцъ ты, заяцъ,
Сърозобый ты,
Куда заяцъ ходилъ?
Въ чужой погребъ ходилъ.

«Мый боба сѣинъ?
Виэнъ нянь сѣн.
Мѣнымъ колінъ-я?
Коли тай, коли.
Кычэ пуктѣнъ?
Джоджъ-пѣнэ пуктѣн
Джоджъ-пѣнасъ абу.

Ширъ натьтэ сѣисъ.
Кытѣнъ ширисъ?
Муэ пырисъ.
Кытѣнъ мунсъ?
Бійѣнъ (соччѣмъ).
Кытѣнъ бисъ?
Ваэнъ кусѣмъ.

Что заяцъ ѣлъ?
Масло съ хлѣбомъ ѣлъ.
Мнѣ оставилъ ли?
Оставилъ, оставилъ.
Куда положилъ?
Подъ печь (на концы выходящіе
изъ-подъ глинобитной печи) поло-
жилъ (русскаго термина нѣтъ) и нѣтъ.
Мышь должно быть съѣла.
Гдѣ мышь?
Въ землю вошла.
Гдѣ земля?
Огнемъ сожжена.
Гдѣ огонь?
Водой загасился.

Эти пѣсни распѣваются на вечеринкахъ (супрядкахъ) или при играхъ круговыхъ, на какой-либо полянкѣ.

Пермяки большіе любители сказокъ. Сказокъ у нихъ много, но почти всѣ онѣ представляютъ пересказъ великорусскихъ. Здѣсь приведены только наиболѣе оригинальныя сказки. Сказокъ на пермяцкомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.

Кривая лютра (кривая вѣдьма).

Жилъ-былъ мужикъ. Семьи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и весьма лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и звать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпаетъ, ни одежды не сдѣлаетъ, а такъ живетъ даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.—Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прясть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило.—Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее рубить, да едва успѣлъ раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ такимъ голосомъ заплакала: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Услыхалъ мужикъ плачь и задумался: «это, видно, какая-то птица поетъ; нѣтъ, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая—за работу хочетъ приняться; жаль будетъ, если помереть».—Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена

давно его опередила, идетъ изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:— что, хозяйнѣ, сдѣлалъ мотовило?—Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяйнѣ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай.—На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умереть».—Мужикъ снова задумался дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣтъ не стану дѣлать, вонъ у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помреть. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ:—что, хозяйнѣ, сдѣлалъ мотовило?—Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяйнѣ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужъ давно тамъ. Только мужикъ за работу, а она и плачетъ такъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умереть». Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣтъ; вонъ какъ она работать хочетъ, по третій день его посылаетъ.—Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, выскѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу:—что, хозяйнѣ, сдѣлалъ мотовило?—Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди.—Взяла баба мотовило, а прясть ей больно не охота. Все-таки думала, думала, да и напирала нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ:—смотри, хозяйнѣ, собаки въ домъ не пускай, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова куделя станетъ. А вѣдь я вонъ сколько напирала—жалко будетъ.—Снекнулъ мужикъ, что хитритъ его баба. Онъ видитъ, что напрядено мало, и впустилъ въ избу собаку. Прыгнула собака черезъ кадку, зацѣпилась въ ниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричитъ его баба:—охъ, хозяйнѣ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ: не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.—Думалъ, дуналъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее:—вотъ, хозяйка, идетъ праздникъ большой—Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (нарядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?—Молчи, хозяйнѣ, одēju я тебѣ излажу, снаряжу тебя побасѣе (по красивѣе) другихъ.—Наканунъ праздника, взяла баба и

заколола курицу; перья съ нея ошипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣться, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-премного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся; всѣ съ него глазъ не сводятъ: кто это пришелъ? кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ-другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрещъ того, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было немного. Въ сutoлокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жжетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говоритъ женѣ: — ахъ, ты, такая-сякая, что со мною наробила (сдѣлала)! Погляди-ко на меня, вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. — Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнивую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привелъ онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говоритъ: «смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи; пойдешь — худо тебѣ будетъ». А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ; и теперь на слова мужа она перечила: «а вотъ пойду, эе-люкъ пойду, вотъ пойду, эе-люкъ пойду». Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видитъ пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести домой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулъ зыбку обратно и слышитъ, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Тащить онъ, тащить, глядь — вмѣсто его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила — кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣтъ: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говоритъ: «батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житья отъ нея намъ не стало. Спаси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придется меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонь! Я тотчасъ же убѣгу». Видитъ мужикъ, — плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора; вѣроятно, жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды

кикимору, и та сейчас же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дому. Услыхалъ про это мужикъ, пришелъ и похваляется: «я могу кикимору выгнать». Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ!» Кикимора сейчасъ же убѣжала изъ дому, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, полѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она издѣвалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ѣсть нельзя было—не покойное житье стало. Вотъ, прослышавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгнать кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: «смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съѣмъ!» Что дѣлать мужику, опять его просятъ выгнать кикимору изъ дома самого перваго богатыя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумястами рублей и пошелъ. «Будь, что будетъ, думаетъ, пойду». Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинудась, да такая презлющая. Она закричала: «а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ». Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: «что ты, матушка, говоритъ онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ящеть съѣсть». Быстро вылетѣла кикимора изъ дому, да прямо къ рѣчкѣ—только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнливой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Лѣнливая жена.

Мужикъ задумалъ жениться. Чтожъ, дѣло ладное. И женился. Стали молодые жить-поживать и хозяйничать. Насѣялъ мужикъ хлѣба много-премного, а дѣлать работу было некому. Вотъ онъ говорить женѣ: «давай, хозяйка, сваримъ пива да браги, доспѣемъ (устроимъ) помочь». Хозяйка сварила ему пиво, да на грѣхъ оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее

пиво. Вотъ она и говоритъ:—хозяинъ, на что намъ помочь дѣлать; я одна управлюсь съ дѣломъ. Только мѣсто покажи. —Ладно, сказалъ мужикъ, и пошелъ показывать бабѣ, гдѣ ихъ поля. Утромъ чуть свѣтъ баба налила себѣ полный туюсь (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлѣбныя полосы, баба сразу нажала три снопа ржи. Диву дался мужикъ, хвалить жену:—да ты у меня баба бойкая, одна все выжнешь!—Выжну, никого не зови, говоритъ баба. —Оставилъ мужикъ бабу на полѣ жать рожь, а самъ пошелъ на другое поле хлѣбъ сѣять. Увидала баба, что осталась одна, взяла буракъ, и давай изъ него пиво пить. Выпила все пиво заразъ и захлѣбѣла. Она положила два снопа подъ себя, а третій подъ голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядитъ, уже ночь на дворѣ, испугалась, стала охатъ: «экая бѣда, экая бѣда, что я надѣлала, что мнѣ хозяинъ скажетъ!» Побѣжала домой, а мужъ-то ужъ дома дожидается и вотъ спрашиваетъ ее:—что, хозяйка, много нажала?—Полосу всю, слава Богу, выжала, отвѣчаетъ заспиха. —На другое утро мужикъ повелъ свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своихъ полосъ). Пошла баба, съ собой все же захватила новый буракъ пива. Какъ мужикъ ушелъ, она напилась и проспала до полночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалить ее мужикъ и вѣрить, что на самомъ дѣлѣ выжаты двѣ полосы. Пошли на третій день на новое, третье поле, мужикъ оставилъ свою бабу одну, а самъ ушелъ сѣять. Выжала баба три снопа, выпила пива, охлѣбѣла и на снопахъ уснула. Сѣялъ, сѣялъ мужикъ и думаетъ: «дай-ка пойду я, да посмотрю на хозяйку». Пришелъ мужикъ, видитъ—она спитъ. Сталъ онъ ее трясти, а она не просыпается. Осердился мужикъ и думаетъ: «ладно, ты меня обманула, такъ и я надъ тобой шутку устрою». Пошелъ онъ домой, взялъ ведро дегтю и принесъ его на поле. Мужикъ затѣмъ схватилъ бабу, поставилъ ее внизъ головой и выкупалъ ее въ дегтѣ. Такъ какъ она и послѣ этого не проснулась, то онъ оставилъ ее на полѣ. Проснулась баба, когда ужъ стало совсѣмъ темно. Хватила она себя за голову,хватила за бока и заревѣла: «вотъ бѣда, что это? кто это сдѣлалъ надо мною такую шутку? да ужъ я ли это? Нѣтъ, это не я—Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, такъ это не я; нѣтъ ея дома, такъ это я—Марфида». Баба приходитъ домой, стучитъ подъ окномъ и кричитъ:—хозяинъ, Марфида-то дома?—Дома, отвѣчаетъ. —Экая бѣда, видно, я не Марфида. Нѣтъ, думаетъ она, спрошу еще разъ:—дома ли Марфида?—Дома, дома, брагу цѣдитъ, былъ отвѣтъ.—Что я теперь стану дѣлать, стала вздыхать баба, кто я такая, ничего мнѣ не остается, какъ идти, куда глаза глядятъ!—Идетъ баба, подходитъ къ лѣсу, а тамъ у елки сидятъ разбойники. Подбѣжала къ нимъ баба и проситъ: «примите меня къ себѣ». Увидали ее разбойники и испугались:

ночью ужь очень она была страшна и—давай бѣжать, а она за ними. Бѣжали они, бѣжали, глядятъ не отстаесть отъ нихъ чудище, все по-бабьему кричить. Вотъ остановились они и спрашиваютъ его: «кто ты? Иди съ нами, только не кричи». Разбойники повели съ собою Марфиду, привели къ богатому мужику и уговорились воровать у него рѣпу. Подошли они къ ямѣ, гдѣ была рѣпа, и говорятъ Марфидѣ: «полѣзай въ яму, выбрасывай рѣпу въ кучи—крупную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю такъ ѣсть». Лѣзетъ баба въ яму, выбрасываетъ изъ нея рѣпу, да сама во все горло кричитъ: «эту на пе-е-че-ен-ки, эту на па-аре-енки, эту та-акъ ѣсть»! Не кричи ты, убѣждаютъ ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать. Убѣжали разбойники, видятъ, что ихъ поймають, а бабу оставили въ ямѣ. И хорошо они сдѣлали. Проснулись хозяева, пришли къ ямѣ и сильно избили бабу. Ревѣла, ревѣла баба, пошла снова по дорогѣ и опять нашла въ дѣсу тѣхъ же разбойниковъ. Не могли тѣ отъ нея отвязаться, взяли ее снова съ собою. Дошли до другого богатого мужика. Подняли уголь у амбара и говорятъ бабѣ: «полѣзай въ амбаръ; тамъ есть лѣнь чесанный и нечесанный. Чесанный-то отбирай, да намъ бросай, а нечесаннаго намъ не надо. Только смотри не кричи». Залѣзла баба въ амбаръ, отбираетъ лѣнь, а сама опять во все горло кричитъ: «этотъ лѣнь че-е-еса-ано-о-й, этотъ не-ече-е-са-ан-ны-ый»! Услышали разбойники, что идутъ хозяева и убѣжали, а бабу оставили въ амбарѣ. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отпустили чуть живую. Бѣда, какъ ревѣла баба и поллелась, куда глаза глядятъ. Пришла въ дѣсъ и набрела опять на тѣхъ же разбойниковъ. Увидала ихъ баба и давай на нихъ что есть мочи кричать: «ахъ вы, такіе-сякіе, зачѣмъ вы меня одну оставили! Меня всю избили». Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать: «будь ты проклята, да на что ты къ намъ привязалась, да на что ты за нами идешь»! Они рѣшили отвязаться отъ нея. «Пойдемъ, говорятъ они ей, къ попу на островъ, тамъ у него рѣпа посѣяна». Бабѣ давно хотѣлось есть и она на это съ радостью согласилась. Черезъ рѣку отъ поповскаго дома былъ островъ. Разбойники устроили къ острову переходъ изъ гнилыхъ досокъ, переѣхали сами съ бабой на лодкѣ и говорятъ ей: «рви, баба, на островѣ рѣпу, а за это мы принесемъ тебѣ мяса». Они уѣхали на другую сторону, а баба принялась рѣпывать и что есть мочи кричать: «вотъ и рѣ-ѣпа, вотъ и рѣ-ѣпа-а»! Услышали ее крикъ попъ и попадья и побѣжали на островъ по переходу, да не успѣли они дойти до половины, какъ увидала ихъ баба и, думая, что это разбойники, закричала: «мясо-то не-е-се-ете-е»? Какъ услышали это попъ и попадья, испугались и бросились обратно, а переходъ-то подъ ними подломился, они упали въ воду. Баба, какъ была, такъ и осталась, да говорятъ и теперь она еще сидитъ на островѣ.

Сказка про медвѣдя.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ были три дочери. Вотъ старикъ говоритъ старухѣ: «я пойду въ лѣсъ дрова рубить и по дорогѣ набросаю стружекъ до того мѣста, гдѣ стану рубить, а ты неси блины и пошли ихъ съ дочерью—она по стружкамъ найдетъ меня». Идетъ старикъ лѣсомъ, да стружки бросаетъ, а медвѣдь сидитъ за кустомъ и видитъ это. Медвѣдь стружки сталъ подбирать и бросать по дорогѣ же, да только не по той, по которой старикъ шелъ, а по дорогѣ, ведущей къ нему въ берлогу. Старикъ идетъ ничего не подозрѣвая. Старуха затопила печь, испекла блины и велѣла старшей дочери отнести ихъ. Пошла дѣвица по дорогѣ и по стружкамъ дошла до избы, а въ ней—видитъ—вмѣсто отца медвѣдь сидитъ. Весьма испугалась дѣвица, стоитъ и молчитъ, а медвѣдь говоритъ ей:—останься, дѣвушка, у меня, будь моею хозяйкой.—Нѣтъ, не останусь.—А, не останешься, такъ я тебя съѣмъ!—Съѣлъ медвѣдь дѣвушку, а кости выбросалъ на полати. Ждалъ старикъ въ лѣсу блиновъ до самаго вечера и пошелъ домой. Тутъ онъ кинулся на старуху, сталъ съ ней ругаться и бить, приговаривая: «старая карга, не обманывай, носи мнѣ блины!» На другой день старикъ опять пошелъ въ лѣсъ и наказалъ старухѣ послать ему блиновъ, по той же примѣтѣ. Медвѣдь ужъ давно его караулилъ и снова собралъ и разложилъ стружки по своему. Старуха велѣла второй своей дочери снести отцу блины. Пошла дѣвушка съ блинами и дошла до медвѣжьей избы. Зашла въ нее, а медвѣдь сидитъ на лавкѣ и говоритъ: «дѣвушка, останься у меня, будь моею хозяйкой». Со страху она и слова вымолвить не смогла и побѣжала. Медвѣдь догналъ ее, схватилъ, съѣлъ и кости на полати сбросалъ. Долго ждалъ старикъ блиновъ и, не дождавшись ихъ, пошелъ домой. Онъ опять сталъ бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посылала, старикъ всетаки не вѣрилъ. На третій день старикъ строго-на-строго наказалъ послать ему въ лѣсъ блиновъ. «Не пошлешь, старуха, прибавилъ онъ, я убью тебя». Отправляется нашъ старикъ опять въ лѣсъ и стружки, по пути, бросаетъ, а медвѣдь идетъ сзади его и стружки перебрасываетъ на свою дорогу. Старуха еще до пѣтуховъ встала и все блины печетъ. Нанекла и велитъ младшей дочери снести ихъ отцу. Идетъ дѣвушка отъ стружечки къ стружечкѣ и дошла до медвѣжьей избы. Только въ избу вошла, а медвѣдь и спрашиваетъ свою гостью: «будешь, дѣвушка, моею хозяйкой, такъ останься у меня»? Испугалась дѣвушка.—Хорошо, говоритъ, останусь.—Ладно, отвѣчаетъ медвѣдь, а то я съѣлъ бы тебя.—Дѣвушка осталась жить у медвѣдя, стала хозяйничать и кормить его сладко-пресладко.

Медвѣдь какъ-то ушелъ въ лѣсъ и что-то на-долго. Долго ждала его наша дѣвушка и думаетъ: «ну-ка, погляжу я, что у него гдѣ лежитъ». Пошла она въ амбаръ—хлѣба полно. Заглянула въ другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула въ третій, а тамъ—золота до самаго потолка. Амбары-то у медвѣдя все пребольшіе, только рядомъ стоялъ малый чуланчикъ, а въ немъ находились двѣ склянки—одна съ живой, а другая съ мертвой водой. Много дивовалась дѣвушка и пошла потомъ рыться по избѣ. Все переглядѣла, залѣзла подъ конецъ и на полати. Какъ увидала тамъ чело вѣчьи кости, такъ и заревѣла: «вѣдь, эти кости, должно быть, моихъ сестеръ»! Взяла она эти кости, сбѣгала въ чуланчикъ за живой и мертвой водой и стала поливать ихъ. Полила на кости сначала мертвой водой—ахъ онѣ срослись, а какъ полила живой воды—появилось на нихъ тѣло. Тогда она не пожалѣла воды живой и всю ее вылила на покойницъ. Сестры ожили. Послѣ разлуки на радостяхъ онѣ стали цѣловаться и обниматься. Затѣмъ, онѣ принялись судить-рядить, какъ имъ избавиться отъ медвѣдя. Вотъ младшая сестра говоритъ: «я васъ, сестры, домой отправлю, только теперь, до поры-до времени, спрячьтесь». Только что спрятались сестры, какъ медвѣдь пришелъ изъ лѣсу. Дѣвушка накормила его и, укладывая спать, говоритъ ему:—что же это, хозяинъ, долго ли мы будемъ такъ жить? Вѣдь надо же тебѣ съ моими стариками, съ отцемъ-матерью, помириться!—Ну, такъ что, мириться, такъ мириться.—Такъ вотъ что, продолжала дѣвушка: я завтра, пока ты будешь въ лѣсу, напеку пироговъ да шанегъ, а придешь изъ лѣсу и наѣшься, пироги и шаньги унеси въ гостинецъ отцу.—Согласился медвѣдь, и когда на другой день онъ пошелъ въ лѣсъ, дѣвушка отыскала пребольшой пестерь (корзинку), выгребла изъ амбара весь хлѣбъ, ссыпала его въ пестерь, да туда же посадила старшую сестру, самый же пестерь туго-на-туго перевязала веревкой. Пришелъ медвѣдь, наѣлся, схватилъ пестерь къ себѣ на спину и пошелъ, только успѣла дѣвушка сказать ему: «смотри, дорогіе пироги не ѣшь—я полѣзу на крышу и буду глядѣть». Медвѣдь бѣжалъ лѣсомъ, пріутомился и говоритъ: «уфъ, какъ я усталъ. Сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ»! Дѣвушка въ пестерѣ заплакала и молвила: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ».—Вотъ бѣда, подумалъ медвѣдь, какъ это она такъ далеко видитъ меня». Вѣдь я ужъ сколько верстъ лѣсомъ прошелъ». Побѣжалъ онъ дальше. Добѣжалъ до стариковской избушки и—хресь въ ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него, да какъ принялись за его пятки, такъ медвѣдь и про пестерь забылъ, давай бѣжать. Прибѣжалъ домой, отдувается и говоритъ: «охъ, какія у васъ собаки злющія, всѣ пятки мнѣ кусали»! Дѣвушка въ оправданіе возразила: «не повѣрю я тебѣ, ни въ жизнь не повѣрю, у насъ собаки смиренныя, обманываешь ты, коли говоришь, что онѣ

злющія. Ступай-ка завтра, да поклонись отцу-матери, а я напеку блиновъ я шанегъ». На другой день медвѣдь пошелъ въ лѣсъ; дѣвица напекла пироговъ, сложила въ большой пестерь все золото изъ амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медвѣдя нести пестерь отцу, для мировой. Напился, наѣлся медвѣдь, схватилъ пестерь и побѣжалъ къ старикамъ. Скоро онъ усталъ и думаетъ: «сѣсь-ка на пенекъ, сѣсь-ко пирожокъ». А дѣвушка изъ пестеря кричитъ: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ!» Побѣжалъ медвѣдь дальше; бѣжить да ворчить: «вотъ бѣда, и отдохнуть нельзя; какъ это она видитъ меня, вѣдь я далеко ушелъ». Прибѣжалъ къ воротамъ стариковской избушки и опять—хресь въ ворота! Собаки пуще вчерашняго кинулась на него. Схватили за его кожу у голяшекъ, да почти до самыхъ пятъ ее спустили. Освирѣпѣлъ медвѣдь, бросилъ на дворѣ пестерь, а самъ домой бѣжать. Домой прибѣжалъ злющій, весь въ крови. Вошелъ въ избу и кричитъ: «смотри-ка, что со мной ваши собаки сдѣлали, а ты все не вѣришь! Не пойду больше ни за что». Дѣвушка обласкала и урезонила его. Помирился съ нею медвѣдь и пообѣщалъ завтра еще разъ, да только въ самый послѣдній, сходить къ старикамъ на поклонъ. Дѣвухѣ только этого и надобно было. На утро она проводила медвѣдя въ лѣсъ, напекла пироговъ; со всѣхъ ногъ бѣгаетъ-суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила въ него все шелковыя, а поверхъ его пироги, да еще и для себя мѣста оставила. Приходитъ медвѣдь изъ лѣсу домой, давай дѣвушка угощать его, да такъ сладко и такъ много, что онъ едва могъ дышать.—Ну, не хотѣлъ я больше идти къ старикамъ, молвилъ медвѣдь, да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя въ послѣдній разъ: схожу къ старикамъ съ поклономъ.—Иди съ Богомъ, больше тебя посылать я не стану; въ сѣняхъ возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотрѣть на тебя.—Дѣвушка быстро побѣжала на крышу, захвативъ съ собою деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила въ свое платье и верхушку повязала своимъ платкомъ. Ступу она поставила на крышу, а сама скорѣе сбѣжала внизъ, залѣзла въ пестерь, завязалась изнутри и—сидитъ. Медвѣдь схватилъ пестерь, бросилъ его къ себѣ на спину и подумалъ: «что она тутъ наложила,—ровно камни». Медвѣдь бѣжить да кричитъ и скоро присталъ. Онъ опять захотѣлъ присѣсть на пенекъ, сѣсть пирожекъ. Но дѣвушка сейчасъ такъ жалобно завопила изъ пестеря:—вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожекъ!—Экая бѣда, какъ она меня видитъ. Ну, да ладно, донесу, вѣдь уже въ послѣдній разъ.—Едва добѣжалъ медвѣдь до воротъ и—хрснулъ воротами. Собакъ на него выбѣжало еще больше, еще злѣе. Какъ вцѣпились онъ въ медвѣдя, изорвали у него въ куски всѣ ляжки; едва онъ отбился, бросилъ пестерь и побѣжалъ домой безъ оглядки. Медвѣдь бѣжить да рывкаетъ: «погоди ты у меня,

дамъ я тебѣ почувствовать, какъ поправлюсь!»! Подбѣжалъ медвѣдь къ избушкѣ и кричить: «слѣзай съ крыши, да отпирай двери! Слышишь, слѣзай!»! Молчить ступа, молчить да на одномъ мѣстѣ стоять. Совсѣмъ освирѣпѣлъ медвѣдь, полѣзъ ва крышу, да какъ бракнетъ по ступѣ ланой, та съ крыши о земь грохнулась и въ мелкія щепы раскололась. Тутъ только медвѣдь догадался, что дѣвушка его обманула. Заревѣлъ тутъ медвѣдь свирѣпымъ воемъ. Онъ бросился затѣмъ къ амбарамъ—вездѣ пусто. Видить—его въ конецъ разорили. Долго и сильно ревѣлъ онъ, а все же къ старику и старухѣ больше не пошелъ. Больно ужъ его собаки проняли.

Иванушка-дурачекъ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, а третій былъ у нихъ Иванъ-дуракъ. Вотъ задумали умные братья жениться и послали дурака на мельницу, чтобы солоду смолоть и къ свадьбѣ пива наварить. Смолоть дуракъ солодъ, идетъ съ нимъ домой, да на бѣду захотѣлось ему пить. Неподалеку была рѣчка. Подошелъ Иванъ къ рѣчкѣ, высыпалъ въ нее солодъ, напился и приходитъ домой къ братьямъ. Гдѣ солодъ? спрашиваютъ его братья. Рассказалъ имъ Иванъ, куда хмѣль дѣвалъ. Ругали его братья, да что съ дурака возьмешь. Снова они послали Ивана, чтобы онъ для нихъ хоть хмѣлю купилъ на базарѣ. Пошелъ Иванъ за хмѣлемъ, купилъ его, взвалилъ къ себѣ на плечи и несетъ. Шумитъ хмѣль за плечами, а Ивану показись, что хмѣль ругаетъ его: «Иванъ-дуракъ, Иванъ-дуракъ!»! Разсердился Иванъ: «ишь тоже всякая дрянь ругается!»! И онъ выпустилъ хмѣль по вѣтру. Пришелъ домой и рассказалъ братьямъ, за что онъ на хмѣль разсердился. Ругали его братья, ругали, сходили сами за солодомъ и за хмѣлемъ и заварили пиво. Затѣмъ братья куда-то отлучились изъ избы, а Ивана оставили дома. Вотъ Иванъ вылилъ пиво на полъ, принесъ сѣльницу (корыто, въ которомъ сѣютъ муку и катаютъ хлѣбы), поставилъ ее на полъ, взялъ въ руки хлѣбную лопату, сѣлъ въ сѣльницу и давай по избѣ плавать. Вернулись братья и увидѣли, что Иванъ сдѣлалъ съ ихъ добромъ. Они ругали его и придумали, что для того, чтобы имъ отъ Ивана-дурака отвязаться, надо имъ убѣжать отъ него, а не то все равно онъ разоритъ ихъ. Вотъ они сложили въ мѣшки все свое имущество и стали выжидать время, когда Иванъ уйдетъ. Иванъ подкараулилъ, какъ братья имущество складывали, и залѣзъ въ одинъ изъ мѣшковъ. Видятъ братья—нѣтъ дурака. Они взвалили мѣшки къ себѣ на спины и понесли. Вотъ шли они, шли, дошли до избушки и вздумали въ ней отдохнуть. Взошли въ избушку, развязали мѣшки, а Иванъ-дуракъ тутъ: выскочилъ оттуда и закричалъ: «братья, и я съ вами!»! Братья разсердились на Ивана, и

просто не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Въ наказаніе братья велѣли ему нести дверь, что была снята ими отъ избышки. Пошли братья дальше. Идутъ они, несутъ мѣшки, идетъ и Иванъ-дуракъ и несетъ пребольшую дверь. Долго ли-коротко ли дошли братья до лѣса и вдругъ слышатъ—скачутъ разбойники. Что имъ дѣлать. Подѣзали братья на дерево и мѣшки съ собой захватили; подѣзъ за ними и Иванъ-дуракъ и дверь свою туда же затащилъ. Разбойники, какъ на грѣхъ, остановились подъ тѣмъ же деревомъ. Сидятъ разбойники подъ деревомъ и варятъ кашу. Иванъ-дуракъ все держитъ свою дверь; наконецъ, утомился и говоритъ братьямъ:—ой, братья, не могу двери удержать. — Молчи, дуракъ—они вразумляли его—попадешься ты и мы тогда изъ-за тебя пропадемъ. —Посидѣлъ, посидѣлъ Иванъ, и опять говоритъ:—братья, у меня брюхо болитъ, усидѣть не могу. —Молчи дуракъ—снова они твердили ему—попадешься разбойникамъ, и мы изъ-за тебя пропадемъ.—Терпѣлъ Иванъ, терпѣлъ, да вдругъ грохнулся съ дверью на землю и крикнулъ. Разбойники, кто куда, всѣ со страху поразбѣжались. Только одинъ изъ нихъ до того испугался, что съ мѣста сойти не могъ. Иванъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ-за пояса ножъ и обрѣзалъ имъ у разбойника языкъ. Пустился разбойникъ догонять своихъ товарищей. Онъ кричитъ имъ въ догонку: «стойте, братья, одинъ талалалекъ, одинъ талалалекъ»! Безъ языка не могъ онъ крикнуть имъ: «одинъ человекъ». Разбойники, услыхавъ его, подумали, что онъ кричитъ про «сто человекъ, сто человекъ» и стали убѣгать еще скорѣе. Разбойники бѣжали, бѣжали, да наконецъ одумались. «Стой, братцы,—раздался голосъ—кажется, вѣдь кто-то кричитъ: одинъ человекъ, одинъ человекъ». Остановились они и видятъ: бѣжитъ къ нимъ ихъ товарищъ; лице у него все какъ есть въ крови. Подбѣжалъ онъ близко—видятъ разбойники, что онъ безъ языка. Выспросили у него, какъ было дѣло, и повернули назадъ: да гдѣ тебѣ...

Иванъ-дуракъ вмѣстѣ съ братьями забралъ все имущество разбойниковъ и ушелъ изъ лѣсу. Онъ пришелъ домой и сталъ жить да поживать.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ щетка ещепокъ, а ещепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ зареветь. Услышалъ старикъ, что реветъ его старуха, пришелъ въ избу

и спрашиваетъ:—о чемъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветъ. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ расскажу. Стала я топить печку, уронила ошенокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на за-лавочкѣ; ошенокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособию тебѣ реветъ.—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: «вотъ бѣда, видно, за мной пришли; пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ». Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и распро-силъ, о чемъ они режутъ. Они рассказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плюнулъ на земь и сказалъ: «тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичье, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе». Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухой.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходить въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлѣбнуть ложку киселя и бѣжать въ клить молокомъ захлеб-нуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачастую и наѣсться не можемъ.—Пошелъ Иванъ въ клить, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходить въ нее, а въ избѣ такой дымъ, что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Глядитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: «кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ». Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему; дали ему сто рублей, только бы напередъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили. Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схва-тилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиней визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: «бѣгите скорѣе, узнайте, о

чемъ моя свинья пицить». Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости». Слуги, спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: «да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу — въ свахи, да не идетъ, говорить не въ чемъ». Слуги рассказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оно оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо, кричитъ баринъ.—Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей просить. — Дать ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.—Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходить, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричалъ:—чего ей еще надо?—Да вотъ, говоритъ Иванъ, просить она барскаго благословенія на дорогу и денегъ сколько-нибудь. — Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: забралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: «идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ—онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Молодая старуха.

Старикъ-иней тэ, старикъ-иней. Кувинъ тай, кувинъ, кѣлинъ тай менэ, кѣлинъ. А ме кылъзъ мѣдэчча, кылъ-ѡта ернэсъ пасътава чѡчкомъ, сизимъ-ота дубасъ вѣзъ пасътава, сѣра чувкиэзъ кѣмава, да сѣдъ чѣрки кѣмава, шутѣмъ-кузэсъ котѣрта, кѣзъ увтасъ сувтышта, кылъзъ шутнѣвта, моводяжысъ ме дынэ вѡктасэ; ме этъ кѡкѣсъ мыччишта, мѣдъ кѡкѣсъ мыччишта-нѣя чайтэны нывка, а то нывка.

Свободный переводъ. Эхъ, старикъ ты мой, старикъ, напрасно ты умеръ и меня оставилъ. Возьму-ка я стнаряжусь: одѣну рубаху въ двѣ полосы, а синій дубасъ въ семь полосъ, на перекосъ шен надѣну платокъ, а на ноги пестрые чулки и черные башмаки. Да какъ побѣгу я по шутѣму, какъ подъ елочку-то встану, изъ подъ нея какъ свисну—молодяжки-то (молодые ребята) ко мнѣ и прибѣгутъ. Я имъ какъ покажу одну ногу, какъ покажу другую, такъ они и подумаютъ, что я—дѣвка, а не баба.

Эта побасеночка единственная, какую я могъ достать на пермяцкомъ языкѣ. Такихъ побасенокъ есть, конечно, много, но всѣ онѣ черезчуръ свободны и, поэтому, для печати не пригодны.

Далѣ слѣдуютъ двѣ прѣсказки, почти всегда употребляемыя не передъ сказками, какъ это дѣлается у насъ, наприимѣръ: «по усамъ текло», а послѣ сказокъ. Прѣсказки говорятъ однѣ сказочниками, а другія сказочницами. Вотъ какъ заканчивается свои слова балагуръ-сказочникъ: «И я тутъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ бѣжало, а въ ротъ не попадало. Дали мнѣ штаны полосами, кафтанъ да колпакъ и стали въ двери толкать. Я выскочилъ и побѣжалъ, а тутъ летятъ птицы, кричатъ: «штаны полосами, штаны полосами»! А я думаю: въ штанахъ-то поросята, въ штанахъ-то поросята. Бѣгу дальше, а птицы летятъ и кричатъ: «синь да хорошъ, синь да хорошъ»! А мнѣ слышится: скинь да положи, скинь да положи. Вотъ сбросилъ я съ себя штаны, снялъ кафтанъ, положилъ ихъ подъ кору, да я теперь знаю подъ котору». Такъ заканчивается мужчина, а женщина варьируетъ тоже въ нѣсколько иномъ видѣ: «И я тутъ была, пиво-медъ пила. Дали мнѣ синій дубасъ, рубаху полосатую; дали шлыкъ. Я въ подворотню—швыркъ. За воротами дали лошадку ледяную, плетку сѣмянную, а седѣльце гороховое. Ъхала, ѡхала, увидала пожаръ. Поставила лошадку съ сѣдломъ и съ плеткой къ огороду. Вотъ на пожаръ мнѣ кричатъ: «рубаха полосата, рубаха полосата»! А я думаю: въ рубахѣ-то поросята, въ рубахѣ-то поросята. Кричатъ въ двугорядъ: «дубасъ синь, да хорошъ; дубасъ синь, да хорошъ»! А я думаю: дубасъ скинь, да положи; дубасъ скинь, да положи. Рубаху я бросила, дубасъ скинула и побѣжала. Побѣжала къ лошадкѣ, а она-то и разстаяла. Посмотрѣла на плетку, ее-то воробьи расклевали, а гороховое сѣдло вороны на гнѣздо утащили. Такъ я не причеъ осталась».

Въ такомъ же духѣ можно найти нѣсколько другихъ прѣсказокъ. Въ общемъ, всѣ онѣ похожи другъ на друга.

У всѣхъ народовъ пословицы представляютъ житейскую мудрость, облеченную въ форму остроумія, а загадки—житейское остроуміе въ формѣ иносказательной. Трудно найти народъ, не имѣющій на своемъ языкѣ ничего такого, что бы можно было назвать остроумнымъ. Но еще труднѣе, порой, разобраться въ плодахъ житейскаго остроумія.

Послѣ тщательнѣйшаго разбора такого этнографическаго матеріала представляется возможнымъ изъ пермяцкихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ выбрать только нижеслѣдующія.

Изъ пословицъ большею частью великорусскихъ (характерно, впрочемъ, перековерканныхъ):

Будливой коровѣ Бокъ рога не даетъ.

Сытый говодново не разуміеть.

Дальше повожишь—ближе возьмешь.

Старая собака не ваетъ на пустое дерево.

Кривое дерево не спрямишь, зово чевовѣка не выучишь.

Звоу чевовѣку кошкой въ гваза не скочишь.

Колды сокъ падаетъ, толды и сочись.

Колды кипятъ, толды и вари.

Скоро идешь, ближе будешь; тише идешь, дальше будешь.

Пвоко лежитъ, брюко болитъ.

Пвоко не квади, вора въ грѣкъ не вводи.

Съ вовками жить—по вовчы вѣть.

Рыба ишпотъ, гдѣ гвубже, а чевовѣкъ—гдѣ вучше.

Осенью по полю кодитъ—пирогомъ кормить, весной по полю кодитъ—
«стягомъ бить».

У говоднаго клѣбъ на намети.

Береженова Бѣкъ бережетъ.

Нѣтъ женика—не пойдешь за быка.

Не смѣйся горокъ надъ бобами, самъ навалешша подъ ногами.

Не смѣйся горокъ—не бѣлѣе зубовъ.

На чужи сани не садись.

Не знаешь броду, не суйся въ воду.

Два медвѣдя въ одной бервогѣ не уживутца.

Изъ загадокъ:

И ночь и день старѣй чевовѣкъ мясо крошитъ (лучина горитъ).

Воробей бѣжить, кровью... испражняется (лучина горитъ).

Что въ избѣ красиво? (образъ).

Что на спичку не повѣсись? (яичо).

Что къ стѣнѣ не привалишь? (дорогу).

Сидитъ баба на яру, рошмеперива дыру (ковшъ надъ мельничнымъ жерновомъ).

Двѣ сестры однимъ поясомъ подпоясались (колья въ изгороди).

Чотыре брата однимъ пваткомъ покрылись (столъ).

Гнѣздо полное заперто бѣвыкъ курить (зубы).

На краю повки медвидя кувакъ (солонка).

По стѣнѣ ремень растянувся (мохъ въ пазахъ бревенъ).

На уличѣ рогато, въ избѣ безрого (уголъ).

Запвотъ развомашь, квадешъ, квадешъ, не можежъ сквастъ (щепанная
лучина).

На старушкѣ-то спотѣу, да на дѣвку захотѣу, а на дѣвкѣ-то озябъ, да
на старушку-то назадъ (печь и полати).

Еслибы не дѣдушковъ шунтюкъ, то бы заросла у бабушки шунтя-шунтя
(замокъ).

VI.

Лѣченіе пермяковъ.—Народныя снадобья.—Заговоры.—Цѣлебная сила бани.—Зубная болѣ.—Лѣченіе больного въ избяной печи.—Средство «очиститься отъ суда». — Стрижка ногтей.—Подмывъ басомъ дѣтей.—Муравьиный настой.—Земляное масло.—Отрубленный палець.—Болезнь — обезноженіе и лѣченіе ея (мыльная вода послѣ покойника). — Вытравленіе плода (снадобья, механическіе приемы, спорынья, разминаніе живота).—Рызувъ трава (вспомог. средство для воровъ).—Средства для защиты отъ воровъ (челпанъ, плагувъ).—Затворъ колдуна.—Состязаніе колдуновъ.—Текстъ заговоровъ.—Примѣты.

Какъ только въ пермяцкой семьѣ кто-нибудь заболѣлъ, ему для исцѣленія даютъ то или другое изъ всѣхъ извѣстныхъ народныхъ снадобій или же зовутъ знахаря-вѣжлива. Снадобья, какъ даваемые самими домохозяевами, такъ и вѣжливами, имѣютъ въ массѣ случаевъ рѣшающее значеніе. Оно и неудивительно. Вѣдь иной разъ даютъ напр. сулему и мышьякъ въ большихъ дозахъ: всѣ измѣренія производятся на глазомѣръ.

Кромѣ лѣчебныхъ снадобій, у пермяковъ имѣется множество заговоровъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ. Когда пермяку случится порѣзаться или наколоться до крови, то ему рекомендуется слѣдующій заговоръ «крови»: «Въ роту не вода, въ роту не капли, какъ земля крѣпится, небо вертится, такъ же крѣпись кровь отъ раба человѣка (имя рѣкъ). Станись, крѣпись, станись, крѣпись. Человѣкъ изъ булатнаго камня, а кровь будь крѣпче булатнаго камня. Аминь на аминь, какъ мать поставила, такъ же будь по старому». Еслибы, этотъ заговоръ, паче чаянія, не помогъ, а скорѣе повредилъ, то имѣется слѣдующій и уже самовѣрный: «Шла баба по рѣчкѣ, вела быка по ниткѣ. Нитка порвалась—кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канетъ. Кровь закрѣпится, будь моя молитва крѣпка и лѣпка. Ключъ мой становися. Аминь». При посредствѣ заговора можно избавиться и отъ такой болѣзни, какъ кила. Вотъ заговоръ противъ нея. «Отъ раба человѣка (имя рѣкъ), отъ бѣла тѣла третье сердце, третья кровь. Какъ Иля провокъ милостивый громомъ гремитъ, огнемъ палитъ—по землѣ очищаетъ, также очисти нечистый духъ—нечисту силу болѣзнь съ громомъ огненнымъ. Отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Сторонись, крѣпись; становись, крѣпись, какъ мать поставила, такъ же будь по старому. По всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ, отпускаемы крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественныя заговоры; нечистый духъ, нечистая сила—въ болѣзняхъ хитрость-мудрость и какъ росла-выросла, также сохни высухай. Вода мутна, вода копна, вода пробѣгшая, какъ вода проходитъ по рѣкѣ, также проходи нечистый духъ, неприятна сила».

Всѣ заговоры и наговоры главн. обр. продѣлываются въ бавяхъ. Въ цѣлебную силу бани пермяки вѣрятъ слѣпо и, быть можетъ, благодаря этому безукоризненно гигиеническому средству, они еще не всѣ вымерли. Заболѣетъ малютка и бабушка живо истопитъ баню, куда тащить его. Тамъ, разогрѣвъ вѣнничекъ, она паритъ дитя, приговаривая одинъ изъ урочныхъ заговоровъ: «Господи благослови. Дай Господи здоровья всѣмъ младенцамъ. Баенъка, матушка девяностолѣтенка. Кто разхитилъ и разщипалъ и сучья и вершины, тотъ моего младенца сохрани и избавь отъ чернаго глаза, отъ бѣлыхъ глазъ, отъ рыжаго человѣка, отъ худой думы». Не остается бабушка безмолвной и въ то время, когда распариваетъ вѣникъ. Она наговариваетъ на воду: «Господи благослови. Банька, матушка (батьюшка), Соломія бабушка и теплая парушка; парила, гладила, отъ грѣховъ очистила». Кончая заговоръ, та же бабушка приговариваетъ: «Дай, Господи, тебѣ (имя рѣкъ) добраго зодорovia. Всѣ болѣзни оступитесь въ темные лѣса, на высокія кочки, въ зыбучія болота, къ старому хозяину. Избави тебя Господи, отъ всякихъ болѣзней и отъ колотья и отъ горячки и отъ шепоты-ломоты; не болите не ломите семьдесятъ семь суставовъ и семьдесятъ семь жилъ». Вѣрятъ и въ такой урочный заговоръ: «Сердце не радуйся, глаза не глядись. Ты меня не бойсь. Отъ бѣло-глазаго, черно-глазаго и синеглазаго, отъ уроковъ, отъ пороковъ, отъ женскаго полу, отъ маленькихъ ребятъ, отъ долговолосыхъ, отъ русыхъ, отъ бѣлыхъ и отъ всего; будь моя молитва аминь».

Зубную боль лѣчатъ слѣд. заговоромъ, обращеннымъ къ Антипѣ—зубному цѣлителю. «Стану я рабъ Божій человѣкъ (имя рѣкъ). да перекрещуся, обуюся, да еще перекрещуся, умоюся со святой водой—ключевой; оботруся въ полотенце бѣлое и Господу Богу помолюся. Пресвятой мати Богородицѣ—Антипѣ преподобному. Одѣнуся, да еще переодѣнуся; выйду я за двери и выйду я за ворота подъ частыя звѣзды, подъ красно солнце и подъ свѣтлый мѣсяцъ; пойду я въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть океанъ море; на океанѣ морѣ есть островъ; на островѣ стоятъ соборная церква. Въ соборной церкви есть Мать Пресвятая Богородица—Антипа преподобный. Я къ ней пришелъ съ добрыми дѣлами и заповѣдями. Я вамъ покорюся и помолюся: какъ у дерева сукъ сохнетъ и посыхаетъ, также чтобъ сухъ и посыхалъ зубной червь. Пойди за темные лѣса—на сырые болота. Какъ запираются райскія двери на 12 замковъ, на 12 дверей, также остановитесь мои слова крѣпкія—костныя и крѣпче будата. Шука въ морѣ, ключъ—замокъ во рту. Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь». Так. обр. при посредствѣ подобнаго рода заговоровъ пермяки исцѣляются отъ постигающихъ ихъ болѣзней путемъ, такъ сказать, гипнотическимъ—путемъ вѣры въ лѣчебную силу извѣстнаго проходимца. Когда сила эта оказывается недѣйствительною,

здѣшніе доморощенные лѣкаря и лѣкарки обращаются къ другимъ средствамъ. Напримѣръ, одного изъ крестьянъ лѣчили отъ ревматизма тѣмъ, что запаривали больного въ избяной печкѣ до смерти. Въ печку, къ тому, была поставлена корчага костей ради полученія изъ нихъ костяного дегтя. Лѣкарка, въ оправданіе неуспѣха лѣченія, положительно ссылалась на то, что больной, выходя изъ печи, переступалъ ногами не «благословесь», почему нечистый духъ «напустился» на него снова, а такъ какъ молитва дѣвмы разсердила этого нечистаго духа, то онъ и набросился на мужика съ бѣлымъ ожесточеніемъ. Врагъ отбилъ у него ральникъ (ляжку—белро) и напустилъ на него хворость, твердила лѣкарка.

Чтобы очиститься отъ суда надо только завести: библию, черную магію и перевернуть ихъ на другую сторону. Будто бы очень помогаетъ и разжеванный печеный хлѣбъ; его только слѣдуетъ посолить возможно круче и держать въ рукѣ или за пазухой. Само собой разумѣется, средство будетъ дѣйствительнѣй, если тотъ же хлѣбъ заговаривать. Во всякомъ случаѣ, каждому, кто идетъ въ судъ, необходимо знать, что въ порогъ присутственнаго мѣста слѣдуетъ пнуть три раза. И вообще во всемъ жизненномъ обиходѣ надо знать подходящіе способы. Напримѣръ, стричь ногти можно, по съ тѣмъ, что ихъ необходимо прятать за собственную пазуху, такъ какъ они пригодятся каждому при подъемѣ на райскую гору.

Пермяки вѣрятъ въ силу бѣса, что онъ будто бы можетъ обмѣнить у нихъ ребенка. Противъ этого придуманы особыя мѣры. Здѣсь извѣстенъ такой случай. Ребенокъ, родившійся здоровымъ, захворалъ, значить бѣсъ подмѣнилъ ребенкомъ больнымъ (собственно чертенкомъ). И вотъ бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытомъ и, затѣмъ, стали рубить сѣчками по дну корыта. Потомъ онѣ переложили ребенка въ люльку и ушли изъ хагы, будучи увѣрены, что въ ихъ отсутствіи бѣсъ возьметъ обратно своего бѣсенка и возвратитъ похищеннаго ребенка: ни одинъ бѣсъ не позволитъ жить своему «рубленому ребенку», такъ какъ такой ребенокъ не только не принесетъ бѣсу никакой пользы, а даже можетъ повредить общему бѣсовскому дѣлу. Бываетъ иногда, что бѣсъ, возвративъ ребенка, потомъ уморитъ его. Чтобы не произошло послѣдняго, надо ребенка на другой день заговорить. Въ описываемомъ случаѣ ребенокъ началъ поправляться. Когда спасенный, так. обр., ребенокъ вырастаетъ, онъ можетъ стать знаменитымъ колдуномъ, такъ какъ хорошо извѣстенъ чорту. Изрѣдка, при подмѣнѣ ребенка бѣсомъ, послѣдняго заставляютъ совершить развѣтъ, причемъ засаживаютъ дитя часа на два-на три въ печку. Если послѣ этой операціи ребенокъ умираетъ, значить это было не человѣческое дитя, а самый настоящій чертенокъ и жалѣть объ немъ

грѣхъ. Куда въ этихъ случаяхъ дѣвается настоящее дитя, пермяки объяснить не могутъ.

При наружныхъ, отчасти и внутреннихъ болѣзняхъ пермяки охотно употребляютъ муравьиный настой. Онъ готовится такъ: берется обыкновенная тонкогорлая стеклянная бутылка, внутреннія стѣнки которой обмазываются чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ. Затѣмъ, бутылка эта вкладывается въ муравейникъ такъ, чтобы горлышко ея приходилось на уровнѣ самаго муравейника. Потревоженные муравьи начинаютъ сновать по своей кучѣ, падаютъ и залѣзаютъ въ бутылку, а колдунъ терпѣливо ждетъ, пока ихъ не нальзетъ туда столько, сколько ему надо. Бутылку несутъ домой, наливаютъ въ нее немного воды и ставятъ на теплую печь. Здѣсь бутылка остается до тѣхъ поръ, пока всѣ муравьи отъ дѣйствія тепла и вина не разойдутся (не разложатся). Приготовленный так. обр. настой идетъ на излѣченіе многихъ болѣзней: ревматизма и водянки, въ особенности. Пермяки еще ищутъ въ муравейникахъ муравьиное масло, какъ излѣчивающее многія болѣзни, но что-то не слышно ни одного колдуна, у котораго бы оно было.

Отъ многихъ болѣзней — убѣждены пермяки — помогаетъ также земляное масло. Достать его терпѣливому человѣку труда не представляетъ. Въ каждомъ лѣсу растетъ немало грибовъ съ шляпкой, опрокинутой не книзу, а къверху, т. е. воронкообразныхъ. Въ чашечкѣ такихъ грибовъ находится слизь. Вотъ эта-то слизь и есть земляное масло — «му-ви».

Лѣчить человѣка, помогать ему, считается у пермяковъ дѣломъ благоуднымъ и поэтому противъ всякой болѣзни только стоитъ слово сказать, какъ насовѣтуютъ вамъ массу самыхъ разнообразныхъ и, будто бы, самыхъ радикально дѣйствующихъ средствъ. Чѣмъ средство ѣдкостнѣе, чѣмъ отъ него сильнѣе достается человѣку, тѣмъ оно излюбленнѣе. Выносливость пермяковъ относительно боли физической прямо-таки поразительна. Сильно болить, напр., у крестьянина зубъ. И вотъ большими кузнечными желѣзными щипцами надобный зубъ больнымъ собственноручно такъ стиснуть, что не только зубъ, но даже десна расплющилась. «Свѣту не взвидѣлъ» операторъ, но боль перенесъ и на операцию рѣшился. Такое же пренебреженіе къ физическимъ страданіямъ замѣчается и при разнаго рода пораненіяхъ, порубахъ и т. п. несчастіяхъ. Если случается пермяку отрубить себѣ палецъ, то таковой, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить, а отнюдь не бросать. Палецъ этотъ пригоденъ для пермяка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется что-либо украсть или онъ задумаетъ ограбить кого-нибудь. Имѣя такой палецъ, можно идти въ любой домъ. Положивъ его, а не то и мертвую руку, на окно дома и бери себѣ, что нравится: никто этого не услышитъ и не увидитъ. Приэтомъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство: такой палецъ или руку надо заговорить.

Среди пермяковъ часто встрѣчается какая-то болѣзнь, выраженіемъ которой является обезноженіе. Многіе изъ пермяковъ увѣряютъ, что оно происходитъ отъ колдовства. «Только выпилъ рюмку водки отъ такого-то, какъ хватило меня за ноги, такъ съ тѣхъ поръ все хуже и хуже», слышится иногда ропотъ пермяка. Обезноженіе доводитъ пермяка до такого состоянія, что онъ можетъ передвигаться только на четверенкахъ, волоча за собою совершенно неподвижныя отъ колѣнъ ноги. Иной равсказываетъ, что обезноженіе случилось у него отъ средствъ и разныхъ лѣкарствъ, приготовленныхъ имъ самимъ (иногда и колдунами) и принятыхъ передъ солдатчиной, для избавленія отъ нея. Такиимъ средствомъ считается, между прочимъ, вода, разведенная мыломъ, которыми обмывали покойника. Пермяки увѣряютъ, что человѣкъ, выпившій такого снадобья, чернѣетъ, сохнетъ и становится неспособнымъ къ военной службѣ. Чтобы было не слишкомъ противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершеннаго опьяненія. А то недугъ обезноженія приписываютъ излишнему употребленію браги. Вѣдь въ нее для большой хмѣльности нерѣдко кладутъ такіа снадобья, какъ коканъ (чемерицу), листовой табакъ и др.

Отъ болѣзни этой, какъ и отъ многихъ другихъ не лѣчатся, да и вообще, хотя къ докторамъ иногда обращаются, имъ, въ тоже время, не вѣрятъ. Ни одинъ пермякъ не скажетъ доктору причинъ заболѣванія, не откроетъ ему своего житья-бытья. Угадаетъ докторъ—хорошо; значить, онъ дѣльный, понимающій человѣкъ; не угадаетъ, значить, онъ самъ ничего не знаетъ, а только народъ морочить. Пермяки цѣнятъ доктора гл. обр. за то, что онъ умѣетъ помочь бабамъ во время родовъ лучше, чѣмъ бабушка, и еще за операциіи. Что же касается всего дрѹгого, такъ тутъ познанія докторовъ—разсуждаютъ пермяки—слабы, напр. докторамъ даже кикиморы не выгнать, а это сдѣлаетъ у насъ каждый колдунъ. Такое докторское незнаніе явно обличаетъ въ нихъ незнакомство ихъ съ нечистой силой, а не зная ея, развѣ же можно, по мнѣнію пермяка, браться за лѣченіе народа.

При страшной нравственной распушенности пермяцкаго населенія чувство стыдливости однакожъ развито у пермяцкихъ дѣвушекъ. Это, въ данномъ случаѣ, ложное чувство заставляетъ ихъ пользоваться только любовью и избѣгать долга, съ нею сопряженнаго—беременности. Среди общей массы пермянокъ дѣла о вытравленіи плода ничтожны, но способы, нерѣдко примѣняемые для этого разнообразны. Вытравливаніе плода чаще всего производится бабушками-повитушками и преимущественно у первозабеременныхъ, такъ какъ повторно забеременные, боясь суда и поступившіяся уже разъ чувствомъ стыда, а также ближе познакоившіяся съ чувствомъ материнства, рѣдко прибѣгаютъ къ этому средству. Вытравливаніе производится двумя способами: при посредствѣ приѣма снадобій и при посредствѣ способовъ механическихъ. Къ первымъ необходимо

отнести: порохъ и селитру. Какъ первый, такъ и вторая употребляются въ видѣ растворовъ и пьются въ винѣ. Абортъ слѣдуетъ вскорѣ за приѣмомъ, но всегда сопровождается обильнымъ кровотеченіемъ, влекущимъ за собою въ весьма многихъ случаяхъ смерть матери, иногда же потеря крови лишь весьма обезсиливаетъ мать. Оба эти средства популярны и употребляются не только дѣвушками, но и тѣми бабами, которымъ надобно рожать. Въ почетъ также спорынья. Ее ѣдятъ прямо въ зернѣ или же толкутъ и пьютъ въ видѣ порошка. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего ее пьютъ въ брагѣ. Немало лицъ совершаютъ абортъ при помощи особой травы, называемой у пермяковъ «выживательницей брюха». Къ числу способовъ механическихъ нельзя не отнести разминаніе живота. Оно причиняетъ беременной страшныя страданія и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собою смерть не только ребенка, но и матери. Установить фактъ вытравливанія, пока, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда беременница осталась жива; иначе—лишь констатировать причину смерти, такъ какъ никто изъ дѣвушекъ и женщинъ не скажетъ про свое лѣченіе никому изъ родни изъ чувства стыдливости или по чувству страха: «а вдругъ выздоровѣю, да меня за это на судъ потащатъ и дома-то за хлопоты поколотятъ».

Въ травахъ пермяки ищутъ помощи не только отъ болѣзней, но и отъ разныхъ другихъ бѣдъ, которыя приключаются какъ у скота, такъ и по «домашности». Къ числу послѣдняго рода бѣдъ надо отнести крайне распространенную у пермяковъ жажду поживиться на чужой счетъ. Если у кого-нибудь зудъ въ рукахъ развился на столько сильно, что—крѣпись не крѣпись—воровать все же надо, тогда остается достать «рѣзунъ траву». Эта трава будтобы обладаетъ даромъ открывать всѣ замки и двери. Обладателю ея не страшны никакія крѣпни. Нѣкоторыя трудности представляетъ умѣніе различить среди другихъ травъ эту дотогѣ невидѣнную траву. Достать ее можно только слѣд. способомъ. Ищущій траву находитъ въ лѣсу дупло, въ которомъ у дятлей выведены дѣти, и, спрятавшись не по-далеку, ждетъ, когда улетитъ дятлиха за кормомъ для дѣтей. Какъ только онъ это замѣтитъ, поскорѣ лѣзетъ къ дырѣ, ведущей въ дупло, загоняетъ въ нее деревянный гвоздь, слѣзаетъ съ дерева и прячется на прежнее мѣсто. Вскорѣ съ кормомъ для ребятъ прилетитъ самка; увидавъ, что входъ закрытъ, она поспѣшно улетитъ куда-то и, затѣмъ, возвращается съ травкой во рту. Какъ только приложитъ она эту травку, гвоздь выпадаетъ. Тогда дятель травку эту, какъ ненужную, выброситъ на волю. Вотъ тутъ-то и нельзя звать: кто найдетъ ее—тому счастье: ни одинъ замокъ не остановитъ его, ни одинъ пѣни не удержатъ. Конечно, въ лѣсу травъ много, можетъ быть, достанется и не та, что «рѣзуномъ» прозывается, но первые же опыты обнаружатъ подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддадутся, но онъ бываетъ даже пойманъ, значитъ, у него припасенъ не «рѣзунъ».

Извѣстны средства, употребляемыя въ защиту отъ всячески исхищренныхъ воровъ. Вотъ одно изъ, будтобы, вѣрнѣйшихъ. При похоронахъ сопровождающіе ихъ берутъ съ собой «челпанъ», который бросается первому встрѣчному. Если пермяку счастье поблагопріятствовало и ему челпанъ достался, то долженъ скорѣе взять его, откусить только одинъ разъ и принести его домой. При этомъ необходимо, однакоже, хранить полнѣйшее молчаніе. Кто бы ни встрѣтился и чтобы ни случилось—ни слова, ни звука. Хозяйка такого пермяка должна разрѣзывать челпанъ на кусочки и высушить ихъ на сухари. Стоитъ мѣшекъ съ этими сухарями повѣсить подъ крышей дома и ни одинъ воръ не обокрадетъ его. Какъ только войдетъ воръ, хоть бы и съ «рѣзуномъ травой», такъ у него руки опустятся. Воръ сейчасъ же пойметъ, что это мѣсто отъ воровства свято и уйдетъ, ничего не тронувъ. Иначе, хозяева проснутся во-время и наловятъ вора.

Послѣ «рѣзуна» одною изъ наиболѣе употребительныхъ травъ считается трава «плакунъ». Она растетъ въ прудахъ и оврагахъ. Найти плакунъ можно только случайно. Одинъ изъ колдуновъ нашелъ траву, рыбачивая въ заводскомъ пруду. Закинулъ разъ-другой мережу и вытащилъ, вмѣсто рыбы, лошадинныя черепа; изъ этого черепа, во всѣ стороны, словно свѣчки восковыя, тянулись какія-то штуки. Рыбакъ разбилъ черепъ и нашелъ въ немъ корень травы «плакуна». Мужичекъ, добывшій плакунъ, употребляетъ эту траву противъ колдуновъ, которые, поэтому, боятся его, какъ чорта, а также для изгнѣнія отъ цѣлаго ряда болѣзней. Плакунъ обыкновенно вшивается въ ладонку, вмѣстѣ съ воскомъ, ладономъ, при самыхъ заветныхъ нашептываніяхъ. Самая ладонка привѣшивается къ обыкновенному тѣльному кресту. Околдовать владѣтеля такой ладонки не можетъ ни одинъ самохитрѣйшій колдунъ. Никакой злодѣй не страшень никому подъ защитой ладонки: она охранитъ и сбережетъ его ото всего злого. Кромѣ того «плакунъ» можетъ быть употребленъ для «затвора колдуна». Стоитъ, въ данномъ случаѣ, владѣльцу талисмана, какъ только прошелъ черезъ двери въ его избу подозрительный человѣкъ, потихоньку снять ладонку вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ и обыкновенный хлѣбный ножъ воткнуть въ дверной косякъ, а на него повѣсить ладонку и крестъ: ни за что колдуну не выйти въ дверь. Весь онъ тогда во власти обладателя «плакуна». Пойдетъ такой человѣкъ къ дверямъ, а тамъ «плакунъ» не пускаетъ его, и вотъ начнетъ его всячески корчить, по полу бросать до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ «плакуна» не сжалится надъ колдуномъ и не сниметъ свой талисманъ. Разумѣется, за это съ колдуна можно выговорить сороковку-другую. Если же иной утверждаетъ, что онъ колдунъ, а между тѣмъ, несмотря на повѣшенную ладонку, изъ дому выйдетъ, то, значить, онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ, какихъ развелось теперь не мало.

Колдовство—дѣло не простое и имъ сразу не овладѣешь. Для этого кол-

дуну надо многое узнать и перенести. Настоящій колдунъ, или «матка», по жи́внию пермяковъ, только тотъ, кто прошелъ сквозь пасть «лягуши-матки». Сама лягуша-матка выходитъ изъ воды не зря, а только по вызову стараго колдуна. Стараго и заправскаго колдуна лягуша-матка всегда слушается, и стоитъ ему назначить баню, въ которую ей надо явиться, она непременно придетъ туда. Ровно въ полночь двери, назначенной для встрѣчи лягуши, бани открываются и въ нихъ появляется преогромнѣйшая лягушечья пасть. Въ эту пасть колдунъ долженъ войти и сквозь нее пройти, если онъ хочетъ стать заправскимъ колдуномъ. Лягуша-матка тоже не проста. Желая испытать твердость новичка, она отступаетъ къ самой каменкѣ: влѣзь-ка, молъ, такъ вылѣзешь въ каменку. Только особенно сильные духомъ проходятъ сквозь пасть лягуши-матки, причемъ прошедшіе и становящіеся съ этихъ поръ настоящими колдунами, иногда, какъ они утверждаютъ, проходятъ такъ, что нигдѣ за лягушину утробу не зацѣпляются—такіе, конечно, чтутся больше. Говорятъ, что и послѣ лягушечьей пасти надо испытать кой-что, напр., залѣзть въ воду и выйти изъ нея сухимъ. Въ данномъ случаѣ колдуну идутъ на встрѣчу колючіе ерши, громадные коровы водяного (не дойныя). Всѣ они стараются по силѣ возможности вредить колдуну. Но тотъ, кто пройдетъ воду, можетъ смѣло идти въ водяные разбойники—грабить суда и проч. Вообще, кто прошелъ воду, тотъ приобретаетъ рѣдкій даръ сокращенія дорогъ; ему можно идти и по водѣ. Теперь тѣ же ерши и коровы поддержать его, какъ одного изъ своихъ начальниковъ.

Въ пермяцкомъ краѣ нерѣдко можно слышать фразу: онъ захворалъ оттого, что перешелъ по дорогѣ въ то время, какъ состязался въ силѣ (въ знаніи) колдованія съ такимъ-то (каръ этшасисъ тэдисъезъ). Фраза эта подтверждаетъ, что и сами колдуны признаютъ себя неравносильными, и слабѣйшіе отчаянно боятся сильнѣйшихъ. Пермяку надо быть слишкомъ самоувереннымъ, чтобы вызвать какого-нибудь извѣстнаго вѣдуна на состязаніе. Самое состязаніе состоитъ изъ чтенія разнаго рода заговоровъ, бросанія другъ въ друга зажженными спичками, въ маханіи кисетами съ громовой стрѣлою и, чаще всего, заканчивается свирѣпой потасовкой, послѣ которой побѣдитель, тяжело отдуваясь, садится на лавку и шлетъ оттуда ругань, а поколоченный спѣшитъ удалиться домой.

Мнѣ удалось выманить у одного изъ колдуновъ-побѣдителей тетрадку съ тѣми заговорами, при посредствѣ которыхъ онъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ. Тетрадка состояла изъ слѣд. заговоровъ, будто бы, отвращающихъ разныя бѣды и напасти. Отъ лихорадки. «Встану я, рабъ Божій (имя рѣкъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ двери въ двери, изъ воротъ въ ворота, путемъ дорогой къ синему Окіану-Морю. У этаго Окіана-мори стоитъ дерево Карколистъ; на этомъ деревѣ Карколистъ висятъ: Козьма

и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій (имя рѣкъ). Прошу великіе помощники Кузьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, сказать мнѣ: для чего-же выходятъ изъ моря-Окіана Женщины простоволосыя, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точитъ черную печень, пѣлами пѣлятъ желтыя кости и составы. Здѣсь вамъ не житье—не жилище, не прокладище; І'ступайте вы болота, Глу-бокіе озера, за быстрыя рѣки и тем(н)ныя боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки перяныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовыя, тамъ будетъ вамъ жите-жилище, прокладилище по сей часть, по сей день, слово мое раба Божьяго (имя рѣкъ) крѣпко, крѣпко». «Отъ звиху (отъ вывиха). Во имя отца и сына и Святаго духа... здѣсь недѣсь на синему Мори лежитъ камень бѣлый, на бѣлому камени кто сидитъ, высижаетъ, изъ животой кости цвѣли выкликая: жовтая кость левовъ духъ: якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у животой кости раба Божьяго (имя рѣкъ) звихъ не держався. Миколаю угоднику, корый скорый помощнику, Месяцу ясный, князю прекрасный, стань меня у помощь, у первой разъ, у другой разъ, у третій разъ. Аминь». «Отъ пушокъ стрѣлъ, ядеръ, и пулекъ и всякаго оружія и побойща. Взидіе на гору Господню Господа Нашего Ісуса Христа—со мною, рабомъ божіимъ (имя рѣкъ), и и святого Пророка Претечи и крестителя Господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступитъ меня, отъ стрѣлъ и пушекъ: и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію (имя рѣвъ) и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи —пяти-сотъ тридцать человекъ: Молитвами святыхъ Апостоловъ и Молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ, стрѣлкамъ и пѣщальнымъ пулкамъ и пушечнымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ пятисотъ тридцать человекъ всѣмъ святымъ Молитвами и Апостолами, Архангелами и Ангелами, Михаиломъ, и Гавріиломъ, и со всею Небесною силою, и со всѣми преподобными Отцами, и святыми-священномучениками, которые за Христа Кровь свою проливали, святыи Тихонъ..., всякаго супостата; святіе четыре Апостола Іоаннъ, Матвій, Марко, Лука, помолитса за меня Господу богу раба божьяго (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ. Слава во имя Господне, Господа Нашего Ісуса Христа. Повергни Господь вороговъ Моихъ и супостатовъ въ Окіанъ въ Море и подъ бѣлый камень и каково въ замкахъ Сидѣти крепко, таково было бы слово Христово крѣпко на рабъ божемъ (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ: коли эти мои нед(р)уги изъ дна моря ключи достануть, тогда меня раба божьяго (имя рѣкъ) и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи не образитъ никакимъ ратнымъ оружіемъ: како не выхолить, также съ также стрѣлкамъ и пѣщальнымъ пулкамъ, замыкаю своя приго-

воренныя словеса замкомъ, а ключъ кладаю въ океанъ море, подъ горючъ камень Алатырь, а какъ морю не выскать, и меня не видать, ключей не доставать, такъ меня пушкамъ не убивать, до моего живота, нмъ по конецъ вѣка неоставать». «Противъ ружья стрѣлка идущаго напротивъ или сзади. Нужно сказать ему про себя: это идетъ не стрѣлецъ съ ружьемъ, а попъ съ трепанкомъ; онъ идетъ не птицъ стрѣлять, а молитву давать». «Противъ Меча и Сабельныхъ ударовъ. Кованъ еси братъ. Самъ еси оловянь, а сердце твое вошанное, ноги тво каменные отъ земли до небесъ, не укуси меня песь, отъ ай, оба ема отъ земли кому смотрю ти очима своего брата, тогда убоятся твое сердце Моихъ очей усмотренія». «На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди въ свою Матерь землю, а ты древо поди въ свою Матерь древо, а вы перья подите во свою Матъ птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ море, а мнѣ бы раба (имя рѣкъ) было просторно по всей землѣ. Железо, укладъ, сталь, Мѣдь, на меня не ходите, воротитесь ушми и боками какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому дереву блиско приставать, такъ бы всѣмъ ниможно ни прямо ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы железо, укладъ, сталь и медь вѣртелись бы кругомъ меня и въ меня не падали, а тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не оскверняна. А будь мой приговоръ крѣпокъ и дологъ». «Отъ пищалей, стрѣлъ и кулачныхъ бойцовъ. За дальними горами есть океанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоятъ, стоятъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ, железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣлкамъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ большой завѣтъ: подите, вы железо каменья и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (имя рѣкъ), а древо къ берегу, а перья птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море сокройтесь отъ раба (имя рѣкъ). А велить онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихими и смирными. А велить онъ не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велить схватить у луковъ тивы и бросить стрѣлы на землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, твердеѣ булату, плате и колпакъ крѣпчѣ панцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками бросаю ключи подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. А какъ подъ замкомъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки». «Противъ пищалей стрѣлъ и всякаго оружія. Есть море железное на томъ море камень Алатырь, на этомъ камнѣ сидитъ нужъ желѣзный царь, высота его отъ земли до небесъ, заповѣдаетъ своимъ желѣз-

нынѣ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера, стоитъ подпершись, заказываетъ своимъ дѣтямъ, укладу ли красному и желѣзному каменному и простому и проволоку-желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и серебру и ядрамъ полите вы ядра, пушечнымъ ядрамъ не находить, ... пусть же идутъ мимо меня. Я рабъ божій (иня рѣкъ), и моихъ товаришамъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человекъ, всегда, и нынѣ и Присно и во вѣки вѣковъ Аминь». «Противъ войска. Господи. Оружіе на діавола.—Крестъ Твой дагь ели намъ трепещеть бо и трясется не Могиѣ взарати на силу его, Яко Мертвыя возставляють и смерть упразни, сево рады кланяемса Кресту Твоему».

Въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ есть своя особенность и общая черта ямъ та, что составленіе ихъ восходитъ ко временамъ сравнительно давнимъ и что всѣ они точно носятъ на себѣ какіе-то слѣды масонства. На это наводятъ слова: мастеръ, карколисть, алатыревый камень и др.

Разумѣется, роль колдуновъ съ ихъ заговорами гораздо обширнѣе задачъ, направленныхъ на спасеніе и исцѣленіе человека. Все, что мы видимъ въ подлунной, все это, въ нѣкоторой степени, подчинено колдуну. Нѣтъ вещи или предмета, которые бы онъ не могъ испортить или исправить. Напримѣръ: въ доселѣ исправной печкѣ сталъ появляться безпорядокъ, она дымить. И вотъ надо прочесть этотъ маленькій заговоръ и печь исправится. «Какъ птица вылетаетъ по воздуху, также вылетай и нечистый духъ, непріятна сила, болѣзнь хитрость-мудрость, по указанному мѣсту; изъ 120 древъ, 120 лѣсинъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, хитрость-мудрость, по указанному мѣсту». Или: заболѣла лошадь «ногтемъ» (колики) и самое лучшее прочесть надъ нею заговоръ отъ «ногтя»: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ ногтя, отъ коня отъ Егоровскаго, Егорій храбрый, Егорій милостивый, возьми ты желѣзное копье; желѣзнымъ копьемъ тычь, тычь и подтыкивай изъ ушей, изъ ноздрей, изъ копытъ отъ печенной, отъ почечной, отъ жилой, отъ хвостовой, отъ мозговой, отъ стоячаго, отъ лежачаго и отъ внутренней крестовой, отъ катучаго; вода мутна, вода капна, вода пробѣжная, какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, нечистая сила, болѣзни хитрость-мудрость-ноготь». Или, далѣе, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть надъ ней нижеслѣд. слова: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ одношерстой, двошерстой, трошерстой. Отъ коровушки, отъ матушки, отъ святодасьевской, отъ бѣла тѣла, отъ третьяго сердца, третьей крови, какъ Илья пророкъ милостивый, Петръ и Павелъ Верховные Апостолы,—громомъ гремѣть, огнемъ палить, громомъ очищеннымъ, также очисти нечистую силу, нечистый духъ громомъ огненнымъ, отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Стунись, крѣпнись, стано-

вись, по всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ отпускаемъ крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественныя заговоры. Нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость, какъ съ бѣлаго лебедя вода скатывается, также скатывайся хитрость-мудрость нечистаго духа. Непріятная сила болѣзнь хитрость-мудрость отъ 77 жилъ, 77 костей, отъ 77 суставовъ, ступись, крѣпись, становись, какъ мать поставила, также будь по старому. Болѣзнь хитрость-мудрость, нечистый духъ, непріятная сила, уходи къ старому хозяину, старой хозяйкѣ. По вѣтру пришла, такъ поди по вѣтру, на пустыя мѣста, за темныя лѣса, на болотныя мѣста, на зыбучія болота, куда люди не попадаютъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходить, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь».

Вліяніе и значеніе всякихъ заговоровъ держатся въ здѣшнемъ краѣ на томъ, что пермякъ весьма суевѣренъ. Онъ вѣритъ, напр., что если захворалъ вечеромъ—померешь, утромъ—выздоровѣешь. Захворалъ въ Благовѣщенскій день—умрешь, а въ другой какой—выздоровѣешь, а не померешь. Если ребенокъ родится въ ущербъ—помереть, а при naroжденіи луны—жить будетъ, и т. п.

Здѣсь приводятся нѣкоторые изъ примѣтъ.

Лошадь копытомъ бьетъ—къ ведру, ногами переступаетъ—къ дождю.

Собака траву ѣстъ, а кошка блюетъ—къ дождю.

Лучина при горѣніи трещить—къ морозу; большой нагаръ на ней—къ теплу.

Лучина сильно дымить—къ снѣгу.

Вороны и гуси купаются—къ дождю.

Гусь на одной ногѣ стоитъ—къ морозу.

Кошка царапается—къ сильному вѣтру съ сѣвера; спитъ и прячетъ морду—къ холоду, а поднимаетъ ее вверхъ—къ теплу.

Стоитъ морозъ и начинается пощелкивать—къ теплу.

Ворона кричитъ на полдень—къ теплу, а на сѣверъ—къ холоду.

Солнце встаетъ и первые лучи бросаетъ на лѣсъ—къ дождю.

Рыба кровависта—къ дождю.

Солнце прячется за тучи или галки летаютъ стаями или ласточки рѣютъ—къ дождю.

Курица носомъ о землю стучить—къ дождю, а порхается—къ дождю или къ вьюгѣ.

Ночь на Васильевъ день (1 января) звѣздная—малина уродится.

Ночь на сорокъ мучениковъ или въ этотъ день дождь или снѣгъ—будетъ много грибовъ и ловъ рыбы будетъ хорошъ.

Холодъ въ расцвѣтъ черемухи—много ягодъ и лѣто хорошее.

Рябины много—лѣто будетъ дождливое.

Сильный первый громъ — хороший урожай, нѣтъ — плохой.

Недѣля передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ съ сѣвернымъ вѣтромъ — урожай, нѣтъ — будетъ плохо.

Много ягодъ на ели (почекъ) — урожай льна.

Иней на бабье лѣто (1 сентября) — хлѣбъ замерзнетъ.

Бабье лѣто хорошее и теплое — осень сухая.

Работать въ Благовѣщенье — быть несчастью.

Курица клочетъ утромъ — къ несчастью; того же жди, когда она кричитъ, садясь на насѣсть.

Весь листь по осени съ березъ опалъ — годъ тяжелый; если нѣтъ — легкій.

Деньги въ землю прятать — къ потерѣ.

Встрѣтить, при путешествіи, кого-нибудь съ деньгами, перестѣкающимъ дорогу — потерять деньги.

Утирать руки мѣшкомъ — быть погтоѣду.

Встать утромъ и сразу не умыться — насморкъ получить.

Отдать въ люди парное молоко — испортить его у коровы.

Дать хлѣбъ взаймы до солнца — обѣднѣть.

Первая встрѣча не мужикъ, а баба или дѣвка — не къ добру.

Первая встрѣча свинья или возъ съ хлѣбомъ — къ добру; попъ — плохо.

Гдѣ въ Благовѣщеньевъ день тучи идутъ — быть на томъ мѣстѣ граду.

Встать на мѣсто, гдѣ баба ухватомъ повертѣла — воспу (мучительная болѣзнь) получить.

Если изъ этого малаго перечня примѣтъ исключить примѣты метеорологическія и сельскохозяйственныя, то на долю пермяцкой мудрости останется совсѣмъ немного.

Неудивительно, что среди столь суевѣрныхъ и довѣрчивыхъ пермяковъ можетъ поселиться, подъ видомъ лѣшаго, отъявленный мошенникъ, съ безумною наглостью обирающій народъ (напр., извѣстенъ фактъ появленія въ 80 гг. прошлаго вѣка Чердынскаго крестьянина).

VII.

Историческій эпизодъ (1860 гг.) изъ жизни инвенокскихъ крестьянъ.—Манифестъ 19 февраля 1861 г.—Ликование крестьянъ по этому поводу.—Составъ служащихъ въ управленіи имѣніями гр. Строгановыхъ.—Причины, вызвавшія недоразумѣнія и волненія крестьянъ.—Умиротвореніе волненій и стоимость ихъ.

19 февраля 1861 года, по могучему слову Царя-Освободителя, вышли изъ крѣпостной зависимости и крестьяне Инвенскаго края. Радость ихъ была неописуема. Впрочемъ, должно замѣтить, что этимъ крѣпостнымъ крестьянамъ жилось у послѣдней ихъ владѣлицы, графини Н. П. Строгановой, весьма хорошо. Это была въ высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сихъ поръ чтится перьяками. Высочайшій манифестъ былъ объявленъ крестьянамъ Инвенскаго края въ мартѣ мѣсяцѣ приставомъ Юдинымъ, въ присутствіи управлявшаго Инвенскимъ окружнымъ правленіемъ В. Ф. Гилева. Въ частности, въ с. Егвинскомъ объявленіе произошло 14 марта, въ 5 ч. вечера. Послѣ прочтенія манифеста слышались въ народѣ возгласы: «наконецъ-то, теперь мы—царскіе». Народъ устраивалъ шумныя оваціи приставу и управляющему. Словомъ, заря свободы засвѣтилась такъ ярко, была привѣтствована такъ радостно, что никому и въ голову не приходило, что можетъ вскорѣ грянуть буря и разразиться волненіемъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ недавно привѣтствовали, въ лицѣ управляющаго, свою добрую помѣщицу ¹.

Виновниками описываемыхъ волненій были не инвенскіе крестьяне, понесшіе за нихъ тяжкую кару, а служащіе въ управленіи имѣніемъ гр. Строгановой. Масса служащихъ, въ большинствѣ состоящая изъ завязтыхъ полуграмотныхъ крѣпостниковъ, не только не могла примириться съ выходомъ Инвенскихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но положительно противилась всякому акту, которымъ робкое, въ то время, волостное начальство заявляло о своей законной самостоятельности. «Приказчики» (нѣчто въ родѣ управляющихъ меньшаго ранга) положительно не признавали за освобожденными крестьянами права жить такъ, какъ имъ хотѣлось, а требовали, чтобы они жили такъ, какъ велѣтъ имъ они—приказчики. Нѣкоторое представленіе о заносчивости этихъ господъ—уже не говоря про отношенія ихъ къ крестьянамъ—въ сношеніяхъ съ новымъ волостнымъ управленіемъ даетъ officialный отзывъ

¹ Я прочелъ немало документовъ, относящихся до настоящаго событія и находящихся въ волостныхъ правленіяхъ, куда поступали всѣ дѣла бывшихъ «земскихъ управленій». Кроме того, мнѣ удалось разыскать кой-кого изъ очевидцевъ и кой-кого изъ лицъ потерпѣвшихъ. Такъ образовался главнѣйшій матеріалъ нижеслѣдующаго описанія.

одного из приказчиков (Егвинского) Ф. Дружинина, написанный уже послѣ умирения волнения и послѣ того, какъ дѣйствія ихъ были въ нѣкоторыхъ частяхъ признаны неправильными и покойной владѣлицей. Между прочимъ, онъ писалъ 12 сент. 1861 г. въ Егвинское волостное правленіе. «Поступивъ на службу въ с. Егвинское Прикащикомъ, я не ожидалъ вольнодумства скрытаго здѣсь, что вскорѣ раскрылось явно, и, я думаю извѣстно Начальство принявшему въ волости, болѣе того мнѣ волостному писарю. При открытіи волости я замѣчаю, что крестьяне, можетъ быть отъ малаго образованія, безъ сомнѣнія говорю, что и отъ даннаго имъ направленія, совершенно отчуждены въ знаніи помѣщичьяго Управленія; вслѣдствіе чего опредѣленный отъ помѣщика прикащикъ не знаетъ, къ кому онъ долженъ обращаться съ законными требованіями, ибо объ избранныхъ Сельскихъ Старостахъ мнѣ не дано знать и, вѣроятно, Волостное Правленіе не считаетъ это нужнымъ; я же состоя въ обязанности знать Сельскихъ Старостъ, нахожусь надо помнить на основаніи положенія Главы 6, § 148, 149 и 150 Волостному Правленію прошу объявить мнѣ имена избранныхъ старостъ, съ показаніемъ въ какихъ деревняхъ они живутъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ не угодно-ли будетъ имъ приказать явиться ко мнѣ для объявленія имъ, ихъ обязанностей къ Помѣщику, но если имъ будетъ трудно меня извѣстить, въ какіе дни и часы собираются Старосты въ Волостное Правленіе, потому какъ прежній порядокъ явки, въ ожиданіи исправности, уже Волостнымъ Правленіемъ измѣненъ. О распоряженіи Волостнаго Правленія ожидаю на семъ же увѣдомленія».

Вмѣсто того, чтобы ничѣмъ не раздражать сельское населеніе, помѣщичье управленіе, не желая тратить ни одной копѣйки болѣе противъ того, что тратилось при прежнихъ крѣпостническихъ условіяхъ, заставило сельское начальство собрать сельскіе сходы для найма рабочихъ на сплавку весенняго «усолскаго» каравана. Крестьяне, исключительно существовавшіе на разныхъ работахъ у гр. Строгановой, тотчасъ же собрались на сходы и готовы были подрядиться. Приказчикъ Купросской волости, вмѣсто того, чтобы предложить сходу наняться на работы, вмѣсто того, чтобы спросить уже некрѣпостныхъ крестьянъ о платѣ за добровольные труды, объявилъ прибывшимъ на сходъ крестьянамъ, что они обязаны къ явкѣ на караванный сплавъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и съ платой за сплавъ по усмотрѣнію управленія. Такого издѣвательства надъ своей, только что загоравшейся, свободой крестьяне не стерпѣли.

Вотъ что произошло на другой день въ Архангельской волости, отстоящей въ 35 в. отъ Купросской. Спустя двѣ или три недѣли по объявленіи воли — рассказывалъ мнѣ очевидецъ событія — согласно распоряженію управляющаго Инвенскимъ округомъ, къ намъ пріѣхалъ членъ правленія Дм. Н. Медвѣдевъ.

Это былъ хорошій человекъ и мужики любили его. На 10 марта, по просьбѣ его, у насъ въ селѣ былъ назначенъ сходъ. Сходъ собрался большой. Прибывшій на сходъ Медвѣдевъ заявилъ сходу: не желаетъ ли кто записаться на жараванныя работы на прежнихъ основаніяхъ. Крестьяне начали волноваться и вышли изъ зданія волостного правленія, намѣреваясь разойтись по домамъ и тѣмъ выразить свое несогласіе на подчиненіе себя условіямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Стоило Медвѣдеву только спросить: «какова же ваша цѣна, братцы»? и никакого волненія не возникло бы, тѣмъ болѣе, что и цѣну-то крестьяне запросили бы едва ли большую. Но управленіе не спрашивало, а требовало записи только на прежнихъ условіяхъ.

На бѣду архангельцевъ, къ зданію ихъ волостного правленія подѣхалъ богатый купросекій крестьянинъ Ф. А. Мингалева, который сообщилъ крестьянамъ, что у нихъ, купросцевъ, вчера нанимали на караванъ, но что они не только не пошли, а даже поколотили приказчика, и что и они, архангельцы, будутъ умны, если послѣдуютъ примѣру купросцевъ. Искра попала въ пороховую бочку. Крестьяне тотчасъ же стали заходить въ волостное правленіе и говорить возбужденно. Кто-то изъ доброжелателей Медвѣдева посовѣтывалъ ему уйти и тотъ, вмѣстѣ съ приказникомъ, успѣлъ ульзнуть въ окно; пищикъ же И. З. Луноговъ не успѣлъ воспользоваться такимъ благимъ совѣтомъ. Крестьяне поймали его за волосы, смяли подъ себя и учинили падъ нимъ экзекуцію. Озвѣрѣвшій народъ бросился догонять какъ-то вырвавшагося отъ толпы Луногова; онъ успѣлъ добѣжать до своего дома, заперъ его и, схвативъ ружье, заявилъ крестьянамъ, что станетъ стрѣлять въ каждаго, кто не послушается его и подойдетъ къ дверямъ. Между крестьянами нашлось нѣсколько благомыслящихъ, которые сказали: «стой, братцы, теперь онъ послѣ порки озвѣрѣлъ; пожалуй и стрѣли!» Ихъ послушались. Тѣмъ не менѣе въ томъ же волостномъ были выдраны тѣ изъ крестьянъ, которые считались «заединщиками помѣщичьими».

Не прошло и полусутокъ, какъ въ Егвѣ, въ Кудымкорѣ и дальше знали о всемъ, что произошло въ Купросѣ и въ Архангельскѣ. «Какъ насъ, царскихъ, опять подѣ помѣщичу»?!. всюду раздавалось изъ крестьянскихъ устъ. Но и тутъ не опомнились управляющіе Инвенскаго округа. Черезъ два дня тѣ же лица прибыли въ с. Егву для найма рабочихъ на караванъ не по ихъ волѣ, а по неволѣ. Эти лица попали какъ разъ туда, гдѣ сельчане, въ силу необъяснимыхъ причинъ, были наиболѣе озлоблены на помѣщичье управленіе. На Егвинскій сходъ собрались уже не одни егвинцы, но и крестьяне окрестныхъ волостей. Все предвѣшало грозу. Послѣ приказанія представителей управленія идти на караванъ по прежнимъ основаніямъ сначала проявилось полное безмолвіе, а затѣмъ, вскорѣ кто-то изъ громадной толпы крикнулъ: «бей ихъ!» Глухо

пронесся въ сосредоточенной толпѣ этотъ зловѣщій кличъ, и еще не успѣли исполниться строгановскіе служащіе, какъ толпа надвинулась на нихъ... Произошло то, чего никакъ нельзя ни предвидѣть, чего, вѣстѣ съ тѣмъ, уже нельзя ничѣмъ предотвратить и что, въ то же время, представляетъ самое ужасное при народномъ возмущеніи: стихія разыгралась!.. Что именно произошло въ Егѣѣ, этого мнѣ, несмотря на мои распросы, такъ и не удалось точно узнать. Оно и немудрено. Это было нѣчто стихійное. Обезумѣвшіе и очесточившіеся крестьяне «топтали» своихъ противниковъ ногами. Было немало раненыхъ; у одного изъ строгановскихъ служащихъ оказалось содранною кожа почти со всей головы. Встрѣченное такимъ протестомъ крестьянъ приглашеніе идти на караванныя работы управленіемъ гр. Строгановой было принято за возмущеніе противъ нея. Эти крестьянскія волненія стали извѣстны подъ излишне громкимъ названіемъ «караваннаго бунта». Но сама графиня ни о нихъ, ни о способахъ ихъ усмиренія ничего не знала, а какъ только узнала, приняла сторону крестьянъ. Нѣтъ ни одного документа, свидѣтельствующаго о томъ, что мѣстная администрація присутствовала на мѣстѣ происшествія и заранѣе предотвращала возможность какихъ-либо усложненій. Все ограничилось одною перепискою.

Въ то же время у ивнскихъ крестьянъ происходили уже болѣе крупныя событія. Управление грозило:—по нашему будетъ.—Мы чарскіе! кричали крестьяне, не пойдемъ не по волѣ.—Издѣвавшимся ранѣе надъ сельчанами приказчикамъ и всѣмъ, къ кому были недовольны, житья не стало: ихъ били и ругали, а особенно сѣкли. Перепадало даже ящикамъ, когда они собирались везти управителей или какія-либо «грамоты» въ г. Пермь. Центральное управленіе въ то время было сосредоточено въ с. Кудымкорѣ. За разъясненіемъ тревожныхъ вопросовъ я пошелъ туда крестьяне. Огромная кудымкорская площадь быстро была запружена народомъ. «Дай манифестъ, читай грамоту»! кричала собравшаяся толпа. Власти уступали ей и читали манифестъ. Чтеніе его сопровождалось криками «ура», но какъ только читающій доходилъ до словъ «временно-обязанные», такъ тотчасъ же въ отвѣтъ ему несло: «нѣтъ, врешь, мы—чарскіе»! Слово «чарскіе» было роковымъ: при произнесеніи его народъ шалѣлъ. Духовенство выходило съ иконами на площадь и служило молебны. Изъ среды грамотѣевъ толпой было выбрано нѣсколько почетнѣйшихъ, которыхъ посадили на оградѣ мѣстной церкви. Обязанность ихъ заключалась въ непрерывномъ чтеніи манифеста, причемъ они, во избѣжаніе неудовольствія со стороны слушателей, слова «временно-обязанные» пропускали. Чтеніе грамоты сопровождалось громкимъ «ура» и крикомъ: «мы—чарскіе»! Слухъ объ искаженіи манифеста пропускомъ цитированныхъ словъ дошелъ до графскаго управленія, и вотъ, подъ давленіемъ его, приставъ Юдинъ (человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, вообще добрый) задумалъ прочесть полный манифестъ. Едва

кончилось чтеніе, какъ многолюдная толпа, закричала: «бей его!» Только стѣны крикнули, — такъ наперла толпа на крѣпкій заборъ. Точно вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ и отъ забора ничего не осталось. Приставъ успѣлъ спастись. Нарядившись въ рясу священника, онъ незамѣтно прошелъ изъ дома среди той толпы, которая такъ гнѣвно и страстно требовала битья его.

Кстати о рясахъ. Ей одной обязано большинство Строгановскихъ служащихъ тѣмъ, что избавились отъ немалыхъ бѣдъ. Въ Егвѣ, Юсьвѣ, въ Кудымкорѣ и въ др. мѣстахъ приказчики и ихъ присные спасались, какъ это теперь всѣмъ извѣстно, лишь благодаря тому, что они свой костюмъ замѣнили одеждой духовенства. Къ этому послѣднему народъ въ то время относился благосклонно. «Тоже на волю вышли!» такъ говорили крестьяне про священниковъ. Если признать зависимость духовенства отъ помѣщика, это перипатетическое размышленіе глубоко правдиво. Когда въ с. Егвѣ происходило волненіе крестьянъ, мѣстный священникъ задумалъ было къ нимъ выйти съ крестомъ для восстановленія порядка. «Домой, домой, уйдемъ»!.. ревели волновавшіеся. Къ счастью, онъ уступилъ угрозамъ толпы и тѣмъ далъ возможность, впослѣдствіи, многимъ спастись въ іерейской одеждѣ отъ народной ярости.

Отовсюду въ с. Кудымкорѣ стали стекаться домохозяева, чтобы спасти себя отъ произвола Строгановскихъ управителей. Изъ завода Кувы (почти русскаго) управляющимъ были вытребованы вооруженные люди для защиты какъ его, такъ и имуществъ управленія. Всѣ служащіе въ немъ скрылись въ каменномъ домѣ управленія. Всѣмъ имъ приходилось жить впроголодь, если изъ дома не доставляли обѣда, а доставлять его было не безопасно. Среди собравшихся крестьянъ появлялись люди, понимавшіе ненормальность положенія и совѣтовавшіе толпѣ бросить всякія затѣи и просить о признаніи своихъ правъ по новому закону (напр., В. П. Вилесовъ), но такимъ совѣтникамъ приходилось плохо отъ взбѣсившейся толпы: они должны были убѣгать подъ охрану Строгановскихъ пичалей. Были и такіе увѣщатели, которые, признавая требованіе Строгановскихъ приказчиковъ незаконными, убѣждали крестьянъ не поднимать волненія, а лишь нравственнымъ силою, т. е. личнымъ неповиновеніемъ не исполнять произвольныхъ требованій крѣпостническихъ заправилъ (напр., М. П. Вилесовъ). Послѣднимъ попало нѣсколько поздиѣ, по усмиреніи волненія: такихъ ссылали путемъ административнымъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошелъ первый взрывъ негодованія крестьянъ на крѣпостнической произволъ алчныхъ приказчиковъ добройшей графини — владѣлицы. Въ сущности, ничего незначущіе отдѣльные факты такъ быстро выросли въ грозное событіе, что для подавленія крестьянскаго волненія уже не хватало мѣстныхъ наличныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ Перми никто не пріѣзжалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Пермская адми-

нистрація, получивъ увѣдомленіе о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Иивенскомъ краѣ, отправила за 200 в. для усмиренія волновавшихся роту мѣстнаго гарнизона и, вслѣдъ за нею, въ самомъ непродолжительномъ времени, двѣ сотни казаковъ, донесли о происшедшемъ высшему начальству. Последнее, съ своей стороны, туда же послало флигель-адъютанта, кн. Багратіона. Войска взошли прежде всего въ с. Кудымкоръ для спасенія блокированнаго управленія. Впрочемъ, всѣ служащіе въ немъ были цѣлы, и лишь никто изъ нихъ не смѣлъ показываться изъ дому. Затѣмъ, военный отрядъ отправился для усмиренія волновавшихся крестьянъ въ с. Егву.

Егвинскіе крестьяне простодушно привѣтствовали солдатъ, мирно любовались на ихъ до сихъ поръ не выданные здѣсь мундиры и на ихъ мѣрную ходьбу. Отрядъ пришелъ поздно, вечеромъ, но распоряженіе о томъ, что егвинцамъ надо собраться на другой день на церковную площадь рано, утромъ, успѣло распространиться слишкомъ скоро, и утро озарило площадь, усѣянную народомъ. Изъ крестьянъ окрестныхъ волостей здѣсь были всѣ, кто только могъ попасть пѣшимъ. Они ждали и жаждали услышать отъ царевыхъ слугъ истинный манифестъ, признающій ихъ, какъ и солдатъ, не временно-обязанными, а «царскими»; всѣ жаждали посмотрѣть на еще никогда не виданныхъ въ этой мѣстности царскихъ слугъ. Раннее весеннее утро было прекрасно. Тишина царилла полнѣйшая. Вотъ послышался тяжелый шагъ военныхъ, а черезъ нѣсколько минутъ они пришли на площадь. Мы—разсказываетъ очевидецъ событія—тоже стоимъ не подалеку. Вотъ вышелъ одинъ изъ приказчиковъ и читаетъ манифестъ. Мы шапки сняли. Вотъ, думаемъ, настоящій-то привезли, только вдругъ слышимъ за мѣсто «царскіе», читаютъ: «временно-обязанные». Ну, мы, значитъ, и закричали: «чарскіе, чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! Въ тѣ поры вышелъ ахвичеръ и что-то гаркнулъ. Сейчасъ это барабанщики заиграли. Никогда мы этой музыки допрежъ того не слыхали и давай подходить поближе—всякому послушать хотѣлось. Поиграли на барабанахъ, ахвичеръ опять что-то гаркнулъ, опять заиграли на барабанахъ, мы еще поближе подвинулись. Снова остановилась музыка, а потомъ она заиграла въ третій разъ. Вышелъ опять начальникъ и что-то крикнулъ солдатамъ. Вотъ четверо изъ нихъ вышли впередъ и стрѣльнули въ насъ, да только стрѣляли-то нарочно кверху, чтобы кого не задѣть. Видимъ мы, что насъ только поужать пришли и кричимъ: «чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! А солдаты да какъ стрѣльнуть снова, такъ мы тутъ ужъ видимъ, что дѣло-то плохо—троихъ сразу на мѣстѣ положили, да кой-кто еще благимъ матомъ закричалъ: «батюшки, убили, батюшки, убили»! Давайка мы тогда бѣжать.

Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ о подавленіи крестьянскаго волненія военной силой. Очевидно, несчастная стрѣльба была вызвана тѣмъ, что

пермяцкіе крестьяне не поняли, что продѣлывали солдаты, такъ какъ всѣ команды и оклики офицера были произнесены по-русски, а не по-пермяцки. Желаніе крестьянъ послушать военную музыку обошлось имъ недешево! Убиты были трое и оказалось нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Даже первые выстрѣлы чуть было не натворили бѣды, такъ какъ одна изъ пущенныхъ вверхъ пуль залетѣла на кладбище, гдѣ въ это время отпѣвали покойника и пробила подрысникъ у діакона. Залпъ, данный солдатами, отрезвилъ народъ. Даже завязтые крикуны засѣли въ домахъ.

Но это смиреніе волновавшихся крестьянъ уже не спасло ихъ отъ тяжелой расправы. Приѣхали казаки, прибылъ кн. Багратионъ и начался судъ «о сопротивленіи воинской командѣ». Плети и казачьи нагайки засвищали въ воздухѣ... Приставъ, какъ-то приѣхавъ въ Егву уже по осени, выскѣ болѣе 30 человѣкъ, причемъ давалъ по 60—150 розогъ на человѣка. Нѣсколькихъ крикуновъ заковали въ кандалы и сослали въ Сибирь. Казаки были разставлены по всѣмъ окрестнымъ селамъ и безпрестанно разѣзжали по нимъ, внося въ деревенскую жизнь трепетъ, разирать и всякое безобразіе. Кн. Багратионъ пробылъ здѣсь очень короткое время, лишь поговорилъ съ крестьянами на площадяхъ Кудымкора и Купроса и отбылъ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь остается бумажка о томъ, гдѣ онъ обѣдалъ и на сколькихъ тройкахъ проѣзжалъ.

Казаки простояли у инвенскихъ крестьянъ долго—19 мѣсяцевъ и стопли имъ много денегъ. Конечно, самый военный постой обошелся бы гораздо дешевле, еслибы и тутъ не было проявлено великое хищничество какъ со стороны волостныхъ главарей, такъ и мелкихъ служащихъ въ Строгановскихъ мѣстностяхъ. Изъ документовъ, относящихся къ дѣламъ о содержаніи здѣсь военнаго отряда, видно, что суточное довольствіе, кромѣ квартиръ, обходилось (40 лѣтъ тому назадъ!): казлаго солдата въ 30—35 коп., офицера—въ 50 коп., а офицера, командовавшаго ротой—даже въ 1 р. 50 коп. Одно только Строгановское управленіе истратило и, затѣмъ, судебнымъ порядкомъ взыскало съ волновавшихся крестьянъ 10.686 р. 61 коп. Къ этому слѣдуетъ еще причислить сумму въ 1.422 р. 28 коп., истраченную Егвинской волостью, и не мало денегъ, истраченныхъ другими волостями. Въ общемъ итогѣ, вся денежная потеря крестьянъ волновавшихся мѣстностей Инвеня, навѣрное, исчисляется тысячъ въ 18. А потраченного напрасно рабочаго времени и не счесть.

Для характеристики тогдашняго времени и нравовъ любопытно указать, куда и на что расходовались тѣ деньги, что потомъ были взысканы съ крестьянъ. «Выдано писарю А. Стародумову за пріемъ суд. слѣдователя съ двумя писарями, 12 декабря, три р.». «Выдано сидѣльцу Могильникову за вино и рыбу 27 р. 9 к. Отдано повѣренному Ягубову за вино 25 р. На водку Кудымкорскимъ

казакамъ 24 к. На покупку $1\frac{1}{2}$ ведра вина для солдатъ 7 р. 50 к. Куплено для солдатъ вина изъ Егвинскаго питейнаго дома на 2 р. 40 к. На покупку вина для солдатъ 5 р. Сидѣльцу Могильникову за вино для солдатъ 9 руб. Вина куплено $1\frac{1}{2}$ ведра (за тоже количество въ первый разъ взято только 7 р. 50 к.). «Заплачено за пріемъ г. пристава, писмоводителей, полицейскаго и казаковъ 20 р. пищику Вогулкину». Этому же пищику выдано за содержаніе солдатъ: 4 іюня 30 р.; 17 іюня—50 р.; 12 сентября—35 р.; 28 сентября—9 р. 20 к. Всего Вогулкину уплачено: 144 р. 20 к. Другому пищику Соловьеву на тотъ же предметъ выдано 56 р. А всего только имъ двоимъ 200 р. Самымъ старшимъ и почетнымъ въ волости лицомъ въ то время былъ, конечно, приказчикъ; на его обязанности лежалъ пріемъ почетныхъ гостей. Какъ видно изъ документовъ, онъ кормилъ своихъ невольныхъ гостей очень щедро. Вотъ его счета.

9 мая приказчику на пріемъ чиновниковъ выдано 40 р.; 15—ему же—6 р. Приказчику Дружинину за солдатъ—25 р.; 10-го мая приказчику Дружинину за цвѣточный чай—4 р.; 17-го ему же на пріемъ чиновниковъ—10 р.; 23-го на пріемъ чиновниковъ ему же—5 р.; 24-го ему же на покупки для чиновниковъ—8 р. 55 к.; 31-го ему же на пріемъ чиновниковъ—5 р. Іюнь: 5-го ему же за солдатъ—20 р.; 7-го ему же за чиновниковъ и солдатъ—135 р.; еще шесть—6 р. Іюль: 23-го приказчику Ф. Дружинину по возвращеніи на лицо—25 руб. Здѣсь кто-то сдѣлалъ приписку такого рода: «пойдутъ къ содержанію войска». Августа 22-го съ записи приказчику Федору Дружинину къ возвращенію 27 р. 55 коп. Всего же получено Дружининымъ 313 р. 10 коп. Кромѣ уплаты этимъ главнымъ лицамъ за содержаніе войскъ, израсходовано за квартиры: 646 р. 54 к., каковыя деньги выданы крестьянамъ с. Егвинскаго. Въ общемъ, квартирное довольствіе войскъ обошлось свыше тысячи рублей. Причемъ къ этому еще надо добавить сумму въ 528 р. 70 коп., истраченную на покупку для солдатъ 44-хъ быковъ и коровъ.

Вся суть, весь смыслъ приведенныхъ здѣсь цифръ заключается въ томъ, что онѣ относятся лишь къ тѣмъ немногимъ солдатамъ, что жили въ одной Егвинской волости. Посмотримъ же, сколько ихъ было и долго ли они тутъ стояли. Въ Инвенскомъ краѣ стояло отъ 8—20 чел. втеченіе 19 мѣсяцевъ. Всего на всего сначала прибыло для усмиренія двѣ сотни, но вскорѣ онѣ были отозваны обратно. Если предположимъ, что на с. Егву втеченіе всѣхъ 19 мѣс. приходилась половина солдатъ—а ихъ было меньше—то окажется, что въ ней проживало только 10 чел. Слѣд. оказывается: на квартиру для нихъ—10 тратилось свыше 50 р. въ годъ на человѣка; каждый изъ нихъ съѣлъ только однихъ быковъ по 4,4 штуки. Понятно, при такомъ количествѣ мяса потребовалось

и соответственное количество вина, а именно на каждого по 7 р. 60 к. Что касается чиновниковъ, то, такъ какъ ихъ было только трое-четверо, и прѣзжали они на день, много на два, судя по счету расходовъ на нихъ, здѣсь цифры еще любопытнѣе. Какъ на самомъ дѣлѣ они могли выѣхать въ себя то, что имъ подавалось угощавшими ихъ! Въ Кудымкорской волости, впрочемъ, сохранился счетъ (ниже приводится буквально) одного изъ приказчиковъ, Ив. Некипѣлова, который провѣрялъ офицеръ и снабдалъ своими записками, очевидно, будучи немало возмущенъ наглостью грабителя-приказчика¹.

Еще также любопытный документъ того же приказчика: «Счетъ по приему разныхъ лицъ въ квартирѣ Кудымкорскаго приказчика въ мартѣ, апрѣлѣ и майѣ мѣсяцахъ 1861 года.

1. Остевскаго приказчика Кирпичева за 14 дней, по 60 коп. въ каждый—8 р. 40 к.

2. Офицеровъ, прибывшихъ изъ г. Перми съ военной командой: 1-го за 12 и 2-хъ за четверы сутки, всего за 20 сутокъ, по 1 р. 50 к.—30 р.

3. Соликамскаго Стряпчачаго г. Руднева съ 8 апрѣля по 8 мая и съ 15 по 21 мая жъ, всего за 36 дней, по 1 р. 60 коп.—54 р. 60 к.

¹ Свидѣніе о количествахъ припасовъ закупленныхъ и употребленныхъ для содержанія офицеровъ съ 12 по 28 Апрѣля 1861 года:

		Руб.	Коп.	Замѣтки оенцера:
Муки ржаной	5 п.	2	—	получено и есть.
Крупчатка	2 п.	4	57	15 е. на паску солдатамъ
Говядины	2 п.	4	80	возвращено 22 еунт.
Свѣчь салныхъ	14 е.	1	79	получ. 6 е.
Масла: скоромнаго	14 е.	2	80	получ. 8 е. изъ нихъ 3 е. на паску солдатамъ.
» постнаго	4¼	—	67¼	получ. 1 еунт.
Просы	3 е.	—	21	получ.
Луку	1 респ.	—	20	
Капусты	1 в.	—	30	
Картофели	3	—	27	
Чая	2 е.	3	43	получ. 1 еунтъ дряннаго и потому купленъ свой.
Сахару	32 е.	10	19	получ. 15¼ еунт.
Гусей для жаркова	2	—	73	получены,—соленые.
Яиць	160	—	69	30 штукъ получены, остальные солдатамъ.
Рыбы судачины	3 е.	—	30	не было.
Рису	10 е.	1	50	получ. 6¼ еун.
Варенья банку въ 1 е.	—	—	40	я не знаю почему разрѣшенію покупалось все это.
получ. ¼ еун.	2 е.	—	30	
Изюму	1 е.	—	40	
Миндалю	получ. 1 .	2 ш.	50	
Титереви	—	—	—	не было.
Курица	получ. . .	1	16	
Ноги скотскіе	2	—	15	
Поросенокъ для холоднаго	1	—	25	
Телятины	14 е.	—	84	получ. 12 е.
Свеклы	17 ш.	—	17	получ.
Почьки	—	—	15	не было.
Графинъ хрустальной	—	—	25	

4. Письмоводителя его за 36 дней, по 1 р. 50 коп.—54 р.

5. Старшего заведателя Соликамскаго земскаго суда г. Сизикова за 5 дней, по 1 р. 50 коп.—7 р. 50 коп.

6. Исправника Пейкера, приставов Юдина и Ромодина, козаковъ и разсыльных (последнимъ, очевидно, тоже подавалась водка и проч.), во время производства втеченіе двухъ недѣль въ квартирѣ приказчика допросовъ отъ арестантовъ,—20 р.»

Слѣдуетъ замѣтить, что плата за полное мѣсячное содержаніе одного лица нинѣ, спустя 40 лѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ не превышаетъ 10—11 р. Слѣдскольکو лишнихъ денегъ пришлось сельскому населенію заплатить за личность помѣщичьихъ служекъ!

Въ указанныхъ счетахъ не помѣщены огромныя суммы денегъ, истраченные на подводную повинность, на протори и убытки по содержанію военно-судной комиссіи, и деньги, взысканныя съ крестьянъ за содержаніе и отправку арестантовъ. Арестантовъ только изъ одной Егвинской волости было отправлено въ тюрьму (отъ 2—6 мѣсяцевъ) 35 чел.; изъ нихъ одинъ на полтора года. Ихъ немало доставили и другія волости. У крестьянъ много имущества, скотъ и почти всѣ деньги ушли въ уплату постоя и за судъ. А ушли казаки слѣдомъ за ними, въ добавокъ ко всему, ушли еще бабы и дѣвки.

Какъ только было замирено крестьянское волненіе, тотчасъ же, по распоряженію управленія, стали записывать крестьянъ на караванъ. Однако, между усмирёнными пермяками оказалось много такихъ, которые бѣжали и отъ свободы, и отъ своихъ домовъ, чтобы только быть подальше отъ каравана и караванныхъ работъ. Караванные приказчики и вся, ниже ихъ стоящая, челядь въ волю издѣвались надъ растерявшимися крестьянами. Сбѣжавшіе съ работъ явились въ Кудымкорь къ управляющему, съ заявленіемъ о причинѣ ихъ побѣга. «Уйти насъ вынудилъ —жаловались натерпѣвшіеся на работахъ крестьяне— караванный Орѣшниковъ неплатежомъ намъ харчевыхъ за простойные дни». Были и такіе крестьяне, которыхъ уже сами владѣльцы, подыскавшіе къ тому времени новыхъ и болѣе дешевыхъ рабочихъ, несмотря на заключенное условіе, не приняли на работы, отговариваясь тѣмъ, что нашлись люди подешевле. Пришлось такимъ, исхарчившимъ свои послѣднія на дорогу деньги, бѣднякамъ возвращаться домой, питаясь Христовымъ именемъ. Караванные приказчики, совсѣмъ забывшись, потребовали было, чтобы волости, взамѣнъ самовольно ушедшихъ крестьянъ-рабочихъ, выслали новыхъ, хотя бы и незаподраженныхъ на караваны. Но такой произволъ приказчиковъ остановило само ливенское управленіе. Бумагой своею въ Юсьвинскую Земскую, отъ 6 мая 1861 г., оно дало знать: «Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,

въ 3 пунктѣ 2 статьи воспрещена отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владельцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работы, потому Инвенское Правленіе не имѣетъ права избрать людей Инвенскаго Округа и отправить насильственно на караванъ. Поэтому изъ крестьянъ с. Юсьвинскаго избирать людей не нужно, а отправить только тѣхъ, которые обязались поступить на караванъ, согласно заключеннаго ими условія». Къ этому необходимо добавить, что еще до В. манифеста часть людей, какъ крѣпостныхъ, Строгановыми была отдана кн. Голицину. Управленіе его имѣніями также требовало высылки силою крестьянъ на работы, причемъ требовало замѣнить не идущихъ крестьянъ первыми появившимися изъ нихъ.

Послѣ умиротворенія инвенскаго края г. Гилевъ былъ разжалованъ изъ управляющихъ въ члены управленія—случай въ имѣніяхъ Строгановыхъ рѣдкій, если не единственный.

Слѣдомъ за этия тяжелыя для инвенскихъ крестьянъ годы пошелъ рядъ лѣтъ еще труднѣйшихъ—рядъ неурожаевъ. Между тѣмъ, натуральныя повинности, переведенныя на деньги, сразу подняли подати крестьянъ съ 2 р. 70 к. до 11 р. 52 к., причемъ имъ во взносъ податей не давалось ни малѣйшаго послабленія... Вскорѣ, однако, послѣ замиренія волненія крестьянъ честные и добрые люди изъ Строгановскихъ служащихъ, каковыхъ всегда бывало немало, поняли ошибки, допущенныя при недавно возникшихъ недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщичьимъ управленіемъ, пришли на помощь этимъ крестьянамъ. Такъ, главноуправляющій пермскимъ имѣніемъ гр. Строгановой, П. С. Шарипъ, въ виду высокаго оброка крестьянъ, сложилъ своею личною властью по 1 р. 57½ коп. съ души, а также сложилъ со счетовъ и всю недоплату ихъ съ 1861 г. по 1 января 1867 года. Только благодаря такой огромной помощи Шарина, народъ пермичій сохранилъ свою жизнеспособность и могъ приступить за улучшеніе своего хозяйственнаго быта.

Вс. Яновичъ.

С. Юсьва,
Солнцанск. уѣзда.

Нѣкоторыя черты изъ исторической и психической жизни вотяковъ *.

(Историко-этнологическій очеркъ)

О вотякахъ написано довольно много: имѣются изслѣдованія этнографическія и историческія. Но мало такихъ работъ (или вовсе ихъ нѣтъ), гдѣ бы проведена была сравнительная точка зрѣнія на вотяковъ и сосѣднихъ имъ восточныхъ финновъ: пермяковъ, зырянъ и друг. Сравненіе быта и религіозныхъ—языческихъ пережитковъ можетъ повести къ воссозданію древнепермскаго періода, когда вотяки, зыряне и пермяки составляли одинъ народъ, а языки ихъ одинъ прапермскій языкъ. Такого рода работы должны имѣть значеніе для исторіи культуры Россіи. Въ изслѣдованіяхъ о вотякахъ также сравнительно мало обращается вниманія на связь географическихъ и историческихъ условій съ психикой инородцевъ. Я желаю, поэтому, въ настоящей маленькой статьѣ сдѣлать опытъ: во-первыхъ, возстановить хотя бы нѣкоторыя черты древнепермскаго періода жизни вотяковъ; во-вторыхъ, попытаться провести параллель между исторіей вотскаго народа и психическими особенностями его. По этой причинѣ статья раздѣлена на двѣ части: 1) на древній періодъ жизни вотяковъ и 2) на историческій и новыи. Въ концѣ помѣщено приложеніе съ нѣкоторыми данными, доказывающими тѣ или другія положенія о вотскомъ народѣ **.

* Читано въ Отдѣленіи Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 14 декабря 1902 года.

** Изслѣдованія о вотскомъ народѣ:

¹⁾ Историко-этнографическій очеркъ вотяковъ. И. Н. Смирнова. Эта книга отличается полнотою и всесторонностью изслѣдованія исторіи и быта вотяковъ. Она заключаетъ въ себѣ и тщательное описаніе саентовъ и возможно-общіе выводы этнологическаго и историческаго характера.

²⁾ Гавриловъ. Сказки, повѣрья и пѣсни вотяковъ (произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ). 1880. Эта книга лучшая по части народной повѣи вотскаго народа.

³⁾ Вотяки Казанской губ. Д. Островскаго. Казань. 1873. Сочиненіе, заключающее въ себѣ кромѣ историческихъ данныхъ вѣрную характеристику вотяковъ.

⁴⁾ Антропологическій очеркъ вотяковъ. Малиева. Съ приложеніемъ отчетливыхъ антропологическихъ таблицъ.

I.

До XI или даже до X вѣка вотяки жили на большихъ пространствахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, въ области Вятки и Ветлуги, а зыряне—ихъ одноплеменники, по теченію Сысолы и Вычегды. То было время, когда языки: вотскій, зырянскій и пермскій составляли одинъ языкъ восточныхъ финновъ. Судя по тому, что и теперь еще типъ физическій и психическій вотяка весьма напоминаетъ зырянина, и на основаніи сходства пережитковъ языческой старины нужно думать, что эти племена были сходны не только по языку, но и по характеру, по своимъ правамъ и обычаямъ. Поэтому, возстановляя бытъ древнихъ вотяковъ, мы воспроизводимъ жизнь древнихъ восточныхъ финновъ пермской группы.

Какова же была ихъ культура матеріальная и духовная, какой физическій типъ, какой характеръ народа, предка современныхъ вотяковъ, зырянъ, пермяковъ? Четыре источника ведутъ насъ къ познанію этой культуры: 1) филологическій анализъ культурныхъ словъ въ языкахъ пермскомъ, вотскомъ и зырянскомъ; 2) этнографія теперешнихъ вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ; 3) жилища, вообще бытъ зырянъ, вотяковъ и финновъ въ Сѣв. Финляндіи и Лапландіи; 4) языческіе пережитки въ сказкахъ, суевѣрныхъ разсказахъ, моленіяхъ инородцевъ. Теперь мы займемся разборомъ двухъ послѣднихъ группъ.

Изучая нынѣшнюю жизнь вотяка, его бытъ, его жилище, мы невольно поражаемся устройствомъ его избы. Изба вотяка—это исторія вотскаго народа.

⁵⁾ Исслѣдованія Верещагина: Вотяки Сосновскаго края и др. отличаются полнотою и детальною описаніемъ жизни вотяковъ. Особенно цѣнны данныя о Воршудѣ, домашнемъ богѣ вотяковъ, и вообще о мифологіи этого народа, его свадебныхъ обрядахъ и т. д.

⁶⁾ Бытъ вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. Кошурниковъ. Казань. 1880. Въ этой книгѣ, между прочимъ, пишется интересная характеристика дѣтей вотяковъ школьнаго возраста. Обращено въ ней вниманіе на охоту вотяка, на его смѣливость и ловкость въ этомъ дѣлѣ.

⁷⁾ Новые свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края. А. Спицына. 1887.

⁸⁾ Die Wotjaken, eine ethnologische Studie von Mux Buch. Stuttgart. 1882.

⁹⁾ Библиографическая замѣтка Потанина по поводу этой книги.

¹⁰⁾ Замѣтка о пермскихъ древностяхъ. Ешевскаго.

¹¹⁾ Евангеліе отъ Маттея на вотскомъ языкѣ.

¹²⁾ Грамматика вотская. 1775. Изд. Академіи Наукъ.

¹³⁾ Исторія Вятки. Вештомова. Каз. Вѣсти. 1827.

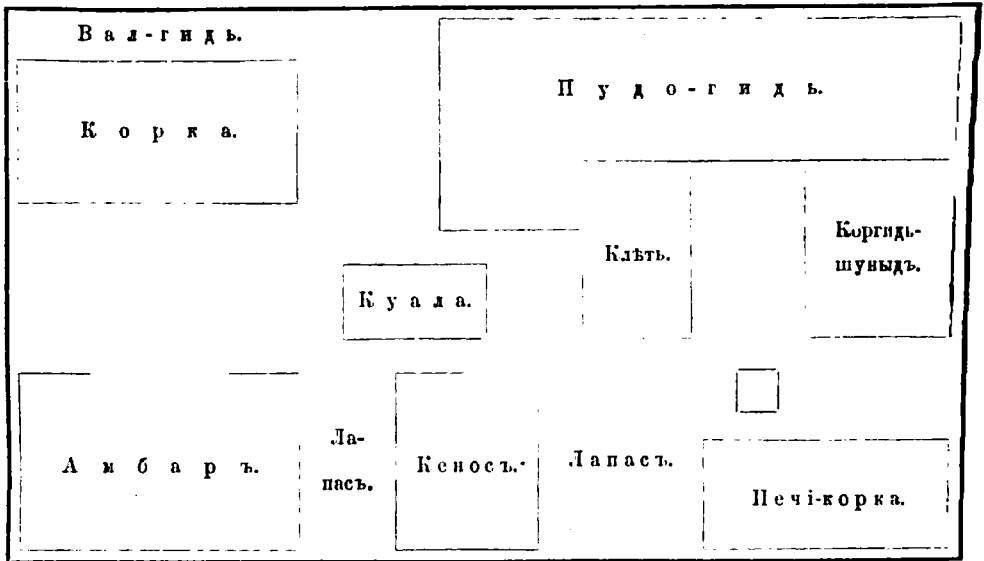
¹⁴⁾ Ал. Фуксъ. О вотякахъ. 1839.

¹⁵⁾ Осокинъ. 1856.

¹⁶⁾ Шестаковъ. Вѣсти. Геогр. Общества 1859. II, 73.

¹⁷⁾ Бехтеревъ. Вѣстникъ Европы. 1880.

¹⁸⁾ Первухинъ. 1888—1889. Весьма цѣнные факты и соображенія.

Вы видите передъ собою огромный дворъ, устланный камнями и наполненный разнаго рода постройками. Названія послѣднихъ одни финскія, другія татарскія. Корка—домъ, печи-корка (малая изба), вал-гидь (конюшня), пудогидь (хлѣвъ), куала (священная часть избы)—финскія слова; канка—дворъ, мунчо—баня, амбарь—учегъ, сендыра—полати, кпбеть—лавка и т. д.—татарскія.

Куала—священная часть двора. Это, какъ можно доказать, жилище донеторическихъ финновъ, печи-корка—изба послѣдующаго времени, явившаяся послѣ знакомства вотяковъ съ тюрками и русскими. Она походитъ на черныя избы зырянъ въ глухихъ мѣстахъ; корка—домъ; это большая жилая изба—наслѣдіе болгарской культуры, принесенной вотякамъ татарами.

Для васъ въ данномъ случаѣ интереснѣе всего куала, какъ остатокъ древней финской коты (черемисской куды).

Куала имѣетъ стѣны изъ бревенъ, крышу изъ досокъ, въ ней нѣтъ ни пола, ни потолка; внутри ея устроена каменка изъ песчаниковъ, подъ ней котель, прикрѣпленный къ шесту, въ сторонѣ столъ (джекъ), на нарѣ коробочка съ вѣтками, а въ ней Воршуд—богъ счастья дома (въ приложеніи о Воршудѣ).

Куалу можно сопоставить съ зырянской охотничьей избушкой «пывсан» и съ сѣверо-финской или лапландской «котой». Эта постройка общефинская. Воршуд—идолъ бога охраняющаго домъ, какъ это имѣетъ мѣсто у самоѣдовъ. Извѣстно, у народа что старо, то священо. Куала священна, потому что она старинна. Финская поговорка гласитъ: «древнѣйшей ловушкой было брюхо, древнѣйшей посудой горсть, древнѣйшимъ жильемъ «кота».

Всѣхъ земель старѣй болото;
Ива старше всѣхъ деревьевъ;
Ели—первыя жилища,
Камни—первая посуда. (Калевала, III).

Въ такихъ жилищахъ—а кто ихъ не имѣлъ—прямо въ землѣ проводили дни свои вотяки, зыряне, пермяки, среди дремучихъ лѣсовъ, въ области Вычегды, Вятки, Ветлуги, Камы. Избушки ихъ были уединенны. На лыжахъ зимою, верхомъ и въ лодкахъ лѣтомъ сносились они между собою. Эти древніе пермяки одѣвались зимою во всякаго рода шкуры, а лѣтомъ въ самотканныя армяки и, вооруженные луками, все время проводили въ охотѣ на бѣлокъ, медвѣдей, лисицъ и т. п. Охотничьи артели съ колдунами во главѣ бродили въ сосновыхъ дебряхъ по верховьямъ рѣкъ (эль и меръ—остатки общественныхъ союзовъ). Самобытныя названія домашнихъ животныхъ и нѣкоторыхъ простѣйшихъ орудій земледѣлія, а также названія злаковъ показываютъ, что до знакомства съ русскими они знали уже воздѣлываніе ячменя и занимались скотоводствомъ (лошади, олени, коровы, овцы).

Эти народы, судя по всему (жизніе св. Стефана Пермскаго, сложность теперешняго языческаго ихъ культа), тогда уже имѣли сложную теологію и мифологію. У нихъ былъ Инмаръ—богъ неба (Енъ), Мукулцинь—духъ земли (Кылысинъ—ангелъ: Матѳ. 4, 11), му—земля, Шунды-мумы—мать солнца, Музьем-мумы—мать земли, Гудурп-мумы—мать грома, Тыл-мурт и масса другихъ (Воршуд, Нюлэсмуртъ (лѣшій), Кукри-баба (юма) межа уппе, Корка-мурт (домовой), Гондыр-муртъ (въ конюшнѣ) и т. д. Судя по персжиткамъ, у зырянъ былъ еще сынъ солнца, луна—богъ скотоводъ; радуга, пьющая воду изъ рѣки. Калевала еще увеличиваетъ число боговъ-покровителей и зложелателей человѣка.

Лѣта дочь, жена блаженства,
Ты дочь юга, мать творенья,
Ты дочь слочекъ, хозяйка, и т. д.

Мьеликки—невѣста лѣса,
Таллерва—ты дѣва тапѳо!
Ты сынъ тапѳо, Нійрікки,
Ты сынъ лѣса въ синей курткѣ.
Куйппана—ты царь дубравы,
Ты добрякъ сѣдобородый!
Псовъ своихъ держи покрѣиче.

Зырянскій лѣшій рисуется въ народномъ воображеніи тоже съ собакой и кричитъ: тѳт, тѳт!

Въ Калевалѣ же упоминается:

Мудрый старецъ Тапиола,
Самъ хозяйнѣ на метсолѣ...
... Дѣвы воздуха явились,
Дѣва мѣсяца, красотка,
И красавица дочь солнца...
Ато—этотъ царь потоковъ... (XLI).

Все это показываетъ, что столь обильные пережитки—свидѣтельство богатой древней мнѳологiи финновъ. Мало того, у нихъ была своя космогонiя. Такъ, въ Калевалѣ говорится:

Утка, славная та птица,
Сноситъ яйца золотыя,
Шесть яицъ всѣ золотыя,
А седьмое изъ желѣза...

Изъ частей яйца произошли мать сыра земля, солнце свѣтлое и ясный мѣсяцъ, также звѣзды золотыя. По этой космогонiи выходитъ, что утка—мать солнца.

Интересно сопоставить это съ вотяцкимъ воззрѣнiемъ, по которому утка является той птицей, которая приноситъ матери солнца молитвы людей объ исцѣленiи глазъ. Въ виду этого вотяки приносятъ въ жертву матери солнца утку (у остяковъ гусь—изображенiе бога). Нужно думать поэтому, что у вотяковъ была та же космогонiя.

Всѣмъ своимъ многочисленнымъ богамъ вотяки дѣлали идоловъ изъ бревень, корни при этомъ отрубали прочь и выдѣлывали такъ, что получали сходство съ человѣческой головой, а остальная часть бревна оставалась неотесанной (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ такъ дѣлается у лопарей. Кастрень). Въ лѣсахъ этимъ богамъ приносились жертвы при звукахъ кантеле, теперешнихъ гуслей.

У теперешнихъ вотяковъ существуетъ сложная регламентацiя относительно порядка жертвоприношенiя (въ первый день овца, во 2-й гусь, въ 3-й жеребенокъ, въ 4-й теленокъ, затѣмъ быкъ). Трудно сказать, насколько это явленiе древнее. Что же касается того, что шкуры и кожи жертвенныхъ животныхъ развѣшивались на священныхъ деревьяхъ—объ этомъ говорится въ житiи св. Стефана. У пермяковъ несомнѣнно были жрецы, которые, одѣтые въ бѣлые армяки, въ бѣлыхъ шляпахъ, возсылали молитвы своимъ богамъ, а толпа, внимая имъ, припадала къ землѣ и со стономъ просила объ урожаѣ, дождѣ и т. п.

Что языческая религiя въ такомъ сложномъ видѣ есть явленiе древнее, можно доказать тѣмъ, что пережитки старины у зырянъ, у вотяковъ, у фин-

новѣ поражаютъ насъ своимъ сходствомъ. Существуютъ такія параллели: у Финновъ—сынъ солнца, богъ огня, у зырянъ въ старыхъ сказкахъ упоминается сынъ солнца, выгоняющій радугу на водопой, у вотяковъ мать солнца любитъ утку, какъ жертву, въ Калевалѣ мать солнца—сама утка; радуга у зырянъ и у вотяковъ вуіувис—пьющая воду; Куіппана сѣдобородый съ собакой—онъ хозяинъ лѣса; лѣсной богъ у зырянъ тоже съ собакой и кличетъ свое тѣт, тѣт. Іумала-укко—главный богъ неба у финновъ, Инмаръ у вотяковъ, Енъ у зырянъ. Однообразіе корней свидѣтельствуетъ здѣсь объ одинаковости представлений божества, которое было одицетвореніемъ неба. Затѣмъ, сходство жертвоприношеній у зырянъ во времена Стефана Пермскаго (священное дерево, кумирницы, шкуры звѣрей, вывѣшенные на деревьяхъ) и у теперешнихъ вотяковъ и черемисъ. Пансютники, упоминаемые у зырянъ и вотяковъ, говорятъ объ единствѣ религій, культа, общественнаго устройства. Вслѣдствіе этого мысль, сопоставляя религіозные остатки инородцевъ, невольно восходитъ къ ихъ прарелигій.

Далѣе, углубляясь въ прошлое, мы спросимъ себя, какой физическій типъ и характеръ отличали древняго пермяка?

Мы допускаемъ, что зыряне, вотяки—одно племя. И это доказывается тѣмъ, что языки ихъ близки, какъ, напр., малорусскій къ великорусскому, что пережитки старины у нихъ одноименны и однообразны, что у нихъ физическій типъ одинъ и тотъ же въ нѣкоторыхъ особенностяхъ. Зыряне и вотяки съ русыми волосами, съ рыжей бородкой, сѣрыми глазами, широкими скулами теперь встрѣчаются сплошь и рядомъ; они коренасты и отважные охотники. Я видѣлъ много вотяковъ, прямо похожихъ на извѣстныхъ мнѣ зырянъ и по виду, и по характеру. Допустивъ же, что зыряне и вотяки—одно племя, мы должны думать, что зыряне-охотники, живущіе въ глухихъ мѣстахъ у верховьевъ Вычегды и Сысолы или Пожого, болѣе или менѣе похожи на древнихъ пермяковъ—предковъ своихъ, потому что жизнь ихъ мало измѣнилась, и въ окружающей ихъ природѣ не произошло перемѣнъ. Ростомъ они 164—168 сант., съ свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и бороды (рыжебородые), имѣютъ сѣрые, немного узкіе глаза, широкія скулы; они плечисты, коренасты, отважные въ лѣсной жизни и рѣчныхъ плаваніяхъ. Таковы были древніе пермяки, таковъ былъ ихъ физическій типъ.

То обстоятельство, что ростъ теперешнихъ вотяковъ 162—164 сант., что крѣпкихъ тѣлосложеній между ними 37%, среднихъ 57%, слабыхъ 6%, что много между ними больныхъ глазами, что они неуклюжи, большинство ихъ мало похоже на отважныхъ охотниковъ, это обстоятельство легко объяснить историческими, географическими и культурными причинами, и является знаменательнымъ, показывая, какъ народъ можетъ идти вверхъ или внизъ, въ зависимости отъ историческихъ условій.

Въ психическомъ отношеніи древніе пермяки были люди настоящаго характера, хотя у нихъ было мало инициативы къ измѣненію своей жизни; они любили свою суровую, бѣдную природу, свои дремучіе лѣса, любили покой и однообразіе своей жизни. Они были колдуны, таинственно глядящіе на природу, вѣчно гадая. Охотники, жители верховьевъ рѣкъ, они были подозрительны другъ къ другу и родъ къ роду, хотя душа ихъ не была склонна къ войнамъ и распрямъ.

Какъ доказать такое положеніе?

Нельзя не согласиться съ той мыслью, что признаки, встрѣчающіеся у всѣхъ народовъ, заведомо принадлежащихъ къ одному племени, суть прочныя свойства этого племени, этой расы, потому что только то, что мало измѣняется, встрѣчается у всѣхъ этихъ народовъ, живущихъ при разныхъ условіяхъ. Что же неизмѣнно, то составляетъ свойство этой расы. Поэтому мы должны сравнить характеристики финскихъ племенъ: зап. финновъ, самоѣдовъ, зырянъ, вотяковъ и т. д.

Зап. финновъ такъ характеризуютъ: «Финны расположены по преимуществу къ земледѣлію и скотоводству; кажется, Провидѣніе для того и призвало ихъ на сѣверъ, чтобы они своей неутомимостью, терпѣніемъ, спокойнымъ, никогда неунывающимъ духомъ обработали пустыни Финляндіи, сѣв. Россіи и Скандинавіи. Финны любятъ эти занятія и свой маленькій мірокъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать свободно и независимо... (непремѣнное условіе его благоденствія), поэтому онъ часто промѣниваетъ вполне обеспеченную жизнь подъ управленіемъ другого человѣка на трудную и убогую въ пустынѣ. Промыслы противны нравамъ финновъ».

А самоѣдовъ описываютъ слѣдующими словами: «Самоѣды крайне осторожны, кротки и скрытны, недоувѣрчивы, упрямы и настойчивы; рѣшаются не скоро, но, разъ рѣшившись, страшно упорны въ исполненіи предпріятаго; подобно лапландцамъ, своенравны и такъ лживы, что на нихъ нельзя полагаться. Общая имъ всѣмъ черта—это мрачный взглядъ на жизнь и жизненные отношенія. Они равнодушны; изъ-за лѣни готовы переносить голодъ, жажду и всевозможныя лишения».

О зырянахъ мы читаемъ, что они разсудительны, прямы, степенны, добродушны, честны и вѣрны, хитры, подозрительны и завистливы; они настойчивые, отважные охотники.

Вотяковъ разные авторы характеризуютъ, какъ наблюдательныхъ, легковѣрныхъ, подозрительныхъ людей, прибавляя, что любознательность ихъ очень ограничена, что они лаконичны въ выраженіи своихъ мыслей и чувствъ (тоже и зыряне); далѣе говорятъ, что страхъ передъ начальствомъ одинъ изъ сильныхъ аффектовъ вотяка, что страхъ передъ судами доводитъ ихъ до самоубійства; вотяка

называютъ нѣжнымъ отцомъ, мягкимъ мужемъ, добрымъ родственникомъ; въ душѣ его лежитъ потребность мира и согласія; всѣ авторы согласны въ томъ, что вотьакъ настойчивъ въ осуществленіи своей цѣли, что у него ограниченъ кругъ желаній, что страхъ передъ умершими составляетъ основу его морали, что онъ негостепріименъ къ чужимъ и т. п.

Если, изучая такіа характеристики, мы будемъ отвлекать общія свойства финскихъ племенъ, то найдемъ, что настойчивость, упорство, подозрительность, угрюмость въ кругу чужихъ, добродушіе по отношенію къ близкимъ, нелюбовь къ торговымъ оборотамъ и промышленности, лаконичность въ выраженіи чувствъ и мыслей, бѣдность фантазіи, склонность къ миру, любовь къ суровой природѣ характеризуютъ эту расу. Общее и есть самое глубокое. Правда, эти свойства видоизмѣнялись у разныхъ племенъ, напр., вотьакъ сталъ упорнымъ земледѣльцемъ, зырянинъ—охотникомъ и любителемъ дальнихъ странствованій, самоѣды ираченъ во взглядѣ на жизнь, финнъ молчаливъ и угрюмъ. Эти свойства—варіаціи основныхъ свойствъ прафинскаго племени.

Мы попытались возстановить въ блѣдныхъ чертахъ жизнь, религію, физическій типъ и характеръ древнихъ пермяковъ. Они, одаренные большою любовью къ природѣ, создали довольно богатую міеологію и теологію, и въ дремучихъ лѣсахъ, молясь своимъ богамъ, занимались охотою, любя независимость и отсутствіе войнъ. Настойчивые въ предпріятіи, они не отличались однако предпріимчивостью въ измѣненіи характера своей жизни. Гадая, чародействуя, эти рыжебородые, коренастые пермяки съ луками въ рукахъ, въ бѣлыхъ кафтанахъ любили приносить богатыя жертвы лѣснымъ и другимъ богамъ. Они жили въ сосновыхъ избушкахъ или земляныхъ ямахъ, сообщаясь между собою лѣсными тропинками или по рѣкамъ въ лодкахъ. Они были здоровы и крѣпки и не страшились лѣсныхъ напастей. Выясненіе того, что изъ этого цѣльнаго, независимаго и отважнаго пермяка древнихъ временъ создало нынѣшняго трусливаго вотьака, надъ которымъ подтруниваютъ и смѣются его сосѣди, свои и чужіе,—выясненіе того, что вытолкнуло его изъ дремучихъ лѣсовъ на малыя рѣчки и безлѣсныя пространства и изъ суроваго охотника сдѣлало робкаго земледѣльца, необходимо вводитъ насъ въ разсмотрѣніе тѣхъ историческихъ условій, въ какія поставленъ былъ вотьакъ отъ XI-го в. до настоящихъ дней.

II.

При глубокихъ измѣненіяхъ въ психическомъ и физическомъ типѣ вотьака, разсмотрѣніе историческихъ условій его жизни укажетъ намъ, какія черты характера оказались устойчивыми, какія подверглись измѣненіямъ, иными словами мы узнаемъ, какія черты расовыя, какія историческія и бытовыя.

Вотяковъ измѣняло то, что заставило ихъ перенестись на сотни верстъ отъ ихъ первоначальнаго жилища, съ береговъ Вятки и Ветлуги на верховья Чепцы и Кильмезя, т. е. историческія событія, которыя стѣснили ихъ на небольшую площадку земля и заставили перейти отъ охоты и скотоводства къ интенсивному земледѣлію, что уничтожило ихъ лѣса, унизило ихъ самихъ, давъ мѣсто обвиненію, что интеллектъ ихъ слабѣе, чѣмъ у арійскихъ племенъ.

Припомнимъ факты, имѣющіе столь много результатовъ.

Отступая съ береговъ Оки передъ русскими колонистами, черемисы въ XI в. пришли въ Яранскій и Ветлужскій уѣзды и вытѣснили вотяковъ.

Въ XII и XIII в. черемисы шли впередъ, а вотяки отступали внизъ по Вяткѣ и Кильмезю. На берега Вала (притокъ Кильмези) вотяки пришли одновременно съ черемисами. Легенда о Тутотъ и Янтамырѣ говоритъ, что возникъ споръ между черемисами и вотяками, кому остаться тутъ жить. Споръ этотъ былъ рѣшенъ состязаніемъ между богатырями обѣихъ сторонъ. Нужно было перебросить кочку ногою за рѣку. Вотскій богатырь Тутотъ перебросилъ и черемисы отступили.

Въ то же время (съ XII-го в. и еще ранѣе) вотяки тѣснимы были съ другой стороны. Русскіе съ сѣвера (съ рѣки Юга) наступали на нихъ, а послѣ основанія Хлынова стали отгѣснять ихъ по р. Чепцѣ. Доказательствами этихъ положеній, кромѣ вотскихъ легендъ, являются вотскія названія селъ и деревень въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ. Эти названія встрѣчаются по рѣкѣ Вяткѣ и западнымъ ея притокамъ до Ветлуги, а на сѣверѣ по Югу и Сысолѣ.

Постепенное отступление передъ сильными народами имѣло цѣлью сохранить свою самобытность подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, у верховьевъ не доходныхъ рѣкъ (оно же выражало, съ другой стороны, характеръ древнихъ пермяковъ—нелюбовъ къ военнымъ предпріятіямъ). Послѣдствіями оно имѣло, въ свою очередь, большія перемѣны въ характерѣ народа. Съ измѣненіемъ историческихъ и географическихъ факторовъ все должно было измѣниться вплоть до самыхъ глубокихъ свойствъ расы (настойчивость, склонность къ мирной жизни, поэзія и религія).

Прежде всего народъ сталъ думать и чувствовать, что онъ слабъ въ сравненіи съ другими народами, что ему необходимо на жизненной аренѣ держаться положенія слабого. Въ связи съ этимъ возрастали недовѣріе къ себѣ и подозрительность къ другому. Вотяки попали на малыя рѣчки, гдѣ не было возможности развиваться отважности и предпримчивости; они были сжаты въ малыхъ по пространству лѣсахъ, гдѣ экстенсивное хозяйство (скотоводство и охота) должны были уступить интенсивному (земледѣлію). Настойчивость, упорство, поэзія природы—расовыя свойства пермяка—превратились въ любовь и

трудолюбіе земледѣльца, привязаннаго къ клочку земли и домашнему очагу, къ его священной куалѣ—первообразу избы вотяка съ богомъ Воршудомъ.

О трагедіи души, порожденной ударами судьбы, ясно говорятъ историческія легенды вотскаго народа. Они повѣствуютъ о гибели вотскихъ богатырей и разрушеніи кумирницъ. Легенда о разрушеніи общественной куалы въ Вяткѣ рассказываетъ о томъ, какъ голубъ вылетѣлъ изъ куалы, приникъ къ русской церкви и умеръ, что предвѣщало объ исчезновеніи языческой вѣры. Правда, пустымъ остается то мѣсто, гдѣ красовалась народная куала. Въ рассказѣ «Ватки и Калмезы» говорится, что на калмезовъ двинулось племя ватка. Одинъ калмезъ былъ убитъ на берегу рѣки, и мѣсто его убійенія до сихъ поръ почитается вотяками. Легенда о томъ, какъ Идна-батырь хотѣлъ быть царемъ надъ вотяками, какъ бѣлый царь велѣлъ его преслѣдовать. Идна была охотникъ и погибъ подъ мостомъ на пѣгой лошади со словами: «пѣгая лошадь только тогда лошадь, когда уже нѣтъ другой». Богатырь Янтамыръ тоже напрасно боролся съ русскими; и онъ былъ изрубленъ саблями.

Жители Кузнецкаго прихода знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена вотяки, вытѣсненные отсюда черемисами. У вотяковъ былъ городъ, гдѣ царемъ былъ Ядыгаръ. Черемисы взяли этотъ городъ, и вотяки должны были отступить.

Такъ погибли одинъ за другимъ герои этого народа, а остальные отступали все въ худшія и тѣснѣйшія мѣста, подальше отъ враговъ.

Съ XV-го до конца XVII в. мы знаемъ новыхъ угнетателей вотяковъ: на территоріи вотскаго народа оказались арскіе князья и мурзы изъ татаръ: они даже подъ русской властью долгое время сохраняли свою автономію—судили и взымали подати съ своихъ вотскихъ подданныхъ.

Начало движенія татаръ въ XIV в. шло изъ центровъ болгаръ Ланшевскаго и Спасскаго уѣздовъ. Что татары пришли на тѣ мѣста, гдѣ раньше жили вотяки, это показываютъ названія татарскія. Татары принесли нѣкоторую культуру вотякамъ (болгарскую), что видно изъ татарскихъ словъ, употребляющихся вотяками: *jurt* (домъ), *јапак* (косыкъ), *агбар* (дворъ), *шунсо* (баня) и т. д. или изъ социальныхъ и юридическихъ понятій: *alpautjal* (господинъ), *buldant* (возмущаться), *mörelük* (владычество), *teksir* (ислѣдованіе) и т. д.

Татары измѣнили прежнюю хижину вотяка на большой дворъ съ избой, но душу ихъ сильно умаляли, сдѣлали народъ трусливымъ, низкаго о себѣ мнѣнія, т. е. отняли у него сознание своего достоинства («Мы вотяки: намъ ничего!»), лишили всякой инициативы (особенно въ дѣлахъ торговыхъ).

Татары—народъ гордый, чванливый, презирающій. Простого, наивнаго вотяка онъ мало могъ научить хорошему. Какъ татары относились къ вотякамъ, видно изъ легендъ (изданныхъ г. Первухинныхъ). Въ нихъ мы находимъ

преданіе о размѣрахъ той власти, какою пользовались татары надъ вотяками. Когда татаринъ садился на лошадь, вотьякъ долженъ былъ становиться въ колѣни (на четвереньки). Ни одна дѣвушка вотская не могла выйти замужъ, не пробывъ наложницею у татарива 4—5 дней.

Такимъ образомъ, народъ, угнетаемый со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ замкнуться въ самого себя. Отрады для себя вотьякъ искалъ въ поэзіи природы, въ языческой религіи. Въ еловыхъ и липовыхъ рощахъ приносили вотяки свои жертвы Инмару, Мукулцину и другимъ богамъ, въ домашней куалѣ молился духу предковъ—Воршуду. Но жить своими мыслями и чувствами считается на землѣ роскошью, надо успѣть ее завоевать и защитить, иначе болѣе сильные люди не дадутъ ей или отнимутъ.

Начинается русское вліяніе и, вмѣстѣ съ нимъ, покушеніе на народную религію вотяковъ. Епископъ Алексѣй первый обратилъ вниманіе на распространеніе христіанства между вотяками (1723 г.); при еп. Веніаминѣ (1739—1742) обращеніе вотяковъ сдѣлало уже значительные успѣхи. До чего тяжела была для нихъ пережѣна религіи, показываетъ тотъ фактъ, что они въ числѣ 1357 душъ сбѣжали изъ Глазовскаго уѣзда въ Бугульминскій, не желая креститься. Полтораста лѣтъ уже происходитъ борьба между христіанствомъ и язычествомъ, и однако послѣднее существуетъ. Не только существуетъ язычество, но имѣются язычники въ числѣ до 10000 человекъ. Эта борьба несомнѣнно одна изъ причинъ замыканія вотскаго народа въ тѣсныи кругъ племенныхъ традицій и вѣрованій.

Уничтоженіе лѣсовъ, обмелѣніе рѣкъ, учащающіеся неурожая отъ засухи все болѣе и болѣе развиваютъ пессимизмъ въ душѣ вотьяка, недовѣріе къ другимъ, болѣе сильнымъ народамъ, тоску по старымъ порядкамъ, тайную любовь къ языческой религіи и т. д. По недовѣрчивости, замкнутости, преданности одному земледѣлію, вотьякъ становится точно скалой. Въ борьбѣ за убѣжденія у вотяковъ прогрессировали настойчивость и природная поэзія въ ущербъ другимъ свойствамъ предпримчивости и любознательности. Народъ сталъ консервативенъ, характеръ его окончательно утратилъ всякую гибкость, и это можетъ оказаться причиной гибели растущей съ каждымъ днемъ промышленной конкуренціи.

Затѣмъ попробуемъ отвѣтить на вопросъ, каково теперешнее этнологическое состояніе вотяковъ и какова ихъ психологія, какъ слѣдствіе исторіи и современнаго быта.

Теперешніе вотяки, въ числѣ 275 тысячъ, живутъ въ уѣздахъ: Глазовскомъ (102 т.), Слободскомъ, Малинскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ, Осинскомъ (Перм. губ. 2900 ч.), въ Мамадышскомъ и Казанскомъ, Казанской губ. (8200), въ Вирскомъ, Уфимск. губ. (1000) и въ Бугульминскомъ, Самарск. губ. (1300). Они живутъ на рѣчкахъ Тоймѣ, Чепцѣ, Кильмезѣ и

т. д.,—на рѣчкахъ, которыя высыхаютъ лѣтомъ. Хотя земля у нихъ просторнѣе, чѣмъ у сосѣдей (10 дес. на душу), но, конечно, нѣтъ старыхъ лѣсовъ, нѣтъ дичи для охоты, и ружье у вотяка ржавѣетъ, а земледѣліе становится его единственнымъ занятіемъ. Вотяки—поэты-земледѣльцы. На горѣ полба, въ долинѣ огородъ, на склонахъ рожь, на холмистыхъ мѣстечкахъ пчельники. Ихъ дворы съ амбарами, сараями, съ разнообразными отдѣленіями для лошадей, овецъ, коровъ, телятъ поражаютъ васъ своимъ порядкомъ, аккуратностью и чистотой. Исслѣдователи говорятъ, что изъ инородцевъ развѣ одни чуваша могутъ поспорить съ вотяками въ отношеніи трудолюбія и стремленія къ сбереженію. Вотяки чрезвычайно аккуратно платятъ подати, недоимокъ за ними не бываетъ. Сбереженія свои они зарываютъ въ землю, какъ было въ старину.

Зато нѣтъ у вотяковъ никакихъ ремеслъ, никакихъ промысловъ, никакой торговли.

Чрезвычайное однообразіе тиневъ, отсутствіе личной инициативы поражаютъ наблюдателя, наводя его на печальныя размышленія. Кенеш, мѣр, эль—остатки старины — даютъ личность. Кенеш — общинный совѣтъ; полевая работа производится съ его разрѣшенія. Старики слѣдятъ за молодежью. Мѣр — союзъ нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями. Эль—остатокъ родовыхъ союзовъ теперь не имѣетъ реального значенія.

Такъ или иначе у вотяковъ своя замкнутая жизнь съ ихъ религіозными обрядами, что держитъ ихъ въ сторонѣ отъ общаго потока жизни и дѣлаетъ ихъ народомъ отсталымъ.

Физическій типъ вотяковъ тоже отличается однообразіемъ. Ростомъ они ниже зырянъ, тѣмъ болѣе русскихъ, но голова вотяка, судя по антропометрическимъ измѣреніямъ, больше головы зырянина. Психологія его такова, что упрямство, пассивная настойчивость стали преобладающими свойствами его души. Глубоко храня свое, онъ не понимаетъ и не воспринимаетъ чужого, вслѣдствіе чего отсталъ и отъ татаръ, и отъ черемисъ, не говоря уже о русскихъ. Характеръ его тяжелъ, какъ его походка. Человѣкъ безъ гибкости, но усердный въ домашнемъ быту, онъ займетъ въ іерархіи будущей общественной жизни низкое мѣсто, положеніе исполнителя, дѣйствующаго по извѣстной регламентаціи. Пѣсни его тягучи, унылы, бѣдны образами.

Много мы ходили по темному лѣсу,
Но не нашли кнутовища,
И много и мало ходили,
Но не нашли лучше васъ.

Или:

Въ сосновомъ лѣсу есть улы, вырубленные въ деревьяхъ.
Жена моя стара, сынъ мой молодъ,

Зятя Амвросія одинъ писарь, а другой бурлакъ,
Тонкій холстъ не можетъ быть товаромъ.
Тетенька Гольжанъ ужъ не можетъ быть дѣвушкой.

Мало фантазій, мало складу.

Отношеніе сосѣдей къ вотякамъ обидное сверху внизъ. Крещенный татаринъ слѣдующее рассказывалъ: «вотяки — народъ со слабыми глазами, глаза ихъ слабы отъ нечистой жизни да отъ порчи — у нихъ колдуны». «А, вотякъ»! такъ ругаются русскіе и татары. Крещенный татаринъ тутъ же сплететъ вамъ разныя исторіи про вотяковъ. «Черезъ 9 или 12 лѣтъ — рассказываетъ онъ — вотяки приносятъ въ жертву человѣка; зеркало показываетъ имъ, кого нужно принести, когда чума проходитъ между ними, въ зеркалѣ показываетъ дьяволъ».

Древній пермякъ былъ не таковъ. Онъ былъ отваженъ, настойчивъ, но настойчивъ активно; онъ былъ если не оптимистъ, то и не пессимистъ; онъ любилъ бродить по лѣсамъ, былъ любознателенъ, внимателенъ къ чужому (что видимъ мы на зырянахъ и западныхъ финнахъ). Онъ былъ колдунъ, но онъ же былъ и пѣвецъ. Въ силу неблагоприятно сложившихся историческихъ условій жизни вотяка, онъ развилъ въ себѣ одно только свойство — упрямство, настойчивость; но не развились въ немъ ни гибкость ума, ни гибкость характера. Недовѣріе вотяка къ чужому человѣку весьма сильно; личности нѣтъ, есть только народъ.

Такова трагедія жизни вотскаго племени.

П р и л о ж е н і е.

Названія селъ и деревень въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ:

Вотская пустошь	}	Водская дер.	}	Орловскій уѣздъ.
Водское		Водская дер.		
Вотиновцы				
Вотизовка				
Отяцкая				
рѣка вотская	}	Вятскій уѣздъ.		
		Водская	}	Котельницкій уѣздъ.
		Воткинская		
		Одшцы		
		Вотинцы	}	Слободской уѣздъ.
		Вотизовская пустошь		
		Лема · вотская		
		Одинеръ (во) врагъ		
		Одобеляръ (Яранскій)		
		Одосола (Уржумскій).		

Названія селеній, данныя по личнымъ именамъ основателей:

Ворсегово,	} Орловскій уѣздъ.	Ожегова,	} Слободскій уѣздъ.
Чежегово,		Пислегинская,	
Кутенегово,		Нарынъ,	
		Пасеговка,	
Болезята (Нолинскій).			
Варсегъ,	} Вятскій уѣздъ.	Цепеговка (Яранскій).	
Валезино,		Гувдырево (Котельницкій).	
		(Гондыр—медвѣдь)	

Селенія, названныя по рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они были основаны:

Уктурскій, Орловскій уѣздъ.	} (Слободской).	Кукшоръ,	} Уржумскій уѣздъ.
Шаншуринъ,		Мувашоръ,	
Иванъ—шуръ,		Кокшоръ,	
Шунгушурскій,		Глекшоръ,	
Пенешуръ,	} Котельницкій.		
Ягменшуръ,			
Макшуръ,	} (Яранскій)		

Съ суф. вѣж. (устье рѣки):

Кликважъ,	} Котельницкій уѣздъ.	Арбажъ,	} Яранскій уѣздъ.
Козловажъ,		Очекважъ,	
Арбажъ,		Васквашъ,	
Ацвежъ,		Чувачквашъ,	
Ажвижъ,		Щербажъ,	
		Ветважъ,	
		Орважъ,	
		Пиковка,	
Кузавожъ,	} Уржумскій уѣздъ.	Нолважъ,	
Кыржавожъ,		Коможважъ,	
Буевожъ,		Пергвижъ,	
Пыговка,		Писевжъ,	

Селенія, названныя вотиками по свойствамъ окружающей мѣстности:

Лыва,	} Орловскій и Нолинскій
Лывинское,	
	уѣзды.
Сикъ (лѣсъ),	} Нолинскій,
Сиковка,	
	Вятскій,
	Уржумскій.

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Вятской губернии. 1882 г.; также книга Смирнова о вотикахъ).

На границѣ Котельницкаго уѣзда съ Ветлужскимъ:

Селеніе Одошнуръ (Вот. поле)

Землешоръ,

рѣка Варважъ.

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губ. 1877).

Въ Никольскомъ уѣздѣ рѣки: Воцкая, Воча, Вочка, Вотиновская и Вотякова, деревня Вотяковская, д. Вочъ; въ Устьемьскомъ уѣздѣ: селеніе Вотское, Вотча, Вочская, Воч, рѣки Вотинская и Воча. (Списокъ населен. мѣстъ Вологодской губ. 1866). Въ Яренскомъ уѣздѣ село Отъ.

Названія татарскихъ селеній въ уѣздахъ Малимыжскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ:

Петрошуръ,	} Глазовскій уѣздъ.	Вотскіе Юраши,	} Елабужскій уѣздъ.
Багашуръ,		Мукшуръ,	
Зягудскій,		Гужношуръ,	
Гординовскій,		Бобья-уча,	
Гураиншурскій,		Жикья,	
Уксеншуръ,	} Малимыжскій уѣздъ.	Буружикья,	
		Искал—Шуръ—Обдесъ,	
		Урдесъ,	
		Лек—очмес—мунья,	
		Мувожи—пельга,	
		Мокия,	
		Сед—очмес—пельга,	
		В. Иже—бадя,	
		Бусурманъ—можга,	
		Иватъ—можга,	
Чемешуръ,	} Малимыжскій уѣздъ.	Чебер—шуръ,	
Борешуръ,		Вншуръ,	
Кибыя,		Бытчимесъ,	
Гужно—Шур—Кибыя,		Варза,	
Бадья,			
Гучим-бадя,			

Иж—бадя (Сарапульскій).

(Списокъ населен. мѣстъ Вятской губ. 1882).

Татары принесли нѣкоторую культуру нотьякамъ (болгарскую), что видно татарскихъ словъ, употребляющихся нотьяками:

Jurt—домъ.
Janak—косякъ.
Arbar—дворъ.
Munco—баня.
Kibet—ланка.
Baksa—садъ.

Экономическія понятія:

Altin—золото.
Bai богатый.
Gabrat—польза.
Pajda—пробыль.

Соціальныя и юридическія понятія.

Alpautjal—гоеподниъ.
Buldant—возмутиться.
Mörelük—владычество.
Teksir—ислѣдовать.
Tatiulal мириться.
Kurlal—обвинять.
Ant—клятва.

Религіозныя:

Kargal—проклинать.
Tamuk—адъ.
Sölyk—грѣхъ.
Sadaka—милостыня.
Dünja—міръ.
Armak—рай.

О финской землянкѣ.

«Многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для сна на землю подстилали сѣно. Пещеры нагревались при помощи «теплиты», которая раскладывалась по срединѣ ямы..

Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ среди лѣса . . .» Добротворскій (Вѣстникъ Европы. 1883, III, 234).

Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ нѣбушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямы видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки.

К. Жаковъ.

ОТДѢЛЪ II.

Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда.

(Этнографическій матеріалъ собранъ въ 1857 г.).

I, пословицы.—II, остроты.—III, загадки.—IV, байки.—V, прибаутки.—VI, причитанья.—VII, заговоры.—VIII, примѣты.—IX, толкованья сновъ.—X, разные обычаи, средства и гаданія.—XI, наставленія на разные случаи и два сказанія.—XII, припѣвы.—XIII, стихи, которые поются нищими и слѣпыми.—XIV, свадебныя и XV, игровыя пѣсни.

I. П о с л о в и ц ы.

Уходили бѣрка крутыя горки, говорятъ о человѣкѣ, нануренномъ печалью или работою.

Хвалой продать, а хулой купить.

Бывъ конь, да ѣжженъ, т. е. до старости дожилъ человѣкъ.

Всякой молодецъ на свой образецъ, т. е. всякій по своему дѣлаетъ.

Наступи на горло, т. е. просить чего безъ стыда, или безотвязно и насильно.

Нахрапомъ—тоже.

Не торопись нѣтъ, не лѣнись и работать.

Онъ хлѣбъ, а хлѣбъ его ѣтъ, говорятъ о человѣкѣ, который и при хорошей пищѣ худѣетъ.

Съ умомъ всадъ человѣкъ, а безъ ума голова—цѣрепѣня.

Крой, такъ нисни пой; заплачѣсся, когда шить станѣшь, т. е. до дѣла не унывай; нагорюсешься, когда дѣлать будѣшь.

Прѣслици держись, какъ матушки: олинѣтъ какъ макушку, т. е. не лѣнись прѣсть, такъ хорошо одѣнешься.

Не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть.

Бохъ да добрыя люди, т. е. помогутъ.

Больше брюха не съѣшь.

Бѣй сороку и ворону, доберѣсся и до яснаго сокола, т. е. отъ худого человѣка дойдешь и до хорошаго.

Нѣ въ пору гость—хуже татарина.

Линь добра не дѣлаетъ.

И не великъ зверь, да лѣпше.

Въ тихихъ омутѣхъ и всѣ цѣрты вѣдущо, т. е. смиренны иногда хуже дѣлаютъ бойкихъ.

Не бойсѣ собаки, которая лаетъ, т. е. не опасайся человѣка, который дерзокъ на слово.

Залитѣла ворона въ царскіе хоромы, говорятъ о худомъ человѣкѣ, попавшемъ въ хорошій домъ.

Надоѣвъ, какъ горькия рѣткия.

Ожжесё на ухъ, такъ циюнѣшъ и на воду, т. е. пострадаешь отъ большого, такъ и малаго станешь остерегаться.

Самъ бы ѣвъ, да деньги надо—такъ хвалить товаръ при продажѣ.

Учи, когда лежать поперѣкъ лафки, а ушъ поздно учить, когда лежать вдоль лафкѣ, т. е. учи маленькаго, а не взрослога.

Пожалуй ты скажешь, на цѣй избѣ сорока.

Грѣхъ да бѣда на ково не живѣтъ.

Конь и о дѣтырѣхъ ногахъ да спотыкаетцѣ.

Ошынки въ фальшу ве ставягъ.

На бѣднова Макара и шышки ваятцѣ

Гдѣ тонко, тутъ и рвѣтцѣ.

Мельникъ не бездѣльникъ.

Нѣмону—говори, глухому—слушанье, а хрому—хотьба.

Богу ту дать, такъ и въ окно пошлѣтъ.

Бохъ не видимо дастъ.

Лихое споро, не збудѣшь скоро.

На дѣлу не обить, а послѣ дѣлу хоть всё возьми.

Курицу еица не учать, замѣчаютъ тому, кто учить старше или умнѣ себя.

Цытагъ книгу, а видить фйгу.

Дешевое то наведѣтъ на дорогое.

Съ проста живутъ годофъ по сту, а хитреци—лѣтъ до тридцети, т. е. простымъ живеть долго, а хитрый—недолговѣченъ.

Сѣхались замѣшане въ одномъ отводу, говорятъ другъ другу сѣхавшіеся въ тѣсномъ мѣстѣ.

Текъ-потеки, т. е. пошелъ-а.

На цюжой (покупной) коритъ скотным не покупай.

Станѣшъ мотать, какъ не цѣно глотать.

Переть смертью не нажытцо, а переть праздникомъ не наработатцо.

Дорого, такъ не бери, а жалобы ве кладн.

Кошка скребѣтъ, всё—на свой хребѣтъ.

За вѣтронъ въ полѣ ве угоняесё.

Вѣсъ—не попова душа.

Умъ такая аяндра мала, отвѣчаетъ поссорившійся съ кѣмъ-нибудь спрашивающему его, т. е. не могъ воздержаться, или стерпѣть обиды.

Какъ на барщыву, говорятъ о лѣниво вдушихъ на работу.

Вѣш не ѣшъ, а за вытъ поцѣтѣмъ, гонорять худо ялуцкому.

Вѣтъ не родиное пришло, т. е. можно и обойтись (безъ чего-нибудь).

Пуганая ворона и куста боицца, т. е. много пострадавшій и малаго боится.

Своя рубашка ближе къ тѣлу, т. е. своя польза, или выгода важнѣе чужой.

Молодо-зелено, т. е. молодой человѣкъ не опытенъ.

Цѣной коня не купишь т. е. не всегда дорогая лошадь—хорошая.

Стужа да жуа, вѣтъ ихъ хуже.

И на копѣйку украдѣтъ, всё дешевле купленова, т. е. и мало украдѣтъ, а всё-таки съ пользой.

Съ поклону голова не вѣлитцѣ.

Бохъ цѣну стрѣитъ.

За цѣмъ пойдѣшъ, то и найдѣшъ.

Всякое дѣло мастера боицца.

И худо нишу, да крѣико вяжу.

Тише идѣшъ, дальше будѣшъ.

Нога ногу мнучѣтъ, т. е. какъ-нибудь прожизнать.

Пролитое не бываѣтъ новно, т. е. что надержано, или опущено, того не воротишь.

Скоро, такъ не споро.

Понъ запоѣтъ, а кузнецъ закуѣтъ.

Какъ свѣтъ солнца, т. е. нетерпѣливо ждать чего или кого.

Худыя песни лутше хорошихъ слѣсь, т. е. худое, или насильное веселье лутше печали.

Не умѣешь шить золотомъ, такъ бей и молотомъ, т. е. не умѣешь дѣлать хорошаго, такъ дѣлай и тяжелое, или неприбыльное.

Отъ преслицы не будѣшь богата, а развѣ—горбата.

Отошла коту масленица—прошло привольное житье.

Право крылышко отпало, т. е. добраго человѣка не стало у кого.

Нашому теленку да вонка съйся.

Торкъ да свѣтанье—любовное дѣло.

Торкъ-яма, стой прямо, т. е. торгуйся, а послѣ не пѣнай.

Исъ пустой посуды не пьютъ, не ядятъ.

Какъ сухая треска, говорятъ о сухощавомъ человѣкѣ.

Сытова гостя легче потчывать.

Гнѣвъ животъ, а не гнѣвъ голова, говорить, напр., откупавшійся отъ солдатства.

Бошку бранять, а вивѣскѣ на вѣтки даютъ.

На большомъ разговорѣ не бесъ промаха.

Навось у Бога крадѣть.

Манастирь любить доукку.

Богу вѣтъ, такъ цѣрту спѣсь, говорятъ о скупомъ, который теряетъ, напр., девыги.

Авось въ обѣ стороны везѣтъ.

Хто сѣтъ въ оприлѣ, у того овѣсь опріетъ.

Самъ холопь, самъ и баринъ.

Хто хорошо говоритъ, тово не дарить, а хто и худо говоритъ, тово не бранить.

Всякая слѣпая про себя смѣкаетъ, т. е. всякій думаетъ о себѣ.

Изъ-за костра и щепка востра, т. е. съ сильныиъ, или знающимъ человѣкомъ и худой дѣло дѣлается.

Савасьянъ не узнавъ своихъ хресьянъ, говорятъ о человѣкѣ, не признавшемъ принадлежащаго ему.

И красно, да не лѣто, и добра, да не мать.

Одинъ въ полѣ не рапъ, т. е. при большой работѣ одинъ не много слѣлаетъ.

Богатъ Бохъ милосью, а государь—жалосью, говорятъ о человѣкѣ, который считается богатыиъ, а на самомъ дѣлѣ не виѣтъ ничего.

У всякова попа свой устафъ, т. е. кто какъ дѣлаетъ.

Про свой домъ нди спрашивать къ сусѣду, про свою деревню—въ цюжую.

Ты свисувъ, а я и смысливъ, т. е. ты намекнулъ, а я и понялъ.

На смирнова нанесутъ, а быстрой самъ наскочить.

Хвала въ очи, хужи порци.

Ежелибы цѣловѣкъ знавъ, то и не погнѣбанъ.

Одинъ сынъ не сынъ, два сына—повсына, а три сына—цѣлой сынъ.

Задавъ ширъ на весь мѣръ.

Не хто пехавъ, самъ понавъ.

Споруйся до слѣсь, а не бейсе объ закладъ.

Какъ съ мужомъ латъ, такъ не надо в клатъ.

Какъ зеть натъ тѣшой раскураживсе.

Материнно молоко на рылѣ не опсохло, т. е. еще молодъ.

Пиво не въ диво, лишь бы вино-то было.

Упряма девѣшку терѣтъ.

Курица не птица, а баба не цѣловѣкъ.

На що спѣсь, когда гордосъ есь.

Смотри въ оба, да береги лоба.

За вениѣниеъ гербовой пишы и на простой.

Дѣшная государщина.

Не хвались, а Богу молись.
Хвасливое слово гнило.
Умнова ницы въ кабакѣ, сильнова — въ тюрьмѣ, а дурака — на печь.
Девёшки дашгъ, такъ будетъ мило.
И не любо, да смійсѣ.
Въ цюжой сдѣсѣе ве вкуписсѣ.
Глаза каріе — люди бравые, глаза сѣрые — люди смѣлые.
Що напсаво перонѣ, то ве вырубившъ и топоромѣ.
Гдѣ рука, тутъ и голова.
Всякова нѣта напашево съ лѣта.
Бохъ не Микеша: иновла и потѣшывъ.
Егорей съ водой, а Микола съ траной.
Вари, пока горечо.
Куй желѣзо, пока не остыло.
До неба высоко, а до царя далѣко.
Называютъ другомѣ, а обираютъ врѣгомѣ.
Посмотришъ ва бѣрду, не будетъ лѣ близѣвѣ, т. е. посмотришъ, какъ дѣло пойдѣтъ.
Огня масломъ ве загѣшашъ, т. е. сердцемъ сердца ве укротить.
Окуля Ули ве лутше.
Не нѣтъ туцъ громѣ.
Цивѣ цина почитаѣтъ.
Ровно послѣ молоцѣвѣ, т. е. проголодался.
Удальство ве доведѣтъ до добра.
И цѣревѣ, да вѣревѣ.
Руской цѣсъ тритцѣтъ со днѣмѣ.
Разговорѣ лутче пытки, т. е. въ простомѣ разговорѣ человекѣ скорѣе выска-
жетъ, чѣмъ — въ допросѣ.
Всякой самъ до себя добръ, т. е. кто хорошъ до людей, до того самого люди хороши.
Хоть ве богатѣ, да тороватѣ, т. е. хорошо угостить.
Не быть гостю припасѣнѣ, а быть гостю ратѣ.
На здоровую ногу храмѣшъ, говорятъ богатому, который бѣднится.
И сытъ, и пьянѣ, и девёшки есъ.
Съ осени богато не живи.
На тѣлѣ шовкѣ, а въ брюхѣ шовкѣ, т. е. одѣвается хорошо, а ѣстъ худо.
И видѣнѣ, да незавидѣнѣ.
Есъ въ карманѣ, такъ и шалишъ.
На голодные зубы, т. е. богатство къ бѣдности.
Пить пей, да ума ве пропѣй.
Царь — фторой бохъ.
Цертъ ногу переломить. Этимиъ выражаютъ трудность пониманія или сдѣланія чего-нибудь.
Нѣтъ ума, такъ свояво не дашъ.
Слушай цюжыхъ умофъ, такъ науцятъ.
Бохъ видѣтъ, хто ково обидѣтъ.
Пронивсѣ, какъ допень, т. е. до-чиста.
Не отказная милостыня, т. е. никогда неотказывающій.
Побѣкъ не красѣвѣ, такъ здорово.
И умру, да ногой лягну, т. е. хоть и пострадаю, да в самѣ здѣлаю же зло.
Не умирай скорцѣ, т. е. ве увывай слишкомѣ.
Худыѣ дѣла ве доведутъ до добра.
На всякую рыбу ѣдокъ есъ, т. е. на всякую вещь найдется охотникѣ.
Ево же ве оплетѣшы, т. е. ве обманѣшь.

Деньги хоть не бохъ, а повбога есь.
Доряцёва до слёсъ.
Бесъ денёкъ и хорошей пьяница остановиццо.
Наша вивѣска всё трескаётъ, т. е. мы все ѣдимъ, или пьемъ.
Хороша милостинка во время.
Хорошо на расъ, а послѣ и золота не надо.
Бохъ и лѣсу не сровнявъ.
Старось не радость.
До старости дожить—не полѣ паретти.
Руской пьётъ и съ радости, и съ горя.
Шев потрѣшъ, такъ и пауцисё.
Хоть ве много выдавъ, да много слыхавъ.
Море потъ короной, говорятъ женщинѣ, которая донтъ корону.
Пьяницу въ рай посади, онъ в тамъ вина запросить.
Попа бы и кормить этымъ сѣномъ—такъ хвалить свое сѣно продавецъ.
Цемъ испортисё, тѣмъ и лицисъ, т. е. отъ вина страдаешь, такъ овохмѣлсѣ.
Хоть теперь и горько, да послѣ слюбитца.
Міръ—золотая гора.
Брюхомъ изъ міру хлѣба не выносишъ.
Заваривъ кашу, такъ не жалѣй масла. Это разумѣють и въ буквальныймъ смыслѣ
и въ переносномъ, т. е. затѣялъ дѣло, такъ не жалѣй денегъ.
Не лошкой взетъ, а ѣдокомъ.
Хоть богатъ, да неденеженъ.
Святая душа на костыляхъ—такъ привѣтствуютъ пріятели.
Вонка ноги кормить.
Вовцы зубы, да лисей хвостъ, т. е. временемъ умѣеть и поговорить, а времё-
немъ—и полѣтитъ на словахъ.
Хорошо донтъ, какъ корова стоитъ, т. е. хорошо дѣлать, какъ имѣешь власть,
или силу.
Охота пуще неволи.
Хороша Аннушка, какъ хвалить баушка.
Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна.
Свои собаки грызущцо, а цюжая не суйсѣ.
Не бей по рожѣ себя дороже.
Въ мірѣ що въ морѣ.
Семью понсъ, а съ нецѣ не лисъ.
Дорого свѣцко ко Христову дню.
Семью помиръ, а однажды отрѣжъ.
И олинъ, да зорокъ, такъ невадо и сорокъ (глазъ).
Не отъ того обѣдѣли, що слатко пили, да или, а отъ того, що ливнино работали.
На обѣ корки, т. е. какъ лучше нельзя.
Деньги и на камнѣ диру вертять.
Пока не грянетъ громъ, руской не перекреститцо.
Ржаная каша сама себя хвалить.
Силениъ цѣртъ, да воли нѣтъ.
Тепло, да не лѣтомъ.
Мацуха какъ земнѣе совнышко, которое хоть и свитить, да негрѣтъ.
Большая зацашка иновда село, а иновда—село.
Жывова не клади за мѣртова.
Не полоса кормить, а загонъ.
Въ поле свѣзѣшъ; такъ и изъ поля увезѣшъ.
Гдѣ пирокъ съ крупой, тутъ и я съ рукой, гдѣ блины, тутъ и мы, а гдѣ
оладьи, тутъ и ладно.
Какъ около кисельной катцы, т. е. ходить.

На сколько пива, на столько и писень.
На сусль пива не гадаютъ.
Кисель-розгоя, т. е. послѣднее кушанье.
Нецево на зеркало пѣнять, когда рожа крива.
Дитя не плацеть, такъ и мать не разуміётъ.
У семи нянекъ дитя всегда безъ глазъ.
Первый блинъ, да и комокъ.
Одинъ и у каши споръ.
Сѣрая кошка проскочила, т. е. произошло неудовольствіе.
Хоть и кривая, да городовая.
Хоть и шадровить, да надали красовить.
Краса пригледитцо, а умъ пригодитцо.
И спитъ, да зорю видить.
Не вѣрять голодному, а вѣрять похмѣльному, т. е. скорѣе займешь на опохмѣлье,
чѣмъ на хлѣбъ.
Голодной у воды не сижывалъ.
Не по-хорошу бываетъ мило.
Показалась ворона за янова сокола.
Дорожные люди довго не спятъ.
Съ бухты-баракты, т. е. не подумавши, мнѣ ни съ того, ни съ сего.
Великъ выросъ, да ума не вынесъ.
Въ людяхъ-то Онанья, а дома-то не найдѣшь, т. е. въ людяхъ-то любить, а
дома — скупъ, или причесетъ.
Першыно дѣло и персты знать.
Велика Федора, да дура.
За моремъ куницы дешѣвы, да провось дорокъ.
Топорной работы.
Послѣ струга да топоромъ.
Перво-ѣтъ готъ и не надо потацкѣмъ давать (женѣ).
Казака можно узнать по идѣ: тихо ѣсъ, такъ не проворенъ и на роботу.
Що бы одна нога тамъ, а другая здѣсь, т. е. какъ можно скорѣе.
Деньги не животъ: и голенькѣй наживѣтъ.
Рядись не торопись, а дѣлай хорошенькѣ.
Вольному воля, ходяцему — путь, а вертяцему — кнутъ.
Себѣ на умѣ.
Не столько смертей, сколько скорбей.
Забудущоѣ житіѣ, т. е. какого лучше желать нельзя.
Нецево Бога гнѣвить.
Бога забывъ.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Опозда въ малинникъ съ большой зобнѣй.
И жаль отца, да вести на повость.
Хоть не складно, да жалобно.
Нашла коса на камень.
Безъ Ивана пива не выпьѣшь.
Рынка, да рыпки — потеряй деньки.
И блиско локоть, да не укусишь.
Съ возу упало, такъ гонори, що пропало.
Привела мужа пить изъ поганой лужи.
Не плюй въ колодезь, придѣтцо напѣтцо.
Кинь колацъ на лѣсъ, послѣ пойдѣшь, найдѣшь.
Молодосью не жыть, а старосью не умирать.
И рубли да плацють, а и копѣйки, да скацють.
Дорогая кортома лутче дешевой купли.

Дешово купишь, домой не носишь.
И не красиво, да скажешь спасибо.
И пьянъ да умёнъ, такъ два уголья въ нёмъ.
У бабы волосъ долокъ, да умъ коротокъ.
Мушъ да жена—одна сатана, т. е. одно и то же.
Не спрашивай старова, а спрашивай мѧлова.
При худъ худо, а бѣсъ худа еще хуже.
Цѣлую куроцькю щипли, а свою за крылышка держи.
Сибъ не досадишь, такъ и другу не угодишь.
Не бойсѧ просителя, а бойсѧ отвѣтника.
Товаръ полюбитца, и умъ отступитца.
И худъ, да свой.
Умирать збирайсѧ, а хлѣбъ сѧй.
Що есь въ печи, всё на столъ мѣня.
Мушъ припасѣтъ, такъ и жена принесѣтъ.
Какъ змѣю за пазухой.
Нужда скацѣтъ, нужда пляшотъ, аужда писеньки поѣтъ.
Цѣрнова кобеля не промочѣшь до бѣла.
Всякому свои сопли солони, т. е. всякому свое хорошо.
На языкъ медокъ, а на сердѣ ледокъ.
Послѣ меня хотъ трава не рости.
Бабы какотцо, а дѣвки за мушъ ладятцо.
Хорошо дежѣнь, да не ежедѣнь.
Руской заднимъ умомъ крѣпокъ.
Не дальвая дорога упитъ, а ближняя.
Въ городѣ дешёво не куятъ, и дорого не тужатъ.
Потъ лѣжащѣй камень и вода не течѣтъ.
Сня и лежа спасенья не получишь.
Любишь кататцо, люби и санки володитъ.
Съ печи бы упавъ, да и не ушыпсѧ.
На цюжой сарай вѣлами не указывай.
Хорошъ колацъ въ цюжыхъ рукахъ.
Въ цюжыхъ рукахъ и колацъ великъ.
Съ кѣмъ хто не живѣтъ, тотъ тово и не знаѣтъ.
При пирѣ, при бранѣ всѣ дружки, а при горѣ кручинѣ нѣтъ никого.
Не носить плацѣнова, такъ не видать и алацѣнова.
Людямъ сватъ, такъ и намъ родня.
Охти мѣъ да тошнѣшенькѣ!
Бѣла денѣшку родить.
Женисѧ, перемѣнисѧ.
Дасъ не дасъ, а въ лопъ не подасъ.
Обо пѣъ и поминки всѣ.
Тяпъ да ляпъ, да и клѣтоцька, т. е. не успѣлъ бы приняться за дѣло, да и схѣ-
лапъ бы.
За цѣмъ пойдѣшь, то и найдѣшь.
Не горѣчисъ,—остынешъ.
Бережюнова и Бохъ бережотъ.
На огонь добра не натяжесѧ.
Нѣтъ Бога на вороту.
Тяжба не деньги, потрава не хлѣбъ.
Не поя, не кормя ворога сибъ не наживѣшь.
Хвативсѧ, какъ съ печи сваливсѧ.
Умираѣмъ, такъ горы сулимъ, а оживѣмъ, такъ и пальцѣмъ пошевѣлить не хотимъ.
Въ одной порѣ не проживѣшь.

Не попь учиць прихоть, а попа учиць прихоть.
Цѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дрофъ.
Бакова matka, таковы и дѣтки.
У одново отца да не однѣ дѣтки.
Не всё гонори, шо знаѣшь.
Вле душа въ тѣлѣ, т. е. до-нельзя пьянѣ, или чуть живѣ.
Знайсе, да ве обнимайсе.
Не смійсе, сестраца, сама въ дѣвнцахъ.
Не смійсе ноги свися, потбери, да говори.
Звать велѣно, да нтти не велѣно.
По просту, по деревенски.
Высоко завѣжжѣть.
На жену, да на лошадь, да на лотку не надійсе.
Но одѣшкѣ тени и пошку.
Точно у Христа въ пазухѣ, т. е. тепло и хорошо.
Рать бы въ рай, да грѣхи не пускають.
Лукавой попуталь.
Не лѣхкая занесла.
Согрѣшили попы за наши грѣхъ.
Клинь клиномъ и выгонекють.
Не то бѣда, шо голова нала, а то бѣда, шо въ карманѣ нѣтъ.
Хлѣбай пы съ грибами, а языкъ держы за зубами.
Врагу ницѣво не желай, какъ только сына вора, да доць блеть.
Гдѣ ѣсъ, тутъ и кастить.
Твердо ов-то, да и заперто.
Голому съ дежнѣмъ не собратцо.
Хоть не уѣдно, такъ улезно.
Тебя свяжутъ, да и намъ не утти.
Съ міру по виткѣ, а голому рубашка.
Лѣто припасѣха, а зима приберѣха.
Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать, а въ раю не бывать.
Голенкой охъ, а по голенкомъ Бохъ.
И худъ, да свой гласъ.
Цюжмѣ руки и лехки, да не къ сердцю.
И хуть свой, да ве бей при мнѣ.
Що лѣтомъ припасѣшь, то зимой и принесѣшь.
Съ осени рѣнка, а съ молоду дѣвка.
Худыхъ дѣвокъ не слыхано, а хорошихъ бабъ не видано.
Въ Офовяхъ да въ рыжыхъ коняхъ товку не бынаѣтъ.
Богатова съ хвасливымъ не распознаѣшь.
Вовкъ хватаѣтъ, а сытъ не бываѣтъ.
Макарѣвской нищой.
Сколько голофъ, столько и умофъ.
Егорей просить нось сѣна, а Микола—копну.
Добро вспомнитцо, а зло не забудетцо.
Дуракофъ не сють, не орутъ, а сами родятца.
Мякко стелѣтъ, да жоско спать.
Сиди у моря, да жди непогоды.
Око и видить, да зунъ неймѣтъ.
Покойника съ повоста не вороцѣють.
Госъ на дворъ, такъ и бѣда на дворъ.
Сытой голодному не вприть.
Соленья басни не кормять.
Пить до два—не видать добра.

И позадѣ, да въ томъ же стадѣ.
За вѣтромъ въ полѣ не угониссѣ.
Дальше моря — меньше горя.
Отольютцо медвидю коровы слёзы
Каково на дому, таково и самому.
По какой водѣ плыть, ту и воду пить.
Не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.
Прозѣвайшь, такъ и воду хлѣбайшь.
Наливай тѣща на гущу, зеть въ гости сулитцо.
Не плаѣ, не бѣхала, т. е. ни съ того, ни съ другого, иногда — такъ и быть.
Съ боку припѣка.
Не талѣ — не удалось.
Уговорись на берегу, да потомъ за рѣку.
Съ именемъ Иванъ, а безъ имени бовванъ.
Розѣвсѣ Трофимъ, не прибавить ли дробинъ?
Дожилай до тюки: ни хлѣба, ни муки.
Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.
Вертитцо, какъ сорока — на колѣ.
Бѣшь собака, да не въ той шерстѣ, т. е. данъ, да не тебѣ.
Какъ берёсто на огнѣ.
Тесь любить цѣсь, а зеть любить взеть, а шуринъ только глазомъ шурить.
Далеко кулику до Петрова дня.
Мѣртовой у воротъ не стоять, а своё не возымѣть.
Шельма соль въ конецъ зорить, а батюшко винцо на ноги становить.
Видить, тикъ и брядѣть, т. е. знаетъ, что съ рукъ сойдетъ, такъ и шалить.
Пѣходя спить.
На деньги нѣтъ заговинья.
Шей да пори, такъ не будѣтъ простой поры.
Трѣску боетцо, такъ и въ лѣсъ не ходить.
Не пережывай постылова, возымѣть Бохъ и милова.
Портной гадить, а утюкъ гладить.
Мать плацѣть тощю рѣка лѣтцо, сестра плацѣть — ровно чистой дождыцѣкъ
идѣть, а жена плацѣть — ровно роса моцѣть.
Люблю друга, да не какъ себя.
Суи — боги не кладѣ, т. е. не жалуясь.
Зѣ полѣ заткнѣть.
Нивѣскѣ на отиѣску.
Пылъ въ глаза бросить.
Сколько не горевать, а хлѣба не миновать.
Самъ съ усамъ, т. е. себѣ на умѣ, или за себя постоять.
Цюжой хлѣпъ поетъ: ночью спать не даетъ.
Зажывъ Сажынъ, и гласъ не звать, т. е. хорошо сталъ жить.
День погулѣетъ, такъ нидилю потерѣетъ, говорятъ о теленкѣ во время осен-
няго вренени.
Цюжой хлѣпъ дорокъ укусомъ.
Какъ на гору поливають.
Москва любить съ носкѣ, а Питеръ на цистаганъ.
Иже не ври же, онѣ не жѣшай.
Надо стрилѣть, да угодить.
Равнѣе тѣлятко, а познѣе ѣгнятко.
Не всякое слово въ строку.
И не наши сини подламывають, говоритъ крестьянская дѣвка въ оправданіе
своего распутства.
Первая царка коломъ, а другая сокомомъ.

Охотка не хлябай.

Знай сѣтку: не унирай скорцесь.

Всякой пляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Фу, ты грошъ! говорятъ заносчивому.

Дай Бохъ дитей, да какъ у людей.

Пилось бы, да ѣлось, да работка на умъ не шла.

Къ рупьямъ куделька.

Нацѣвъ гулетъ, такъ не другой день тереть.

Послушай-ко, ребина, що лѣсъ говорить.

Ронно воду поливаютъ.

Гулящему не оставляетцо.

Дѣло-то дѣлають съ начала, а не съ конца.

Прокѣдавъ голову, т. е. до—нельзя васкучить.

Цѣловѣкъ какъ окрипнѣть, такъ крипцѣ камня будѣтъ, а оживнѣть, такъ жыжо воды будѣтъ.

Ношная денную перекокуеть, т. е. жена больше уговорить мужа, чѣмъ другой кто.

Потыше, Епйша, кади, да святыхъ не опали, говорятъ вздорному, или начинающему шумѣть.

Кому на комъ женитцо, тотъ въ тово и родитцо.

У попа купи лошадь, а у ямщика—шубу.

У ямщика не покупай лошади, а у попа—шубы.

Хто чейъ занимаетцо, у тово и нѣтъ тово; напр. у сапожника—хорошихъ сапоговъ, у кузнеда топора.

У горящихъ щей, т. е. близко.

Кошечья подарки, т. е. подарки не надолго.

Посердисё, да не свернисё.

Коротка кишка, т. е. столько не будѣтъ.

Въ дошъ косить, а въ ведро грести.

Губа ве дура

Не носить плацёнова, такъ не звать и зладёнова.

Въ перьѣ, т. е. богатъ, или на славѣ.

Во всю ивановскую.

Нашъ Овтонъ не тужить опъ томъ.

Дольше обрать, такъ слаще обѣтъ, т. е. подольше попостышся, такъ получше поѣшь.

У мужа жена всегда виновата.

Дѣлать не дѣлать, и отъ дѣла не бѣгать.

Донгá пѣсня, т. е. долго.

На умъ-то петь и носемъ, т. е. то и се.

Два дурака въ одиѣ ворота.

Какъ ва огнѣ горить, т. е. скоро.

Маленькая собацка лаётъ, отъ большыя слышеть, т. е. маленькій говорить то, что отъ большого слышеть.

Цыстой посѣфъ красить, а рѣткой кормить.

Даровому коню въ зубы не смотреть, т. е. и отъ малаго дарового нѣчего отказываться.

Врѣтъ, какъ сивой меринъ.

Робота погана, да деньгн цысты, говорятъ, напр. кожевники.

Двѣ бабы рынокъ, а три—ярмавка.

Горой стойтъ.

Набитая шельма, т. е. большой руки плутъ.

Терпишъ, терпишъ, да и лопнѣшъ.

Охота смѣртная, а добыца горькая.

Брать любить сестру богатую, а мушъ — жену здоровую.

Дай Бохъ хресенину лошадь хорошую, а бабу — худую. Этимъ выражаютъ то, что для крестьянина лучше имѣть при худой женѣ хорошую лошадь, нежели — худую лошадь при хорошей женѣ.

II. Остроты.

Снизу подрубить, да сверху нарубить, да средину новую вставить, такъ славной (напр. анбаръ) будётъ.

Богатъ скотомъ: корова бурая, другая будётъ, третья ось, четвертую сузивъ тесь, пятая будётъ, шестую купить надо.

У савдата никовда не бываетъ надежу.

Золотыя руцки: въ три дни зобеньку, а по три на деньгу.

На томъ свитѣ уголемъ, т. е. заплатить.

Стали рожжыватцб: стало земли отъ смянъ оставатцо.

Сыта кума, когда гуцы не въсь.

Рожжывёмсѣ, въ пастухи найнемсѣ, такъ цѣлая деревня будётъ въ довгу.

Жыренъ, какъ заецъ, а бѣвъ, какъ уголемъ.

Блудлифъ, какъ кошка, а труслифъ, какъ заецъ.

Въ два ножыка водицы покрошы.

Послѣднѣе кушанье — кресты.

Тебя и въ Питерѣ въ трѣхъ домахъ знаютъ: въ двухъ не живутъ, а въ третьѣмъ пугаетъ.

Въ иную шадрину совнышко не заглядывало.

Не успіють меня попотшывать, а я ушъ и не могу отговоритцо.

Въ руки стакан-отъ возьметь, да потомъ ушъ отговариваетцо.

Поцѣлуй пробой, да и ступай домой.

На третьемъ словѣ — лысинка, говорятъ лгуну.

Лутше кладутъ въ могилу.

Шлопошное знакомство.

Молода: первая голова на плечахъ и кожа не воротъ.

Дай рожыцы о святкахъ попугать, говорятъ безобразному.

Объидѣшъ и много подвотъ, какъ постоятъ, говорятъ хвастливому ѣдоку.

Пирокъ съ аминѣмъ, т. е. простый.

Шовъ па даскѣ, да и упавъ въ гресь.

Спорина въ щоки, говорятъ острякъ ядущему. Кумохъ въ зубы, отвѣчаетъ тотъ.

Зади-то блаженъ мушъ, а спереди-вскую шаташася.

На томъ свитѣ давно тебя съ фонаремъ ищутъ, говорятъ старому, или больному.

На томъ свитѣ за тебя давно ушъ паекъ глумѣютъ.

Голоду и холоду анбары стоятъ, стужы и жузы гратки висятъ.

Цѣртъ о крещенѣ приходивъ льду просить, да и тому отказавъ, говорятъ о скупомъ.

Вѣкъ на ево такой пошыбоцки не бывало, говорятъ услышавшій о смерти кого-нибудь.

Даръ божей, отвѣчаетъ пьющій худое пиво вопрошающему его о качествахъ его.

Стриженная дѣвка косы не заплетѣтъ, какъ я здѣлаю.

Безаносой, говорятъ долгоносому, и наоборотъ: долгоносой — безаносому.

Що рано? говорятъ дѣлающему что-нибудь поздно.

Самъ на здоровье! говорятъ хозяинъ недогадливому гостю, относя съ него ставъ къ себѣ.

Отца да матери, отвѣчаютъ на вопросъ: кто онъ таковъ.

О сварѣбѣ женю.

Въ Ярославѣ за пшеняи, отвѣчаютъ любопытному.

Кабы за петь вѣреть, такъ ве утти бы, говорить идущій зною босый.

Кабы до Питера, такъ не дотти бы, замѣчаетъ едва несущій что-нибудь.

Подаришь уѣхать въ Паришь, а оставсе братъ ево родной купишь, говорятъ напрасливому просителю.

Гуси лить, кричать бѣгущему зимой босому, чтобы онъ засмотрѣлся.

Що ты покраивѣвъ?—женитцо захотѣвъ. А що ты поблѣднѣвъ?—жеввесе!

Знаете уши, мушны: дѣвицы врутъ.

Ковда въ церкофъ ни придѣтъ, все поютъ: Христось воскресе, говорятъ о рѣдко ходящемъ къ богослуженію.

Найдѣшь, такъ я укажу—гдѣ.

Вонъ, говорятъ, не указывая ницущему чего-нибудь.

Сороци не сороци, а быть рублю дватцети, говорятъ считающему алтынами.

Изъ отвода въ полѣ, { говорить худому стрѣльцу.
Въ овинѣ головой, }

Но лей масла, безъ масла худо.

Два дни не ѣтшы, а третей голодомъ.

Мухи меня не знали, а тараканы и не слышали.

Нѣтъ дома—на пецѣ.

Роскатись полинница безъ дрофѣ.

Люблю тебя, какъ я у тебя; ношъ на меня, какъ ты у меня.

Просивъ бы ты сибѣ у Бога цѣрѣдной смерти; или—деревяннова балахона (гроба).

Вопросъ: поѣмъ ты ходишь босъ? отвѣтъ: лаптей нѣтъ.

III. З а г а д к и.

Маленькій, горбатенькій все полѣ опскакавъ, да все загоны сосчитавъ (серпъ).

Идѣтъ сивыя къ овину, на обѣхъ коняхъ по рылу (ночви).

Крукъ кургана, да крукъ кургана щовкали-щовкали, да и домой розошлись (молотять).

Цѣво нать собой не видишь (роста своего).

Маленькій Ярофійко въ петелькѣ задавивсе (запанокъ).

Що въ нѣбѣ за булыггазды (сучекъ).

Що въ нѣбѣ за медвѣжей гласъ (тоже).

Вду-вду слѣду нѣтъ, рѣжу-рѣжу крови нѣтъ (плыть въ лодкѣ).

Цѣтыре цѣтырки, двѣ роцонѣрки, семой вертокъ (у коровы четыре титки, два рога и хвостъ).

Мохнатко принѣсь пузатка (изъ кудели простень).

День корпѣтъ и ночь корпѣтъ, только утро спитъ (заслонка у печи).

Не рукъ, ве покъ по стнѣ повзѣтъ (солнышко).

Внестцѣ, бовтаестцѣ, всякъ къ нему првтыкаетцо (рукомойникъ).

Рукой до неба достану (т. е. до неба во рту).

Какая въ цѣловѣкѣ есъ некреционная косъ (зубъ).

Цѣсы да расы, андими въ поясахъ, самъ христось пеленой покрыть (колосся, снопы и суслоны).

Бѣдной бросаетъ, а богатой потбираетъ (сопли).

Литѣвъ тень на Петрофъ день, сѣвъ тень на пень, ставъ тень плакать, волеса влунуть, дуброва шумить (молотокъ, наковальню и коса).

Скрыпнѣтъ скрыпница, везутъ дѣвицу. Коваль, коваль! пусти нацѣвать, ведро—такъ ношкю нацюю, а не ведро—такъ нидильку погошу (снопы и овняи).

Стоять Трошка на одной ношкѣ, крошить крошенину ни себѣ, ни другу (свитецъ).

Клюк-клюкованъ! повно за морё ходить, повно золото клевать. — Мовца, хохлаць, и тибѣ не мновать (клюка — помело).

Косо-лукаво, куды побѣжало? — Зелено-кудряво, — тебя стережди (косый огорожд и озимь).

Мидино гувѣшко, овсяной воропокъ (сковорода и блины).

На улицѣ кйски, въ избѣ пояски (похъ, снаружи не обѣченный, а внутри дома обѣченный).

На морѣ на вѣзѣ два бога увезли, пришовѣ снасъ, ткнувъ въ гласъ (ушаты и водоносъ).

Два быка бодуццо, въ одно мѣсто не сойдущцо (полъ и потолок).

Утка въ морѣ и хвось на волѣ (ковшъ, на краю камен повѣшенный).

Два ворона литять, одну голову идить (два бруса нѣ избѣ въ одномъ мѣстѣ концами).

Въ лѣсѣ оно, съ лѣсомъ ровно и не видно ево (сердце въ деревѣ).

Въ лѣсѣ тятя, на конюшнѣ взято, на колѣняхъ пладѣтъ (балалайка).

Дерну-подѣрну Ярасни по горло, по бѣлому суконцю, по бархатцю (серпъ).

Ни щелей, ни дверей, а повна цѣрковь людей (огурецъ, или тыква).

Вышла цѣдѣтка въ семидесяти мспотеахъ, витеръ полудѣтъ — и задница гола (курица).

Цѣрковфа, соловейкоффа, ниhto еѣ не гладить, сама глатѣа (лицо).

Маленькѣй попокъ сорокъ ризокъ оболокъ (кочанъ).

Цѣво въ сундукъ не запереть? (солнышка).

Цѣво въ руки не взеть? (тѣни).

Лежытъ брусь во всю Русь, встанѣтъ, такъ до неба достанѣтъ, а ляжотъ, такъ всю Русь обойдѣтъ (большая дорога).

Два коньца и два кольца, о серѣткѣ гвось, — оттадывай небось (ножницы).

Цѣмъ болѣ я верцюсь, тѣмъ болѣ богатѣю и тѣмъ болѣ я товстѣю; какая это цѣсь? отецѣсво мнѣ лѣсъ (неретено).

Сидѣцкя сидѣтъ, деревяшка везѣтъ (зубы и ложка).

Безъ рукъ, безъ нокъ богу молитцо (мотовило).

Петь-петь овецъ стокъ подѣдають, опеть петь овецъ труху обирають (десять пальцевъ во время пряжи).

На улицѣ колацѣмъ, а въ избѣ пирогомъ (собака).

Бѣжанъ мимо Поповскова, видявъ дѣло таковоко: головы розбиты, брюхи распороты (разрѣзанные снопы во время молоченья).

Полѣ полеванскоѣ, кони астраханскѣ, самъ пастухъ, какъ красно совнышко (небо, звѣзды и мѣсяць).

Тонѣвкѣ-маленькѣ, хто ево убьеть, тотъ крофъ свою прольѣтъ (комаръ, напившійся человѣческой крови).

Въ камнѣ спавъ, по жалѣзу вставъ, по дереву пошовъ, какъ соконъ пролитѣвъ (огонь).

Рышко ржотъ и домой нейдѣтъ (жернова).

За лѣскомъ-лѣскомъ, за березинькомъ, рышко ржотъ и домой нейдѣтъ (языкъ).

Кину я киткомъ, выростѣтъ клупкомъ потъ зелѣнымъ саткомъ (рѣпа).

Среди поля цистова стойтъ голенищцо съ дѣхтомъ; въ этомъ голенищѣ дѣготъ не дѣготъ, и смерть не далѣко (вино).

Два стоять, да два лежать, пятой ходить, шѣстой водить (двери въ косыкахъ).

Съ локотъ мохнато, да съ локотъ голо, да съ локотъ въ гузно ушло (пряслица съ куделей во время пряжи).

Стойтъ мужыкъ на берегу, сдѣтъ за рѣку (квасникъ).

У дѣвушки-сиротки загорѣлось въ сереткѣ, у доброва молотца покапало изъ конца (самоваръ).

Два яблоцкя въ мошкѣ, да моркоффа на верьху (два глаза, да носъ).

Родили мевя въ каменной горѣ, крестили меня нѣ огненной рикѣ, привезли

меня на торжищо, поставилъ къ устороньшу, пришла молода жена, побрякала златымъ перенѣмъ: ушъ ты цѣло милое моё, твои кости рассыпущіе, овѣ во гропъ не кладущіе, по тѣ люди веплакущіе (горшокъ).

Що въ избѣ за тоньчикъ? (голубецъ въ избѣ).

Що въ избѣ за медвѣжья лапа? (помело).

Идетъ свинья въ Питера, вся истыкана (наперстокъ).

Въ полѣ въ ровѣ двѣнадцатъ сосенъ, въ роговѣ цѣтыре, во ржовѣ двѣ (титки: у свиньи 12-ть, у коровы 4-ре, у лошади 2).

Цево на крючѣкъ не повиснѣшь? (яйца).

Що всего милѣе? (сонъ).

Взойду ли я на гой-гой-гой, разыграю ли я на рюй-рюй-рюй, утѣшу я, утѣшу старца въ кильѣ, младенца въ зынкѣ, старую старушку за зыбоцкѣй, красную дѣвицу за пелецкѣмъ (колокольный звонъ).

Вся шуба въ заплатѣхъ, а игла не бывала (пестрая корова).

Стоить въ полѣ древо древанское, на этомъ дрѣвѣ семь угольѣвъ: первое угольѣ—въ избѣ обиходѣ, другое угольѣ—въ кругу вертитцо, третьѣе угольѣ—старому, да малому потѣшка, четвёртое угольѣ—на цѣркви крышѣ, пятое угольѣ—по дорожкѣ слѣтъ, шестое угольѣ—во всю ночь свѣтъ, седьмое угольѣ—всему міру масло (береза, отъ которой голики для метенія избѣ, веретено, вѣнники, скала, лапти, лучина и деготь).

Стоить ва горѣ, а рубашка въ пазухѣ (свѣчка въ подсвѣчникѣ, свитильво въ свѣчѣ).

Стоить спастъ, пришовъ Никола и тенувъ въ гласъ (ключъ въ замокъ).

Цево къ стивѣ не привалинѣшь? (дорога).

Цево на кровлю не закинѣшь (пера).

Роспехну мохнушу, да суну голышѣ (въ шубную рукавицу—руку).

Церьненькѣ, маленькѣ весь крышъ поворотитъ (блоха—человѣка).

Повво потпольѣ гусей, лебедей (зубы во ртѣ).

Потъ полонъ полонъ стоять, барови съ колѣмъ (кошка съ хвостомъ).

Бласловя меня, батюшко, серогаръ, семотаръ, промешъ ноги-те бубенъ, въ обѣ руки—по дудѣ (значить: благословяся сѣрую корову, которая бьетъ хвостомъ, лопѣ въ дойникѣ).

Стоить въ полѣ Орина—ротъ розина, три поля съѣла, ещо голодна (овинъ, на которомъ молотятъ изъ трехъ полей хлѣбъ).

IV. Б а й к и .

О, лю-лю-лю, мое дитятко!

Лю-лю-лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).

Спи-тко, усни, да упокой тебя возьми.

Спи по ночанъ, да роси по дасамъ.

Днемъ давай дѣлать, а ночью—спать.

Тибѣ спать не писать, только гласка сажать.

Спи-ко походѣ, такъ вырастѣшь поболѣ.

Вырастѣшь большой, станѣшь въ золотѣ ходить.

Въ золотѣ ходить, чисто сѣребро носить.

Няньки и мамки кацейте дѣтя,

Сѣнныѣ дѣвушки прилюлькивайте.

Нянькамъ и мамкамъ я всѣмъ заплацѣю:

Сѣннымъ-то дѣвушкамъ по лентодѣкъ,

Старымъ старушкамъ по завязодѣкъ.

Сонъ да дрема поди къ дитатку въ глаза.

Сон-оть говорить: я дитя усыплю.
Дрема говорить: я милова удремлю.
Сонъ ходивъ по снѣжамъ, дрема по терему.
Ищутъ онѣ да колыбелюшки.
Гдѣ-то здѣсь колыбелюшки вѣситъ?
Вѣситъ колыбелюшка въ высокомъ теремѣ.
Во высокомъ терему, да на клевономъ оципѣ.
На серебряныхъ на кольцахъ, на шовковомъ поясу.
Лежить мой (ниа рекъ) въ шитомъ бранномъ пологѣ.
Сонъ да покой дитя мило успокой.
Спи-ко, дѣвнця, спи, красавиця.
Спи, красавиця, бесприданниця.
Спи-ко маленькая, спи хорошенькая.
Спи хорошенькая, спи пригоженькая.
Спи въ камкѣ, пробудись въ тафтѣ.
Пробудись въ тафтѣ, въ аломъ бархатѣ.
Выростѣшь большая, станѣшь замужъ отдавать
(или станѣтъ батюшко женить).
Станѣшь замужъ отдавать, и поидѣшь пропивать.
Спи-тко, дитя, ты усни-тко, милой.

Коть-котонай, приди (ниа рекъ) показай!

Баю-бай-баю-бай (повторяется послѣ каждой строки).

Я тибѣ, коту, за работу заплацѣю.
Хлиппя кусокъ, дамъ говединки другой.
Говединки другой, выбврай сибѣ любой.
Що дорогой на кота нападала воркотѣ.
На милова на дитя входила дремота.
У кота было кота, есъ постелюшка мягка.
У нашево (ниа рекъ) помихнѣ ево.
У кота было кота, есъ аголовѣ высоко.
У нашова у дитятка повыше ево.
У кота было кота, есъ одвѣлецкѣ тепло.
У нашово у дитятка полутче ево.
У кота было кота, есъ кроватюшка нова.
У нашево (ниа рекъ) колыбелюшка хороша,
Вся раскрашевая, еси расписаная,
Стойки тоценыѣ, позолоценыѣ.
У кота было кота, была мациха лиха.
Мациха лиха, коту нѣтъ не дала.
Котикъ осердился, на печькю ушовъ.
На печькю ушовъ, трои ланги сплѣвъ
Сибѣ в женѣ, малымъ дѣтонькамъ
По міру ходить, кошелѣи володитъ.
У нашова у дитятка матушка добра
Матушка добра: (ниа рекъ) титецки дала.
Титецки дала и пожаловала:
Дитятко, покушай, милоѣ посси,
Милоѣ посси и побольше посси.

О, лю-лю, моё дитятко!

Лю-лю, лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).

Дитятко, дитя маленькое,
Маленькое, крохотавненькое,
Спи-тко, усни, упокой тебя возьми.
Свидюшка усни. моя свѣтлая поспи.
Спи-тко, усни, большой вырасти.
Выростѣшь великъ, станѣшь въ золотѣ ходить,
Въ золотѣ ходить, цисто серебро носить.
Спи-тко, крошечка моя, спи-ко маленькая.
Умолѣнное моё, упрошеноё моё.
Упросила, умолила я у истиннова Христа.
Бохъ мнѣ тебя давъ, да Богородица дала,
Богородица дала, мнѣ пожаловала
Крошечку мнѣ и малюточку.
Ангели съ тобой, всѣ хранители съ тобой.
Всѣ хранители съ тобой, Спасъ, Микола вать тобой.
Спасъ, Микола въ головахъ, кресна сила на грудяхъ
Михайло Архангелъ да со ангелами,
Кузьма и Демьянъ со апостолами—
Онѣ тебя хранить, онѣ и милуютъ
Отъ болезней, отъ скорбей, отъ тяжолыхъ болѣстей.
Сонъ да покой (имя рекъ) радость упокой.
Сонъ да дрема потте (имя рекъ) въ глаза.
Сон-отъ съ дремой да распоровались.
Сон-отъ говорить: я найду, усыплю.
Дрема-та говорить: я найду, удремлю.
Холять онѣ по высокоу терему,
Ищутъ онѣ колыбелючку:
Гдѣ-то жо здѣсь колыбелючка висить?
Въ этой колыбевкѣ (имя рекъ) маленькой лежить.
(Имя рекъ) спать ли не спать, побудить ево не смить.
Висить колыбевка во высокоу терему,
Во высокоу терему, въ шитомъ бранномъ пологу,
На серебряныхъ на кольцахъ, на кленовомъ оципу,
На кленовомъ оцапу, на шовкѣомъ поясу.
Спи-тко, милѣй, да усни-тко, дорогой.
Спи, усни здорово, вставай веселѣ.
Вставай веселѣ, на улицѣ россвѣло.
На улицѣ россвѣло, да мы пойдѣмъ на село.

О, лю-лю, мое дитятко!

Лю-лю, лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).

Спи-тко, усни, дитя материно.
Спи-ко ты, дитятко, съ Богомъ, со Христомъ.
Всѣ ластючки спать и касатючки спать.
Куницы спать и лисичи спать.
Сѣколы спать и сѣболи спать.
Нашому (имя рекъ) спать жо велѣть.
Для цѣво за цѣмъ (имя рекъ) не спать.
Ластючки спать всѣ по гвѣадышкамъ,
Касатючки спать всѣ по кустицкымъ,

Лисицы спать всё по поткустицкямъ,
Куницы спать всё по вороцкямъ,
Сороки спать всё по гнёзлышкамъ,
Соболи спать, гдѣ имъ здумалось,
Маленькіе дѣти въ колыбелькахъ спать.
Спи-тко, (ниа рекъ) и милашенька.
Спи-ко, робёнокъ дорогой, неваглядной, золотой.
Спи-тко подолѣ. вырастѣшь поболѣ.
Вырастѣшь великъ, стануть дѣвушки любить,
Стануть дѣвушки любить, станутъ молодухи хвалить,
Станѣшь въ школу ходить, станѣшь книжки учить.
Выучиссѣ въ книгѣ, станѣтъ батюшко женить,
Станѣшь сватаццо къ невѣстамъ, станѣшь слыть жеввахомъ.

О, лю-лю моё дятяко!

Баю-бай, баю-бай (повторяется послѣ каждой строки).

Баюшки убай, моё милое,
Котенька-котокъ, котя сиренькѣй хвостокъ,
Хвостикъ сиренькѣй, лапки биленькѣй,
Лапки биленькѣй, ушки цѣренькѣй.
Повадивсѣ котокъ ко вдовушкѣ въ погребокъ,
Ко вдовушкѣ въ погребокъ, по сметанку, по творокъ,
По сметанку, по творокъ, по пресное молоцкѣ,
По пресное молоцкѣ и по сыворотоцкю.
Увидали жо котя красны дѣпки изъ окна,
Понимали жо котя поперѣкъ живота,
Ушлыли жо котя объ угловъ головой.
Вотъ-те ва-тею жо: котокъ за сметанку, за творокъ,
За сметанку, за творокъ, за пресное молоцкѣ,
За пресное молоцкѣ и за сыворотоцкю
Тутъ-то нашъ котъ и концивъ жись.

V. П р и б а у т и и.

1. Расъ какъ-то одинъ мужыцкѣ спросивъ своею знакомовъ: «куды ты, братъ, такъ скоро идѣшь?» — «Женитцѣ» — отвѣщаетъ тотъ съ куражомъ. Цѣресь сколько-то времени втотъ знакомой опетъ впавсѣ ему на встріцю, идѣтъ тихо и голову опустивъ. — «Що ты, братъ, такъ тихо плетѣсѣ и повисивъ голову?» спрашиваетъ онъ ево. — «Женивсѣ» отвѣщаетъ тотъ сквозъ зубы.

2. Одинъ хресьенивъ сильно занемокъ; подходитъ къ нему сынъ ево и со слезами говоритъ ему: — какъ я, батюшко, безъ тебя стану жить? Не знаю, какую роботу ковда дѣлать... — Ходи поясеце въ полѣ, да вставай повыше и гледи, що тамъ дѣлають люди, то и ты дѣлай, бывъ отвѣтъ оцци.

3. Однажды сусѣтка приходитъ къ своѣй кумѣ, которая пекла блины; кума стала её потшывать.. Сусѣткѣ больно поглянульсѣ блины и сильно хотѣлось понсъ, а блины были тоненькѣй, значить, она много могла съисъ ихъ, а съисъ много сусѣткѣ было стыдно. Какъ жо дѣлу быть?... Сусѣтка пошла на хитрости: мѣсто одново блина стала завѣртывать по три, и думала, що кума не видить этово; наконецъ, перекрестилась и сказала: — спасибо, кумушка, на трѣхъ блинкахъ — На здоровѣе, кумушка, трою по

три, отвицала та.—А що ты, кумушка, десятова-то не съѣла!»! продолжала она, потому что сана была изъ дофкихъ бабъ и всё видѣла.

4. Были два сусѣда; у одново жена была малевья и цѣрвенькая, а у другога — женщына видная и бѣлая, какъ свѣтъ. Расъ какъ-то сусѣтки порозмовили мѣшъ собой, и послѣдняя упрекнула первую въ томъ, что она и нала ростомъ, и цѣрна собой. На що та отвицала: «и цѣрень накъ, да бояра нѣтъ, а и бѣвъ свѣтъ, да собаки кастятъ, а и довга грядка, да винники висятъ, а и мала трупка, да золото вѣуть».

5. «Богатова съ хвасливымъ ве распознашъ», говорить пословица. А и хвастунъ иновда попадѣтъ ва другога, що ве уступить. Одинъ росхваставсе, эдакъ жо, и общавсе большой стовъ укласъ билетикани. Довго слушали хвастуна и, наконецъ, одинъ, жалая перехвастать ево, сказавъ: «ты большой стовъ укладѣшь билетикани, а я на каждой твой билеткѣ положу по горстѣ золотыхъ».

6. Лѣтитъ муха изъ городу, ей ва встричю попадаѣтъ блоха и спрашиваетъ: — откуда и куды ты, кумушка, лѣтѣшь? — Изъ городу въ деревню, отвицеѣтъ та; мнѣ лутче жить въ деревнѣ; въ городу всё заперто, продолжавѣтъ она, нѣцѣво понесъ, а въ деревнѣ и у однихъ робетншокъ на рылѣ нанмсе, да и хлѣтъ бываѣтъ всегда на волѣ. — А мнѣ такъ лутше въ городѣ жить — новвила блоха — въ деревнѣ мужыкъ всё на работѣ, а когда придетъ спать, то стукнетцо, какъ камень; тово и гледи, що раздавѣтъ тебя ва жоской постелѣ; въ городѣ я заберусь въ пуховикъ и не думаю, що меня раздавѣтъ; покусамъ, хто мнѣ попадѣтцо, да и спрещусь онетъ въ пуховикъ.

7. Сидѣла одна слѣпая старуха, да варуъ що-то росхохоталася. Дити и спрашиваютъ её: «що ты, матушка, такъ развеселилася?» — «Здумала о прѣтвомъ прошломъ», бывъ отвѣтъ старухи.

8. Бывъ одинъ знатокъ, которой хоть ни шва не разумѣвъ, но всегда выдававъ себя за зватока. Вотъ однажды прыходитъ къ вему баба и проситъ поворожить. Знатокъ пошовъ въ горницію и ну тамъ зобать крупу, до койей онъ бывъ большой охотникъ. Баба довго ждала ево на повитѣ и соскуцилася, поцѣму просвѣла жеву зватока сказать ему: вельзя ли поскорѣе? Жена кликнула знатока, и тотъ, глотая крупу, отвицавъ, що бѣси смѣшались. — Послѣ втого ещо больше стали говорить о знатокѣ и ходитъ къ нему, какъ знающемуся съ нецистой силой.

9. Мужыкъ, собираясь рубить дрова, заставивъ свою жену заварить завары, и когда пошовъ въ лѣсъ, то взявъ только двѣ рогульки, и хоть жена давала ему больше, онъ не послушавъ её, сказафъ, що онъ до повдни и не подумаетъ нсе. Но лишъ только отошовъ отъ дому версты двѣ, какъ ему захотѣлось понсе, и двухъ рогулекъ какъ не бывало. Не успѣвъ товкомъ-то принетцѣ за дѣло, какъ ему опетъ захотѣлось понсе, и онъ бросивъ свою роботу, пошовъ домой и сказавъ женѣ: «навари ещо ты у меня роботцѣму цѣловѣку завары, такъ я и тебя съ ней выкину за окно».

10. У одново мужыка жена не охоця была пресеъ. «Какъ бы, думаетъ мужыкъ, приуцитъ жену къ преслицѣ». И вотъ однажды, ложась спать, замитивъ ей, що ова больно холодна и що нельзя ей такъ оставаться. На другой день жена такъ жарилася на печь, що едва не испеклася, но мушъ сказавъ, що она еще холодитѣ прежнѣва. Вотъ какъ-то приходитъ къ нимъ сусѣтка съ новой преслицей, и хозяйкѣ захотѣлось попровать ее. Въ тотъ день мушъ замитивъ женѣ, що она стала теплѣе, — жена подумала, що преслиця лутше печьемъ грѣетъ её, нацѣла побольше пресеъ, а мушъ всякую ноцъ говорилъ ей, що она все стаѣтъ теплѣе а теплѣе; поцѣму жена по вечерамъ больше и больше стала пресеъ, и наконецъ стала усердной пресеей.

11. Детово слѣпая старуха все твердила, що рада смерти. Вотъ сынъ её однажды застреливъ ворову и положивъ её къ старухѣ на колыны. Та щупаетъ её руками и спрашиваетъ, що это такое? Сынъ отвицавъ ей, що это смерть её. Тогда старуха взяла съ обѣихъ сторонъ за свой подовъ, тнховѣе стала страсывать ворову и говоритъ: «кышъ на нивѣску, кышъ на нивѣску»!

12. Одинъ парень здумавъ сходить въ Питерь наптеритцѣ, какъ и другіе. Вотъ взявъ нашпортъ и всё глѣто просидѣвъ въ конопленникѣ, осенью приходитъ домой. Мать спрашиваетъ у сына, чѣмъ его покормить? — Давай мнѣ штей маштей, отвицеетъ птерякъ. — Да я не разуюмю, дитятко, що это такое, мовила старуха. — Повашему, шей, а по-птерски — штей маштей, важно замитить сынъ. Мать, лишь только встрѣтилась со своими сусѣтками, тотчасъ забавляла своимъ сыномъ и говорила: «ой, бабоньки, какъ у меня парень-ѣтъ наптеривсѣ! Цясто не разуюмю, шо онъ и баѣтъ-то».

13. До того одна тѣща жаловалась на своего зетя, шо онъ не говоришь. Вотъ зеть здумавъ потѣшить свою тѣшу. Гонять корофъ; зеть смотреть въ окошко и говорить: «эка, у васъ пропасть корофъ-то; видно, мелвить никовда у васъ ихъ не дравъ». Потомъ помовцять и опеть заговорить: «какъ у васъ ломы-те стоятъ цясто! Видно, деревня-та давно не горала». Отъ такихъ разговорофъ зетя тещѣ стало не лехдѣ.

14. У старика была слѣпая старуха и такая злая, шо онъ рѣшивсѣ збыть её кляк-нибуть съ рукъ. Только убить онъ боявсѣ грѣха, а потону сваривъ змѣю и думавъ ей овормить жену. Вотъ и говорить: «старуха, когда захоцешъ понсѣ, то хлѣбай уху, которая стоитъ на шескѣ». Послѣ старика старуха здумала умытцѣ, а воды не было. Шо жо слѣлала? — Постой, говоритъ сама себѣ, старик-отъ наваривъ мнѣ ухи, такъ я и ей умоюсь. Какъ сказала, такъ и здѣлала. Какое жо вышло цудо! У старухи слѣпоты какъ не бывало, и когда старикъ, возвращался домой, думавъ, шо старуха его лежить ушъ мѣртвая, она встрѣтила его у дверей и благодарила, шо онъ вылицивъ её. Съ зредсѣей старухой старику бѣданому стало ещо хуже жить...

15. Идетъ мужыкъ дорогой и видитъ, хто-то идѣтъ въ саняхъ и сильно задумавсѣ... Мужыкъ смотритъ на проѣзжающѣва и думаетъ, отъ чѣво онъ такъ приго-рунливсѣ... «Съ холода-то бы сходить мнѣ, такъ моя бы игра-та и была», сказавъ тотъ про себя и поднявъ голову.

16. Какіе-то прохожые пришли въ деревню, гдѣ жили старовѣры. Было глѣто, и имъ сильно хотѣлось наптьцо; но старовѣры, несмотря ни на какую ихную просьбу, не нацвали ихъ. Прохожихъ взяло горѣ, и одинъ изъ ихъ бросивъ въ колодець пустую табатерку. Извѣстно, какъ старовѣры не любятъ табакъ, а потому, когда увидали ее, то тотчасъ жо завалили колодець, какъ поганой.

17. Другіе, эдакъ жо, прохожые нѣ смѣхъ оставили въ старовѣрской избѣ табатерку, только не съ табакомъ, а съ порохомъ. Старовѣры взяли ее двумя павками и бросили въ печьку, которая тогда топилась.. Порохъ спыхнулъ, а они, увидафъ это, сказали: «вѣштъ какое зельѣ, а ещо нюхаютъ!»

18. Шли однажды руской и нѣмецъ. Нѣмецъ говоритъ рускому: «давай, неси меня на снѣгъ, пока я буду писню пить, а потомъ я понесу тебя, пока ты будѣштъ пить». Руской согласивсѣ, и нѣмецъ сѣвъ на его. Руской ушъ далеконько несеть нѣмца, а тотъ все ещо проклятой поетъ; наконецъ-таки, кончилась писня нѣмцова, и руской самъ сѣвъ на его. Думаетъ, какую бы подольше спить писню, шо бы отплатить нѣмцю. Вотъ и запѣвъ: о-о-о-о-о-го! Нѣмецъ ушъ едва тащитъ рускова, а руской все поетъ одно и то жо; наконецъ, вышовъ изъ терпинны и спрашиваетъ: — довга ли ещо, руской, у тебя писня? — Я ещо нацало только пропѣвъ, отвицаявъ тотъ. Нѣмецъ вышовъ нсѣ снѣгъ и, не дожидаясь конца писни рускова, остановивсѣ и не понсѣ далше.

19. Приходитъ баба на рынокъ, купить шо-то нужно было. Торговой запросивъ съ её сорокъ автынъ, а она посулва ему рупъ дватцетъ копѣекъ. Торговой знай просить сорокъ автынъ, а баба, — она не знала шцать автынами, — свое тверлитъ: дасть рупъ дватцетъ копѣекъ, а не сорокъ автынъ. Наконецъ, вышла нсѣ терпинны и говоритъ торговому: «хоть сороци не сороци, а быть рублю дватцети», и пошла процъ отъ лафки.

20. Одна мать послала доць евою по ножницы, — здумала овецъ стригъ. Дѣвка идѣтъ и говоритъ про себя: «ножницы, ножницы»; потомъ упала и заговорила: «долото, долото». Пришла, куды мать ее послала, и вдрукъ просить долота. Спрашы-

бають ее, на що вамъ долото-то?—Овещь долотить, отвищала она, поцему тѣ и догадались, въ цемъ дѣло.

21. Встарину, бають, бывало: какой-то зеть шовъ възъ гостей отъ тѣщи и твердивъ про себя: «кисель, кисель», конмъ хотѣвъ дома похвастать. Дорогой забывъ о своемъ лакомомъ кушаньи и бродить на дорогѣ въ грезѣ. На ту пору идеть баринъ и спрашиваетъ его: «що ты, мужыцекъ, бродишь по грезѣ?»—«Потерявъ», отвищеть зеть.—«Да гдѣ тибѣ натти, когда ты измивъ гресь ту, какъ кисель», продовжаеть баринъ.—«Нашовъ!» закрыцывъ мужыкъ и побѣжавъ по дорогѣ.

22. У одново мужыка розыграссѣ теленокъ, такъ и скацѣтъ по избѣ. Хозениъ довго глядѣвъ на теленка и потомъ сквосъ зубы скававъ: «женивъ бы тебя, такъ пересталъ бы скакать-то».

23. Издавна риць ведѣтца, що скоріе вызовѣшь на пирушку, цѣмъ на роботу. Бають, однажды бутто бы хто-то пришовъ къ своему сусѣду и говорить ему: «Титъ, пойдѣмъ молотить». — «Спина болить», отвищеть тотъ. — «Титъ, пойдѣмъ пива пить». — «Оболокусь, да и поволокусь», скороговоркой мовниъ зговордивой сусѣтъ.

24. Буттобы одинъ богатой старикъ такъ сказавъ своему сыну: «хлѣбай шы съ медомъ, а огорогъ опушывай бобромъ, такъ станѣшь жыть богато». Сынъ, бутто бы, послѣ смерти отця своео такъ и дѣлавъ, пока бывъ въ состоенни, т. е. пока камитавъ позволявъ ему то: шы хлѣбавъ съ медомъ, а огорогъ опушывавъ бобромъ. Только всякой расъ бобровыѣ шкурки уносили у его сусѣди, и онъ за все довженъ бывъ опушывать огорогъ новыми; и шы съ медомъ хлѣбавъ все какъ-то морщась, не въ пріятвось. Вотъ онъ однажды здумавъ повѣдать свое горе блискоу роднѣ и просивъ её помощь ему. Тотъ истовковавъ ему совѣтъ отця его такъ: работай вселды дольше, такъ шы и покажутцо твѣ съ медомъ, а огороды поцаще осматривай и ва верыхъ кледи по ёлоцкѣ, такъ не стануть пересѣ ихъ люди лазить, и огорогъ твой завселды будеть цѣвъ.

25. Дотолъ у одново мужыка была такая здорная жена, що во всемъ любила перепить ему. Расъ какъ-то овъ говорить ей: «вонъ вто, жена, кажеццо, долото, подай-ко ево сюды». Жена стала утверждать, що это не долото, а ножницѣ, и сколько мушъ ни споривъ съ ней, она всё стояла на своемъ. Наконецъ мушъ вышовъ изъ терпѣнья и до того приколотѣвъ свою жену, що она лежала на полу и не могла ни встать, ни говорить. Мушъ подумавъ, що баба его послѣ такихъ побоевъ ушъ, конечно, не станѣтъ больше съ нимъ здорить, и снова скававъ, що то было долото, а не ножницѣ. Жена жо его, какъ не могла уже баетъ, то пальцями своими показывала ему, какъ стригуть.

26. Слыхавъ я бывальщину: у старика была такая злая жена, що ему бѣдному жутко было жыть съ ней, и онъ здумавъ, наконецъ, пережыть её какъ-нибудь. Ложытцо однажды спать и говорить своей старухѣ: «вазфтра, старуха, не пеки пирогофъ, не приноси ихъ ко мнѣ ва сѣнокосѣ, а когда пойдѣшь цѣресъ рѣку, то не кацѣйсѣ на лавѣ». Скававъ, и уснувъ. А старуха рада случѣю зѣлать зло мужу. Тотчасъ скопцала съ постели и давай творить пироги; по утру иснекла и понесла ихъ къ старику; но когда переходила цѣресъ рѣку, то споминвала накасъ старика, и давай сколько есъ моцѣ трестись ва худой лавѣ. Лава обломилась и старуха потонула.

27. Въ одномъ мѣстѣ шыли два портныѣ—положимъ хотѣ—Василей и Иванъ, а извѣсно, що портныѣ любятъ посмѣеццо. Однажды замѣтили онѣ, що у хозейки стоить на лафкѣ квашня ве больно обиходная. Вотъ Василей и баетъ Ивану: «посмотрѣ-ко, квашня-та вѣтъ твѣстная». — «Повно, отвищеть ему тотъ, деревянная, а не твѣстная». — «Давай объ заклады!» говорить Василей. Въ это время хозейка стояла не далѣко отъ ихъ и мигаеть тихонько Ивану, чтобы онъ бивсе. Пошли смотрѣть, и въ квашнѣ на днѣ нашли сковороду, къ коей со всѣхъ ногъ бросилась хозейка и давай благодарить портныхъ за нахотку, а сама мешъ тѣмъ говорила, що мушъ бивъ ее за эту сковороду и що три года щытала её украденной.

28. «Старикъ», «сказала однажды жена своему мужу, мнѣ що-то страсъ захотѣлось бѣлыхъ пирогофъ». — «Да вѣтъ ты знаѣшь, що у насъ не ва що купитъ

бѣлой муки», отивтивъ мужыкъ. — «Да хоть бы ты укравъ её у ково нибуть», продолжаетъ старуха. — «А що люди-те скажутъ, ковы увидають у насъ бѣлые пироги»? — «Объ этомъ не беспокойсь: я испеку, шо у меня нхте не узнаеть, шо нсть бѣлой муки пироги», съ увереносью въ сибѣ занятила хозяйка.

29. «Що это, баба, у тебя тамъ булькаетъ?» закрывъ однажды хозяйнѣ своей женѣ. «Мовий, муженѣкъ», кротеко отивцяла жена, «корова въ третей расѣ каститъ въ квасъ»!

30. Какой-то удалой, говорятъ, завѣвъ самоваръ, хоть и по міру ходивъ. Согрѣвъ ево и поставивъ на стовъ. Самоваръ такъ и шумить. Вдругъ нсть-потъ полатай выбѣгаетъ зобенья и шо есь силы крычить: «ахъ, ты, красная рожа, нашлаецъ! Забравсе ещо на стовъ, да и шумить на всю избу; я—притоманная зѣшняя жытелиница, пою и кормлю хозяина, да и тутъ завселады стою потъ полатаймъ. Вонъ нашлаецъ!» И съ этими словами зобенья вытовкала самоваръ изъ избы, а сама преважно забралась въ передній уголъ.

31. Маленькій паронъ хабванъ однажды молоко и говорить своей матери: «мама, въ полокѣ-то киса и съ лапкамъ». Мать, не разобрафъ, шо говорить сынъ её, отивцяла ему: «ну, ещо тутъ разбираеть, шо кисло и слатко, а хабванъ бы»... Паронъ помовцывъ и снова сказавъ: «и хвостикъ, какъ напшлокъ». Мать подошла посмотрить молока, и увидала въ немъ мышъ.

32. Ковда одново мужыка стали опускать въ могилу, товда жена ево такъ и завывла горькимъ, такъ и бѣтѣ... Сусидямъ стало жавко её, и онѣ нацѣли уготваривать её: «вѣтъ слезамъ не воскресишь ушъ мужа» и другой протцѣ баела ей. На шо она отивцяла нмъ: «я не о томъ плацую, шо нмѣ жалъ мужа, а о томъ, щѣбы онъ не вставъ».

33. «Какъ будеть нмѣ и горѣ-то перенести», цасто говадивала одна жена, ласкаясь къ своему мужу. Но мушъ поцѣму-то худо виривъ! своей женѣ, и расъ захотѣвъ испытать её. Вотъ притворивсе, бутто умеръ... Собрались сусиди, и жена такъ и прицататѣ... «Лутше бы, говорить, нмѣ умереть, а не ему»... По утру встаеть, наредилась, какъ о праздникѣ, и ну пециѣ блины; мешъ тѣмъ приходитъ къ ней дружокъ и она давай потчывать ево блинами и виномъ. Мушъ лежить и ждѣтъ, шо дальше будетъ. «Взявъ цѣръ мужа, не возмиѣтъ жену мужа», сказала подвеселившаяся жена своему милашу. Тутъ мушъ не вытерпѣвъ: соскочивъ съ лапки, схвативъ плетъ, и давай благодарить жену за вѣрносъ...

34. У мужыцкы была такая непослушная жена, шо никовда сразу ево не слушала. «Какъ бы, думаетъ онъ, наущитъ жеву, щобы одново слова боялась». Вотъ однажды блудитъ кошка; мужыкъ крычить: «перестань, кошка, блудить! Смотри, другога слова не дождайсе!» И какъ кошка не переставала, то онъ, схвативъ её за хвостъ, да и хлопъ о косякъ. Въ другой расѣ разбѣгавсе по избѣ телѣнокъ. «Перестань, телѣнокъ, скакать, говорить ему мужыкъ, смотри, другога слова не дождайсе». Какъ телѣнокъ не отстававъ бѣгать, то мужыкъ, взявъ ношъ, да и зарѣзавъ ево. Послѣ этого, шо-то напрокудила корова; мужыкъ и ей сказавъ: «эй, корова, переставъ прокудитъ! У меня, смотри, другога слова не дождайсе». Но корова скоро опетъ принялась за своё ремесло, и—мужыкъ заколовъ её. На бѣду опетъ заупремилась лошадеёнько-палошница. «Перестань, лошаты, упрямитцо», ворпѣтъ мужыкъ, «смотри у меня другога слова не дождайсе!» И какъ она всё продолжала упрямитцо, то мужыкъ зарѣзавъ и её. — Жена всё это видяла и... напугалась. Послѣ того, шо мушъ ни велитъ ей зѣмлатъ, лишь бы только сказавъ: «смотри, у меня другога слова не дождайсе!» и жена тотчасъ всё дѣлала.

35. Бывъ Пѣтръ, колацки пѣкъ, да какъ-то безъ ужны спать и лѣкъ; онъ вертитцо, а ему не спитцо. Какъ ставъ да поѣвъ, такъ ровно хто шубой одѣвъ.

36. Одна баба всё сваливала на кошку; кринку съ молокомъ прольѣтъ, или её росшыбѣтъ, или масла плошку прольѣтъ—всѣ перетъ мужомъ винила кошку. Вотъ мушъ и собравсе поудитъ кошку. Взявъ её и привязавъ къ женѣ на плея, да и давай стегать... Кошка рвѣтцѣ, царапаетъ бабу, ревитъ, и баба, тоже, ревитъ... а

мужык знай сябъ хлещотъ кошку, да приговариваетъ, чтобы она вперётъ не каверзила... Що жо вѣтъ?—кошка, послѣ того, ничёво не разбививала и не проливала.

37. Какъ не хитрясь и не бойцясь, а семи дѣвъ вдрукъ не здѣлаешъ. Одинъ мужыкъ завсѣ ворцавъ на свою жену, що она половгу обряжаетцо. Вотъ жена однажды и говоритъ ему: «посмотрѣла жо я, ты скоріе ли моево обрѣдивсѣ? Мужыка задѣло за живою, и онъ на другой жо день взявсѣ за обрять, а жену вмѣсто себя пославъ пахатъ.—Нужно было мисить квашню, а муку надо ещо молотъ въ жорновахъ; сверхъ того, жена заказала ещо ему стерещій отъ воронъ цыплатъ, наметъ главны, щобы вымазатъ въ нецѣ потъ, да—спахтатъ сметану. Какъ дѣлу быть?.. Мужыкъ вотъ какъ умудривсѣ: главну поставивъ въ корытѣ потъ ноги, а сметану привязавъ на спину въ горшкѣ, а цыплатъ привязавъ къ ногамъ. Онъ думавъ, пока мелю муку, той порой главну ту и стопцю, а сметана—упахтаетцо сама, а цыплата, какъ имъ нельзя будѣтъ ототти отъ нево, будуть сохранны. Хорошо придумавъ, да на дѣлѣ-то вышло худо. Лишъ только онъ оглянусѣ назатъ, какъ ворона потащыла цыплѣнка. Мужыкъ бросивсѣ отыматъ, но едва только пошевельивсѣ, какъ запнувсѣ за корыто и упавъ; горшокъ со сметаной разбивсѣ, а ворона умертвила свою добыцю, да и онъ задаввѣвъ цыплѣнка. Послѣ того, повно ворцѣтъ на свою жену, що она тихо и довго обряжаетцо.

38. У одной мацѣхи были родной сынъ и два пасынка. Однажды подаётъ она пасынкамъ по пирогу, а своему сыну не дала нисколько. Потомъ сказала имъ: «видите, що я родному сыну не дала ничёво, а вамъ—по пирогу,—такъ вы ушъ сами не забудъте ево: каждой удѣлите ему по половинкѣ».

39. Какой-то скупердѣй любивъ заставлятъ своихъ роботникофъ перетъ каждой вытью пить воду. Это онъ дѣлавъ для того, щобы онѣ, напившысь, меньше ѣли. Роботники смѣкнули, въ цѣмъ дѣло, и одинъ изъ ихъ поудалѣе нарочно перетъ обѣломъ сказавъ при хозенинѣ: «дайте-ко мнѣ, браццы, побольше водицы, щобы росправитъ на брюхѣ всѣ морщины, и больше пойсь. Послѣ того, хозенну повно принуждать голодныхъ роботникофъ пить воду.

40. До того бывало, мужыкъ лежытъ на печькѣ и слышытъ, що-то падаётъ и хлопаетъ. Было тѣмю, и я избѣ никово не было,—мужыкъ оробѣвъ, не знаётъ, какъ выбрадо изъ избы... лежать боиццо и бѣжать—тоже. Въ ободреньѣ сябъ говорить; «цѣво боетцѣ въ своѣмъ домѣ, Христосъ со мной», цѣтаётъ Богородицю... а самъ мешъ тѣмъ торопиццо надѣвать на ноги лапти и, опустевъ съ голицы, бросивсѣ со всѣхъ ногъ въ двери и въ ѣхъ прѣтворивъ верѣфкы отъ лаптей, отъ цѣво упавъ и закрывъ во всѣ горло, какъ бутбы за нимъ хто гнавсѣ. На крикъ прибѣгаётъ жена, входятъ въ избу, достаютъ огня, и оказалось, що хозенина испугала квашня, нѣхъ которой падавъ на повъ ростворъ.

41. Одна мацѣха удобрилась до своихъ пасынокофъ: велѣла имъ выхлебать всѣ щы въ какое-то заговиннѣ; тѣ ставъ отговаривацо, потому що ушъ были сыты. «Не вамъ, такъ телятамъ выливать жо будѣтъ», моввила пасынкамъ добрая мацѣха.

42. Дотово мужыкъ купивъ въ городѣ рукавицъ и пошовъ домой; на дорогѣ вѣрсь за трицѣтъ хвативсѣ ихъ, и не нашовъ; вотъ и давай втти назатъ въ горотъ, и спрашивасть у лавошника, у которова покупавъ: «ве оставивъ лв я у тебя рукавицъ»? Тотъ отвицѣвъ, що нѣтъ. Какъ только поворотивсѣ онъ отъ лавошника, щобы вытти изъ лапки, какъ тотъ увидавъ у его рукавицъ за кушавомъ и тотцясъ о томъ сказавъ мужыку. «Эка првци!» проворцѣвъ мужыкъ, и пошовъ обратно домой.

43. Одна дѣвка бѣгаетъ за воробьями. «По що ты гонеесѣ»? спрашиваютъ её. «Матушка сказала мнѣ, отвицѣла она, що если я десети воробьефъ поймаю, то отдашь меня замушъ». «А много ли ѣхъ ты поймала»? опять спросили её. «А ежели етого поймаю, то останетцѣ только деветь».

VI. Причитанья.

Благослови, Христосъ истинной, Мать Божья Богородица, зашѣвать нисню нону, новую, нешѣвалую, на роду - то впервые, на нѣку во послѣднѣ; що не ключѣки брякнули, не заночѣки шбѣкнули, не руками ударили, тутъ меня запросятъ; за-поручѣвъ жо батюшко за поруки за крѣпкіе, призакрыла жо матушка половину свѣту бѣлова, отказала мнѣ матушка отъ окошка переднѣва, посадила жо матушка нѣ кутнѣй угонѣ на лавоцкю, не велѣла мнѣ матушка въ окошко заглядывать, посадила голубушка меня на мѣсто унѣльнѣе, на то на круцѣннѣе. пересѣкла мнѣ матушка всѣ пути и дороженькы, наказала голубушка: ты сиди, моѣ дитятко, широко не расхажывай, далекѣ не розглядывай.

Осударони, свѣтъ, моя родимая матушка, моѣ красной соннышко! я о цѣмъ побью цѣломъ, опѣ цѣмъ я подохуцаю, не остафѣ-ко ты, натушка, ты послушай, голубушка, моево докупѣнѣца, слезинова да горькова! Ты скажи-тко мнѣ, натушка, цѣмъ твѣтъ я досадила?—Я не сусѣкъ хлѣба выѣла, не другой испробѣрила, не къ подружкамъ разносила.—Государь ты, мой нилой братъ, любая вѣвѣстуха и сестрица лебѣдушка! не отъ насъ ли, родимыѣ, всѣ огни розгоралисѣ, всѣ ключѣи роскипалисѣ въ эту пору да времѣцко; що не мы ли, родимыѣ, на меня наговорили вы родному батюшку и родимой-то натушкѣ; не отъ насъ ли, сердешныѣ, это дѣло затѣялось?

(На другой день) Снять ли намъ потетупитисѣ, снять ли намъ подъявитисѣ ко Насону ко городу, ко дѣвницю ко терему?—Ушѣ мы слышали нѣлоды на широкой ва улицѣ, ушѣ какъ нѣ трѣхъ-ту сторонущахъ и повадно и весело, во цѣтвѣртой сторонущѣ не повадно, не весело; тутъ кокуѣтъ кокушѣцкѣ—наша подрушка голубушка, сидитъ на горѣ, во круцѣнѣ. Я новѣму дверѣ за скобу, отнорю дверѣ на пѣту, прикажи-ко, подруженькѣ, намъ кой ногой ступити. Ступитъ мы ногой правой. (Въ отвѣтъ) Вамъ добро нѣти, жаловать, мои подружки-голубушки, сусѣтки любовныѣ! Я прошу васъ, подруженьки, на неня не осудитъ, що я не вышла, не встрѣтила серетъ широкиѣ улицѣ на своѣмъ широкомъ дворѣ, не взяла дверей за скобу, не отворила дверей на пѣту, отошла пора, времѣцкѣ, призакрыла мнѣ матушка половину свѣту бѣлова, посадила жо матушка на мѣсто унѣльнѣе, на то на круцѣннѣе; вамъ спасибо, подруженьки, ны пришли—не поцѣвѣнѣлсѣ ко мнѣ на горѣ, на круцѣнѣ, со мной горя помыкати, печали понзвѣсити; у меня горя, круцѣнѣи пѣвна буйная голова; я про всѣ-то подумаю,—голова съ плѣцъ покатиццо, призажмѣтъ ретивѣ сердце.

Ушѣ я що засидѣласѣ, на ково заглядѣласѣ, не въ саду загуляласѣ, не на сѣтъ заглядѣласѣ, не на яблонѣ кужляную, не на грушѣ зелѣную; засидѣласѣ моѣода во своѣй свѣтлой свѣтанцѣ, призаслушаласѣ горькая у подружокъ-голубушокъ; що сидѣтъ мои подруженьки веселы да и радостны; у нихъ буйныѣ головы больно глатко ущѣсаны; у нихъ косы-те русыѣ во узоры заплѣтаны, по конецъ-то ихъ русыхъ косъ алы лентоцкѣи вилѣтаны; говорятъ мои подруженьки про шытьѣцо да про браньѣцо, про мѣвкоѣ рукодильницѣ, про гуляньѣ красованьѣ; ушѣ какъ я про ся подумаю, про свою буйну голову, какъ моя буйна голова она не глатко ущѣсана, що моя коса русая не во узоры заплѣтана, по конецъ косы русыѣ цѣрна лентоцкѣи вилѣтана; мнѣ не що-то на умѣ нейдѣтъ: не шытьѣцо-то, не браньѣцо, не мѣвкоѣ рукодильницѣ; одна дума съ ума нейдѣтъ—цѣужа дальняя сторона.

Государони, свѣтъ, моя подрушка голубушка! имѣцкѣ твое лѣхкоѣ, величѣннѣе хорошее! Назову ты по именѣ, извеличѣю по избѣцѣсу; ты (имѣя в величаньѣ) подойди ко мнѣ, потступи, какъ бѣла лебѣтъ подлѣти; не бойсѣ, подруженьки, моево гора-

кручины, какъ моё горё-кручина не огонь да не полыми не ожжётъ и не обалитъ твоё платъ цвѣтна и лица тожъ бѣлова; не подойдѣшь, моя голубушка, я сама встану молода изъ мѣста унѣльна, нѣсъ тово нѣсъ кручиннова. (Подходить и говорить) спомни, здумай, подруженька, какъ съ тобой-то мы гуляли во лугахъ-то во аёленныхъ, мы травы-то не сминали и цвѣтоцъкофъ не срывали; какъ съ тобой красовались въ кареводахъ-то двинцыхъ; всѣ люди намъ дивились: это цѣмъ ходятъ дѣвцы, ровно родныя сестреницы, какъ одво оцѣ, матери.

Не хорошо, да не пригожо мнѣ сидѣть да не плакать; всѣ люди понадиюцѣ, всѣ подружки подумаютъ, що у этѣ дѣвцы нѣтъ ни горя, ни кручины; какъ я сама про ся подумаю, про свою буйну голову, у меня горя, кручины три поля изнасяны, тоской, пѣцальей горожены; у меня-то горюцѣхъ слѣзъ текутъ три рѣцѣньки быстрые, онѣ текутъ не перѣтекутъ, онѣ текутъ урывающѣ, жовты песоцъки смывающѣ, да всѣ меня избывающѣ да нѣсъ жытья-то нѣсъ дѣвцыя; какъ я подумаю горькая про родимова батюшка и про родимую матушку, остающѣ родители онѣ старѣми-те старѣшеньки и худѣми-те худѣшеньки, шо не будѣтъ же нѣа лѣто у мѣхъ у родителей на полоскѣ-то жнеюшки, на постатѣ гребешки, во лугахъ—сѣнокосени.

Я спала, просыпаласѣ, я ждала, дождаласѣ батюшкова пробуждѣвцыя, матушкинѣ покликавцыя; не могла я дождатисѣ, не могла дождатисѣ,—онѣ ходятъ леготенькѣ, говорятъ-то тихонькѣ, не звать меня-то жалющѣ, не звать меня избывающѣ на цюжю на сторону; видно, я нѣтъ наскуцѣла; ушѣ я встала ранѣшенькѣ, умываласѣ бѣлѣшенькѣ не водой и нѣ съ мыломъ я своимъ горюцѣмъ слезамъ, я утираласѣ горькая я своимъ тонкимъ рукафуйкомъ, я садиласѣ горькая я на мѣсто упальное, поглядѣла я горькая во всю свѣтлую свѣтлицю, всѣ свѣдѣ невесѣлыя, всѣ повися буйны головы; шо промовивъ мнѣ батюшко мнѣ словесцѣкѣ единое: нарижайсѣ-ко, дѣтатко во всю скруту добрую, добрую самолутшую; принесла жо мнѣ матушка мнѣ моё платѣ цвѣтно, жарели жо горькою вдостальныя впослѣднѣ во душахъ красныхъ дѣвцяхъ. Государь ты, мой батюшко! моя родимая матушка! дайте мнѣ благонравныцѣ походить, покрасоватисѣ вдостальныя, впослѣднѣ во своей свѣтлой свѣтлицѣ во душахъ красныхъ дѣвцяхъ.—Вы ходите, рѣзвыя ноги, подо мной не потгивающѣ; вы машете, бѣлы руки, ко сердцу не прижимающѣ; ты волюй, воля вольная; ты нѣгуй, нѣга вѣжная; красуйсѣ, моя красота; веселисѣ буйна голова; радуйсѣ, ретиво сердцѣ, покамѣсь-то я молода во душахъ красныхъ дѣвцяхъ, у родимова батюшка, у родимыя матушки!—Тыбѣ спасибо жо, матушка, тыбѣ нѣа хлѣбъ нѣа солѣ, на твоей добродѣтели! Зберегала ты, матушка, меня отъ вѣтра, отъ вихоря, меня отъ цѣстова дождыка и отъ краснова совнышка, не могла зберецѣи меня отъ цюжы дальны стороны, отъ злодѣйки вѣмѣнщицы; на цюжой-то на сторонѣ надо жить-то умѣющѣ, говорить розумѣющѣ; надо сердцѣ покорцѣво, голова надо поклонцѣва, малому поклонитисѣ, старому покоритисѣ, надо называть да извѣлицѣ цюжова цюжеина, удалова-то мѣлѣцѣ. На цюжой-то на сторонѣ растутъ лѣси вѣлявыя, живутъ люди лукавыя, проведутъ да и выведаютъ, изъ ума вонъ повыведутъ онѣ меня молодѣшеньку. Въ этомъ во темномъ лѣсу ходятъ медвѣть со медвѣдцѣй: это—бохдано-ѣтъ батюшко, это—бохдавая-то матушка.

(Сиротскія)

Призатихъ то на морѣ всѣ и гуси и лебеди; призаговорените въ теремѣ всѣ и гости и гостейки и подружки-голубушки! Ушѣ какъ мнѣ шо нослышалосѣ, у окошка постукалосѣ, у воротѣ поколотилосѣ, у козелькѣ побрякалосѣ, у дверей помолитвлосѣ; шо идѣтъ ко мнѣ, жалуетъ мой родинѣ-ѣтъ батюшко, моё красное совнышко;

що весѣтъ ко мнѣ батюшко трѣ платице цвѣтнѣе, первое—ежедѣнное, другое—воскресѣнное, третье—подвижническое. Мнѣ бы не надо отъ батюшка трѣево платицъ цвѣтнова, только надо отъ батюшка благословеннѣе великоѣ съ цѣста серца да съ радости; мнѣ не въ сад—отъ садитисѣ, потъ виноцѣ станонитисѣ; родительское благословеннѣе на водѣ не топящѣ, на огнѣ не горящѣ, родительское благословеннѣе въ два моря вынесѣтъ; ушѣ я—глупая, глупая! глупай, неразумная! съ глупа ума догодаласѣ, своимъ цѣсломъ добираласѣ, що отъ сухова отъ дѣрефля не растѣтъ отроствѣнцѣ; отъ цѣловѣка отъ мѣртвона не живѣтъ благословеннѣе съ цѣста серца да съ радости,—мой родимѣ-ѣтъ батюшко много лѣтъ спитъ въ сырой землѣ.

Государони свѣтъ моя, моя родимая матушка, ты моѣ красноѣ соннышко! Подойди ко мнѣ, потступи, какъ бѣла лебеть подлѣти; не убойсѣ жо, матушка, моѣно горя-крупнина, какъ моѣ горѣ-крупнина не огонь да не полымя не ожжотъ и не опалитъ твоево платицъ цвѣтнова и лица тожо бѣлова; какъ моѣ горѣ-крупнина отъ меня не отвязецѣ в кѣ тибѣ ве привязецѣ; не подойдѣшь, моя матушка, я сама встану горькая, горькая сиротявущка. (Мать подходитъ и обнимаетъ ее). Спомини, эдумай-ко, матушка, какъ меня-то понѣсила, хлѣба-соли лишыласѣ; какъ меня-то породила, смертнымъ цѣсомъ кончаласѣ, всѣмъ святымъ общаласѣ; какъ остались мы горькіе отъ родимова батюшка, ты кацала жо, матушка, ты меня въ колыбелѣцѣ; говорила ты, матушка, со своимъ горящимъ слезамъ: ты расти, моѣ дитятко, умноѣ да разумноѣ, хорошая да пригожая! Ушѣ я дамъ тибѣ, дитятко, до любви находитисѣ, до воли нагулетисѣ; заведу тибѣ, дитятко, по плечю платицъ цвѣтнѣе, подѣ ляцѣ дивнѣю красоту. Обманула та, матушка, що меня горегорькою, ве дала ты мнѣ. матушка, со годамъ-то сверстатисѣ, мнѣ съ умомъ-то собратисѣ, завела ты мнѣ, матушка, не въ порѣ платицъ цвѣтнѣе, не во время дивнѣю красоту; и красотѣ не заносиласѣ, платица не наризжаласѣ, не токма що ве наносиласѣ, я ва еѣ не нагалаѣласѣ; отдаѣшь меня, матушка, безъ родимова батюшка молодѣу молодѣшенькѣу и глупѣмъ-то глупѣшенькѣу, несозрѣлую яготку, несозрѣлую травонькѣу.

Вы роздайтесѣ-ко, всѣ гости, розодвинѣтесѣ-ко, гостейки—гостеньки—по праву руку, гостейки—по лѣву руку! Ушѣ мнѣ дайте въ оцѣ видѣти мнѣ родимѣю матушку!—Государони свѣтъ моя, моя родимая матушка! ты мнѣ дай благословеннѣе мнѣ походить да похрѣбати, поискати да попѣдати по прѣмѣвнымъ по мѣстѣцѣмъ мнѣ родимова батюшка, моѣно красна соннышка.—Благослови. Христосъ истинной, Мать Божья Богородица! ужѣ встатъ было горькѣй мнѣ нѣтъ мѣста упѣльнова, нѣтъ тово нѣтъ крупиннова, встатъ на рѣзвыѣ ноженьки, на плѣцѣцѣ бумажныѣ, на башмацѣцѣ зелѣнь-сафьянѣ, на гнозѣхъ полуноноѣ; ты не гнисѣ-ко, полоноцѣкѣ, не ломисѣ, переводнишка, що не я тяжело яду, тяжело горѣ-крупнина, тоска-печаль та великая. Вы роздайтесѣ-ко, всѣ гости, розодвинѣтесѣ-ко, гостейки—гостеньки—по праву руку, гостейки—по лѣву руку! Ушѣ мнѣ дайте-ко путь, дороженькѣу единѣю цѣловѣцѣкѣу, не лежытъ ли мой батюшко на полатахъ тѣсу бѣлова? (Ищѣтъ). Тутъ то нѣтъ—не случѣлось, нѣтъ родимова батюшка. Не лежытъ ли мой батюшко на пѣцѣкѣ вальжнѣю, не отжыгаѣтъ ли батюшко своево серца рѣтѣнова? Тутъ-то нѣтъ—не случѣлось моѣно родимѣю батюшка. Не лежытъ ли мой батюшко на скрыпуцѣмъ на гѣмпѣцѣкѣ во скорбѣ во тяжелою? Тутъ-то нѣтъ—не случѣлось, нѣтъ родимова батюшка. Не стойтъ ли мой батюшко у шѣстоцѣхъ вальжнѣнова, потжафшы бѣлы руцѣнѣкѣ ко серцю ко рѣтѣвому; онъ не думаетъ ли думушку со родимѣю со матушкой про меня горе-горькою? Тутъ-то нѣтъ—не случѣлось, нѣтъ родимова-батюшка. Стойтъ родимая матушка она одна одинѣшенькѣ, потжафшы руки бѣлыѣ ко серцю ко рѣтѣвому, приклонила буйну голову ниже плѣцѣ къ шоккову поясу, она думаетъ думушку единѣю да крѣпкую. Не лежытъ ли мой батюшко на брусцѣй на лавѣцѣкѣ потъ переднимъ окѣщѣцѣкѣмъ, потъ иконамъ божественнымъ, прижафшы руки бѣлыѣ ко своей ко

бѣлой груди, не покрыть ли полотенецъѣмъ? Тутъ-то нѣтъ—не случилосьѣ, нѣтъ родимово батюшка. Не могла я увидѣти я родимова батюшка,—онъ давно ушъ на клатьбищѣ.

(На могилѣ). Накатись тупя грозная со всѣ цѣтыре стороны; потените буйвы вѣтры, вы развесите жовты песка со могилы горбатыѣ; роступнись мать сыра земля; откройсѣ гробова доска, отмахнись полотенецкѣ, уроню горюцю слезу, горькою да горѣцюю: ты пади, горюцѣ слеза, на сердечкѣ ко батюшку; отожмитесь, бѣлы руки, отъ сердца отъ ретвцова! Роспедатай-ко, батюшко, ты снов сахарны уста, розожми-ко ясны одѣ! Ушъ ты встань на рѣзвы ноги; ты пойдѣмъ-ко, мой батюшко, ты во свой благодатной домъ ко родимой-то матушкѣ; ты возьми-ко, батюшко, икону божесвенную, ушъ вы дайте благословеньцѣ со родимой-то матушкой, съ цѣста сердца да съ радости; мнѣ зафтра о эту вору поранѣ малешенькѣ вѣхатъ ко цѣрквѣ божесвенной, ко звону колокольному, ко пинью ко цѣрковному, ко вѣщю ко зладѣному.—Но могла допроситсѣ благословенья великова, не могла добудитсѣ я родимова батюшка ото сна-то отъ крѣпкова, не отвиговъ мнѣ батюшка онъ словецкѣ единова, не поуцѣвъ меня батюшко ко уму - то ко разуму, ушъ мнѣ какъ роставатсѣ со родимой со стѣропой, мнѣ какъ прививатсѣ ко цюжому цюжѣнну, ко злодію измѣнщю.

(Когда прїѣдетъ поѣздъ)

Що не спнѣ мѣревы поподъ лѣсу засинѣли, що не гуси, не лебеди цѣсто полѣ укрывали,—укрывали цѣсто полѣ цюжы людѣ незнамыѣ, цюжы дальнѣ стѣровы; що не вѣтры, не вихори воротѣцкѣ отворили, не морозы крещенскѣ подворотку вышѣбали,—вышѣбали подворотѣцкѣ цюжы людѣ незнамыѣ, що наѣхали къ батюшку со полонѣмъ да со грабежомъ, ополовать моево батюшка, прїогрѣбать мою матушку, а меня во половъ возьмутъ, увезутъ меня мѣлоду ко цѣрквѣ божесвенной, ко звону колокольному, ко пинью ко цѣрковному; що поставятъ меня горькою на единой подножвицѣкѣ, ушъ какъ выйдѣтъ священной попъ съ большой книгой—Кзандельѣмъ; онъ перво-ѣтъ листъ возложить—божѣ слово возговоритъ: вы снимайте со дѣвнцѣ вы фату коноватную! Онъ друго-ѣтъ листъ возложить, онъ другое слово возговоритъ: вы снимайте со дѣвнцѣ вы вертѣньѣ зладѣной! Онъ третье-ѣтъ листъ возложить, третье слово вымовитъ: вы снимайте со дѣвнцѣ цѣсно дѣвнцѣ-ту крѣсоту!—Вы приведитесь, подруженьки, за мойѣ ставовой спинѣй; вы возьмите, подруженьки, мою дѣвнцѣ-ту крѣсоту; вы носите, подруженьки, вы еѣ зберегающѣ, вы мѣва споминающѣ; вы носите же крѣсоту по годовымъ цѣснымъ празнѣкамъ, по гуленьямъ-красованьямъ!

Государь ты, мой батюшко, моя родимая матушка, ты всѣхъ гостей усаживай за столы бѣлодубовы, за скатерти браныѣ, за вѣства сахарныѣ, за пѣтыя медяныѣ; ушъ ты всѣхъ гостей пѣтшывай, ушъ ты всѣмъ гостямъ кланѣйсѣ, одвово гостя не усаживай, ты ево я не потчывай, ты сватѣ перелѣслѣва, ты возьми свата за воротъ, поведи свата за двери. Какъ ходивъ-то лесливой сватъ не путѣмъ, не дороженькѣй, по коровьимъ тропиноцкѣмъ, по собацѣмъ лазѣецкѣмъ, износнѣ лесливой сватъ трѣи лапотки липовы, вспѣтцѣравъ жо лесливой сватъ онъ трѣи ожога банныѣ; колотивсе лесливой сватъ онъ у нашога терема; первой расъ поколѣтивсѣ,—высокъ терѣмъ пошативсѣ, другой расъ поколѣтивсѣ,—всѣ окошка попадали, третѣй расъ поколѣтивсѣ—всѣ ворота отворились; приходѣвъ жо лесливой сватъ ко родимому батюшку, обманувъ жо лесливой сватъ родимова батюшка и родимую матушку, нахваливъ жо лесливой сватъ онъ цюжова цюжѣнна.—Ужо дай, Боже, сватушку ему

сорокъ бы сыновей, пятьдесятъ ему дочерей! Сыновей-то не жанивать, дочерей не выдаывать. Ужь какъ свату-то вѣрогу ему три цѣры въ бороду, ему цѣтивертой потъ горлышко мѣсто краснова совнышка. Ужо дай, Боже, сватушку на дворѣ заблудитисѣ, ему стонбамъ помолитисѣ; ужо дай, Боже, сватушку ему на пецѣ заблудитисѣ, цѣресъ напыльникъ свалитисѣ, ему по шахъ бы сваритисѣ. — Посади-ко ты, батюшко, ты сватѣ перелѣслива, ты не потшуй, не кланейсѣ; ты подай-ко жо сватушку бесцѣрѣнную дощечку, огорѣлую короцьку.

VII. Заговоры.

(Сналебные)

1) «Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ! помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ Божій имя рекъ благословесъ, умоюсь свѣжею водою, утресю теанымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду я рабъ Божій имя рекъ изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле въ райскую сторону; въ райской сторонѣ стоитъ златой престолъ, на томъ на златомъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Саваоѣ, Іисусъ Христосъ, Мати Божія Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ; и я рабъ Божій имя рекъ зашею возмолюся и поклонюся: гои еси ты, Господь Саваоѣ, Іисусъ Христосъ, Мати Божья Богородица! ты сотворишъ Адама и Еву, Акима и Анну и меня раба божія имя рекъ и князя молодого имя рекъ и княгиню молодую имя рекъ спустите и благословите,—Господь благословляетъ, крестомъ ограждаетъ, Богородица благословляетъ, ризою прикрываетъ, на добрыя дѣла отряжаетъ со мной съ рабомъ божіимъ, имя рекъ, тридевять Апостоловъ съ острыми копіями и съ золотыми ключами и подте ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ на помощь и поставьте кругъ моево княжева полку тынъ железной, ограду каменную отъ земли до неба, сколь мой путь широкъ и дологъ, и покрой железной кровлей мѣдныя веренъ железныя ворота и запри но всѣ тридевять замковъ и тридевять ключевъ и принеси передъ истиннаго Христа на престолъ, и какъ этихъ ключевъ не кому не украдынять: не сотонѣ, не дьяволу, не всѣмъ ихъ послужителямъ, изъ мѣста встать къ лавкѣ не примораживать, на полъ встать полу не уранивать, въ дверяхъ не нападчивать, на повить нити повити не уранивать, по лѣстницѣ итти лѣстницы не рассыпывать, къ назъму саней не примораживать, завертокъ не обрывивать, въ ворота медвѣдя не посаживать, у князя молодого естества не увяливать, у княгини молодой естества не украдывать и остуды не дѣливать; и буди сей мой приговоръ тверже камня, железа и укладу крѣпкаго булату, вострое меча самосѣку въкъ да по въку отнынѣ и до нѣку—аминь». (Наговаривается на носкъ и привязывается къ лѣвой сторонѣ креста, а для поѣзжанъ—на соль, которую пьютъ они въ квасѣ).

2) «Поди сей уроки, пересуды мужескѣй и женскѣй, дѣвичѣй красотѣй къ старому горбатуму къ моему пордѣму, кто мою охоту дыбучу-дыбучую хаетъ, портить, или думаетъ,—потте къ тому человѣку; у того человѣка въ чистомъ полѣ въ широкѣмъ роздольѣ столы изоставлены, скатерти дырчатая, хлѣбы ситчѣе, питія медвяные разсыченные, а у меня раба божія имя рекъ, у князя молодого имя рекъ и у княгини молодой имя рекъ пить, ѣсть нечего, ѣсть намъ камень дресвяное, зобать намъ хвоя сухая, въкъ да по въку, отнынѣ и до нѣку—аминь, аминь, аминь». (Наговаривается на дресву, которая кладется въ сапоги молодого).

3) «Какъ сей мрежи никому не распутывать и не развязывать, такъ же бы у меня у раба божія имя рекъ князя молодого и княгиню молодую не испарчивать не

на встрѣчѣ, не на постижѣ не колдуну, не колдунѣ, не волхуну, не волхвунѣ, не сотонѣ, не дьяволу, не всѣмъ ихъ послужителемъ вѣкъ да по вѣку, отымиѣ и до вѣку—аминь. (Наговаривается на мерещину, которая вмѣстѣ пояса надѣвается на голое тѣло жениха).

О томъ, чтобы окоть былъ сохраненъ во время лѣта и ходилъ домой.

1) «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Стану я рабъ божій имя рекъ благословесъ со своимъ скотомъ съ своимъ крестьянскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ и помолюсь я истинному Христу много милости прошаю за скотъ за крестьянской животъ за все благословенное стадо за двоскопное, за развошерное, короны большія и малыя, за комолыя и за рогатыя, у тѣхъ много милости прошаю у Господа Бога у Спаса у вѣстивнаго Іисуса Христа и пречистыя нераздѣльныя Троицы, веденія Богородицы, Іоанна Претечи, небесныхъ силъ, Михаила Архангела и Гавріила и святаго Ангела и хранителя душъ нашихъ, который посланъ призирати и присматривати во дни и въ ночи божією милостію и повелѣніемъ раба божія имя рекъ во всякомъ мѣстѣ и при черномъ лѣсѣ и при темномъ болотѣ и при зыбучемъ болотѣ по всякъ день и по всякъ часъ во вѣки вѣковъ—аминь, отъ всякаго лхова злаго человѣка отъ колдуна и отъ колдунницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ пастуховъ и отъ пастовъ и отъ ляхонъ и отъ грамотныхъ людей и отъ еретическихъ словъ сохрани Господи и помилуй, Самъ Господи помилуй, во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь. Еще стану я рабъ божій имя рекъ благословесъ и помолюся паду въ подножіе со своимъ скотомъ—съ своимъ крестьянскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ съ коровами и съ быками и съ телятами и подтелками и поросами, со всякими съ разношерстными: съ бѣлыми и бѣлопестрыми, съ красными и съ краснопестрыми, съ черными и съ чернопестрыми, съ бурными и съ буропестрыми, съ сѣрыми и съ сѣропестрыми въ чистое поле на зеленую траву въ темныя лѣсы черезъ рѣки во всю подскотину по благословенію Господа Бога своего и Спаса нашего Іисуса Христа и везарю я на небесную высоту и помолюся я рабъ божій имя рекъ Самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу: сохрани, Господи, и помилуй, помолюся Господу за себя раба божія имя рекъ и за скотъ за хозяйской животъ за Власьевъ родъ в сохрани, Господи, и помилуй отъ чернаго и отъ бурега и отъ ядовитаго и отъ страшнаго медвѣдя и отъ медвѣдицы, и отъ всякаго звѣриваго роду, отъ волка и отъ волчицы, отъ сѣрова и чернаго, отъ рысучихъ и отъ ядучихъ отъ волковъ и отъ волчицъ и отъ бѣлыхъ рысей и отъ пестрыхъ и дурныхъ собакъ, отъ невидимыхъ враговъ и отъ меденскихъ жентъ, отъ лѣшнихъ жентъ, отъ лѣшнихъ молодыхъ дѣтей и отъ водяныхъ чертей и отъ всякія вражія сѣта, отъ сотонныхъ угодниковъ в оборотней звѣринныхъ, медвѣдехъ, волковыхъ; сохрани, Господи, и помилуй милостію Своею Божією, помощникъ буди милостивъ мнѣ грѣшному, сохрани и помилуй меня раба божія имя рекъ Своимъ Великимъ Духомъ Святымъ и закрой и защити и сохрани скота моего Власьева роду, кажи и оберачивай при лѣсѣ лѣсомъ и камнемъ, при полѣ травомъ, при водѣ водою, при грѣзѣ грязью, не дай, Господи, на убіеніе, ни на съѣденіе никакому звѣрю и лѣшному мужу и черту водяному, ни вору, ни татю, лихому разбойнику, сохрани, Господи, и во вѣки вѣковъ—аминь, а тебѣ, Господи, на свѣцы и пресвиры. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа стану я рабъ божій имя рекъ благословесъ, благословлюся у истиннаго Христа, помолюся тебѣ Господу и Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ, пошли, Господи, ко мнѣ на помощь своихъ небесныхъ силъ Михаила и Гавріила Архангеловъ, Іоанна Претечу, а мнѣ помолюся, Николою Чудотворцу в тремъ святителямъ Василию великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Власію Севастіанскому, Димитрію Солунскому, сохраните и помилуйте меня раба божія имя рекъ и скота моего и поставьте, господа, около круга скота крестьянскаго живота Власьева роду и благословен-

наго стада отъ каменныя подолшвы в до небесныя высоты тынъ железной, городъ каменной и деревянной своею божіею милостію и отъ всякихъ людей порченыхъ и отъ уроковъ, чтобы таковыми злымъ невозможно не испортить, не изурочить во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а вы, господа Святые, сохраните и помилуйте отъ черныхъ звѣрей; медвѣдей и отъ медвѣдницъ, отъ волковъ и отъ волчицъ, отъ росوماхъ и рысей и отъ лѣсныхъ и отъ водяныхъ чертей всякихъ нечистыхъ надвмыхъ и невидимыхъ враговъ по всякъ день, по всякъ часъ, на молодомъ и ветхомъ мѣсяцахъ и на моженныхъ дняхъ и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся Господу Иисусу Христу Царю небесному подай рѣку огненную около круга скота и огорода и меня раба божія ния рекъ отъ черныхъ звѣрей, медвѣдей и медвѣдницъ, волковъ и волчицъ и росوماхъ, отъ рысей и отъ лѣсныхъ и отъ чертей водяныхъ всякихъ лукавыхъ невидимыхъ враговъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, по всякъ день, по всякъ часъ и въ ночи на вечерней зорѣ и на утренней зорѣ; еще помолюся я рабъ божій ния рекъ Георгію Великомуученику Стратотерпицу, оберегай, Господи, около круга скота и меня пастуха; оберегай, Господи, и обороняй, побѣди, какъ змѣя ты побѣдилъ, такъ ты побѣди и прогони отъ моей подскотины черныхъ звѣрей и бурыхъ нелковъ и медвѣдей и медвѣдницъ и волчицъ рыскающихъ звѣрей и росوماхъ и дурныхъ собакъ и лѣсныхъ и всякихъ невидимыхъ враговъ; отжени, Господи, Святымъ своимъ скипетромъ по всякъ день, по всякъ часъ, во дни и въ ночи и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, первоверховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу ео своими райскими ключами съ тридцатью, я рабъ божій ния рекъ взмолюся вамъ: приведите и приклоните своею святою Божіею милостію повелѣніемъ Божіимъ скотомъ христіанскимъ животомъ со Власевымъ родомъ авоскопытой и рогатой и комолой и одношерсной и разношерсной какъ привелъ и приклонилъ все по земли, съ Востока и Запада, Севѣра сколятся всѣ мелкіе и малые муравьи къ своему царю Муравью, какъ собираются отъ темныя ночи и отъ снѣгу изъ свои муравьища отъ грома и отъ дождя, такъ бы ко мнѣ къ рабу божію ния рекъ скотъ; какъ онѣ муравьи знаютъ свои муравьища и своего царя Муравья, собираютъ и скапливаютъ, такъ бы собирался скотъ ко мнѣ къ рабу божію ния рекъ твоимъ Святымъ Духомъ отъ грома и отъ дождя и отъ снѣгу и отъ темныя ночи въ одно мѣсто понелѣвнѣиетъ истиннаго Христа просвѣтъ: какъ солнце пойдетъ на западъ, такъ бы скотъ пошелъ въ одно мѣсто, и всѣ твоимъ божіимъ повелѣніемъ по всякъ день, по всякъ часъ, во вѣки вѣковъ—аминь. и такихъ моихъ словъ вѣтромъ не отнесло и не развѣяло отнынѣ и до вѣка—аминь.—Святый Петръ и Павелъ! запирайте и заставляйте святыми божіими райскими ключами и отсылайте на черное море на синее и опускайте ключи въ синее море, какъ тѣ слова наговаривать на шерсть я на воекъ, для того шерсть збираю во единое мѣсто, чтобы вмѣстѣ скотъ по случаю ходили по земли въ одномъ мѣстѣ и ѣли бы траву на земли другъ у дружки изъ-подъ копыта, парово не расходились, не болнсь и не дрались бы, другъ друга любили бы, другъ друга лизали бы и спали бы вмѣстѣ со своимъ пастухомъ и отъ сонныхъ не отходила бы, другъ друга дожидались; ѣсть вмѣстѣ и спать вмѣстѣ, послѣ полудня шти вмѣстѣ къ своимъ домамъ въ одну сторону, другъ бы отъ друга не оставались и клевались бы и слушали бы голоса и гарку трубы моей и свисту и всѣмъ моимъ словамъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, ключи въ морѣ, изъ моря не добыть и воды не выпить и не испортить и не изурочить, песку не вызобать, тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ—аминь».

2) «Христосъ воскрес—аминь, во истину воскрес—аминь.

Какъ и судомъ Божіимъ поснѣваетъ на время рожь, жито в овесъ, такъ бы повелѣніемъ Божіимъ поснѣвалъ бы ко мнѣ рабу божію ния рекъ скотъ по всякъ день, по утру рано и по вечеру рано. Какъ солнце на западъ пойдетъ, такъ бы пошелъ скотъ домой начевать божіею милостію и повелѣніемъ Божіимъ—аминь. Еще я рабъ божій ния рекъ тебѣ Господу Богу Иисусу Христу помолюся: какъ росолъ бѣжать въ чирентъ, кипитъ и варится и соль сеяжается и готовится на время, такъ бы онѣ коровы и шны и готенились на время въ одно мѣсто ко мнѣ къ рабу божію

и ния рекъ пастуху готовились скоро повелѣніемъ Божиимъ на всякъ день, на всякъ часъ, на всякъ мѣсяцъ на меженныхъ дняхъ во вѣки вѣковъ—аминь, до срсчнаго дня—аминь. Еще тебѣ Господу Богу помолюся о томъ скотѣ о Власевѣ родѣ: какъ древа растутъ и цвѣтутъ и снѣгутъ во время, такъ бы поспѣвалъ скотъ двоеконной ко мнѣ къ рабу божию ния рекъ пастуху своему на показанное мѣсто въ солнечные дни и въ дождевые, по всякъ мѣсяцъ и на меженныхъ дняхъ во вѣки—аминь. Какъ у меня раба божія ния рекъ держатся глаза во лбѣ, душа въ тѣлѣ, языкъ и зубы въ головѣ моей, у меня раба божія ния рекъ пастуха такъ бы держался скотъ двоеконной—коровы; какъ мнѣ языкъ служить, такъ бы меня раба божія ния рекъ скотъ слушалъ голоса и повелѣнія моего и трубы моей по всякъ день, по всякъ часъ, отнынь и до вѣка, во вѣки—аминь, до срсчнаго дня, во ния Отца и Сына и Св. Духа—аминь.—Свѣтъ истинный—Христосъ! знаюся тебѣ и наду подножіе ногъ твоихъ рабъ божій ния рекъ, помолюся: сохрани, много милости прошу о скотѣ многокрестянскомъ животѣ о Власевѣ роду о коровахъ двоеконныхъ и рогатыхъ и комолыхъ, о большихъ и малыхъ, всякихъ разношерстныхъ. Какъ Ангелы Христовы затрубить твоимъ Божиимъ повелѣніемъ въ трубы, и враги услышать, въ морѣ рыбы, въ лѣсахъ и въ рѣкахъ звѣри и рыбы и вси поднебесная и вся подсолнечная пойдутъ и понесутъ мертвыя тѣла сколь скоро на страшное судище Христово, такъ же бы ко мнѣ къ рабу божию ния рекъ скота приведи, Господи, и приклони, пошелъ бы ко мнѣ къ рабу божию ния рекъ скотъ Власевъ родъ твоимъ Божиимъ повелѣніемъ во всякъ день, по всякъ часъ, по утру рано, ввечеру рано, слушали бы слона моего и повелѣніемъ Божиимъ на рогъ мой на трубу во вѣки—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій ния рекъ: ты сотворилъ по сырой землѣ бѣжать по рѣкамъ и упрочилъ вода въ синее море безотступно, такъ же бы короны и быки и тельцы и подслани бѣжали ко мнѣ къ рабу божию ния рекъ на мой голосъ, на мою трубу, на рогъ, явившия домоу начевать къ хозяевамъ своимъ по всякъ день, по всякъ часъ, также бы о полудни въ одно мѣсто спать въ пастуху своему въ огню; какъ огонь въ огниѣ держится, такъ бы держались скотъ меня раба божія ния рекъ и другъ друга своей собратіи; какъ воскъ и шерсть соединяются въ одно мѣсто, также бы скотъ держался въ одномъ мѣстѣ по всякъ день, по всякъ часъ, до страшнаго дни твоимъ повелѣніемъ Божиимъ—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій ния рекъ тебѣ Господу Іисусу Христу: помилуй милостію Своею, Твоимъ Святымъ Духомъ! Какъ на праздникъ на благовѣщеніевъ день, на Христовъ день идутъ мужи и жены и дѣвцы и молодые отромы идутъ въ Божию церковь отъ священника Христовы слова слушать и радуются тебѣ истинному Христу Сыну Божию, такъ бы радовался скотъ ко мнѣ рабу божию ния рекъ пастуху твоимъ повелѣніемъ Божиимъ весь скотъ, великое стадо обходное благословенное въ день солнечный и дождевой, въ день туманной сходилися бы во единое мѣсто Твоимъ Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Царю небесному: какъ пчелы собираются въ одно мѣсто и медъ во единое мѣсто несутъ и держатся своего улья и собираются отъ ночи, молніи и дождя и отъ свѣгу и всякія Божія милости, такъ бы Твоимъ Святымъ Духомъ, повелѣніемъ Божиимъ собирався бы скотъ отъ дождя и грому и молніи во единое мѣсто къ пастуху своему и къ домамъ своимъ начевать къ хозяевамъ своимъ Твоимъ Божиимъ повелѣніемъ отнынь и до вѣка, вѣкъ вѣка. Аминь».

3) «Во ния Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Встану я рабъ Божій ния рекъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле подъ восточную сторону, умоюсь я росой, утрусь зарею, одѣнуся небесами, подпояшусь облаками и взойду я въ небесный градъ Іерусалимъ, въ томъ градѣ стоятъ церкви Лаврентіевы Божіей Матере Богородицы, въ той церкви стоитъ огненный престолъ Господа Бога Саваоа и Сына Его претвѣнаго Господа нашего Іисуса Христа и Святаго Духа Утѣшителя. У того огненнаго престола предстоитъ небесные чины, Архистратиги Михаилъ и Гавріилъ, Уриилъ и Рафаилъ, Іоаннъ Предтеча и 12-ть апостоловъ, Василій Великій и священномученикъ

Власій и великомученикъ Георгій побѣдоносецъ, Флоръ и Лаверь, великомученицы Анастасія и Феодосія.... и азъ недостойный и тебѣ припадаю и отъ Тебе милости прошу: какъ Ты благословилъ Праотца нашего Авраама, Исаака, Иакова, то самъ и нынѣ отъ небеснаго Своего жилища благослови домъ мой и со всѣмъ моимъ скотомъ посредствомъ сего воска, и какъ мыкоу сей воскъ и гладокъ, столь бы мыкоу былъ и гладокъ мой скотъ въ моемъ домѣ, и какъ оберегался скотъ у праотцовъ нашихъ Авраама, Исаака, Иакова, къ ночамъ скотъ вхъ собирался отъ ядовитыхъ звѣрей и отъ всякаго повѣтрія, также и моего скота рогатого и козлового нынѣ помилуй и сохрани, Господи, и вошли Архангеловъ Свехъ Михаила и Гавріила, Уриила и Рафаила и Георгія побѣдоносца, чтобы оградилъ мой скотъ въ оскѣ и за оскѣмъ, въ темномъ лѣсѣ и въ болотахъ, въ поляхъ и въ лугахъ, въ рощелинахъ и во всякомъ мѣстѣ и жеребцовъ съ кобылами, быковъ съ коровами и съ телятами, борановъ съ овцами и съ агнцами, боронъ со свиньями и съ поросятами, всякой шерсти: одношерстной и разношерстной, рано и поздно, во утру и по вечеру, въ полдень и полночь и во всякое время и во всякой часъ. Какъ сія шерстинка льнетъ къ сему воску, такъ бы прильнула и моя скотинка къ моему дому, и гдѣ шерстинка, тутъ моя жива и скотинка; какъ солнце скоро покажется на западѣ, то и моя скотинка въ моемъ домѣ у раба божія вѣя рекъ и вѣкъ по вѣкъ, а всѣмъ моимъ словамъ замокъ въ морѣ, ключъ въ ротѣ—мой языкъ, а печать Соломонова подъ престоломъ Твоимъ, Господи! Аминь».

(Наговариваются надъ желтымъ воскомъ и шерстью, которую берутъ у скота наъ лобъ, скатываютъ нѣмѣтъ и послѣ глубоко врываютъ въ землю гдѣ янбулъ на дворѣ).

4) Встать по утру на зарѣ, идти къ муравью и надъ муравьиномъ говорить: «гой еси ты, царь муравей! какъ ты плодишься и умножаешься въ своемъ гнѣздѣ, также и къ ночѣ уходишь на покой, такъ бы мой скотъ плодился и умножался, а къ ночамъ въ мой домъ собирался,—и я беру отъ тебя земли и вересу, а въ те мѣсто оставляю вамъ хлѣба и соли. Аминь».

П о д х о д ъ.

1) «Господи, Боже, благослови! во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословесъ и мойду перекрестесъ, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле въ восточную сторону полъ утрину зорю подъ красное солнце подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ частыя звѣзды. Какъ въ чистонѣ полъ возрадуется свѣтъ салнышку, зоря—свѣту, такъ бы возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ князи, бояра, власти и подчиненные, мужи и жены, старые и малые и всеродничъ и весь міръ народъ божій и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренней зорѣ и на вечерной, въ день и въ часы и въ пошныи и во всю вольтретьцацъ часовъ отнынѣ и до нѣку и во вѣкъ по вѣку и въ вѣкъ вѣка повѣдаеть—аминь. И какъ возрадуется и возвеселится весь міръ и народъ божій и вси православніи христіане въ свѣтлое Христово воскресевіе въ святой церкви за святою заутреней, и столь бы радостно и весело возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ князи, бояра, власти и подчиненные, мужіе и жены, старые и малые и всеродничъ и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренней зорѣ и въ вечерной, въ дневные часы и пошныи, отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ—аминь. И какъ возрадуется и обратится в возвеселится и обрадѣетъ и жалѣтъ мати родимую своему дитя къ матерскимъ своимъ жалоснымъ сердцемъ, такъ бы возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ жалостливыми

сердцами князя и бояра, власти и подначалье, мужие и жены, старые и малые и всеродовичъ и весь миръ варолю божій и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и лежавши, на утренней зорѣ и на вечерней, въ денные часы и въ нощные и во всю полътретѣяцать часовъ отнынѣ и до вѣка и до второго Христова пришествія—аминь. Есть въ чистомъ полѣ мѣдная земля, на мѣдной землѣ мѣдное древо, и какъ отъ мѣдной земли трава не растетъ, и такоже не растутъ нхъ ретивыхъ сердца и черная печень горячая кровь у князя, у боярина, у власти, у подчиненныхъ, у мужей и у женъ, у старыхъ и малыхъ и у всеродовича и у всего міру и народу божію и у всѣхъ православныхъ христіанъ на мени раба божія ния рекъ во всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и лежавши, на утренней зорѣ и на вечерней, въ денные часы и въ нощные и во всю полътретѣяцать часовъ, во младости мѣсяца и въ полненіе и въ ветхъ отнынѣ и до вѣка и до второго Христова пришествия—аминь, аминь, аминь. А которыя мои слова покидающе и забывающе и тѣ мои слова буте плотные в емчѣе всѣхъ моихъ умильныхъ словъ и всему тому стиху говоревному и буте мои слова тверже камня, острія булату, тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь».

2) «Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ божій ния рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду и рабъ божій ния рекъ изъ набы дверей, съ двора воротами въ чистое поле къ морю океану, въ морѣ океанѣ есть латарь камень, подъ латаремъ камнемъ есть Христова бѣлая собака, и я рабъ божій ния рекъ зашесть возмолюсь и поклонюся: гой еси ты Христова бѣлая собака! не ѣшь, не кусай латаря камня, поѣшь и покусай у раба божія ния рекъ ярость, гордость, угрюмство, свѣсивство, еще бы у раба божія ния рекъ ротъ не разѣвался, языкъ не ворочался, жила не трепескалась бы, рука не подымалась, и слушать бы отъ меня раба божія ния рекъ рѣчи, просьбы принималъ бы, во уста бралъ, къ сердцу клалъ, и какъ мертвый во гробѣ лежитъ, ротъ не разѣвается, щека не поднимается, языкъ не ворочается, кровь не играетъ, жила не трепещется, такъ же бы у раба божія ния рекъ вѣкъ да по вѣку, отнынѣ и до вѣка—аминь».

(Наговариваются на воскъ, который привязывается на крестъ съ лѣвой стороны въ чистой тряпкѣ).

Отъ лихого человѣка.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій ния рекъ благословесь, пойду перекрестюсь въ чистое поле въ восточную сторону, выйдѣсть въ чистомъ полѣ воронъ вороновичъ, железные ногти, булатной нозь, змолюсь и приклонюсь рабъ божій ния рекъ: гой еси ты, воронъ вороновичъ! полиги ты къ моему супостату, моему лихому человѣку, который на меня зло думаетъ и лихо помышляетъ, срывать и оборвать злою лихую душу, лихое помышленіе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты, воронъ вороновичъ, у злово лихова человѣка злою лихую думу, лихое помышленіе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты въ темные лѣсы, лежать въ темныхъ лѣсахъ рудова колода и клади ты подъ рудовую колоду; какъ ни той колодѣ (той колодѣ) вверхъ не вставать, листья не отращивать, такоже бы мнѣ раба божію ния рекъ моему супостату зубами на меня не скырчихать, рукой не махать, ногой не топтать отнынѣ и до вѣка въ вѣкъ вѣковъ. Аминь».

(«Говорить на воду на утру съ молитвою и пить»).

О хотничьи.

1) «Молитва, какъ власть огненное оружіе въ лежню».

«Господи, благослови раба божія ния рекъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь».

Молитва отъ западу.

«Отцемъ Сумеомъ Богопринцемъ рече богу моляся, отведи сотону и діавола отъ стрѣльца отъ меня раба божія имя рекъ и отъ моеѣ стрелящей пищали и отъ нюнпаса и отъ гвоздей и отъ трехъ петель и отъ пятенъ шуруповъ в отъ гвоздей и отъ егвля в отъ ложни и отъ ящика и отъ притіа и отъ прогонца и отъ шуруповъ малыхъ и большихъ казеннаго тутъ тесъ о томъ мѣста нѣтъ, а починаеть у моего стрелячей пищали у казны Самъ Господь вашъ Исусъ Христосъ. есть Святая Троица Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, Апостолы и Евангелисты: Іоаннъ, Лука, Марко и Матей, ищѣайте запасъ, пулюку и порохъ и все... (слово не разобрано) и снасти; святой мученикъ Христовъ Никита за Христа претерпѣлъ и за мѣръ предстоиши у Господа Бога моляся, отгови отъ меня раба божія имя рекъ притчи и примстроницы и всякихъ лхнихъ лючей злыя отговоры и всякому челоуѣку на завидость, а мѣъ на добычу, всегда, нынѣ и присно и во вѣки нѣквѣ. Аминь».

2) Отъ уроковъ.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Покроюсь я рабъ божій небомъ и зсмерю и краснымъ солвцемъ, младымъ мѣсяцомъ отъ вѣдува и отъ вѣдуніи, отъ колдуна и отъ колдуви, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ червеца, отъ червицы, отъ веселаго и отъ калики и отъ своеѣ лхія думы и отъ помышлевія рабъ божій имя рекъ мою свое оружіе — пищаль, что омываю и срываю со своего оружіа пищали уроки лихова челоуѣка, кровь и завидость, какъ та рѣка иеть въ синее море безотступно и безворотво, желтые пески смываеть, крутые красные берега срываеть, такъ бы срывало и смывало съ моего оружіа пищали уроки и призоры лихова челоуѣка, кровь и завидость». («Говорить сіе трижды моючи пищаль, промыть водой, да опрокинь навъз казной»).

3) Чтобы въ кругъ звѣрь не выходилъ, а птица не вылетала.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Святіи тріе отроки: Гуріе, Самонъ и Авиѣъ якорє есть, какъ воротили погибшую лѣвицу во свой градъ во Ефесъ, такъ воротите всякаго звѣря ходячего и стоячаго и лежащаго и всякую птицу лѣтячую и сидящую на древѣ, на земли и на водѣ ко мѣъ рабу божію имя рекъ, головою Авраамъ застави, Исаакъ пожени, Іаковъ же впредь не пусти, замети сотвори во очахъ, сняжите всякаго звѣря и всякую птицу на единомъ мѣстѣ путамъ желѣзнымъ неразрушимыми, на коемъ мѣстѣ мои очи зазрять, и буи тотъ звѣрь, или птица мѣъ рабу божію имя рекъ мертва и заключена на единомъ мѣстѣ до моеѣ пострѣлки; какъ стоитъ адъ мертвъ и заключевъ въкъ по вѣку и до вѣку вѣкущаго, такъ бы стоялъ звѣрь, или та птица мѣъ рабу божію имя рекъ сидѣла, или звѣрь стоялъ на единомъ мѣстѣ мертва и недвижима до моего вѣку в пострѣлку; коли у того ада занки повалятся и ада врата отворятся в мертвыя душъ изъ ада ныйдутъ, тогда тотъ мѣъ имя рекъ звѣрь, или птица съ того мѣста сойдесть, или слѣтитъ до моеѣ пострѣлки и убою, и какъ этого ада безъ Божія повелѣнія замкамъ не отпадывать и воротамъ не отвариваться, такъ и того звѣря мѣъ рабу божію имя рекъ, котораго я своимъ окомъ зазрю на коемъ мѣстѣ, съ того мѣста не схаживать, или той птицѣ не слѣтывать и до вѣку вѣкущаго. Аминь»). «Говорить надъ солью и соль метать сопротивъ себя, да кто можетъ первую птицу на весиѣ около обойти, а назадъ не оглядываться»).

Приноразживательныє.

1) «Господи Исусе Христе Сыне Боже вашъ помилуй насъ—аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тѣлымъ вѣлымъ полотенцомъ и пойду перекрестесь изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле въ райскую сторону, въ чистый полъ въ райской сторонѣ стоитъ златый престолъ, на томъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Исусъ Христосъ, Мати Божья Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ,

и и рабъ божій ния рекъ зашедъ возмолюся и поклонюся: Господь Богъ Савваотъ, Исусъ Христосъ, Мати Божья Богородица! есть у Васъ на землѣ дѣтъ радости, и онѣ сряду сжить, другъ на дружку глядѣть наглядѣтся не могутъ и радуются нарадоваться немогутъ: тако сотвори рабамъ божіимъ ния рекъ, глядили бы наглядѣлися не могли и радовалися нарадоваться не могли. Господи спуста и благослови дванадесѣть Апостоловъ, и борите оуѣ дванадесѣть мѣховъ и дванадесѣть горновъ и жгите и палите у рабовъ божіихъ ния рекъ бѣлое тѣло, ретивое сердце, походячую кровь. и какъ горитъ въ горнѣ железо и укладъ скипается и жжигается крѣико и плотно, такъ же бы рабы божіи ния рекъ сжиивались, руками обнимались, ногами оплетались, во уста бы цѣловались нѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно безъ соли и безъ хлѣба не день днєвать, не ночь начевать, не часъ часовать, не минута минутовать, такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ ния рекъ другъ безъ дружки не день днєвать, не ночь начевать, не часъ часовать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно рыбѣ ва берегу безъ воды не день днєвать, не вочь начевать, такъ же бы рабамъ божіимъ ния рекъ не можно было другъ безъ дружки не день днєвать, не вочь начевать, не часъ часовать нѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. Господи! и какъ весь міръ православный и всѣ христіане дожидаются Твоего свѣтлаго Христана воскресенія, такъ же бы рабы божіи ния рекъ дожидались бы другъ друга по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ ты, Мати Божія Пресвятая Богородица, возлюбила своего Исуса Христа, такъ же бы возлюбили рабы божіи ния рекъ другъ друга вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ заслонка у печи сохнетъ и горитъ, такъ же бы у рабовъ божіихъ ния рекъ сердца бы ихъ сохли и горѣли другъ по дружкѣ вѣкъ да по вѣку—аминь. И какъ хмѣль кругъ колышка вѣется и увивается, такъ же бы рабы божіи ния рекъ другъ другомъ увивались и обнимались, во уста бы цѣловались вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ неможно голодному отъ яденія отойти, а жаждному—отъ питія, такъ же бы неможно было рабамъ божіимъ ния рекъ другъ отъ дружки отойти по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь.

2) «Господи Исусе Христе Боже нашъ помилуй насъ—аминь. Во ния Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

«Встану я рабъ божій ния рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцомъ и пойду я рабъ божій ния рекъ со двора воротами, съ улицы—заборѣмъ въ чистое поле въ широкое раздолье подъ синее небо подъ частые звѣзды подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ румяную зорю подъ буйные нѣтры подъ красное солнышко въ морю океану, въ морѣ океанѣ есть щука бѣлуга, в жретъ она и пожираетъ морскую пѣву и веножетъ она безъ морской пѣны не жить, не быть, не день днєвать, не ночь начевать, не часъ часовать, не минута минутовать: такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ ния рекъ другъ безъ дружки не день днєвать, не ночь начевать, не часъ часовать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь, аминь, аминь.

(Наговариваются на вино или на что-нибудь съѣстное).

Чтобы отъ булавки, воткнутой въ щечу или въ другое какое-нибудь мягкое мѣсто, не текла кровь.

«Разбѣгитесь черные оболока, приступи ко мнѣ темная тѣма, знаемые мои друзья, растворися мое бѣлое тѣло и черная кровь и пропусти въ себя мѣдную булавку, и будь мое бѣлое тѣло и живучая кровь крѣпче камня железа и меча самосѣйка вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. Былъ царь старъ, подъ нимъ конь чалъ, а у меня руда стой и ве кань вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

(Трижды читается и трижды плюется на то мѣсто, въ которое булавка втыкается).

Отъ порчи.

«Во ния Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій ния рекъ благословесь и перекрестесь, умоюсь свѣжею

водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцомъ и пойду я рабъ божій ния рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами, съ улицы заворю въ чистое пахе въ райскую сторону, въ райской сторонѣ святая золотая гора, на той на святой на золотой на горѣ златый престолъ, на томъ на златомъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ, в я рабъ божій ния рекъ зашеде возмолюся я поклонюся: гой еси ты, Іисусъ Христосъ! и какъ ты ходилъ по землѣ, и принде къ Тебѣ бѣсноватый человекъ, и Ты еси изъ него, Господи, изъ бѣсноватаго человека выгналъ діавола и послалъ еси Ты въ свинное стадо, и я рабъ божій ния рекъ тако Твоимъ именемъ Іисусомъ Христомъ высылаю изъ раба божія ния рекъ съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилъ его, изъ бѣлаго мяса, изъ чернаго сала и высылаю его бѣса лукавую силу въ темныя лѣса, въ топучія болота вѣкъ да по вѣку отыниъ и до вѣку—аминь. И какъ, Господи, просоравливая жена къ краю ризъ Твонхъ коснувшись, то такъ и исплъ отъ кровоточенія; такъ и я рабъ божій ния рекъ возмолюся и поклонюся: гой еси Ты, Господь Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, я именемъ Твоимъ высылаю изъ раба божія ния рекъ всякую порчу, всякую нечистоту, всякую скорбь съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилъ его, изъ всякаго состава, изъ всякаго мѣста и высылаю я рабъ божій ния рекъ именемъ Твоимъ въ разныя мѣста я неудобныя и непроходимыя во тму кроушину вѣкъ да по вѣку отыниъ и до вѣку—аминь».

(Наговаривается на воду, которой брызжутъ порченаго).

VIII. П р и м ѣ т ы.

Встрѣча съ попомъ—не добрый знакъ.

Заяцъ перебѣжитъ дорогу—тоже.

Матица въ избѣ трещитъ передъ покойникомъ.

Дѣвка или кошка—худая встрѣча.

Лѣвый глазъ чешется, значить—плакать, а правый—къ радости.

Ладонь чешется, значить—деньги отдавать.

Противъ сердца чешется, значить—съ роднымъ видѣться.

Правая бровь чешется, значить—хвалять, а лѣвая—хулить.

Столы трещать—къ свадьбѣ.

Если въ ночь на новый годъ звѣдадно, то годъ будетъ ягодный.

Если въ Георгіевъ день замерзаетъ, то урожай гороха будетъ.

Въ Христовъ день ведро, такъ лѣто будетъ ведраное; съ утра ненастье, такъ весна будетъ ненастная; въ полдень ненастье, такъ сѣнокосъ будетъ съ дождемъ, а вечеръ—ненастный, такъ осень будетъ ненастная.

Бѣлокъ много передъ солдатствомъ.

Если мыши вьютъ свои гнѣзда высоко, то осень будетъ мокрая.

Если рожъ цвѣтеть синизу, то она будетъ дешевая, если на срединѣ колѣса цвѣтеть, то цѣна ржи будетъ средняя, а если рожъ цвѣтеть сверху, то цѣна ей будетъ дорогая.

Если сорванный разцвѣтшій ржаный колосъ на головѣ у кого снова разцвѣтаетъ, то этотъ человекъ тотъ годъ проживетъ.

Собака воетъ или къ покойнику, или къ пожару.

Икается, значить, поминаетъ кто-нибудь.

Сорока щекочетъ къ гостямъ.

Не колоти вѣломъ въ край пивной кадки: потому что пиво будетъ ссорное.

Воронъ сидитъ на избѣ къ покойнику.

Лягушки квакають къ ненастью.

Филины поетъ къ тому же.

Кто любитъ кости глотать, у того свадьба будетъ кутержная.

Если кто, выходя изъ избы, притворить въ дверяхъ свое платье, или что-нибудь забудетъ: то это значить, что ему опять бывать въ томъ дому.

Вороны купаются передъ дождемъ.

Воробы стадомъ чирикаютъ—тоже, а зимой—къ стужѣ.

Сороки лѣтаютъ лѣтомъ передъ хорошей погодой.

Если въ Благовѣщеневъ день замерзнетъ, то еще 40 утренниковъ будетъ.

Щеки чешутся, значить—мазаться.

Угли выгатаютъ изъ печи—къ гостю.

Дрова раскатываются въ печь если къ дверямъ, то кто-нибудь изъ дому уйдетъ а если къ стѣнѣ, такъ кто-нибудь придетъ.

Кошка моется передъ гостями.

Огнбочные собачи загнбаются къ прибылому.

Если подошва чешется у правой ноги, то—передъ любой дорогой, а если у лѣвой, то—къ великой.

Усъ чешется къ цѣлованью или гостинцу.

Лобъ чешется передъ кланьями.

Если зимой петухъ постъ днемъ, то—къ теплу, а если лѣтомъ днемъ, то—къ вѣстиямъ.

Бураца ошпыивается лѣтомъ—къ дождю, а зимой—къ снѣгу.

Пѣтухъ роится и лѣтомъ и зимой къ холоду.

Если двѣ курицы шепчутся головами вмѣстѣ, то—къ свадьбѣ.

Лѣтомъ овцы играютъ передъ дождемъ.

Коровы мычатъ лѣтомъ къ ненастью.

Если галки теребить на избахъ мохъ, то скоро весна будетъ.

Если съ лѣсу не чисто опадеть листь, то тяжелый годъ будетъ для народа.

Много на рябинѣ ягодъ, такъ большая оспа на дѣтей будетъ.

Лошади форскаютъ лѣтомъ къ дождю, а зимой—къ теплу.

Если въ день Исидора (14-го мая) будетъ снѣжно, то не сажь огурцовъ.

Если въ Христовъ день ведро, то лень сѣи на низкихъ мѣстахъ.

Молоко во время пиженія пѣнится къ дождю.

Если на доженкахъ овса хозяина ни съ кѣмъ не скажетъ слова, то овцы не стануть блѣять.

Если овесъ дожнешь днемъ, такъ тепло будетъ рубашки мыть, а на зарѣ, холодно.

Въ Рождество и въ Хр. день кто раньше домой придетъ, у того работа упривѣе.

Вто первый встанетъ на подножникъ (въ церкви), тотъ большой будетъ.

Кто изъ молодыхъ присядетъ у другого платье, тотъ надъ нимъ будетъ тоже большой.

Перейдешь вечистый черезъ то мѣсто, вадъ конемъ упала звѣзда, скоро умрешь.

Рано гремитъ, такъ рано работа будетъ поспѣвать; съ полдня гремитъ, такъ грозное лѣто будетъ, а съ ночи, такъ—тихое лѣто.

Если лѣвица—невѣста—во время молебствія на водѣ (о Крещеньѣ) поблѣднѣтъ, то ее въ тотъ годъ выдадутъ замужъ.

Не бей лучной, иначе человекъ высохнетъ, какъ и она.

Кто лѣниво ѣстъ, тотъ лѣниво и работаетъ.

Если громъ будетъ въ первый разъ въ Егорьевъ день, то рыбы будетъ много; если—въ постный день: то коровы худо стануть доить.

Во время дождя пузыри пѣнятся къ дождю.

Солнце парить передъ дождемъ.

Если куделя во время святокъ заннѣвѣтъ, то богато будешь жить.

Если у кого на новый годъ вода, налитая въ ложку, на стужѣ замерзнетъ пузыремъ, то онъ проживетъ тотъ годъ, а если—ямкой, то умретъ.

Если поверхность снѣга или насть не гладокъ, то годъ будетъ тяжелый, также—ягодный и оспичный.

Если больного зоветъ умершій родственникъ, то это означаетъ смерть первого.

Курицы дерутся къ гостю.

Если погода въ чистый понедѣльникъ ясна, то хороша выростетъ пшеница.

Дорога бугромъ, такъ годъ будетъ хлѣбородный.

Если на ольхѣ мочка есть, то сѣи пшеницу.

•Дмитрей ва голѣ, такъ и Егорей на голѣ, а Дмитрей на саяхъ, такъ и Егорей на пѣгомъ ковѣ, т. е. если въ день великомученика Дмитрія (октября 26-го) не будетъ снѣгу, то и о Егорьевѣ днѣ снѣгъ растаетъ, а если въ первый будетъ снѣгъ, то и въ послѣдній весь онъ растаетъ.

Когда весной вынешь молока изъ щуки, то положи ихъ на ровное мѣсто и смотри: если конецъ молоко отъ головы будетъ толще, то ранній посѣвъ будетъ лучше, если—средина, то—средній посѣвъ, а если конецъ молоко отъ хвоста, то послѣдній посѣвъ.

IX. Толкованья сновъ.

Пожаръ во снѣ видѣть означаетъ хололъ.

Попа во снѣ видѣть—передъ худой погодой.

Благословляться отъ священника означаетъ паденіе или ушибъ.

Щуку во снѣ ѣсть значить имѣть дѣло съ лукавымъ человекомъ, или—опасаться.

Рѣку видѣть означаетъ пустыя рѣчв.

По водѣ плыть означаетъ свободу.

Новый колодезь видѣть передъ новой родней.

Младенца видѣть означаетъ прибыль.

Пиво пить предвѣщаетъ диво.

На лошади ѣхать означаетъ врага.

На телѣгѣ ѣхать—смерть.

Сѣно видѣть - передъ деньгами.

Пьянаго видѣть кого предвѣщаетъ недоброе о немъ.

Зубъ выпасть означить смерть кого-нибудь изъ родныхъ.

Если въ дому горить, а огонь наружу не выходитъ,—въ дому ссора будетъ.

Звонъ слышать означаетъ новыя вѣсти.

Вино видѣть или пить, значить—виноватымъ быть.

Горохъ видѣть къ слезамъ.

Зрѣлыя ягоды видѣть къ радости, а незрѣлыя—къ печали или слезамъ.

Навозъ возить со двора—къ покойнику.

Потерять съ себя что-нибудь во снѣ, значить, лишиться чего-нибудь.

Солнышко всходить къ воровожденному, или—къ новой роднѣ, а если оно закатается, то—къ умершему, или къ своему нездоровью.

Перевалу видѣть означаетъ немилость отъ начальниковъ.

Если дѣвка во снѣ поймаетъ птичку, то—передъ суженымъ.

Бѣлую скатерть видѣть на столѣ—передъ письмомъ, а въ рукахъ скатерть держать—передъ отсылкой письма.

Бѣлье видѣть несланное ва дорогѣ означаетъ дорогу.

Дѣвокъ во снѣ видѣть передъ дьявомъ.

Коровъ видѣть къ горю.

Овецъ—къ радости или къ богатству.

Женщинѣ видѣть ва себѣ красное платье—быть отъ мужа виноватой, или бѣтой.

Ласкаущую видѣть незнакомую собаку—къ новому другу.

Гряды копать въ огородѣ—къ покойнику.

Кровь изъ носа или изъ рта течетъ—къ новой роднѣ.

Бѣлую на себѣ рубашку видѣть означаетъ счастье.

Дыроватое на себѣ платье видѣть предвѣщаетъ горе или печаль.

Рождъ видѣть значить про себя ложь слышать.

Ленъ видѣть означаетъ дорогу.

Красныя ягоды или деньги видѣть—къ слезамъ.

Собака, во снѣ вѣдѣнная, означаетъ друга.

Сѣно видѣть—передъ деньгами.

Сказки о Петрѣ Великомъ

въ записяхъ 1745—1754 годовъ.

Въ послѣдніе годы жизни бывшаго Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества, покойнаго акад. Л. Н. Майкова, я какъ-то получилъ лично отъ него нѣсколько писанныхъ листовъ. Майковъ высказалъ пожеланіе, чтобы я какъ-ввбудь на досугѣ просмотрѣлъ эти листки, и, если годится, то гдѣ-нибудь тиснулъ ихъ; при этомъ онъ добавилъ, что послѣдніе передачи были въ его распоряженіе покойнымъ Г. В. Есиповымъ.

На упомянутыхъ листкахъ оказались записи полонны XVIII-го вѣка показавшіхъ обвиняемыхъ на допросѣ въ Тайной Канцеляріи. Г. В. Есиповъ въ концѣ списка отмѣтилъ: «всѣ обвиняемые въ Тайной Канцеляріи показали, что они слышали эти сказки: «въ народной молвѣ». Это даетъ поводъ думать, что сказки эти занесены на страницы суднаго дѣла вскорѣ послѣ ихъ сложенія и закрѣплены въ той формѣ, въ какой онѣ обращались въ простонародной массѣ. Такъ какъ записи помѣчены 1730, 1745, 1752—5 годами, то можно думать, что и приуроченіе дѣйствующихъ лицъ сказокъ или, точнѣе, одной и той-же сказки въ нѣсколькихъ распространенныхъ вариантахъ—къ Петру Великому и его эпохѣ и, особенно, къ покушенію на его жизнь должно бы быть отнесено къ московскому еще періоду Петровской исторіи и ко времени стрѣleckихъ бунтовъ и другихъ нестроений, т. е. къ концу XVII вѣка.

Это приуроченіе стараго переходжаго сюжета сказки о совмѣстномъ воровствѣ царя (Петра) съ своимъ подданнымъ, оказавшимся извѣстнымъ ловкимъ московскимъ воровъ (Бармою),—весьма любопытно. Имя вора извѣстно въ сказочной русской литературѣ, и вообще сказки подобнаго же содержанія и сюжета и съ прозвищемъ именно Бармы отчасти послужили предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ извѣстной ученой публикѣ статьѣ проф. и акад. Александра Николаевича Веселовскаго (въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 г., № 4, т. I, стр. 313—23), подъ заглавіемъ: «Сказки объ Иванѣ Грозномъ».

Печатаемыя ниже сказки о Петрѣ Великомъ являются, такимъ образомъ, переложеніемъ розсказней объ Иванѣ Грозномъ, записанныхъ еще Коллинсомъ (гл. X) и изложенныхъ Ф. И. Буслаевымъ въ его «Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности и искусства» (Спб., 1861 г., ч. I, стран. 513);—онѣ отчасти относятся къ тому же роду словесныхъ произведеній, какъ и сказанія о Дракулѣ (ср. упоминаніе о колпакѣ, и т. под., въ № II), и т. п.

1-й разсказъ представляетъ лишь общую неполную и сжатую канву сказки безъ имени вора и безъ мѣстныхъ чертъ; во 2-омъ—уже разсказъ ведется обстоятельнѣе; въ 3-емъ—еще болѣе чертъ Петровской эпохи (бояринъ переименованъ въ сенатора, билъ дуbinsкою, и проч.). Послѣдній—4-й разсказъ—самый обстоятельный, но позднѣйшій вариантъ. Бояринъ названъ «господиномъ», вмѣсто «колпака»—явилась уже шляпа; разсказъ еще болѣе отделяется отъ фабулы сказки и сверхъ того осложняется передачей свидѣній объ особомъ порученіи государя вору поставить одно духовное лицо (архіерея) въ смѣшное положеніе въ отместку за насмѣшку. Но и

рассказъ о томъ, какъ вору, явившемуся къ архіерею подъ видомъ ангела, удалось уговорить архіерея вѣзъ въ особу, принесенный для того мѣшокъ—тоже является переживаніемъ и отиѣченіемъ уже А. Н. Веселовскимъ (см. стран. 319) въ рассказахъ объ Иванѣ Грозномъ (упом. «кошель»).

Записи Г. В. Есипова передаетъ точно, прибавляя отъ себя лишь необходимые для облегченія читателя знаки препинанія.

П. Б. Симова.

I.

Колодникъ вторымъ говорилъ своимъ товарищамъ. «Слушайте, я скажу вамъ сказку: блаженный и вѣчно достойный памяти, Первый Императоръ Петръ Алексѣвичъ ходилъ по Москвѣ и сошедшись съ ворами ходили красть деньги. Бояринъ одинъ хотѣлъ его мавестъ, а Петръ велѣлъ боярину первую чарку выпить; и какъ выпилъ, такъ его боярина и розорвало».

Рассказчикъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу въ Оренбургъ (1745 года).

II.

Въ 1730 году въ Симбирскѣ колодникъ говорилъ товарищамъ: «Сказать ли вамъ сказку»?—«Сказывай».

«Въ Москвѣ былъ воръ Барма и нашъ Императоръ (но невыговори который), нарядясь въ мужицкое платье и ночью изъ дворца ходилъ того Барму искать. И какъ де онъ Государь того Барму нашелъ, то де тогда спросилъ того Барму, что де онъ за человѣкъ, и тотъ Барма Государю сказалъ, что онъ воръ Барма; и Государь сталъ того Барму звать красть изъ Государевыхъ Палатъ денежную казну и тотъ де Барма Государя ударилъ въ рожу¹ и сказалъ скверно, для чего ты Государеву казну подзываешь красть, лучше де пойдемъ Боярина пограбимъ и Государь де съ тѣмъ Бармою ходилъ и Боярина пограбил и Государь пограбленные пожитки всѣ отдалъ Бармѣ и далъ тому Бармѣ съ себя копака и велѣлъ ему на другой день съ тѣмъ копкакомъ придти въ Соборъ, и какъ де на другой день тотъ Барма въ Соборъ пришелъ, то де Государь его Барму узналъ и сталъ его Барму за то, что онъ не захотѣлъ Государевой казны воровать, при себѣ держать въ милости». (1752 г.).

III.

(Другой вариантъ 1752 года).

«Ходилъ Государь Петръ великой по Москвѣ по Городу въ ночи одинъ, и встрѣтился съ нимъ воръ и Государь спросилъ его: что онъ зачеловѣкъ? и оной воръ сказалъ, что онъ воръ. И воръ де Государя спросилъ: «а ты де что за человѣкъ?» и Государь сказалъ: «я де такой же воръ, какъ и ты». И Государь съ тѣмъ ворами побратался крестами и воръ назвался большимъ братомъ, а Государь меньшимъ, и сталъ де тотъ воръ его Государя авать воровать и Государь де сказалъ: «развѣ де идти воровать во Дворецъ», и за то де тотъ воръ Государя билъ дубиною и говорилъ Государю пойдемъ де воровать лучше къ Сенатору, и пошли къ тому Сенатору и, по приходѣ, воръ влѣзъ на окно и слушалъ, что говорятъ, и

¹ Ср. о томъ же въ сказкѣ объ Иванѣ Грозномъ (означенное соч. А. Н. Веселовскаго, стран. 316).

прислушалъ де, что, тотъ Сенаторъ говорить: «Завтра де надобно мнѣ звать Государя къ себѣ въ гости и отравить до смерти», и воръ де прикликалъ Государя, чтобы онъ тѣ слова слышалъ и Государь влѣтъ на окно и, слышавъ тѣ же слова и слезши де съ окна, подошли въ кладовую Палату и покрали денегъ, сколько нитъ надобно было, и стали на пути и воръ де Государю говорить, чтобы тѣ деньги между собою раздѣлить, а Государь сказалъ: «пONESи де ты денги домой, а я завтра ихъ возму для того, что де теперь мнѣ домой привести и нельзя»; и воръ де Государю говорить: «ты де меня завтра гдѣ найдешь»; и Государь тому вору говорить: «какъ де Государь въ Кремлѣ пойдетъ къ обѣднѣ и всѣ де люди станутъ на колѣни, а ты де на колѣна не вставай, и потому де я тебя и узнаю». И по утру де такъ тотъ воръ и сдѣлалъ и взять де тотъ воръ.

IV.

Еще вариантъ (1754 года).

Былъ славной воръ въ Москвѣ. И блаженной памяти Государь Императоръ Петръ Первый, услыша де, что имѣется славный воръ, пошелъ по Москвѣ вночнымъ временемъ того вора искать и нашелъ того вора на дорогѣ и сталъ спрашивать, что де ты за человекъ, и оной воръ ему Государю сказалъ: «я де воръ». И Государь сказалъ же: «и я де воръ и пойдемъ де вмѣстѣ съ тобою воровать». И пошли они оба вмѣстѣ къ нѣкоторому Господину воровать и у того де Господина выкрали платье в деньги, и во время де той кражи Государь также и воръ слышали, что тотъ Господинъ, будучи въ своемъ домѣ съ женою своею, говорили: «надобно де намъ составить зелье, чтобы Государя извести», и потомъ де изъ того дому Государь также и воръ пошли вонъ и то краденое платье и деньги раздѣлили по себѣ и Государь, снявъ съ себя шляпу и надѣвъ на того вора, а съ того де вора шляпу взявъ и надѣвъ на себя. И потомъ де Государь тому вору говорить: «завтра де выходи на то мѣсто, гдѣ я буду ѣхать» и тотъ воръ на другой день на то мѣсто, гдѣ надлежитъ Государю ѣхать, вышелъ. И тогда де Господа, которые ѣхали прежде Государя, усмотрѣли того вора и говорили: «гдѣ де этотъ воръ такую шляпу взялъ: онъ де собою весь голъ, а шляпа де на немъ Царская» и потомъ де вскорѣ и самъ Государь на то же мѣсто пріѣхалъ и взялъ того вора съ собою къ обѣднѣ и были у обѣдни вмѣстѣ. И тотъ де Господинъ, у котораго пожитки крали, сталъ Государя звать къ себѣ въ гости и Государь де къ тому господину съ тѣмъ воромъ и съ Господами въ гости поѣхалъ и оной де Господинъ тѣми напитками сталъ прежде просить Государя, чтобы онъ выпилъ и Государь де тому Господину говорить: «выпей де ты напередъ самъ»; и тому де Господину и жентъ его нельзя стало, чтобы напередъ тотъ напитокъ не выпить,—выпили тотъ напитокъ сами и въ то де время тотъ Господинъ и жена его отъ того напитку умерли. И потомъ де Государь изъ того дому поѣхалъ съ тѣмъ воромъ во Дворецъ. И, ѣдучи дорогою, Государь тому вору говорить: «какъ де ты, славный воръ, не умѣешь ли де ты такой насмѣшки сдѣлать, что де мнѣ Архіерей насмѣялся». И тотъ де воръ Государю говорить: «мое де это дѣло, я де тому Архіерію насмѣшку умѣю отсѣять и потомъ де оной воръ отсталъ отъ Государя и сдѣлалъ себѣ изъ бумаги крылья и, прилетя къ тому архіерею въ бѣлой рубахѣ и объявля о себѣ, якобы онъ Ангелъ съ небеси прилетѣлъ по его архіерешскую душу, в оной де Архіерей тому вора въ томъ повѣрилъ и отдался ему въ руки и оной де воръ, взявъ того Архіерея, положилъ въ мѣшокъ и повнесъ на нѣкоторое мѣсто, гдѣ случилось ѣхать Государю. И какъ де сперва поѣхали Господа в, усмотря тотъ мѣшокъ, дивились и потомъ же вскорѣ на то мѣсто поѣхалъ Государь а велѣлъ тотъ мѣшокъ развязать. И какъ развязали, то Государь, усмотря, что въ томъ мѣшкѣ лежитъ означенной Архіерей, говорилъ тому Архіерею: «за чѣмъ де ты тутъ въ мѣшкѣ лежишь, вотъ де ты мнѣ насмѣшку дѣлалъ, а тебѣ де въ автомъ мѣшкѣ каково сидѣть».

Эпическія пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дыновскаго ¹).

Бановичъ-краль и Али-бегъ воевода.

- Посабрало Сълтанъ Пазанте,
Посабрало тоя сила войска,
Малу многу 60 иляди.
Не се знаеть, коде ѿ я праћать;
5. Ми я пратѣ по бели Дунава,
Да се биеть съ Бановиѣна Краля,
Какъ пойдое 60 иляди,
Еденъ съ душа назаъ не се врати,
Кога видѣ Сълтанъ Пазанте,
10. Кога виде, немаъ що да чиниъ,
Отъ си кладе, телалъ да си личиъ:
«Кой ѿ се наеть юнакъ на юнака,
Да го фатиъ Баневиѣна Краля,
ѿ му дада 3 градови—Тимаръ
15. И ѿ му дада 3 кули ² азно,
И ѿ му дада по море скелиня,
И ѿ му дада моя мила ћерка». Сите ми се въ земи опули;
Той що беше Али-бегъ воевода,
20. Му излезе цару на дивани:
«Вруѣо сынце Сълтанъ Пазанте!
Отбери ми 3 турчиня млади,
Що да пиеть вино емъ ракиа,
Що да пиеть, да се не опиеть.
25. Съ Банета сме верни побратими,
На пиенѣ, Банета ѿ фата». Си му отбра Сълтанъ Пазанте,
Си му отбра 3 турчиня млади,
Що да пиеть вино емъ ракиа,
30. Що да пиеть, да се не опиеть,
Си яфнае сите бързи ковѣи;
- Банисае край бели Дунава,
Да му одиъ Баневиѣу Краля.
А пакъ Бане въ одаъ седоме,
35. Невеста го ракиа служеше;
Тога брго беше се ожениъ,
Тога брго две недели врене.
Бъ говоритъ Баневиѣна Краля,
Бъ говоритъ на млада невесто:
40. «Добро мое, невесто убаво!
Да Богъ даеъ на авр да быдеъ,
Десно око белегъ не удиратъ
Токъ излезе на високи диванъ,
Распули се по поле широко,
45. Распули се нагоре и надолу,
Да не ни сторитъ некая страмота:
Блазе Бану, що ималъ невесто:
Кога рече фчасть на нови става,
Си излезе на високи диванъ.
50. Се распули нагоре и надолу,
Се распули по поле широко.
Нищо немаъ млада да догледаъ,
Мало нещо како да заслуша,
Какъ да турски конѣи тропотее
55. И како да турски говорее.
И пакъ брго назаъ си се врати,
Му кажуваъ Баневиѣу Краля:
«Господаре, Баневиѣне краля!
Я по поле нищо не догледафъ,
60. Малу нещо како да саслушафъ,
Какъ да турски конѣи тропотее
И како да турски говорее».

¹ См. «Живая Старина» г. IX, в. I, отд. II, 113—129; в. II, отд. II, 236—250; г. XII, в. III и IV, 429—436.

² Исправлено: товары; но первое вѣрнѣе: такіа преувеличенія встрѣчаются постоянно и въ другихъ пѣсняхъ.

65. Гола сабя во роцы си зеде;
 Отъ яго вистъ в частъ на нози стана;
 Отъ си слезе долу в конюшняца;
 Отъ яго вистъ гола коня яфа,
 Си налезе от дворови на дворъ,
 И догледа 4 турацы.
70. Тога рече Али-бег войвода:
 — Побратиме, Баневинъ кралю!
 Я на гости тебе ми ти нда;
 А ты сакашъ мене да погубишъ.
 Тога рече Баневинъ краля:
75. — Прости мене, Али-бег войвода,
 Прости мене, я що ти прегрешифъ;
 Веднашъ тебе я не те припознафъ. —
 Пакъ, си кладе сабя во ножница.
 Си и зеде 4 турацы
80. И отнесе дома на дворови.
 Си и качи на нисоки диванъ,
 Си в служи лутца ракия,
 По ракия тая църно кафе,
 А по кафе той господски ручекъ.
85. Тога рече Али-бегъ войвода:
 «Побратиме, Баневинъ кралю!
 Айде мые вино да пиемо,
 Да пиемо 3 дни ентъ 3 ноинъ,
 Да видиме, кой на се опиегъ».
90. Мы зедое да ми пиетъ вино,
 Ми попило малу ноцо време;
 Ми се они Али-бегъ войвода,
 Ми задрема на чесна трпеза.
 Пакъ попио уще малу време,
95. Ми се они Баневинъ краля,
 Ми задрена на чесна трпеза.
 Три турчиня бодешъ не и бодеть;
 Ми станас 3 турчиня млади,
 Извади сивжиръ изъ екбета,
100. Дробенъ сивжиръ 70 оки;
 Ми е кладое Баневе на гуша,
 А на роцы тесни безеинъ,
 А на нози коньски бутатинъ,
 Го разбудие Али-бегъ войвода.
105. Кога виде Али-бегъ войвода
 Кога виде Банета враана,
 Си му викна с клоцы да го биет
 (Да го биетъ, какъ некое куче):
 «Стани, Бане, да пиемо вино!»
110. Се разбуди Бановинъ-краля;
 Креватъ глава, глава не се дигать;
 С роцы мавать, роцы не маваетъ;
 С нози мавать, нози се врзаны.
 Тога рече Бановинъ-краля:
115. — Аран тебе, Али-бегъ войвода!
 Аран тебе, лебъ що си ми яло!
120. Си го сена долу на дворови,
 Си го враа коню за опашка,
 Го однесе Цару у Стамболу.
 Кога виде Сълтанъ Пазанта,
 Кога виде Банета враана,
 125. Отъ радости на нози си стана.
 «Добре ми дойде, Баневинъ кралю!
 Добре ми дойде, какъ добра година.
 На те праша, право да ми кажешъ:
 Кога мые с тебе се биефие,
 130. Кон ти бее дружина веровна,
 Що ми погуби 60,000?
 Господъ знаеть, господъ наметувать,
 Да не беше той камилски самаръ,
 Що и мене на да ме загубишъ?»
135. Тога рече Баневинъ краля:
 — Врупо слнце, Сълтанъ Пазанте!
 Нел' ме прашашъ, право на ти кажа:
 Кога мые с тебе се биефие,
 Привинъ сефте що излезе юнакъ,
 140. Що яваше коня карамана,
 Що ми беше во црно променать,
 С бела брада дури до пояса,
 Що ми влезе в 1000 спани,
 Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
145. Той ми беше стари Новак айдукъ.
 А по него що излезе юнакъ,
 Що яваше коня црвеного,
 В црвено руво що беше променать,
 Що ми влезе в 1000 бегови,
 150. Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
 Той ми беше Груница Новаковъ (де-
 тенце).
- А по него що излезе юнакъ,
 Що яваше коня зеленого,
 В зелено руво що беше променать,
 155. Що ми влезе въ 3000 души,
 Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
 Тай ми беше Радула войвода,
 Ей Радула съ мустаи преко рано.
 А по него що излезе юнакъ,
 160. Що яваше тая бела коня,
 В бело руво що беше променать,
 Що ми влезе в 5000 души,
 Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
 Той ми беше Янкула войвода.
165. А по него що излезе юнакъ,
 Що яваше коня доратаста (жула-
 шива).
 Що ми влезе въ 10.000,
 Еденъ с душа отъ нифъ не остави:

- Той ни беше Рело шесто-крило.
170. А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня шареного,
В шарено руво що беше променатъ,
А на главе отъ злата коруна,
Отъ конь дигнѣ въ уста що држеше,
175. Со десница сабя що вртеше,
Со левица зеирлѣ мозиракъ (копѣ
убито),
Що ми влезе въ 15.000,
Отъ ниѣ с душа еденъ не остави,
То ми беше Краловиѣ Марко.
180. А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня карамака,
В прѣо руво що беше променатъ,
Що ми беше ювакъ лѣко-младо,
Що ми влезе въ 25.000,
185. Вденъ с душа отъ ниѣ не остави,
(Совсѣмъ пропушено и затѣмъ
слѣдуеъ)
Господъ знаеъ, Господъ намету-
ватъ,
Да не беше той камилски самаръ,
Що и тебе не да те загубитъ.
190. В роцы сум ти, що сакаш чини
ми.—
Тога рече Сълтанъ Пазанте:
«Так ти Бога, Бавевиѣ краљу,
Живо мене ти да ме фатѣше,
Що имаше вѣтъ да ми чинишъ?»
195. Тога рече Бавевиѣ краля:
— Так ми Бога, Сълтанъ Пазанте!
Тога живо тебе да те фатефъ,
Парче по парче не да те надроба,
Найголемо волку еина мравя.—
200. Тога рече Сълтанъ Пазанте:
«Слуго моя, Али-бек войвода!
Нель земли го тея бесно куче,
Изади го во поле широко,
Закопай го до ранена въ земьн;
205. Оту земли 3000 души,
Си на него со стрелы гаѣайте,
Мочите го три дни и три ноѣ,
Оту после да го загубите».
210. Си го заде Али-бек войвода,
Си го заде Бановиѣ Краля,
Го извади во поле широко,
Го закопа до рамена в земли.
От си заде 3000 души,
Си на него со стрелы гаѣает,
215. Юнак с душа стрелы ни ѣ враѣат,
Го мочѣ три дни и три ноѣ.
Тога рече Бавевиѣ Краля:
— Побратиме, Али-бек войвода!
220. Тые се моля веѣ не мочи мѣ;
Токо тргни сабя, пресечи ме.
Ем коя-годе сабя не ме сечетъ;
Токо пойдѣ на мои дворови,
Да я зеиеш моя остра сабя,
225. Моя сабя ако ме пресечет.—
Си отиде Али-бек войвода,
Си отиде во Бановиѣ дворѣ,
Пак е велит Бановиѣ млада:
«Бановиѣ, убаво невесто!
230. Изнеси ми ваша остра сабя,
Ваша сабя, пак вас не ве сечет.
Ак Бог даеъ, на се залюбиме».
235. Му изнесе Баневиѣ млада,
Му изнесе Банова-та сабя,
Пак му велит Баневиѣ млада:
«Ид од тое, море, бесно куче!
Ак Бог даеъ и быдет сѣно,
Нел' си дополъ го наша-ва сабя,
Наша сабя пак вас на ве сечет».
240. Си я заде Али-бек войвода,
Си я заде Банева-та сабя;
Не можеше да я носетъ,
А камо-ли сабя да истргнетъ.
Една педа во ширѣна беше,
245. Во дължина 16 педи.
Я односе Банева-та сабя,
Я зело 3000 души,
Я зело сабя да гледаетъ;
Юнакъ немаъ сабя да истргнетъ,
250. А камо ли Бана да погубитъ.
Сите ми се релум изредѣ.
Тога рече Бановиѣ краля:
— Побратиме, Али-бек войвода!
Пущи мене моя десна рока
255. И подай ми моя остра сабя,
Баре сабя, да ви я отвора;
Оту после да ме погубите.—
Се измога Али-бек войвода,
Си му пущи Баву обе роцы,
260. Оту в роцы сабя му подаде.
Бого Баву сабя в роцы доиде,
Три-потѣ се на небо опули,
Ем три-потѣ Богу се помоли,
Ем три-потѣ Богу се помоли,
265. Со два прети сабя я истргна,
Пак искочи од земли на горе,
Си искрши оной дробен сивцир
И искрши коньски бумагѣ;
От се пущи по ними да трчат.
270. Що прифтаса, Баве се ѣ сече;
Али-бега жив го в роцы фата;
Го однесе на две раскрсницы,
Му изврте обе прии очи;

- Му пресече роцы до локоти;
275. Му пресече нози до колена;
Го остави живо да се мочит.
От му поиде цару на дивани,
Му говорят Бановѣ краля:
Упорѣти, Сълтанъ Пазанте.
280. Камо ти е Али-бек войвода!
Камо ти се 3000 души,
Що ѣ пуши да ме мочит?
Еле тебе а беф ти учиналъ.
Я ти сториф в ти ми чинеше;
285. А ту нему що беф му учиналъ?

Пиеши нино и ракия,
На превара мене да ме факат.
Пак си поиде дона на дворони.
Од юнацы песна останала,
Да се пее, да се приважуват;
Що слушало, се весело было.
Од татка ми, учителъ Кресте
П. Диноски;
Од Ђорѣ Ђинов Калачески;
Од Јована (праку Кара-асни)
од Лазорополе.

Жена бана Куршумлиѣ и младая вдовица изъ Ледьѣна-града.

- Дворѣ метет млада Баневница,
Дворѣ метет, дробны сълзы ровит.
Ете ти го стари Њир-Миянѣ!
«Баневнице, ей добро големо!»
5. Да шчо плачеш, дробны сълзы ро-
ниш?
Да-ли ти си тебе здодеало,
Чинсеши измет в моя куѣа?
Дали ти се омбари даяла?
Да-ли ти се вино доточило?
10. Да-ли ти се азно доброяло?
— Ай ти тебе стари Њир-Миянѣ!
Нито мв се мене здодеало,
Чинсеши измет в твоя куѣа:
Ни то ни се нино доточило,
15. Ни то ми се азно доброяло,
Нито ми се омбари дояло.
Тамо ми се, Бог-ме, дожалило
За твоего сына, мой стопана:
Кво лнат, Бог-ме, три годины,
20. Одак сме го, Бог-ме, не разбрале,
Аз је живо, Бог-ме, аз умрево.
Изговари млади Њир-Миянѣ:
«Престегни ми коня шареного,
Я ѣа ода по бели друмови,
25. ѣа си чека банови войници».
Ми го стегна коня шареного;
Мв отиде на бели друмови.
Го сусграти Марка Кралевѣѣа,
Му га фати коня целинана,
30. Му целива пола и колено:
«Ай ти тебе, Марко Кралевѣѣа!
ѣа те пита, враво да ми кажеш:
Камо ти го Бане Куршумлиѣ?»
— Ай ти тебе, стари Њир-Миянѣ!
35. Е те идет Јанкула войвода,
Той ѣа ти кажет за Банета.—

- Си упуши коня шареного,
Си отиде по бели друмови.
Ети ти го Јанкула войвода!—
40. «Помоги Бог, стари Њир Миянѣ!»
— Дай Бог добро, Јанкула войвода!—
Му го фати коня за дизгини,
Му целива пола и колено.
ѣа те пита, право да ми кажеш:
45. Камо ти го Бане Куршумлиѣ?—
«Ай ти тебе, стари Њир-Миянѣ!
Го оставих во Ледьѣна града,
Го залуби ледьѣна вдовица».
Си упуши коня шарено,
50. Си поиде коде Баневница млада.
— Баневнице, ей добро големо!
Го устретих Јанкула войвода,
Му целивахъ пола и колено:
Го ставил во Ленѣѣра-града;
55. Го остави Бане Куршумлиѣ,
Го залубила вдовица Ленѣѣрка.
Ай ти тебе Баневнице млада!
Айде да одиме до двоица ешупци;
Да зонени железни стапови:
60. Я ѣа бвда старец е бела брада,
Ты ѣе бидеш дете акыл'я;
ѣа појеме во Ленѣѣра-града.—
Се сторше до дваица ешупци,
Си пойдае во Ленѣѣра-града;
65. Си пойдае на повата чешма.
Ете ти я ленѣѣрка робинка.
Изговори стари Њир-Миянѣ:
— У кого си ленѣѣрка робинка?—
«Я еу си у Банета Куршумлиѣ».
70. — Подай ми ибрик, да се напия—
Му подаде стробрени ибрикѣ,
Му го пуши пѣрстен бурмалиѣ,
Му го однесе Баново, вода да се пипѣт.

- Си го најде пръстен бурмалин,
75. Му я праша леџерка робинка:
«Ај ти тебе, леџерка робинка!
Алџ ти го веде некој џбрик да шнет?»
— Ај ти тебе, Баве Куршумлија!
Ми го зедео дванџа еџупџи:
80. Ёдни-от беше стар с бела брада,
Друго-то беше дете аџамија.—
«Ај ти тебе, леџерка робинка!

- Пойди до н' викнеш тве овде».
И си отиде да н' викнет.
85. И однесе на високи диван,
Си не познае татко му н невеста.
Отџ си я виџна Леџерка идонџица,
Из дружиџе, коџ јџе поубава:
Јџе поубава Бавевџица млада.
90. Си я зел, друга-та я несекоџ.
Останоје тије заедно. (Лаворопџе).

Иво-арамџа и Велџа-назора.

- Си Бога моџи Иво арамџа:
«Дай ми, Боже, проџетџа напредна,
Да размитџт гориџа зелена,
От да си ебера 30 момџивџа,
5. Шо не знаџет, рана како болиџт,
Страџ неџаџет, ноџе пуџат пушка;
Шо за назаџ да ни не дуџаџет,
Пуџат од поџс шо не остаџаџет.
Да изџеза' во гора зелена,
10. Да наџраџа' шайџка ореџва,
Да я фрџа во реџа Ретџиџа.
Да си го чеџка' богџта Јовџво,
Да му зема' 100 глаџы ергџе,
Ём да му зема, 9—не слоџене,
15. Ём да му земаџ 100 џесџиџа парџ.
Ём как моџеше Иво арамџа,
Как моџеше, таџе Госџод даџе.
Даџе Госџод проџетџа напредна,
Ми разџиџте гориџа зелена.
20. От си соџра Иво арамџа,
Отџ си соџра 30 друџиџа (или: момџиџа),
Си изџезе во гора зелена,
Си наџрани шайџка ореџва,
Си я фрџи во реџа Ретџиџа.
25. Почџеџало малу неџо време,
Се заџаџе богџти Јовџна,
Со неџовџи деџет—не слоџенеџи,
Со неџовџи 100 глаџы ергџе.
Приџлиџиџе до реџа Ретџиџа;
30. Тоџа велџит богџти Јовџна:
«Каџо велџите, друџиџво верџовџна?
Или сеџа да гаџите реџа?
Каџо Госџод наџџ џа ни поџмоџет.—
От си зеџе Велџа Назџра,
35. Одџ коџари пет-џина момџаџи,
Одџ овџчари 9—џина зеџе,
Се стоџиџе 15—џина
Изџегџе во гора зелена.

- Се стрџетиџе со кџети аџдуџиџа.
40. Уџрави пушка Иво арамџа,
Си го уџри Велџа Назџра,
Си го уџри во десџо-то раџо.
Уџрави пушка Велџа Назџра,
Си го уџри Ива арамџа,
45. Си го уџри поџсред срџе
Паџна Иво во гора зелена;
А друџи-те летџаџе да беџаџет.
Саџе еџно момџевџе остаџа.
Сиџе фрџаџетџ, не го поџгаџаџет;
50. Теџа фрџаџат, се на џиџф поџгаџаџат.
Веџе му се џеџаџе доџверџиџи;
Си изџваџи саџа од ноџџиџа
Отџ се пуџи по џиџи да тџрџчат,
Шо приџфџаса момџе се џсеџе,
55. Шо ноџегџа џраџво ми уџџе.
Се поџврати џа Велџа Назџра,
Да му зеџет глаџа од раџеџа.
Виџи заџаџ Велџа назџра,
Беџе уџдрџен, не моџетџ да беџаџат;
60. Трџгаџ с пушка, пушка не му фрџаџат;
Заџораџаџаџ, даџ е џраџна пушка.
Сџв изџваџи, пиџџол-от од сиџлаџф;
Уџрави с пиџџол Велџа Назџра,
Си го уџри н теџа момџевџе,
65. Или овџде да раџстоџариџме?
Тоџа рџче Велџа Назџра:
— Госџодџаре, богџти Јовџанџ!
Си џиџаџе џгоџџаџа малџви,
Си џиџаџе џџреџбиџа малџџџи,
70. Уџтре џоџа џоџ џа гаџиџџе реџа.
Аџџе сеџа да си џреџгаџиџме,
Паџк краџ реџа да раџстоџариџме.—
џреџгаџиџе таџ џџџа Ретџиџа.
Паџи краџ реџа си раџстоџариџе.
75. Заџаџиџе 10 сиџиџи огџа;
Ми сеџиџаџе да си веџџераџџет.
Ми заџглеџа богџти Јовџна,

80. Ми загледа во гора зелена,
Засветее пушка од айдуци.
Тога рече богати Јована:
«Арам вами, дружино веровва,
Арам вами, пушки талианки,
Ак не е дасто во роцы айдушки;
Арам тебе, Велия назоре,
85. Що сум ти правил пушка полатена,
Що су ти правил отъ ядлас ¹⁾ пн-
щоли,
Що су ти правил отъ ядласъ возлисна -
Ак не даеш во роцы айдушки».
Тога рече Велия Назора:
90. Господаре, богати Јоване,
Изимъ ²⁾ дай ми, а да си отбера
Од конари пет-мина момчацы,
Од овчари 9 на си земам,

- на нелева во гора зелена,
95. на со стрета' со клетн айдуцы
Си го удри постред срце живо,
Падна момче во трева зелена.
А Велия нават си се врати.
От 15 пет-мина остапае;
100. От юнацы песна остапаа,
Да се неет, да се принажувать.

Прибавлено другимъ:

Що слушало, се весело било!
Од нас' песна, а од Бога здравье.
И още другой рукой добавлено:
Кoj' знајет божье, широко му поле.
Кoj' знајет више, родила му вишне и
у поле бела-на пченица, а у брдо
винова лозица.

Предательство снохи Ангелины.

- Седнала ми Магделина,
Заран вечер да вечерат,
С мили брата Костадина,
С мила сноа Авђелина
5. Нещо е се наслушават:
Конски тропот, турски шопот.
От ми стала Магделина,
Ми налегла на пенцере;
Дворье войска испълнила.
10. Отъ ми стана Магделина,
Го заключи много брата,
Много брата Костадина
С дванаестие ключеви,
Шести клучи ѝ пытнаа,
15. Шести клучи ѝ заплела
Во нейзина руса коса.
От ми стана кучка сноа,
Кучка сноа Ангелина,
Искършила дванасят,

20. Дванасетие ключеви.
Го зедое клетн турци,
Го зедое мили брата,
Мили брата Костадина.
Му зедое руса глава,
25. Руса глава од рамена,
От ми писна Магделина:
Лелеј брате, Костадиве!
Те отклучи кучка сноа;
Те зедое клетн турци,
30. Клетн турци арамин;
Ти зедое руса глава,
Руса глава од рамена;
Тебе ми те загинае,
Кучка сноа я зедое».

(не окончена)

Запишано от Ака Јованова од
село-Сушица.

Женитьба св. Иліи.

- Завршил ми се свети Илія.
Од Будим-Града кралеве ћерка,
Кралева ћерка, бела Марія.
А не знает що лице имаѣ,
5. Що лице имат, що става имат.

- Прстено дадо до три товари,
До три товари съ дробно азино;
И три прстени се полатени.
Мв пособрало рало сватови,
10. Рало сватови, три побратими,

¹⁾ Злато.

²⁾ Изум-дозволенье.

- Три побратими Божи Ангели;
Чесного кума свети Іована,
Старего свата свети Никола.
Да изговори свети Ілія:
15. «Да ай-ви вами рало сватови!
Шо сум поаржи многу по нея,
Да я я незнам, що лико имат,
Що лико имат, що става имат».
Му одговори чесного кума:
20. Да ай ти тебе, свети Ілія!
Кога на посме край Будим-града,
Ты да ми статнеш и да ми згрмеш,
Изъ ведро небо роса за росить.
Се Будим-града надворъ н'налезат
25. И на налезет бела Марія.
Та на я видиш, що лико имат,
Що лико имат, що става имат.
Кога пайдое край Будимъ-града,
Оту ми статна свети Ілія,
30. Оту мв статна, оту ми згрма;
Изъ ведра неба роса зароси;
Се Будимъ-града надворъ налезе
И ми налезе бела Марія.
Со очи скрипна, как секавица;
35. Со усти трення, како ластовица;
- Лико е светно, какъ жено с'лице,
Става зееени, как честа гора.
Тога я виде свети Ілія,
Що лико имат, що става има.
40. От ми пайдое дома на дворъе,
Мв се качіе горе на диван.
Я уготовіе бела Марія,
Я уготовіе, мв я ведое.
Мв кинисое рало сватови,
45. Рало сватови, три побратими.
Мв поодеѣ до чета гора,
Мв сусретеѣ до деветь чеплеве
Мв се запрѣ рало сватови,
Мв я напіѣ бела Марію,
50. Мв я напіѣ студена вода.
Я заминое честа та гора,
Мв приближіе до... (пропускъ)
И однесѣ дома ва Харье.
Мв се зарадва сам свети Іован,
55. Сам свети Іован, чесного кума.
Мв я ведое три побратими,
Три побратими Божи Ангели;
Е одогрнае бело-то лико.
(не окончено).
- (У Ястр. 53—54 иначе и много короче).

Молодоженаго Огнена требуютъ въ войско.

- Завршилсе Огнен добор юнак,
Во собота мв се завршило,
Во неделя мв се оженило,
Въ повел'явикъ капиціи доше:
5. «Айде, Огнен, на войска да одишъ
Да мв одишъ на войска царева».
Одговори Огнен, добор юнак:
— Такъ мв Бога, капиціи млади!
Вчера сум се младо оженило,
10. А с невесто не су се опознаи;
Почекайте три дни и три ноћи,
Я с невеста да мв се опозна.
Какъ му велитъ капици млади:
- «Ай ти тебе, Огнен добор юнак!
15. Не чекаме денчок до полуден,
А жаме-ли тридни и три ноћи!..
— Тога велитъ Огнен добор юнак:
— Почекайте капиціи млади,
Да мв пойма в шарена ода,
20. Да мв зема моя остра сабя.
И да зема мое-но оружье.
Св отиде, Огнен добор юнак,
Св отиде въ шарена ода,
Е говоритъ Огненице млада:
25. «Ай ти тебе, невесто убава!
(не окончена).

Марко-Кралевиць напрасно служилъ у св. Николы.

- Служилъ Марко светого Никола,
Од Митров-ден дурн до ѱурфев-ден.
Извадоше гости пріятели;
Не му втаса никакво запре;
5. Не му втаса бела-на пченица.
Не му втаса урвено-но вино.
- Не му втаса струшка рыба,
Ток се чудитъ Марко Кралевице.
10. Ток се шетат по рамни дворови
Не му втаса лута на ракия
И св кршатъ свои тенки прети.
Такъ се чудитъ, того да продасть.

- Да продает свое стара майка,
Нигде ми си майка не наодит,
15. Да продает свое мошко дете,
Колай ми се дете не стигнуват.
Да продает убава невеста,
Невеста се секаде наодит.
Го догледа маркова-та майка,
20. Му гонорит маркова-та майка:
«Ай ти тебе, Марко Краљевићо!

- Що се шеташи по рамни дворови
И си кршиш свои тенки прети? —
Так ми Бога, моя стара майка!
25. Ты не питаш, право ђа ти кажа:
Не...
Так се чудо, кого да продада,
Да продада.....
(Не окончено).

Муса-Бекъ спасаетъ отъ погрома Галичникъ.

- Бондисал Айрадин-паша—аман, аман!
Бондисал Айрадин-паша.¹
Бондисал спроти Галичник;
Галичникъ—село големо
5. Новортел силнее топови,
Да го изгорит Галичник
Тве се згоди Муса-Бек;
Му изговори Муса-бек:

- Эфендум Айрадин-паша!
10. Галичникъ немать кабасть;
Галичникъ—само раятеко?
Оту извади Айрадин-паша
Айрадин-паша поминал спроти Галич-
ник на 1844 год, на 25 септ. и спал. една
нечер по Куцулона-Ливада; утрина-та был.
праздник света Іован Богослов (26 септ).

Сообщилъ П. А. Ровинскій.

¹ Каждый стихъ повторяется безъ аман-аман.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Куникъ. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть 2. (Разысканія А. Куника). СПб. 1903. XII + 066 + 208 стр. въ 8-ку.

Содержаніе этихъ историко-этнологическихъ разысканій покойнаго Куника — Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ (с. 01—066), Древнѣйшее славянское сказаніе о переселеніи. (Вкладъ въ исторію расселенія Румынъ 1—24), Первое посѣщеніе «Суда» византійскаго народомъ-мореходомъ «сѣв. скинами» въ IX в. (с. 24—89). Первое знакомство персовъ и арабовъ съ русами-мореплавателями послѣ 865 г. Вкладъ въ критику Ибн-Хордадбека в Якуби (с. 90—174). Приложены: указатели собственныхъ именъ (175—200) и лингвистическихъ матеріаловъ (201—207).

Чрезвычайно добросовѣстный и начитанный ученый, покойный Куникъ, при всей своей внимательности и осторожности, при необыкновенномъ стремленіи къ строгой критикѣ, не отличался особою проницательностью. Такъ, онъ очень много потратилъ времени и труда на доказательства, что, вопреки Ассемани, Пасы и въ новѣйшее время Голубинскому, первое нападеніе Руси на Царьградъ происходило не въ 860—1 г. (какъ настаивали эти трое ученыхъ), а не иначе, какъ въ 865 году. Еще при жизни Куника найдено было такое хронологическое показаніе византійское (18 іюня 860 г.), но онъ не хотѣлъ вѣр не могъ уже сознаться въ своей ошибкѣ. Любопытно также, что Куникъ, такъ восхищавшійся варягами-Русью и столь преувеличивавшій ихъ высокія доблести и историческія заслуги, столь дорожившій всякимъ мелочнымъ извѣстіемъ о нихъ, никогда не рѣшался внимательно вдуматься въ драгоцѣнныя о нихъ извѣстія патріарха Фотія (въ двухъ его бесѣдахъ, изданныхъ Наукомъ)—опять таки потому, что они живо и вѣрно обрисованы не какъ великаны сумрака и полубоги, а какъ истые полудикари и варвары. Третья слабость очень крупнаго ученаго нашего заключалась въ томъ, что онъ, уроженецъ Силезіи, никогда не плававшій по морямъ и не служившій въ арміи, любилъ считать себя тонкимъ знатокомъ морского и военнаго дѣла, в. въ качествѣ спеціалиста, всегда посѣдивался надъ кабинетными и штатскими людьми. — Книга эта вообще очень интересна и представляетъ много полезныхъ указаній.

Мончаловскій. О. Н. Петръ Великій въ Галицкой Русѣ. Историческія записки и замѣтки. Львовъ. 1903. Типографія Станиславскаго Института. Изд. автора. Стр. 31, въ 8-ку.

Любопытно посвященіе: «Въ 200-лѣтнюю годовщину основаніи Петрограда и въ вѣчную память его основателя, Петра Великаго, покровителя Галицкой Руси, жителямъ столицы Державной Руси подносить въ даръ житель Подъяремной Руси».

Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: подметное письмо 1690 г. къ П. В. на счетъ «залаго и прелестнаго Мазены, который прежде людей пашихъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) в Волинскихъ бусурманомъ продавалъ изъ церквей Туркамъ серебро виѣсть съ образами»...

Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ дошло молотца во иноческій чинъ. По единственному списку первой половины XVIII в., найденному А. П. Пыпинымъ. Изд. II Отд. И. Академіи Н. СПб. 1903.

Это прекрасное изданіе отличнаго "памятника старой русской словесности" приготовлено нашимъ старательнымъ ученымъ палеографомъ П. К. Симономъ и посвящено акад. А. Н. Пыпину по случаю 50-ти лѣтія его учено-литературной дѣятельности.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Ч. IV. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии. Т. XXVII). Москва. 1903. XVII + 720.

Новый трудъ отличнаго наблюдателя-этнографа и превосходнаго знатока живой старины Смоленской и Калужской гг. Содержаніе этого тома: Игрыша (стр. 1—12). Колядныя пѣсни (12—68). Васильевъ вечеръ (гаданья, примѣты: 69—73). Масляница 73—79). Воска навеса (с. 80). Первый періодъ весны: звукоподражанія въ народной поэзіи (80—95). Веснянки (95—97). Благовѣщеніе (заклинаніе весны). Второй періодъ весны (продолженіе веснянокъ). Пѣсни вгровыя (утушка, плетень, селезень и коршунъ; лень, воевода, кривой танокъ; Король). Хороводныя пѣсни (продолженіе веснянокъ). Егорьевъ день (начало полевыхъ работъ). Великъ-день: пѣсни, распѣваемые бабами на Св. Недѣлѣ. Пѣсни волочебниковъ. Зеленые святки (обѣщаніе овсомъ и хмелемъ. Занываніе вѣнковъ в обычаѣ кумитъ. Осмотръ въ полѣ жита, и пр. Иванъ-Купало. Петровки. Живныя пѣсни. Пивныя, пирушечныя, посадѣлочныя, любовныя, плясовыя, вечериночныя и хороводныя. дѣтскія пѣсни и игры, пѣсни бытовыя, молодецкія и чумацкія, солдатскія, тюремныя, разбойничьи, балладныя, историческія, наконецъ духовные стихи. Въ концѣ есть еще приложенія—между прочимъ очень хорошо составленный небольшой словарь (с. 692—717). — Расположеніе матеріала и вообще вся редакция этого замѣчательнаго сборника принадлежитъ извѣстному нашему этнографу, редактору прекраснаго московскаго журнала "Этнографическое Обозрѣніе", Н. Я. Янцуку.

Новицкій, В. О. Подп. Генер. шт. д. чл. И. Р. Г. О-ва. Изъ Ивдіи въ Феггану. Описаніе путешествія, совершеннаго въ 1898 г. изъ Певджаба черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Баракорамское нагорье, Раскемъ в. Кашгарію въ Русскій Туркестанъ. Съ картой и 18 таблицами фототипій (Зап. И. Р. Г. О-ва по Общ. Геогр. Т. XXXVIII. № 1. Изд. подъ ред. д. чл. Ю. М. Шокальского. СПб. 1903. II + 297, въ 8-ку).

Этнографічний Збірникъ. видає Етнограф. Комісія Наук. тов. імені Шевченка. Т. XIII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав Влад. Гнатюк. Львовъ. 1902. I—III. III + 287 стр., въ 8-ку.

Очень важный сборникъ. Здѣсь записаны легенды по мѣстному произношенію и раздѣляются по темамъ, а именно: изъ В. Зав., Нов. Зав., о святыхъ, объ еретикахъ и колдунахъ, о великанахъ и чудовищахъ, о загробной жизни в кончинѣ міра, легенды правдоувѣрныя и философскія, сатирическія.

Малинка, Ал. Н. Д. чл. И. Об-ва Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографій при моск. Университетѣ.

Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору (Черн., Волынск., Полт. и нѣк. др. губ.). Изд. редакціи «Земскаго Сборника Черн. губ.». Черниговъ. 1902. 8". XXI + 388 страницъ.

Очень хорошій сборникъ. Въ него вошли какъ собственныя записи составителя Сборника, такъ и записи Ап. Н. Малинки (глави. образ. изъ Нѣж. у.), г. Литвинова (изъ Глух. у.), г. Жалковского (Ровен. у.), г. Фр. Каменскаго (б. ч. пословиць изъ Кременец. у.) и г. Клуннаго (изъ г. Зенькова и Прилуцкаго у.).

Въ Сборникѣ помѣщены: колядки и щедровки. Загадки. Пословицы, присловья, шутки. Заговоры. Повѣрья, примѣты (по народн. медицинѣ). Разказы и сказки. Запись о кладѣхъ. Два апокрифа (Сонъ Богородицы и Свитокъ Іерусалимскій).

Самые обширные отдѣлы: колядки и щедровки (с. 9—169) и сказки (262—381).

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины Россіи XVII вѣка. Снимки съ Дрезденскаго альбома. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ө. Аделунгомъ, ввѣвъ просмотрѣны А. М. Ловагинымъ. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. 4° XVIII+189.

Мейербергъ (или по русскимъ документамъ фонъ-Мееркъ) прибылъ вмѣстѣ съ Гораціемъ Кальвудци и въ сопровожденіи, между прочимъ, двухъ художниковъ, 15-го мая 1661 г. въ Москву во главѣ посольства, отправленнаго австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ I къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ Россіи посольство оставалось около 1½ года. Возвратившись въ началѣ 1663 г. въ Вѣну, Мейербергъ обработалъ собранныя имъ во время своего путешествія матеріалы и записи, украсилъ ихъ 140 рисунками и снабдилъ ихъ поясненіями. Что особенно замѣчательно въ альбомѣ, такъ это то, что все, сообщаемое путешественникомъ о Россіи (не только даты, имена, тексты переводовъ, но даже техническіе термины, титулы и т. п.), отмѣчено печатью точности и достовѣрности. Вспомните, что М. О. Бодянский, восхищенный столь высокими и столь рѣдкими въ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи, достоинствами «Путешествія» Мейерберга, хотѣлъ видѣть въ немъ славянина «изъ рода силезскихъ небогатыхъ дворянъ» и предполагалъ, что онъ могъ хорошо знать русскій языкъ.

И вотъ «Альбомъ» — это лучшее пособіе для изученія московской старины XVII в. теперь является въ русскомъ изданіи А. С. Суворина. Тутъ мы находимъ воспроизведенные фотомеханическимъ путемъ не только виды городовъ, дворцовъ, монастырей, церквей и многихъ археологическихъ предметовъ, а также портреты лицъ царскаго дома, бояръ и духовныхъ лицъ, вѣрное изображеніе костюмовъ, не срисованныя довольно художественно и этнографически — вѣрно цѣлыя сцены (какъ картины пріемовъ посольства, царскихъ поѣздовъ, обрядовъ поцѣлуйнаго, погребальнаго, и т. д.).

Мейербергъ не ограничился въ своемъ «Путешествіи» однимъ текстомъ, онъ сопровождаетъ рисунки обширными объясненіями, которые были переведены Аделунгомъ, а нынѣ переиздавалъ Ловагинымъ, расширившимъ ихъ слишкомъ длинными комментаріями.

Однимъ словомъ, «Альбомъ» Мейерберга — книга, весьма важная и интересная въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Бѣлокуровъ, С. А. Изъ духовной жизни московскаго общества XVII вѣка. 1) Сказаніе объ Успеніи Пресв. Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ. 2) Дѣяніе московскаго церковнаго собора 1649 года. 3) О записномъ приказѣ. 4) Юрій Крижаничъ въ Россіи. Изданіе И. Общества исторіи и древностей россійскиххъ. М. 1903 1—294 и 1—302.

Замѣчательный славянинъ Крыжаничъ уже 1½ вѣка не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей русской старины и они находятъ все новыя любопытныя стороны въ его жизни и дѣятельности. И С. А. Бѣлокуровъ посвящаетъ ему почти ¾ своей книги съ цѣлью выясненія личности этого загадочнаго скитальца. Г. Бѣлокурову удалось отыскать цѣлую серію оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными документовъ объ этомъ даровитомъ и энергичномъ сербѣ — католикѣ, и потому изслѣдованіе московскаго ученаго бросаетъ новый и яркій свѣтъ на тѣ мотивы и стремленія, которыми руководился Крыжаничъ въ своей дѣятельности. Длинный рядъ ученыхъ, занимавшихся біографіей и сочиненіями Крыжанича, въ своихъ взглядахъ на него рѣзко раздѣляются на двѣ главныхъ группы: одни считаютъ его фанатическимъ пропагандаторомъ церковной уніи между русскими и западными народами, подъ главенствомъ римскаго папы; другіе видятъ въ Крыжаничѣ убѣжденнаго панслависта, проводника идеи политическаго объединенія всѣхъ славянъ. Спасенія для нихъ онъ ждалъ отъ одной свободной Россіи, къ которой и устремлялъ свои взоры. Г. Бѣлокуровъ въ своемъ изслѣдованіи пришелъ къ слѣдующему выводу: «Воспитанный конгрегаціи пропаганды вѣры, Крыжаничъ

все время мечталъ только объ одномъ — объ обращеніи «схизматиковъ», распространеніи католичества и уніи восточной и западной церкви. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его. И въ зрѣлый періодъ жизни его любимымъ занятіемъ было обличеніе схизмы. Онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты: кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ дальнюю Московію съ единственною цѣлью — привлечь въ католичество русскихъ или, по крайней мѣрѣ, подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибирѣ не заставило его пережиться свои убѣжденія. И выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердить старое. Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, оставившійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняла его сердце, не славянствомъ занята его душа. Всѣ его политико-экономическія, историческія и другія сочиненія имѣли одну цѣль — приобрести большое довѣріе, чтобы, затѣвъ, въ определенное время дѣйствовать *ad maiorem Dei gloriam* (стр. 291).

Минаевъ. И. И. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изд. И. Русск. Географическаго Общества, подъ редакціею В. В. Бартольда (Записки И. Р. Г. Общ. по Отд. Этнографіи. Томъ XXVI). Спб. 1902. 1—XXI+1—355.

Значеніе путешествія Марко Поло въ исторіи ознакомленія европейцевъ съ Востокомъ давно оценено по достоинству. Умный и наблюдательный венеціанскій торговецъ — авантюристъ, много путешествовавъ, о цѣломъ рядѣ странъ, отчасти и до сихъ поръ недостаточно изслѣдованныхъ, отъ пустынь Персіи до Японіи, отъ Ледовитаго океана до Зондскихъ острововъ, Завзибара и Мадагаскара, Марко Поло первый изъ европейцевъ далъ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія. Заслуги такого путешественника, по замѣчанію лучшаго комментатора его, Юля, таковы, что одного перечня сдѣланныхъ имъ географическихъ открытій достаточно для того, чтобы обезпечить ему неуваждаемую славу.

Самъ М. Поло не написалъ книги о своемъ путешествіи. Его рассказы были записаны съ его словъ другими, и только о первой, по времени, записи можно сказать, что ова была сдѣлана подъ диктовку самого путешественника.

Въ 1298 г. М. Поло, находясь въ Генуѣ, въ качествѣ военно-плѣннаго, продиктовалъ на французскомъ языкѣ рассказъ о своихъ путешествіяхъ своему товарищу по заключенію, пизанцу Рустичіано.

Вернувшись въ Венецію въ 1299 г., М. Поло еще 25 лѣтъ прожилъ въ своемъ родномъ городѣ и часто рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ. Записанные, такимъ образомъ, рассказы возбудили всеобщее любопытство, вызвали различныя версіи, явились многочисленные переводы почти на всѣхъ культурныхъ языкахъ, привлекли къ себѣ вниманіе многочисленныхъ ученыхъ комментаторовъ, географовъ — явилась цѣлая литература о «Путешествіи М. Поло».

Въ Россіи было два изданія его: первое въ 1861—2 гг. въ «Чтеніяхъ Общ. исторіи и проч. (отд. изд. 1863 г.)», а второе — въ 1873 г. въ Спб.—ѣ. Оба перевода не представляютъ сколько нибудь научнаго изданія «Путешествія» М. Поло. Были у насъ и комментаторы его (арх. Палладій, Григорьевъ, Ханыковъ и др.)

Нашъ извѣстный знатокъ буддизма, проф. И. П. Минаевъ, первый взялъ на себя трудъ дать русской публикѣ переводъ книги М. Поло, удовлетворяющій научнымъ требованіямъ, но въ преждевременную кончину его это дѣло не было доведено до конца. Теперь, по предложенію Географическаго Общества, редактированіе и изданіе перевода Минаева принялъ на себя г. Бартольдъ. Въ «Предисловіи» имъ изложены: постепенное развитіе европейской литературы о «Путешествіи», принятая Минаевымъ система его перевода и порядокъ нынѣшняго его изданія. Тексту предшествуетъ списокъ пособій, которыми предполагалъ пользоваться Минаевъ.

О Россіи М. Поло, между прочимъ говоритъ: «Россія большая страна на сѣверѣ. Живутъ тутъ христіане греческаго исповѣданія. Тутъ много царей и свой собственный языкъ; народъ простодушный и очень красивый; мужчны и женщины бѣлы и бѣлокуры (въ другой версіи [Ramuzio] это мѣсто читается такъ: «они очень

красивые люди, бѣлые и высокіе; ихъ женщины также бѣлыя и высокія, съ бѣлокурыми и длинными волосами). На границѣ тутъ много трудныхъ проходовъ и крѣпостей. Дани никому они не платятъ, только немного дарю запада; а онъ татаринъ и называется Тактактай (разумѣется здѣсь золотоордынский ханъ Тохта или Тохтогу: 1290—1312 гг.); ему они платятъ дань и никому больше. Страна эта не торговая, но много у нихъ дорогихъ мѣховъ, высокой цѣнности; у нихъ есть и соболя, и горностаи, и бѣлки, и множество славныхъ лисицъ, лучшихъ въ свѣтѣ. Много у нихъ серебряныхъ рудъ; добываютъ они много серебра... Знайте, по истинной правдѣ, самый сильный холодъ въ свѣтѣ въ Россіи; трудно отъ него укрыться. Страна большая, до самаго моря-океана (336—7).

Шейнъ, П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Т. III. Спб. 1902. Изъ Сборника Отдѣленія русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. LXXII, стр. III—IV+535.

Третій томъ своихъ «Матеріаловъ» Шейнъ готовилъ къ изданію при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда физическія силы нашего преданнаго дѣлу этнографа уже покидали его, и онъ скончался въ моментъ корректированія листовъ этого тома. Завершеніе такой издательской работы принялъ на себя проф. Е. Ѳ. Карскій. Тѣмъ не менѣе, третій томъ сборника Шейна представляетъ богатые и цѣнные матеріалы по бѣлорусской этнографіи. Его наблюденія и сообщенія его корреспондентовъ обнимаютъ собою почти всѣ стороны матеріальной культуры бѣлорусовъ и ихъ духовной жизни. Въ 1-мъ отдѣлѣ своихъ «Матеріаловъ» Шейнъ помѣстилъ: описаніе жилищъ, одежды, пищи, игръ, занятій, вѣрованій, обычнаго права въ наслѣдованіи, и т. д.; во 2-мъ: земледѣльческіе обряды и обычаи, колдовство, чародѣйство, знахарство, вѣдмарство, лѣченіе болѣзней, средства отъ разныхъ напастей, повѣрія, суевѣрія, и т. д. Наиболѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи очерки: Рождественскія «свята» (щедрый вечеръ, колядки, свѣтки, вертепъ или «бѣлѣйки», разыгрываемыя въ лицахъ сцены, и т. д. Стр. 112—154), (254), народные разсказы о «вовкулакахъ» (253, суевѣрія относительно постройки дома (317), свадебный обрядъ въ уѣздахъ Мозырскомъ, Новогрудскомъ в Слуцкомъ

Въ редакцію «Живой Старины» поступили книги:

Отчетъ о состояніи Астрах. общ. б-ки за 1901 г. (съ основ. 64-й). Астрахань. 1902 г.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библіотекѣ за 1902 г. Минусинскъ. 1903.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи, составл. Н. В. Пономаревымъ, подъ редакціею Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Съездъ дѣятелей по кустарной промышленности. Доклады (1—24). Спб. 1902.

Кустарные промыслы Ярославской губерніи. Изданіе Ярославскаго губернскаго земства (1—10). Ярослав. 1902.

Указатель Всероссийской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 года. Спб. 1902.

Извѣстія Красноярскаго подотдѣла Восточно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. III. Красн. 1902.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Ч. I. Гиссарская экспедиція 1896 года. Изд. Имп. Русск. Географическаго Общества, подъ ред. И. В. Мушкетова. Спб. 1902.

Бобринскій, гр. А. А. Секта Исмаилія въ Русскихъ и Бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. М. 1902 г.

Погодинъ, А. А. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Изд. М. О. Иванова. Спб. 1902.

Минаевъ, И. П. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ., подъ ред. В. В. Бартольда. Спб. 1902.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Общинное землевладѣніе.

(Письмо изъ г. Кадникова)

Прежде всего я задаю себѣ вопросъ: что такое община? Община, по мнѣнію моему, есть самое драгоценнѣйшее, справедливѣйшее, великое изъ человѣческихъ учрежденій и вполне соответствующее ученію Господа нашего Иисуса Христа. Начало формы крестьянскаго землевладѣнія у насъ искони общинной, какъ наиболѣе любимой народомъ, теряется во мракѣ вѣковъ. Эта форма землевладѣнія на столько крѣпко укоренилась въ народномъ сознаніи, что ни татарское иго, ни крѣпостное право не могли стереть ея. Важно еще и то, что «община является результатомъ совершенно сознательной работы народной мысли», говоритъ г. Пругавинъ въ своей статьѣ: «Къ вопросу о разрушеніи крестьянскихъ общинъ»¹.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время число враговъ общины съ каждымъ годомъ все прибываетъ. Что община въ теперешнемъ своемъ видѣ «мало отвѣчаетъ индивидуальнымъ воззрѣніямъ на русскаго крестьянина», замѣчаетъ Кавелинъ въ своемъ письмѣ къ автору статьи «Общинное землевладѣніе» г. Иванюкову², въ этомъ еще бѣда не велика, надо прежде всего знать: каковы эти индивидуальскія воззрѣнія; нѣтъ ли въ нихъ недостатка?

Пишущій эти строки, будучи самъ крестьянскаго происхожденія и владѣющій до сихъ поръ частью общинной земли, смѣло утверждаетъ, что община и въ настоящемъ своемъ видѣ есть самая справедливѣйшая изъ формъ землевладѣнія и, что важнѣе всего, возвращаетъ, воспитываетъ, сохраняетъ общественность между людьми, взаимопомощь и любовь; въ общинѣ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ мѣста эгоистическимъ чувствамъ, чувству зависти. Ничего подобнаго не можетъ быть при разединеніи крестьянъ: тогда будетъ развиваться эгоизмъ и отсюда сутяжничество, что неизбежно послѣдовало бы при переходѣ крестьянъ на подворно-наслѣдственное землевладѣніе.

Я вполне согласенъ съ авторомъ письма, Кавелинымъ, что община «можетъ сослужить великую службу и стать могучимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ средствомъ для правильного устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія», если освободить ее отъ всякихъ лишнихъ путей, въ видѣ излишнихъ административныхъ воздѣйствій, и кое-чѣмъ дополнить. Не разрушать нужно общину, а очищать ее отъ всякихъ наслоевъ, какъ, напр., отъ опеки надъ крестьянскою жизнію и отъ индивидуальныхъ и иныхъ воззрѣній сытыхъ интеллигентовъ, желающихъ перестроить это великое учрежденіе, забывая, что отъ этого можетъ получиться «тришкинъ кафтанъ». Вѣдь обо всемъ этомъ общину не спрашиваютъ, а каждый хочетъ кроить ее по своему?

¹ «Русская Мысль» 1884 г. кн. 7.

² «Русская Мысль» 1885 г. кн. 1.

Нельзя не согласиться съ г. Ермолинскимъ, что «общинное землевладѣніе должно обезпечивать землею всѣхъ своихъ членовъ; каждый членъ общины долженъ имѣть одинаковое право ее всѣми на извѣстную долю мірской земли и община всегда должна удовлетворять его»¹, что — скажу отъ себя — община и дѣлаетъ: здѣсь всякій человекъ имѣетъ хоть клочекъ да своей земли, на которой (въ родномъ углу) подъ старость можетъ сложить свои кости.

Число враговъ общиннаго быта все увеличивается, особенно со стороны людей не крестьянскаго происхожденія. Разрушенію общины помогали многія обстоятельства. «Игнорированіе закономъ и его представителями народной жизни, — говорилось 20 лѣтъ назадъ — стремленіе урегулировать ее началами, намъ чуждыми, создало атмосферу, благопріятствующую индивидуализму въ его борьбѣ съ общиннымъ бытомъ, и въ этой атмосферѣ задыхается община»².

Теперь Особымъ Совѣщаніемъ и мѣстными Комитетами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности разсматривается вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Молчать въ такое время я считаю для себя невозволительнымъ, — пусть статья моя будетъ признана плохой и мои взгляды на общину слишкомъ оптимистичными.

Начну съ недостатковъ общиннаго землевладѣнія, какіе обыкновенно высказываются врагами его. Къ числу такихъ недостатковъ относятся:

а) Частые передѣлы земли, якобы связывающіе руки у трудолюбиваго крестьянина удабривать свои полосы;

б) Черезполосное владѣніе, какъ такая форма владѣнія землею, которая требуетъ принудительной обработки и препятствуетъ развитію селско-хозяйственной культуры;

в) Круговая порука;

г) Принудительная форма пастбы скота.

Всѣ эти недостатки общиннаго землевладѣнія только кажущіеся, которые, при первомъ серьезномъ взглядѣ на дѣло, исчезаютъ, какъ дымъ отъ вѣтра.

Коренные передѣлы земли бывають такъ рѣдки (черезъ 20—30 лѣтъ), — по крайней мѣрѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, что думать о томъ, будто бы трудолюбивый крестьянинъ, опасаясь, что его полоса при передѣлѣ перейдетъ къ другому, не будетъ ее удобрять, — думать такъ о нашемъ крестьянинѣ просто невозможно. Не только особенно трудолюбивый, но и самый обыкновенный крестьянинъ старается всѣми силами пропахать свою полосу, какъ можно лучше, удобрять и холить ее, какъ «матушку-кормилицу», нисколько не думая о томъ, что полоса его когда-нибудь перейдетъ къ другому. Во-первыхъ, его понуждаетъ поступать такъ чувство самохраненія: питаться надо каждый день и ждать 20 л. новаго передѣла не приходится; во вторыхъ, испавшаго плохо свою полосу засмѣютъ сосѣди. Вотъ два рычага, двигающіе нашего землевладѣльца къ труду, а не къ лѣни. Конечно, не всѣ полосы общинной земли одинаково удабриваются и одинаково распахиваются, но это происходитъ зачастую не по винѣ пахаря, а по причинѣ его бѣдности: если у него одна коровенка да лошадь, еле передвигающая ноги, то, само собою разумѣется, онъ не можетъ хорошо удобрить и пропахать своихъ полосу, хотя бы такой пахарь и обладалъ силой, чего, къ слову сказать, почти никогда не можетъ быть при скудномъ его питаніи.

Зла кому-либо отъ передѣловъ земли, по моему, не можетъ быть; напротивъ, они приносятъ громадную пользу общинѣ: восстанавливаютъ нарушенную временемъ несправедливость по владѣнію общей землею. «Коренными передѣлами достигается важная и основная задача общиннаго землевладѣнія — уравнительное, сообразно личному составу семей, распределеніе земли между всѣми домохозяевами общины», утверждаетъ г. Пругавинъ.³

Частные передѣлы земли тоже имѣютъ важное экономическое значеніе въ жизни крестьянъ. При этихъ передѣлахъ практикуется «навалка» душевыхъ надѣ-

¹ Выкупные платежи и коренные передѣлы мірской земли. «Слово» 1881 г. кн. 4.

² Щепотьевъ: Общинное землевладѣніе на сѣверѣ. «Русская Мысль» 1883 г.

³ Ibidem.

ловъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, и передача земель отъ умершихъ малолѣтнимъ тамъ, гдѣ доходность земли превышаетъ платежи. Однимъ словомъ, будетъ ли доходъ отъ владѣнія землею или убытокъ—община уравниваетъ все это между своими членами, притомъ, съ удивительной справедливостью. Гдѣ существуютъ передѣлы—тамъ и община.

Вторымъ недостаткомъ общиннаго владѣнія обыкновенно выставляется чересполосность владѣнія, дробность полосъ, вслѣдствіе чего единичнымъ личностямъ нѣтъ возможности вести болѣе интенсивное хозяйство, чѣмъ существующее, т. е. перейти съ трехпольной системы на многопольную, съ поперечнымъ боронованіемъ исключительно. Но и этотъ недостатокъ, кажется, слишкомъ преувеличенъ. Во-первыхъ, чересполосица существуетъ не по какому-нибудь вредному обычаю или капризу большинства членовъ общества, а потому, что въ одномъ и томъ же полѣ или пожѣ существуетъ различная почва земли, дающая и различную плодородность. Не будь чересполоснаго владѣнія, случилось бы то, что одни и, конечно, болѣе сильные и богатые однообщественники владѣли бы хорошими, плодородными участками земли, а другіе—бѣдные—худшими, тягость же платежей несли бы одинаково, значить, явилась бы вопиющая несправедливость, чего община всегда избѣгаетъ и—слава Богу! Представимъ себѣ поле въ 50 дес. пашни, которое требуется раздѣлить на 50 домохозяевъ, у которыхъ одинаково количество и надѣловъ (чего, конечно, не бываетъ). Дѣлать чего казалось бы проще: каждому дается по одной десятинѣ, слѣдовательно, раздѣлить все поле на это число участковъ и—дѣлу конецъ. Но на практикѣ выйти не такъ: въ числѣ 50-ти десятинъ есть 10 дес. очень хорошей, мягкой земли, 10 д. глинистой, 10 дес. каменистой, 10 дес., положимъ, сильно песчаной и 10 дес. болотистой. Какъ тутъ дѣлить на участки? Кому достанется мягкая, хорошая земля, тотъ долго будетъ съ хлѣбомъ, а кому достанется песчаная или болотистая, тотъ долго будетъ голодать. Такой несправедливости община не терпитъ, потому что «каждому, вѣдь, жить надо», говорятъ міряне¹. Поэтому, дѣлить землю всегда такъ, чтобы каждому домохозяину досталось по полосѣ того, другого и третьяго качества земли. Слѣдовательно, въ упомянутомъ полѣ должно быть не менѣе какъ по 5-ти полосъ на каждого. Но и это рѣдко бываетъ, такъ какъ, кромѣ плодородности земли, при дѣленіи играетъ роль и разстояніе отъ деревни. Есть земля возлѣ самыхъ дворовъ—«одворье»; есть и въ 2-хъ верстахъ отъ деревни—«озадки», т. е. задняя часть поля. Вотъ уже задача раздѣла нѣсколько усложняется, ибо для каждаго очевидно, что обрабатывать землю и удобрять ее возлѣ самой деревни или за 2 отъ нея—не одно и то же. Чтобы выяснитъ и уравнивать это земельное обстоятельство по всей справедливости, «по-божески», придется еще увеличить число полосъ.

Въ пахотной землѣ такіе условія или различія еще не такъ рѣзко бросаются въ глаза. Что касается сѣнокося, то разстояніе тутъ играетъ громадную роль. Сѣножатная земля (луга) тоже есть возлѣ самой деревни, и есть «чищенники» за 10—15 верстъ отъ нея. Съ полосы возлѣ деревни и, заимѣвши тучу, могу сбывать съ семьей и убрать сѣно до дождя, чего за 15 в. сдѣлать уже немисливо.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что чересполосица ужъ не такое зло, чтобы стоило изъ-за нея уничтожать общинное землевладѣніе.

Надо еще принять во вниманіе, что у крестьянъ существуетъ обычай и ѣхать съ полосами. Если условія мѣны подходящи. Гдѣ же крестьяне находятъ владѣніе узкими полосами болѣе справедливымъ и выгоднымъ для каждаго изъ нихъ (при различной почвѣ и разстояніи), то есть ли основаніе насильно навязывать имъ какіе-то «округленные участки», ради поперечнаго боронованія. Последніе рекомендовалъ нѣкогда проф. г. Иванюковъ. Теперь я отвѣтилъ бы ему его же словами, что «съ вѣковыми народными обычаями надо обращаться очень осторожно, особенно въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ сельское хозяйство и поземельныя отношенія».

¹ См. мою статью: «На мірскомъ передѣлѣ земли». «Живая Старина», годъ 9-ый, вып. 1, отд. II, 130—138.

Что касается того мѣня, что общинное землевладѣніе вообще и чернозѣмщина, въ частности, являются препятствіемъ веденію болѣе интенсивнаго хозяйства, то на такое мѣніе можно сказать, что ни та, ни другая форма землевладѣнія не служатъ причиной консерватизма въ хозяйствѣ, а мы должны заглянуть поглубже въ обстановку крестьянской жизни и тогда увидимъ нѣчто другое. По моему убѣжденію, главнымъ препятствіемъ для крестьянъ къ переходу съ трехпольнаго хозяйства на многопольное, съ травосѣяніемъ и поперечнымъ боронованіемъ исключительно, является недостатокъ у нихъ удобной земли, отсутствіе матеріальныхъ средствъ и малокультурность. Устраните причину—слѣдствіе уже явится само собою, появятся и многополье, и молотилки, и вѣялки, и жнейки и т. п., и община этому не воспрепятствуетъ. Теперь же довольно наивно говорить о томъ, чтобы крестьяне завели многопольное хозяйство съ травосѣяніемъ, перелогамъ, съ поперечнымъ боронованіемъ округленныхъ участковъ, при наличности такого количества пахотной земли, имѣющагося въ ихъ владѣніи, чрезъ которую, по остроумному замѣчанію самихъ крестьянъ «вапцъ перескочить».

При общинномъ землевладѣніи, какъ извѣстно, существуетъ круговая порука, которую вообще принято считать несправедливостью и бременемъ для трудолюбивыхъ крестьянъ. Между тѣмъ, она, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, является благотвѣльной формою общегитія. На самомъ дѣлѣ будетъ ли несправедливостью помочь (хотя бы уплатою податей) обществомъ тому изъ своихъ членовъ, у котораго случилось какое-нибудь несчастье: домъ ли сгорѣлъ, погибло ли отъ пожара гуйно съ хлѣбомъ, болѣзнь ли случилась съ нимъ или, наконецъ, лошадь пала. По моему—нѣтъ: «съ міру по ниткѣ, а голому рубашка», какъ говоритъ русская пословица. Нельзя подводить подъ одну мѣрку жизнь городского общества и жизнь деревни, общины, гдѣ въ людяхъ меньше эгоизма и больше искры Божіей. Безъ сомнѣнія, въ послѣднее время бывали случаи злоупотребленія круговою порукою по платежамъ (да гдѣ же не бываетъ злоупотребленій!) со стороны лѣнивцевъ и пьяницъ. Но первыхъ встрѣчается вообще очень мало, а вторые болѣею частью люди психически больные и заслуживаютъ, поэтому, если не состраданія, то свисхожденія. Но вѣдь общество можетъ временно отобрать землю такихъ неисправныхъ крестьянъ и отдать болѣе трудолюбивому члену общины, чтобы изъ-за нихъ не разорять себя. Правда, земля эта часто не приноситъ столько дохода, сколько за нее надо платить, такъ что «навалка» надѣловъ для другого является убыточной. Но на это можно сказать: кто же въ этомъ виноватъ? начало ли круговой обязательной поруки или несообразность налоговъ съ доходностью надѣла? Общинное ли землевладѣніе или податная система?

У насъ каждому, конечно, извѣстно, по какой дорогой цѣнѣ поступила земля въ надѣлъ крестьянамъ при уничтоженіи крѣпостнаго права,—земля, зачастую хорошаго качества, но принятая послѣдними безропотно ради личной свободы. Это чувство личной свободы было такъ высоко приподнято въ то время, что о качестве земли, ея доходности или убыточности никому изъ крестьянъ и въ голову не приходило.

Теперь прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 л. и вы, разсматривая хладнокровно эту сдѣлку между помѣщикомъ и его работъ—крестьяниномъ, убѣждаемся, что она была очень невыгодна для послѣдняго, особенно въ нашемъ Сѣверномъ краѣ, гдѣ земля цѣнилась въ то время въ большинствѣ случаевъ отъ 50 к. до 5 рублей за десятину. Выраженная въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности желательность пониженія выкупныхъ платежей встрѣтила въ немъ полное сочувствіе и онъ высказался въ положительномъ смыслѣ.

Наконецъ, надо быть послѣдовательнымъ и справедливымъ передъ своимъ правительствомъ: разъ владѣльцемъ надѣльной земли является община, какъ одно юридическое лицо, а не Иванъ, не Петръ, то и платежи за эту землю, какъ и мірской сборъ, должна платить община же.

Что касается той же круговой поруки по другому рода платежанъ, какъ, напр., больничный сборъ, т. е. плата за лѣченіе гдѣ-либо заболѣвшаго члена общины, который не въ

состоянии былъ уплатить за лѣченіе самъ и его родственники, то въ этомъ отношеніи круговая порука безусловно должна быть отмѣнена, такъ какъ община здѣсь не причеиъ, какъ не причеиъ она и по личнымъ долгамъ своего члена. Въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь паренъ уходитъ изъ общины на фабрику, заводъ или куда-либо на заработки, вообще на чужую сторону и тамъ заболѣваетъ, напр., сифилисомъ; съ общества за лѣченіе такого проболѣвшаго однообщественника взыскивается 30 — 50 р. Чѣмъ общество-то виновато? Вотъ подобныя этому сборы и создаютъ враговъ общины, даже среди ея самой изъ зажиточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ-земледѣльцевъ. И это понятно. Кому хочется отдавать свои заработанные потомъ и кровью деньги за какого-нибудь гуляку. Но, вѣдь, такое ненормальное явленіе легко устранить, такъ сказать, очистить общину отъ наноса, сбѣить только отмѣнить круговую поруку по всемъ платежамъ, которые ничѣмъ не связаны съ владѣніемъ землею. Но устраненіи причины этого явленія не будетъ и недовольства въ общинѣ ни отъ одного члена ея.

Относительно принудительной пастьбы скота скажу словами г. Постникова: «Подъ пастьбой скота нельзя разумѣть нѣчто неизмѣнное, одноформенное, ведущее, какъ утверждаетъ г. Рошеръ, къ такой-то системѣ хозяйства; напротивъ, характеръ выпаса скота видоизмѣняется соотвѣтственно той системѣ, какая принимается въ извѣстномъ селеніи»⁷. Ясно, выпасъ скота не можетъ служить тормазомъ къ замѣнѣ существующей системы хозяйства болѣе лучшею. Улучшенія въ хозяйствѣ какъ большія, такъ и малыя не исключаютъ общиннаго землевладѣнія, какъ и общинное землевладѣніе не исключаетъ ихъ. Это давнишняя истина, но часто забываемая людьми, желающими издали заправлять крестьянскою жизнью. Понятно до очевидности, что всякія улучшения въ хозяйствѣ возможны и при общинномъ порядкѣ, и если ихъ нѣтъ у насъ, то вивому тому не община, а нѣчто другое, скорѣе недостатокъ средствъ дѣлать коренныя улучшения. Чтобы возможно было поднять сельское хозяйство нашихъ крестьянъ на ту высоту, на какой стоятъ хозяйства въ Пруссіи и Англіи, для этого прежде всего нужно поднять на ихъ же высоту уровень образованія и экономического благосостоянія нашего земледѣльца. У насъ всякій, претендующій на званіе образованнаго человѣка, говорить, что крестьяне невѣжественны, грубы, косны, и т. п., что хозяйство ими ведется самымъ первобытнымъ способомъ, а никто не хочетъ задать себѣ вопроса: почему? почему они невѣжественны? Не потому ли, что школы хорошихъ нѣтъ, и если есть, то онѣ не всегда доступны для крестьянина. О необходимости поднятія у насъ народнаго образованія поднимался вопросъ и въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Къ чести нашихъ земствъ надо отнестъ, что они дѣлаютъ все, что возможно къ поднятію народнаго образованія на надлежащую высоту, но средства ихъ слишкомъ ограничены, чтобы можно было достигнуть желаемого уровня народнаго просвѣщенія, а потому является настоятельною надобностью въ ходатайствѣ—что единогласно призналъ Комитетъ—о томъ, чтобы казна пришла земству на помощь въ этомъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ общегосударственномъ, хотя бы принятіемъ на свой счетъ половинны земскихъ расходовъ по народному образованію. Не потому ли хозяйство у крестьянина ведется плохо, что часто у него нѣтъ средствъ на покупку 1 п. ржаной нуки! Да и улучшения возможны лишь при извѣстномъ, достаточномъ количествѣ земли. Обвинять крестьянъ очень легко, но прежде чѣмъ обвинять ихъ въ чемъ-либо, надо знать ихъ жизнь, ихъ правовое и иное положеніе; иначе, это обвиненіе не будетъ основательно: лежащего не бьютъ.

Вотъ тѣ главные недостатки общиннаго землевладѣнія, какіе обыкновенно предъявляются къ нему и которые, на мой взглядъ, не имѣютъ никакого значенія.

Теперь посмотримъ на достоинства общиннаго порядка.

Уже было замѣчено, что община есть лучшая изъ формъ человѣческаго общенія; теперь скажу о землевладѣніи.

По моему мнѣнію, общинное землевладѣніе нужно сохранять уже потому, что оно не даетъ деревенскаго пролетаріата, этого страшнаго бича въ западныхъ государствахъ

⁷ Общинное землевладѣніе. Вып. 1.

и, отчасти, уже у насъ въ городскихъ и фабрично-заводскихъ поселеніяхъ. Въ деревнѣ у насъ каждый имѣетъ хоть малую долю своей земли, а это очень важно. Съ переходомъ же на подворно-наслѣдственное землевладѣніе случится то, что неизбежно должно случиться, а именно: въ первые же годы, когда надѣльная земля будетъ предметомъ купли-продажи, большая часть крестьянской земли перейдетъ тѣмъ или инымъ путемъ въ руки болѣе сильныхъ въ обществѣ «богачевъ», а оставшая часть общества обезземелится и будетъ вѣчнымъ рабомъ своихъ богачей (наѣстная часть его превратится и въ «золотороды») и, такимъ образомъ, настанетъ новое крѣпостное право, гораздо худшее, чѣмъ было помѣщичье¹. Такому печальному явленію есть уже примѣры. Такъ, въ 80-хъ годахъ XIX в. г. Григорьевъ при своемъ наслѣдованіи, на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, по Полтавскому и отчасти Зеньковскому уѣду, Полтавской губерніи, писалъ (помнится, — въ «Отеч. Зап.»), что личное подворное владѣніе тяжело отзывалось на сельскомъ хозяйствѣ въ общегосударственномъ значеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ наслѣдственной формы владѣнія землей является усиленная мобилизація земельной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточеніе значительныхъ участковъ земли въ рукахъ однихъ («богатырей») на счетъ полного обезземелія другихъ. Дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго, возникли крайняя череполомосица и многополомосица, а отсутствіе формальныхъ юридическихъ актовъ на переходъ земли изъ рукъ въ руки пороило безконечные споры и разорительныя тяжбы. Такой результатъ крестьянско-земельнаго уклада едва ли кому-либо желательнѣе, а потому слѣдовало бы сохранить общинную форму землевладѣнія даже послѣ выкупа надѣльной земли обществомъ. Надо намъ быть признательными Законодателю за то, что онъ, ради сохраненія общины, ограничилъ выкупъ надѣльной земли отдѣльными домохозяевами. Лишь въ этомъ одномъ желательна какъ бы исключительность закона о крестьянахъ. Принимая во вниманіе, что существуютъ же маюратныя владѣнія, которыя разнятся отъ общины лишь тѣмъ, что тамъ закрѣпляется земля на родомъ, а здѣсь должна закрѣпиться за обществомъ, — все и разница почти въ одномъ этомъ, слѣд. такое землевладѣніе возможно и въ поселенскомъ быту. Нѣтъ сомнѣнія, когда народъ умственно поразовѣетъ, то и при общинномъ землевладѣніи перейдетъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ къ болѣе интенсивному хозяйству. Притомъ, необходимо освободить крестьянство отъ обязанности нести службу сотскихъ, десятскихъ, отъ карауловъ, дежурствъ, натуральной дорожной повинности, отъ излишней бюрократической опеки и т. п. Исполненіе крестьянами полицейскихъ должностей отвлекаетъ ихъ отъ работы и вводитъ во время «страды».

Къ числу неблагоприятныхъ условій, вредно вліяющихъ на крестьянское благосостояніе и слѣд. на развитіе сельско-хозяйственной промышленности, представляетъ исключительность законовъ о крестьянахъ, въ силу которыхъ они могутъ быть подвергаемы, по 61—62 ст. Положенія о земскихъ начальникахъ, позорному и попирающему человѣческое достоинство тѣлесному наказанію, а также аресту безъ суда до 3—7 дней, отъ чего избавлены всѣ другіе классы населенія. Въ виду того, что исключительные законы, въ видѣ тѣлеснаго наказанія и ареста безъ суда, позорятъ, по понятіямъ образованныхъ людей нашего времени, не только того лично, кого они касаются, но, отчасти, и болѣе высшіе классы общества, непринимавшіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ уничтоженію этого пережитка рабства, то въ Мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности было выражено пожеланіе за уничтоженіе подобной аномаліи въ справедливыхъ законахъ. Предложеніе объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія и объ отиѣнѣ ст. 61—62 было встрѣчено въ Кадниковскомъ Комитетѣ сочувственно и принято частью въ немъ, а частью въ Губернскомъ Комитетѣ.

А. А. Шустиковъ.

¹ Для примѣра я могъ бы указать на письмо одного крестьянина, недавно полученное мною, въ которомъ онъ проситъ меня продать ¼ или всю его крѣпостную землю, потому что у него пала лошадь. Такъ будетъ и съ надѣльной землей крестьянъ, съ тою лишь разницею, что лошадь, съ продажей послѣдняго клочка земли, тогда уже будетъ не нужна. Но несчастье можетъ случиться у крестьянина и другого рода, напр., домъ сгоритъ и надо же для семьи какую-нибудь хибарку построить. И вотъ полетѣла земелька и — въ результатъ: цѣлая семья нищихъ!

По вопросу объ общинѣ.

(Корреспонденція изъ Новгородской губ.)

По поводу «Вопросовъ», помѣщенныхъ въ «Живой Старинѣ» (II выпускъ за 1902 г.), позволю себѣ привести свои наблюденія надъ жизнью мѣстныхъ крестьянъ, а также мнѣнія самихъ крестьянъ и ихъ отвѣты.

Огромное большинство крестьянъ нашего края даже не имѣетъ понятія объ иномъ строѣ жизни, кромѣ общиннаго. До освобожденія крестьянъ помѣщики хотя и жили въ нашемъ краѣ земли въ видѣ лѣсныхъ дачъ или покосовъ, но сами здѣсь не жили, усадьбъ не имѣли. Послѣ освобожденія крестьянъ малоцѣнные земли (почва—песокъ и болото) отъ помѣщиковъ перешли цѣльными угодьями или въ руки отдѣльных крупныхъ богачей, какъ лѣса, или во владѣніе крестьянскихъ обществъ, какъ мелкій лѣсъ, болота и плохіе покосы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего уѣзда, гдѣ были помѣщичьи усадьбы, на мѣстѣ одного крупнаго владѣнія помѣщика создавались десятки отдѣльных подворныхъ владѣній. Такія цѣнныя усадьбы не могли попасть въ одні руки и переходили къ зажиточнымъ крестьянамъ уже небольшими, сравнительно, земельными клочками. На каждомъ такомъ клочкѣ въ нѣсколько десятинъ являлось подворное владѣніе. Въ нашей же мѣстности подобныхъ явленій нѣтъ. Въ бесѣдахъ со мною по этому поводу нѣкоторые крестьяне просто удивлялись, какъ это люди живутъ въ одиночку, и задавали мнѣ такіе наивные вопросы: «да, вѣдь, имъ скучно. Этакъ и посидѣть ни къ кому нельзя сходить; словомъ, не съ кѣмъ перемолвиться». Эта причина, по мнѣнію многихъ, настолько важна, что одна она въ состояніи удержать общину отъ распада на подворные участки. О мелкихъ услугахъ сосѣдей, одолженіяхъ и говорить нечего. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ: «я вотъ исправный мужикъ; у меня всякая вещь, инструментъ—все найдется, а и то не могу обойтись безъ сосѣдей. У меня вотъ хозяйка забыла вчера хлѣбы растворить, значить, и сиди сегодня голодомъ, еслибы не сосѣди. За такимъ пустякомъ не побѣдишь за три версты. У моего сосѣда не только долота или пилы, а и сохи-то порядочной нѣтъ. Высели такого бѣдняка или хоть и пятерыхъ немущихъ куда-нибудь,—да они совсѣмъ пропадутъ. А всего самъ не запасеешь». Дѣйствительно, между крестьянами такъ много подобныхъ взаимныхъ услугъ. что онѣ, какъ крѣпкія сѣти, связываютъ общину отъ распада. Деревни въ нашей мѣстности довольно большія, домовъ по 80, по 100 и по 150. Поля и покосы вногда находятся далеко. Между крестьянами являются иногда попытки выселиться изъ большой деревни и завести новый «выселокъ» или «новину», но эти случаи крайне рѣдки. Въ одиночку селяки почти не выселяются. Я знаю только два-три подобныхъ случая, но они кончились неудачно. Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ одиночества такіе пионеры снова возвращались на свои прежнія пеленки. При выселеніи кого-нибудь изъ сосѣдей, крестьяне даютъ нѣкоторыя льготы: земли во владѣніе ему даютъ больше, помогаютъ перевезтись и постройтись, но и такая помощь не соблазняетъ крестьянъ къ выселенію на новое мѣсто. «Хоть и бѣднѣе жить, да не по-волчьи выть», говорилъ мнѣ одинъ новосель, черезъ три года возвратившійся въ свою деревню. И сами крестьяне смотрятъ на такого смѣльчака какъ-то подозрительно. Про него непременно кто-нибудь пуститъ дурную сплетню: то у новосела бѣглые люди пристають, то краденое сбывается, то онъ зани-

мается выдѣлкою фальшивой монеты и т. п. Выселеніе бываетъ удачѣе въ томъ случаѣ, когда выселяется сразу нѣсколько семействъ, хотя и такіе случаи рѣдки.

Понятна причина, побуждающая вашихъ крестьянъ дорожить насимженными мѣстамъ и избѣгать переселеній, хотя бы и недалекихъ. Почва въ Уломской мѣстности, обнимающей собою 11 волостей, т. е., треть уѣзда, очень неплодородна, и много трудовъ и затратъ нужно положить новоселу, чтобы скудная земля родила хлѣбъ. Поля и покосы нужно огородить, а это потребуетъ сразу затраты въ нѣсколько десятковъ рублей. Когда всѣ угодья общія, то на долю каждого владѣльца приходится сравнительно немного изгороди, а огородить отдѣльно свой, хотя и небольшой участокъ, не подѣ силу часто не только одному, а нѣсколькимъ крестьянамъ. Когда послѣ пожаровъ начальство принуждаетъ мужиковъ строиться по извѣстному плану и оставлять между дворами промежутки въ нѣсколько сажень, то сколько бываетъ среди крестьянъ хлопотъ и ругани. Никому не охота ѣхать на новое мѣсто и даже не куда-выбѣжать за нѣсколько верстъ, а на конецъ деревни.

Немаловажную роль въ такихъ случаяхъ играетъ и суеверіе. Мнѣ передавалъ одинъ крестьянинъ, по неволѣ выселившійся послѣ пожара въ конецъ деревни, какъ въ старомъ пеленищѣ не одинъ разъ ночью выдѣли «дѣдушку» (домового). «Ходить по дворцу, опустивши голову, да такъ жалостно смотреть. Нѣтъ, ужъ не пойдеть онъ къ намъ, не будетъ оберегать наше добро», говорилъ съ грустью мужикъ. Онъ увѣревалъ, что ему на новомъ мѣстѣ ужъ не жить такъ ссавво, какъ онъ жилъ на старомъ.

«Когда мы живемъ вмѣстѣ, замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ, у насъ все есть: и пашня, и покосъ, и лѣсъ и выгонъ. А разсѣлись мы по разнымъ мѣстамъ, такъ у одного будетъ поле, но не найдется покосу; у другого есть лѣсъ, а не достанетъ пашни или нѣтъ выгону», и т. д. По мнѣнію мужика, трудно найти такое мѣсто, гдѣ бы всѣ эти угодья были; ихъ надо наживать, а для этого потребуется много времени.

И сколько мнѣ ни приходилось наблюдать и спрашивать самихъ крестьянъ, они не желаютъ переменъ общиннаго строя, хотя и видятъ въ немъ немало недостатковъ. При каждомъ передѣлѣ земли поле разбивается сперва на отдѣльные участки: дальніе и ближніе, удобные и неудобные, съ длинными полосами и короткими, и т. д. За 40 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ населеніе сильно увеличилось; въ нѣкоторыхъ деревняхъ удвоилось. Полевые участки приходится дѣлить на очень мелкія полосы, иногда не больше аршина ширины. На такой полоскѣ—однѣ межи, обрабатывать ее плохо, хлѣбъ родится худой. Этой бѣдѣ, по мнѣнію самихъ крестьянъ, помочь можно—стоитъ только при передѣлѣ не разбивать участки на мелкія полосы. Одной группѣ, напримѣръ, дать дальній участокъ въ полѣ, но ближній въ покосѣ; кому достанется болѣе худшій участокъ поля, за то тому земли дать больше, а у кого земля лучше, тому ея дать меньше, и т. д.

Бѣда только въ томъ, что такіе передѣлы теперь устроить трудно. Противъ нихъ всегда стоятъ болѣе зажиточные крестьяне, кулаки. Они владѣютъ большимъ количествомъ земли, за долгое время ее успѣли удобрить, и имъ, понятно, жалко разстаться со своими участками. А такъ какъ мѣстные власти: старосты, судьи, старшины выбираютъ всегда нѣ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, то они всегда и держатъ руку немногочисленнаго, но довольно сплоченнаго меньшинства. Земскіе начальники считаютъ этотъ элементъ самымъ благонадежнымъ и держатъ ихъ сторону. Земскіе начальники, по выраженію одного крестьянина, препятствуя передѣлу, могутъ сдѣлать въ каждой деревнѣ 5 человѣкъ богатыми, 50 бѣдными, а остальныхъ по міру пустить. Дѣйствительно, можно встрѣтить такіе факты: у крестьянина трое—семья и 2½ душенихъ надѣла, у другого 7 чел. и 1½ надѣла. Одному своего хлѣба хватать на цѣлый годъ и еще останется продать; а другой посылать—и ѣсть нечего. Такой немогутній не переѣзжаетъ на другое мѣсто, не заводитъ отдѣльнаго подворнаго хозяйства, хотя бы ему в помощь оказали, а просто бросаетъ хозяйство и обращается въ бобыля. Самъ хозяинъ занимается въ батраки или ух-

лѣтъ въ столицы на заработки, гдѣ совсѣмъ сбивается съ круга, а семья его отправляется по міру.

Второй недостатокъ общиннаго владѣнія—это крайняя скудость земли, особенно нуждаются въ покосахъ. Этому горю, по мнѣнію крестьянъ, тоже можно помочь. У насъ много мѣстъ болотистыхъ, которыя, при правильной, хотя бы простой системѣ осушки, можно осушить и обратить въ хорошіе луга, а потомъ и въ пашни. Но въ этомъ случаѣ должна придти на помощь казна. «Сами мы не подъ силу, выдыхаетъ крестьянинъ. У насъ есть луговинка, стоитъ ее обрыть канавами да повозить песку, и мы на душу снимаемъ по два хорошихъ воза сѣна». Такихъ луговинокъ по нашей мѣстности у крестьянъ много. «Да руки не доходятъ, продолжалъ мужикъ, а вотъ кончатъ пашню и спѣшу не на свою работу, а на чужую: семья безъ хлѣба сидитъ. Я сегодня поработалъ у тебя день (онъ былъ у меня въ поденщикахъ) и получила муки куплю: два дня семья и сыта, а потомъ бѣгай да снова ищи работы, а то сиди голодомъ».

Теперь у насъ быстро сталъ входить въ употребленіе посѣвъ клевера. Это, по отзывамъ мужиковъ, можетъ нѣсколько помочь горю, но отъ бѣды не избавитъ: посѣешь травы, не достѣшь хлѣба.

Многіе не впрочемъ бы куда-нибудь переселиться, но сами они не могутъ принять этого, имъ должна помочь казна. И переселяться имъ слѣдуетъ не поодиночкѣ, а большими группами, чтобы общинный строй не нарушался, т. е. за разъ четверть деревни, а то и полдеревни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ освобожденія крестьянъ земли послѣднихъ надѣльныя и покупныя не были точно размѣнены и отдѣлены отъ владѣній какъ помѣщиковъ, такъ и отъ земель крестьянъ другихъ обществъ. Это явленіе порождаетъ постоянную путаницу во владѣніяхъ, вноситъ въ жизнь деревни споры, тяжбы и т. н. Неопредѣленность границъ угодій крестьянъ служитъ немаловажнымъ тормозомъ къ болѣе лучшему, продуктивному пользованію ими своею землею.

Итакъ, въ нынѣшнемъ крестьянскомъ быту чувствуется крайняя потребность:

1) въ увеличеніи количества земли и въ улучшеніи негодныхъ земель или, въ иныхъ мѣстахъ, въ выселеніи части населенія на новыя мѣста, а также въ приведеніи въ точную извѣстность земельныхъ границъ тамъ, гдѣ онѣ еще составляютъ предметъ споровъ и недоразумѣній; 2) въ уменьшеніи бюрократической опеки, такъ какъ она приноситъ пользу, главнымъ образомъ, только ничтожному меньшинству. Многіе крестьяне жалуются на тяжесть налоговъ и на неравномѣрное ихъ распредѣленіе. Последнее мнѣніе представляетъ не ясно сознаванную и выраженную ими мысль о подоходномъ налогѣ.

Иные изъ крестьянъ справедливо полагаютъ, что очень много зла причиняетъ имъ пьянство, а потому, на вино, по ихъ мнѣнію слѣдовало бы пошлину (акцизъ) еще болѣе возвысить, чтобы оно было недоступно простому крестьянину, и онъ кровныя свои гроши не пропивалъ, а употреблялъ ихъ на пользу своей семьи.

Отъ многихъ изъ поселянъ слышатся жалобы на ихъ неразвитость. «Темнота наша няновата въ томъ, что мы все ходимъ вокругъ да около, какъ слѣпые, и не можемъ ницѣть того, отъ чего бѣдимъ». Одинъ хорошо грамотный мужикъ замѣтилъ: «говорять, что сытое брюхо къ ученію глухо; а голодное—и глухо, и слѣпо». Повторяю, за уничтоженіе теперешняго общиннаго строя мнѣ не приходится встрѣчать мнѣній.

В. Антимова.

ОТДѢЛЪ V.

Народная пѣсня «На Горахъ» Нижегородской губерніи.

Я сдѣлалъ нѣсколько наблюденій надъ народной пѣсней въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, Васильсурскомъ и Сергачскомъ, Нижегородской губерніи, лѣтомъ 1901 года, исполняя порученіе пѣсенной комиссіи, состоящей при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ: записывать народныя пѣсни на фонографѣ. Дѣлу этому были посвящены мною два мѣсяца: июль и августъ. При этомъ большая часть перваго мѣсяца ушла на знакомство съ напечатанными нижегородскими пѣснями и этнографіей края, насколько она связана съ вопросомъ о пѣсняхъ, обрядахъ, при которыхъ онѣ исполняются, и т. п. Въ г. Нижнемъ есть очень хорошая городская бібліотека съ читальнымъ заломъ. Она бываетъ открыта втеченіе цѣлаго дня. Имѣются печатные каталоги книгъ, находящихся въ бібліотекѣ. Книги для пользованія на мѣстѣ выдаются бесплатно, и очень скоро. Мѣстные изданія и вообще книги, имѣющія отношеніе къ краю, внесены въ особый каталогъ и помѣщены отдѣльно. Но, не смотря на все это, съ нижегородскими пѣснями пришлось познакомиться недостаточно. Въ справочныхъ книжкахъ, календаряхъ, сборникахъ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ пѣсенъ или мало или совсѣмъ нѣтъ. Главный и довольно богатый источникъ, конечно, Нижегородскія Губернскія Вѣдомости; но онѣ, къ сожалѣнію, не имѣютъ ни указателей, ни даже ежегодныхъ оглавленій: приходится перелистывать каждый годъ, видѣть съ сожалѣніемъ иногда вырванные листы и порядочно утомляться отъ скучной и мало полезной работы или невольно отвлекаться къ какимъ-либо другимъ вопросамъ. Въ записанныхъ текстахъ часто приходилось находить большой и неоправданный недостатокъ: исправленіе, замѣну народныхъ формъ литературными. Особенно искажается народная пѣсня тогда, когда замѣняющее слово не соответствуетъ первоначальному по числу слоговъ. Поется, напр., мово, чисто поле, большіимъ, работаешь, баслои, и т. п., а записывающій вмѣсто этого ставитъ: моего, чистое поле, большіимъ, работаешь, благослови, отчего разрушается развѣръ пѣсни. Обыкновенно не обозначаются ударенія — хотя бы не обычныя — которые въ пѣснѣ, какъ стихотворномъ произведеніи, имѣютъ пернестепенную важность; не объясняются мѣстные слова, которые понятны и пѣвцу, и записывателю, но являются загадкой въ другихъ мѣстахъ; не указывается: отъ кого записаны пѣсни, съ пѣнія или съ пересказа, и т. п. Но немало встрѣчалось хорошихъ пѣсенъ и любопытныхъ извѣстій. Напр., о колядованіи дѣвушекъ въ Княгининскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ, о празднованіи Купаленъ, Семьика, Троицина дня съ гуляньемъ втеченіе цѣлыхъ ночей въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Есть завися пѣсенъ и обрядовъ, снадебныхъ причитаній, духовныхъ и раскольническихъ стиховъ изъ уѣздовъ Балахонскаго, Лукояновскаго, Васильурскаго, Сергачскаго, Семеновскаго, Княгининскаго, Арзамасскаго и др. (см. Ниж. Губ. Вѣд. 1897—1891, 1893, 1895). Лучшіе тексты я нашелъ въ записяхъ г. Я. Виноградова: пѣсни Высокоосельской волости, Васильурскаго уѣзда (1887 г. № 36, 1888 г. №№ 8, 24). Въ № 34-мъ 1887 года помѣщена пѣсня мѣстнаго происхожденія. Она передаетъ дѣйствительный случай: убійство матери сыномъ, составлена вскорѣ послѣ

совершенія преступленія, которое было дѣтъ 50—60 тому назадъ. Наконецъ, небольшое собраніе пѣсенъ Нижегородской губерніи находится въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1885 г. (№№ 59—61, 64, 66, 68, 71, 88(?), 99) ¹.

Отправившись въ путь, я собиралъ напѣвы или вѣзны р. Волги или въ отдаленныхъ частяхъ Сергачскаго и Бягинивскаго уѣздовъ, въ мѣстностяхъ, указанныхъ знатокомъ края, председателемъ Статистическаго Комитета А. И. Звѣдниковъ. Посѣщать имѣлось въ виду только мѣстности съ чисто русскимъ населеніемъ. Во время моего путешествія крестьяне не разъ говорили мнѣ, что обрусѣвшая мордва хорошо поетъ русскія пѣсни. Это очень вѣроятно, такъ какъ, напр., обрядовыя пѣсни могли замѣстствоваться въ старое время и храниться въ чистотѣ, благодаря болѣе слабому влиянію городовъ. Такъ, у мордвы сохранился въ большей подробности свадебный обрядъ, какъ полагаютъ, замѣстствованный у русскихъ. Провѣрить справедливость сообщеній о большихъ достоинствахъ пѣнія обрусѣвшей мордвы я, однако, не могъ.

При объѣздѣ данной мѣстности нельзя было двигаться по прямому пути. Являлась нужда возвращаться въ г. Нижний, чтобы оставить тамъ для храненія валики съ надписями, такъ какъ было нежелательно подвергать ихъ опасностямъ быть сломанными при перевозѣ съ мѣста на мѣсто. Оказывалось еще необходимымъ собирать и поправлять развивчивающійся и ломающійся фонографъ. У меня былъ Standard Эдиссона. Работа съ этой машинкой, пока еще мало пригодной для перевозовъ, представляла очень много затрудненій и оставила у меня довольно печальныя воспоминанія. Не было ни одного переѣзда, послѣ котораго фонографъ могъ бы исправно дѣйствовать безъ разнаго рода свинчиваній, развивчиваній и другихъ поправокъ. Послѣ перваго перевоза на лошадахъ, въ 16 верстъ, оказалось невозможнымъ привести его въ дѣйствіе безъ помощи спецیاлистовъ. Я воротился въ г. Нижний, чтобы получить указанія въ московской торговой фирмѣ: «Компанія граммофоновъ». Затѣмъ, послѣ каждаго переѣзда, нужно было всегда очень долго хлопотать изъ-за фонографа, чтобы привести его къ болѣе или менѣе правильному движенію. Въ началѣ путешествія развивчивались и распались верхнія части; въ концѣ стали развивчиваться нижнія, славивать которыя было мнѣ, конечно, гораздо труднѣе. Нѣкоторыя мелкія части не только отвинчивались, но и отламывались вовсе. Такъ, два раза отламывалось колесико, поддерживающее каретку съ діафрагмой, которая безъ него опускалась, конечно, неравномѣрно: то лежала очень высоко, такъ что должна была давать слабую, неотчетливую запись, то опускалась слишкомъ низко, такъ что даже приостанавливала вращеніе валика. Безъ этого колесика пришлось сдѣлать большую часть записей. Большой рушпортъ, подвѣзанный къ желѣзному пруту, прикрѣпленному къ ящику съ фонографомъ, держался чрезвычайно неустойчиво. Нижняя часть его, укрѣпленная въ діафрагмѣ, оттягивалась верхнею, такъ что діафрагма приподнималась. Чтобы приблизить ее къ валику, нужно было во время записи поддерживать ее рукою, а это мѣшало слѣдить за общимъ движеніемъ фонографа. Вообще можно рекомендовать недовѣрчивое отношеніе къ увѣреніямъ продавцовъ о прочности, долговѣчности и портативности фонографовъ. При перевозкѣ нужно связывать и отвинчивать нѣкоторыя части фонографа для предохраненія ихъ отъ порчи.

¹ Въ мѣстныхъ изданіяхъ приходилось наталкиваться и на другія замѣчательныя извѣстія, изъ которыхъ упомяну объ одномъ, совсемъ не относящемся къ дѣлу, но имѣющемъ большое право на вниманіе. Въ книгѣ «Нижегородка» А. С. Гацискаго, издан. 1877 г., на стр. 198 я нашелъ слѣдующее: «Замѣчательнѣйшая древность монастыря (Благовѣщенскаго въ г. Нижнемъ)—икона Богоматери, писанная, какъ это видно изъ греческой надписи на ней, въ Греціи, въ 6501 (993) году, т. е. почти вслѣдъ за принятіемъ Русскою христіанства (988), и Евангеліе конца XI вѣка, съ нотными знаками, похожими на буквы греческаго алфавита, т. е. самаго первообразнаго типа, такъ называемыхъ псалодитическихъ знаменъ». Евангеліе XI вѣка было бы величайшею рѣдкостью. Въ русской письменности имѣются только два евангелія такой древности: это—знаменитое Остромирово и Архангельское Евангеліе 1092 года, хранящееся въ Румянцевскомъ Музеѣ. Указаннаго покойнымъ А. С. Гацискимъ Евангеліе теперь нѣтъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Гдѣ оно находится (и было-ли?) я не могъ узнать.

Я объѣхалъ данныя мѣстности, слѣжавъ около 370 верстъ на лошадяхъ и тяжело поѣздивши на пароходѣ, что, впрочемъ, являлось, сравнительно, удовольствіемъ и отдыхомъ. Ближе къ р. Волгѣ я находилъ бойкое, развитое и промышленное населеніе почти съ однимъ варьированіемъ, во съ небольшимъ различіемъ въ бытъ в разныхъ промышленныхъ. Когда-то темные и сѣрые «закудсы» (населеніе за р. Кудмой, Нижегородскаго уѣзда) мало отличаются теперь отъ жителей другихъ мѣстностей. Въ Приволжьи, не смотря на явное вліяніе и иногда близость города, хранится еще старая пѣсня и старый обычай. Такъ, въ с. Ельнѣ, Нижегородскаго уѣзда, въ 16 верстахъ отъ г. Нижняго, собираются очень большіе хороводы, на масленицѣ существуютъ катанья съ пѣснями. на Пасхѣ «старники» (мужики) ходятъ пѣть «вьюнецъ». Еще больше, повидимому, можно найти старинныя в хорошихъ пѣсняхъ въ большіхъ приполюскихъ селахъ Васильсурскаго уѣзда, который славится пѣсенниками по всему Поволжью, и въ глухихъ углахъ Сергачскаго и Княгининскаго уѣздовъ. Въ Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда, какъ мнѣ передавали, три брата кузнецы Сучковы, разыгрываютъ «Атамана» съ пѣснями. По р. Волгѣ мы найдемъ часто плясовую пѣсню, которая въ захолустяхъ становится рѣдкой. Земледѣльцы-домосѣды, жители такихъ захолустей, иногда заявляли, что они такихъ пѣсней и прежде не пѣли и не любили. На р. Волгѣ пѣсню поддерживаютъ, во первыхъ, артельная жизнь, во вторыхъ, дорога, движеніе людей, при которомъ происходитъ ихъ общеніе. Самы крестьяне указываютъ, что у береговъ р. Волги лучше поютъ пѣсни. Но перемѣны въ промышленности и въ способахъ передвиженія, происшедшія въ послѣднее время, разрушительно подѣйствовали на старую пѣсню. Пѣсня бурлацкая, ввозвѣчья погибла; съ упадкомъ старыхъ русскихъ промысловъ и развитіемъ фабричной и заводской дѣятельности, мѣсто народной занимаетъ, естественно, процвѣтаетъ фабричная пѣсня, точнѣе, городская, потому что специально фабричныхъ пѣсней очень мало. И въ Нижегородскомъ краѣ изъ села и деревни уже занесется много пѣсней изъ Сормова (большой заводъ подъ г. Нижнимъ).

Я старался разыскивать пѣсни бурлацкія и разбойничьи, но старанія мои дали немного въ итогѣ. Нашелся одинъ очень много и охотно пѣвшій старый бурлакъ—по мѣстному: «волгарь»—изъ Вишенки, Ниж. у. Онъ ходилъ «подишительнымъ», т. е. вслѣдъ за первымъ, «шашкой», в бытъ, по обычаю, заправлялъ, но его манера пѣнія показала мнѣ слишкомъ искусственной. Изъ указаній въ разныхъ мѣстностяхъ выяснилось, что репертуаръ бурлацкихъ пѣсней былъ очень разнообразенъ. Нужны были только такія пѣсни, которыя удобно пѣть «въ ногу»: въ этомъ случаѣ судно шло правильно, не колыхаясь; движеніе облегчалось и ускорялось. Для того собственно и пѣлись пѣсни. Для примѣра пѣсней бурлацкаго репертуара назову: «Катенька веселая, Катя чернобровая», «Какъ по зорькѣ - по зорѣ, по утринѣ по росѣ, шелъ мальчишка въ гостей, со великихъ радостей», «Я капустиньку, дѣвка, положила въ саду зелену». Къ бурлацкому же репертуару принадлежала и записанная мною былина объ Ильѣ Муромцѣ и станичникахъ. Вообще же изъ числа записанныхъ мною на фонографѣ 103 номеровъ пѣсней я могу указать еще нѣсколько болѣе старыхъ или лучше исполненныхъ. Это прежде всего эпическія пѣсни, кромѣ названной уже объ Ильѣ Муромцѣ, о князѣ Михаилѣ, «Поѣхалъ король на воеванье», о сынѣ Стеньки Разина. Изъ историческихъ пѣсней поются: о покореніи Казани и нѣсколько пѣсней о дѣвятинадцатомъ годѣ. Замѣчательно, что въ то время, какъ первая забывается, послѣднія поются часто и охотно. Нѣкоторыя плясовыя пѣсни исполнялись съ живымъ увлеченіемъ. Лучшіе номера слышаны на р. Волгѣ въ огромномъ селѣ Фокинѣ, бывшей вотчинѣ Демидовыхъ, Васильсур. у.; напр., очень веселая, хотя весьма непривлечная: «Ночуй, Дуня, у меня», «Овечушки-косматушки» и др. Здѣсь же удалось услышать и нѣсколько свадебныхъ причитаній, исполненныхъ съ большимъ умѣньемъ и чувствомъ. Кромѣ этого немало записано пѣсней голосовыхъ, хоро-водныхъ, свадебныхъ. Есть тюремныя, солдатскія, разбойничьи, колядки.

Теперь перейду къ разсказу о томъ, какъ я произвожилъ записи и наблюденія. Пріѣхавъ въ мѣсто изслѣдованія, я собиралъ, съ помощью сельскихъ властей, пѣв-

цовъ. Начинались разговоры и пѣніе. Пѣсни, которыя обращали мое вниманіе, записывались сначала съ пересказа, потомъ прослушивались въ исполненіи и исправлялись согласно съ нимъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, по особой поспѣшности или значительной усталости пѣвца, я отступалъ отъ такого порядка. Затѣмъ, я просилъ опѣть пѣсню для записи на фонографѣ. Въ началѣ я пробовалъ разставить передъ руппоромъ весь хоръ пѣвцовъ (такъ я записывалъ въ Нижегород. у.), но такъ какъ пѣвцы заслоняли другъ друга, то при слѣдующихъ записяхъ я обыкновенно располагалъ передъ руппоромъ трехъ пѣвцовъ: запѣвала въ срединѣ и двое по сторонамъ. Они пѣли въ самый руппоръ, что давало болѣе отчетливыя записи. Каждый напѣтый валикъ тотчасъ же выслушивался, потому что было необходимо проверить записанное. Это, кромѣ того, доставляло большое удовольствіе исполнителямъ, привлекало ихъ къ пѣнію и вѣдушевляло во время его. Въ послѣднемъ посѣщенномъ мною селѣ, Бутуранинѣ, Бягининѣ у., вслѣдствіе перчи діафрагмы, воспроизводящей запись, я не могъ проверить записанное и дать послушать поюпщій. Я замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ пѣли для фонографа хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Прослушиваніе записанныхъ пѣсень привлекало множество посѣтителей, которые, впрочемъ, еще до начала пѣнія, биткомъ набивали избу, въ которой я находился, толпой стояли у оконъ, кучами сидѣли на печи, чтобы оттуда смотрѣть на диковинное дѣло. Жара и духота въ избѣ усиливались. Къ пѣснѣ хора иногда примѣшивался плачь грудного ребенка, съ которымъ пришла любопытная мать. Обратная передача записанныхъ пѣсень на фонографѣ, съ которыми по р. Волгѣ всѣ знакомы, благодаря торговлѣ фонографами на Нижегородской ярмаркѣ, вызывала въ публикѣ большія одобренія, доходившія до восторга и преувѣличія. Особенно удивляли случаи, когда слышали, при пентореніи пѣсни на фонографѣ, точную передачу того, чего не слѣдовало быть въ пѣснѣ, напр.: кашель, остановку, и т. п. Говорили: «Ужъ и машинна! Молодецъ машинка: какъ я, такъ и она; я замкнулся и она тоже»... «Лучше вашего поетъ», говорили съ восхищеніемъ. «Въ машинку-то я бы еще спѣлъ: это мнѣ и самому любопытно», заявлялъ одинъ много пѣвшій и уставшій крестьянинъ. Но исполненіе для фонографа во множествѣ случаевъ, конечно, было хуже, чѣмъ простое пѣніе, не въ руппоръ. Тѣмъ болѣе, что для фонографа приходилось пѣть во второй разъ, что обыкновенно дѣлается съ меньшей охотой и одушевленіемъ. Часто бывало, что сначала, когда выслушиваешь пѣсни, поютъ хорошо; но когда попросишь пѣть въ руппоръ, поютъ гораздо хуже: вяло, нестройно, несвободно. Тутъ дѣйствовали усталость и чувство неловкости отъ непривычнаго положенія. Особенно это отражалось на пѣніи всегда болѣе впечатлительныхъ женщинъ. Но и мужчины находили, что «въ трубку-то пѣть неловко: «турнишься» (торопишься). Къ торопливости и неловкости, безъ сомнѣнія, вызываютъ шумъ и движеніе фонографа.

Что меня чрезвычайно затрудняло: это текстъ нѣкоторыхъ хорошихъ пѣсень, гдѣ запѣвала и хоръ иногда поютъ разными слова. Я старался сдѣлать въ этомъ случаѣ точную запись, но, признаюсь: часто это было выше моихъ силъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ къ сложной музыкѣ хора я не могъ записать точный сложный текстъ отъ начала до конца пѣсни. Въ народной музыкѣ есть въ этомъ отношеніи своеобразныя, но трудно уловляемыя черты. Въ основномъ текстѣ, при пѣніи разныхъ лицъ въ хорѣ, находимъ осложненія вслѣдствіе прибавленія различныхъ частицъ и неударяемыхъ словъ: а, о, в, э, охъ, эхъ, только, да вотъ, она... полуповтореній, произношенія разными лицами различныхъ словъ или пѣнія нѣкоторыхъ на одинъ звукъ въ то время, какъ другіе произносятъ цѣлыя слова. У запѣвалы часто находятся болѣе слоговъ или словъ. Все это нужно бы было совершенно точно записать для изученія ства пѣсни, но все это не всегда удавалось отмѣтить. Впрочемъ, здѣсь нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи можетъ дать самъ фонографъ.

Между старыми пѣснями находилось много такихъ, которыя могъ исполнить только одинъ пѣвецъ: такіа записаны съ одного голоса. Что касается до текста этихъ пѣсень, то, я думаю, что нужно имѣть въ виду слѣдующее: если исполнитель пѣсни былъ обыкновенно запѣвалой, то овъ и поетъ слова запѣвалы, а это не все равно,

что слова хора. На это не мѣшало бы обратить вниманіе при изученіи всякихъ записей пѣсенъ.

Относительно достоинства записанныхъ пѣсенъ не всегда приходилось быть разборчивымъ. Иногда и записывалъ и непосредственно исполняемую пѣсню, думая, что лучшаго пѣнія въ встрѣчу. Желая записать на фонографъ какъ можно болѣе текста и музыки для каждой пѣсни, я употреблялъ на каждый вумеръ пѣнія отдѣльный валикъ. Запись обыкновенно производилась при 120 оборотахъ валика въ минуту.

Хорошіе пѣвцы, конечно, встрѣчались нечасто. Вотъ нѣкоторые отличительныя особенности большинства ихъ. Они поютъ охотно, не стѣсняются, не заставляютъ себя долго уговаривать, какъ другіе. Въ с.-Шолоховѣ, Нижегород. у. мнѣ пѣлъ 83 лѣтній старикъ, съ ослабѣвшей памятью и силою, но все еще сохранившій вѣрность, красоту и нѣкоторую силу голоса. «У меня былъ голосъ: запою, такъ упадешь», говорилъ онъ мнѣ. Лучшіе пѣвцы хорошо, осмысленно передадутъ текстъ пѣсни на пересказъ и въ пѣніи. Они допускаютъ при повтореніи нѣкоторыхъ пѣсенъ или словъ немало незначительныхъ вариантовъ въ текстѣ, но строго сохраняютъ смыслъ и ритмъ пѣсни. Они очень интересуются пѣніемъ «въ трубку», чтобы потомъ слышать свой голосъ. Лучшіе пѣвцы, которыхъ я слышалъ, обыкновенно учились пѣнію дома, у своихъ родителей: отца или матери. Для пѣнія въ хоръ нрѣдко являлись братья, дядя и племянники, мать и дѣти. Иногда хорошій пѣвецъ — осѣлый крестьянинъ, иногда — ходячій портной, старый бурлакъ, николаевскій солдатъ, т. е. люди бывалые, отчасти потону они и не такъ стѣсняются.

Пѣвцовъ въ этомъ краѣ называютъ «пѣсельники», иногда: «пѣуны». Манера, приемъ поющего определяется словомъ: «установъ». «У кого какой установъ» (тогда такъ и поетъ). О любителяхъ и мастерахъ пѣнія обыкновенно говорятъ: «коренной пѣсенникъ». Объ одномъ сказали: «Онъ лютъ, старикъ — отъ, былъ пѣсни пѣтъ». Пѣсня раздѣляется на «сколѣна», начинается «съ конца» (т. е. съ начала) и нѣтъ свой «голосъ» (напѣвъ), или, какъ иногда говорятъ бывалые и грамотные, «мативъ». Вмѣсто пѣтъ пѣсню говорится также: «сдѣлать пѣсню». Вмѣсто а ч и а ѣ пришлось слышать: «зарѣвай». Мѣстная терминологія различаетъ слѣдующіе виды пѣсенъ. По темпу: «голосовыя» и «частыя»; по связи съ обрядомъ: «свадебныя», или «пиронныя», «круговныя» (хороводныя, потому что вмѣсто хороводъ говорятъ: «крутъ»), «пласовыя». Говорятъ: «тонцовая» пѣсня, «пласуча», «пласная», или: поется «подъ пляску», «подъ тонцую», «въ првтопку», «въ припляску», «подъ ногу», «подъ топъ», т. е. подъ мѣрный шагъ бурлаковъ, солдатъ. По содержанію отличаютъ: «военныя» пѣся, «затюренныя», «скоморошныя». Последнія называютъ также: «перегудшныя, пригудшныя». Иногда пѣсню называютъ «волжской». Это показываетъ, что населеніе, нѣсколько отдаленное отъ р. Волги, нѣло не тѣ пѣсни, которыя пѣлись на берегахъ этой рѣки. Новыя коротенькія пѣсни, такъ называемыя «частушки», здѣсь носятъ имя «тартыжвыхъ». Иногда говорятъ: «саратовская матѣня». Старые пѣвцы относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Пѣтъ иногда нужно «протяжѣе», иногда «прѣтче» (сильнѣе). Нѣкоторые голосовыя пѣсни поются «на выность»: одни поютъ, другіе «выносятъ». Но во многихъ случаяхъ пользуются обыкновенной терминологіей, которая относится къ разговорной рѣчи. О забываемой пѣсни сказали: «Давно лежала пѣсня, кое-что погншло». Такую пѣсню иногда отказываются пѣтъ, говорятъ: «не напѣтая», «не выдетъ», «не пойдетъ». Въ такихъ пѣсняхъ «счибются», или «затыкаются» (запинаются, останавливаются), потому что «захлснуло» (забылось); рѣдко поютъ такъ, чтобы «смышки не было».

Какъ относится самъ народъ къ своей старой пѣснѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ отношеніемъ народа къ обычаю, который нѣтъ одинаковую судьбу съ пѣсней. Падаетъ безсознательно хранившійся вѣковой обычай: падаетъ и пѣсня. Много говорилось о любви народа къ своей пѣснѣ; о томъ, что народъ поетъ и въ радости и въ горѣ; о томъ, что его пѣсня раздается въ просторѣ полей, въ зелени луговъ и лѣсовъ, за крестьянской работой. Эти идиллическіе

взгляды не вполне подтверждаются действительностью. Крепкі чувства, на существованіе пѣсни оказываютъ большое вліяніе образъ и условія жизни, а также мѣняющіяся понятія народа. Безъ этого поэтическая и музыкальная древняя пѣсня не замѣнялась бы городскою, фабричною, новою, въ эстетическомъ отношеніи нескладной, фальшивой и дѣтской, но съ новымъ болѣе отвѣчающимъ современной жизни содержаниемъ.

Да и самый народъ едва ли таковъ, какимъ его старались и стараются представить сентиментальные мечтатели. Трезвый и даже нѣсколько суровый по складу ума великорусъ не лишенъ поэтичности, но поетъ онъ обыкновенно: 1) въ праздники, въ хороводѣ и, вообще, на гуляньѣ, 2) на свадьбѣ, 3) что бы не хотѣлось говорить, но что нужно сказать: когда онъ выпилъ. Въ пожилые годы онъ уже не входитъ въ хороводъ и не поетъ. Развѣ подойдетъ стоять у хоровода и слушать. Пожилыя женщины еще болѣе держатся этого обычая. О старомъ человѣкѣ скажутъ, когда онъ пѣлъ въ послѣдній разъ: это обыкновенно 3—4 года назадъ, на свадьбѣ близкаго родственника, внука или племянника. Степенный вообще, великорусскій крестьянинъ строго соблюдаетъ нравственнаго рода приличіе, по которому пѣть ни съ того, ни съ сего—неумѣстно, не хорошо. Если крестьянинъ завелъ лавку, трактиръ, кабакъ, если онъ сдѣлался церковнымъ или сельскимъ старостой, онъ также перестаетъ пѣть съ мужиками.

Поэтому меня не удивляло то обстоятельство, что иногда затруднялись найти пѣвцовъ, а найденные пѣвцы иногда нескоро или неохотно начинали пѣть. Часто слышались даже: «сумѣваются», «опасаются». Въ одной волости, гдѣ не было сдѣлано земскимъ начальникомъ извѣщенія о предстоящемъ посѣщеніи экспедиціи, пѣвецъ заявлялъ: «Какъ бы чего не было отъ земскаго начальника»? Тутъ мало помогаютъ и открытые листы министра внутреннихъ дѣлъ и Географическаго Общества, потому что сами пѣвцы не грамотны, о Географическомъ Обществѣ не имѣютъ никакого понятія, о министрѣ внутреннихъ дѣлъ—весьма смутное, а отъ начальства, которымъ они привыкли считать свое начальство, они ничего раньше не слыхали. Дѣло было необыкновенное: «прежде никогда этого не было». Въ глухихъ мѣстахъ приходилось слышать отголоски толковъ объ антихристѣ, несвязанные, впрочемъ, ни съ какой личной враждебностью. Передавалось неофициальными лицами, что, дескать, «старухи» или «люди говорятъ, что антихристъ придетъ. Сначала въ книгу запишутъ, а потомъ печать валожутъ». При этомъ всегда осуждались «глупые деревенскіе люди».

Народъ осуждаетъ пѣсню по существу: за ея романтическое содержаніе. Я не разъ слышалъ преданія о старыхъ пѣвцахъ съ похвалою ихъ репертуару. Въ Нижегородскомъ у. одинъ раскольникъ передавалъ о нѣкогда жившемъ пѣвцѣ-старикѣ. Пріѣдетъ онъ на мельницу и станетъ пѣсни пѣть. Всѣ его слушаютъ. «30 пѣсней споетъ, въ одной сударушкѣ не помняеть». Интересно, что это были за пѣсни? Не былины ли? Итакъ, нужно знать, что пожилые люди «стыдятся» пѣть, что надъ пѣвцами «смѣются», что дѣвки нерѣдко «модются» (церемонятся) и стѣсняются пѣть.

Не смотря на то, что въ Нижегородской губерніи, въ уѣздахъ, которые я объѣхалъ, есть мѣстности, гдѣ знаютъ много пѣсней и хорошо ихъ поютъ, точно, подробно и осмысленно передавая текстъ пѣсни,—все таки уже содержаніе пѣсней свидѣтельствуешь о постепенномъ происходящемъ ихъ разрушеніи.

Во-первыхъ, въ пѣсняхъ иногда слышатся искаженія: бессмысленно употребляемые слова или звуки вмѣсто тѣхъ, которые должны быть. Вмѣсто: «Межъ двухъ польцовъ я блонца», нѣкоторые поютъ и говорятъ: «Межъ двухъ коловъ»; вмѣсто: «Онъ ходилъ гулялъ съ пушкой вѣстовой», нѣкоторые поютъ «съ ручкой вѣстовой»; вмѣсто: «шолокъ кушакъ на рубашку», слыли: «шолъ кокушакъ на рубашку» (а словесно дали правильный текстъ) и т. п. Иногда слышимъ непонятныя, можетъ быть тоже искаженные слова: «Изъ еѣ бѣла лица выступала рубетѣ» (послѣ удара). Пѣвецъ объясняетъ, что это кровь, но это объясненіе дается по смыслу фразы. Въ текстахъ академика А. И. Соболевскаго

въ этой пѣснѣ въ данномъ мѣстѣ стоитъ: «румяна». Въ одной пѣснѣ поютъ: «Она клала во студенышка», вѣроятно, вмѣсто суденышко. На просьбу объяснить какое-нибудь непонятное слово обыкновенно отвѣчаютъ: «не знаемъ, что это значитъ; такъ въ пѣснѣ поется», или даютъ объясненіе по смыслу фразы, какъ о приведенномъ словѣ: «рубета».

Во вторыхъ, текстъ недостаточно и неодинаково помнится. Иногда среди пѣсней останавливаются, потому что запѣвала забыла пѣсню; нерѣдко не могутъ докончить пѣсню, такъ какъ многіе не знаютъ конца ея; по временамъ сбиваются, начиная пѣть разными словами. О пѣснѣ про покореніе Казани говорили, что ее не пѣли лѣтъ 20. Одну пѣсню пѣвецъ «2 дня думалъ», вспоминалъ, «насилу вспомнилъ», во, evidentemente, неточно. Лучше, конечно, передаются обрядовыя пѣсни: хороводныя, свадебныя и плясывыя. Тексты пѣсней другого рода забываются и искажаются скорѣе.

Свадебныя дѣвичьи пѣсни даже въ устной передачѣ даютъ текстъ, который отличается полнотой, связностью и ритмичностью; тогда какъ въ пѣсняхъ голосовыхъ разница между устнымъ пересказомъ и пѣніемъ иногда бываетъ очень значительна.

Эти наблюденія относятся къ поющей массѣ. Но старыя тексты и напѣвы хранятся еще пока избранными ея представителями старшаго поколѣнія; отъ людей средняго и стараго возраста я в дѣлалъ свои записи. Развитые пѣвцы, т. е. толковыя, бывалыя и болѣе способные отъ природы, сознательно относятся къ тексту, комментируютъ его—часто безъ всякаго съ вашей стороны предложенія—и даже стараются исправить. Когда при пересказѣ пѣсней о князѣ Михаилѣ дошли до словъ: «Ужъ ты, матушка моя родима, ты зѣла стала, скарапѣя», одинъ изъ слушателей, сельскій староста, замѣчаетъ: «Про мать-то ты это сказалъ ужъ напрасно». На это пѣвецъ возражаетъ: «Нѣтъ, ты разбери, такъ увидишь, что ненарасно. Кабы твоя мать двѣ души загубила: жену да младенца, что бы ты сказалъ»? Въ пѣснѣ о графѣ Чернышевѣ, Захарѣ Григорьевичѣ, пѣвецъ, дошедшій до словъ: «По у кра й городу выстрѣвъ», прибавляетъ: «Ужъ не просится въ городъ, въ кр ен ь, а только бы гдѣ-нибудь». Въ одной свадебной пѣснѣ слова: «Завила кудри... со воды уборы сонимаючи», объясняютъ такъ: «Она свѣтила на берегу, вода разбила: ова и занивала кудри». Редакціи текстовъ: «Со полуночи разбойникъ онъ двѣнадцать коней велъ»; «Цѣловальникъ молодой, не пой дѣвушкѣ волой»—не одобряются. Противъ перваго замѣчаютъ: «Зачѣмъ одному разбойнику двѣнадцать коней?» противъ втораго,—что никогда не угощаютъ волой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили, что составъ пѣсней, которая передавалась, теперь измѣненъ: часть забыта, а иногда и прибавлена. Притомъ прибавленіе не является въ такихъ случаяхъ распространеніемъ сюжета, а просто подходящимъ по смыслу или только по напѣву отрывкомъ изъ какой-нибудь другой пѣсней.

Пѣсни съ реальнымъ содержаніемъ стараются приурочить къ своей мѣстности. Старую и общераспространенную пѣсню о томъ, какъ монашенка сына родила и топить несла, относятъ къ Нижнему, говорятъ, что тамъ былъ такой случай. Пѣсню о бѣгствѣ изъ-подъ конвоей приписываютъ двумъ братьямъ, бѣглымъ арестантамъ изъ Лежска (Нижег. у.). Говорятъ: «Это они про себя сложили».

Старая пѣсня забывается потому, что разрушенъ старый обычай, при которомъ она пѣлась. Народные праздники: Семицъ, Троица, Ивановъ день, масленица и др. уже потеряли свои древніе обряды: конечно, забылась и связанная съ ними старая обрядовая пѣсня. Завивать вѣнки нѣ лѣтъ, калядовать ходятъ теперь обыкновенно только дѣти; собраній крестьянъ изъ разныхъ деревень въ Троицынъ день или другіе весенніе праздники гдѣ-нибудь въ лѣсу или на пограничномъ полѣ—не существуетъ; репертуаръ хороводныхъ пѣсней теряетъ свою опредѣленность; на свадьбахъ, кромѣ необходимыхъ обрядовыхъ пѣсней, поютъ всякія и очень охотно городскія, въ родѣ: «Подъ душистою вѣткой сирени»; старыя народныя танцы в игры можно найти только изрѣдка. Такъ, нѣ селѣ Воротынецъ, Васильсурскаго у., сохранились тавцы дѣвушкѣ въ четверомъ в шестеромъ. Зимнія посѣдки въ деревняхъ прекращаются или принимаютъ новый характеръ, а съ вѣтми и новыя пѣсни съ танцами подъ гармонику. Праздники, свадьбы стали кратковременны, иногда на послѣднихъ гуляютъ всего одинъ

день; свадебный обрядъ сталъ очень неполонъ. Въ огромномъ селѣ Воротынецъ прежде дружками ходили человека три. Теперь ходитъ всякій, потому что причетовъ и обрядовъ не требуется. Причитанья невѣсты, причитанья надъ покойниками давно уже не считаются обязательными и становятся очень рѣдки. Ихъ знаютъ въ немногихъ мѣстахъ и только въ старшемъ поколѣніи. Пали всѣ основанія, которыя поддерживали старую всеню: безъ нихъ она не можетъ держаться.

Самое объясненіе о кабакахъ, что они поддерживаютъ пѣсню, которое повторяется крестьянами и здѣсь, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Крестьяне говорятъ: «Тамъ большое село, трактиръ есть: тамъ пѣсни хорошо поютъ». Кабакъ—крестьянскій клубъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно пѣть крестьянскому хору, напр., зимою, кромѣ кабака и трактира? Вспомнимъ, что народные пѣвцы—артисты выводятся въ литературѣ однимъ изъ болѣе наблюдательныхъ и изящныхъ нашихъ писателей въ кабаки «Пританомъ».

Неблагодѣтельное экономическое положеніе, малоземелье, недороды, тоже разрушаютъ пѣсню. Въ захолустныхъ иногда найдете сѣрый, бѣдный народъ, лапотниковъ, но не пѣсенниковъ. Разговоры, не очень логично, но очень скоро и очень упорно, переносятся крестьянами, съ которыми вы бесѣдуете о пѣсняхъ и пѣніи, на жалобы на то, что малы надѣлы, плохи урожан и т. п.

Во вѣдѣніяхъ вліяніяхъ не находимъ также условій, поддерживающихъ пѣсню. Городъ, интеллигенція, за немногими исключеніями, пренебрегаетъ пѣсней крестьянина. Полиція, разгоняющая въ уѣздныхъ городахъ хороводы крестьянъ и, ради соблюденія «тишины и спокойствія», запрещающая пѣніе отдѣльныхъ лицъ, не принадлежитъ къ охранителямъ народной пѣсни. Духовенство, которое не можетъ выйти изъ устарѣлыхъ аскетическихъ взглядовъ на народную пѣсню и не перестаетъ поучать объ ея грѣховности, также не принадлежитъ къ друзьямъ народной поэзіи и музыки, безъ сомнѣнія гуманизирующимъ массу. Свѣтская сельская школа ставитъ своимъ идеаломъ пѣніе стиховъ по нотамъ и изучаетъ ненародные мотивы. Церковная школа почти гонитъ пѣсню. Понятно, что при этихъ условіяхъ наша пѣсня доживаетъ свои послѣдніе дни. Она держится только благодаря консервативности русскаго крестьянства, соединенной, пужно сказать правду, съ замѣчательной поэтической и музыкальной восприимчивостью и памятью отдѣльныхъ лицъ изъ него.

Слѣдя за жизнью народной пѣсни въ народѣ, не найдемъ ли мы данныхъ, разъясняющихъ вопросъ о народномъ творчествѣ? Наблюденіе даетъ, къ сожалѣнію, мало матеріала для разъясненія послѣдняго вопроса. Несомнѣнно, что наше время имѣетъ дѣло только съ сохраненіемъ народной пѣсни. Самое творчество народа, давшее намъ старую пѣсню, прекратилось уже давно. Современные наблюдатели въ огромномъ большинствѣ случаевъ могутъ найти только одинъ изъ вариантовъ той или другой пѣсни, извѣстный въ старыхъ или новыхъ вариантахъ, но не новую неизгнѣтную пѣсню. Въ народѣ есть хранители пѣсни, но нѣтъ творцовъ ея. Пѣсня есть произведеніе народнаго творчества. Это не значитъ еще, что она—произведеніе той мало культурной массы, которая является теперь ея хранительницей. Участіе деревенскаго сельскаго крестьянства въ жизни народной пѣсни заключалось, вѣроятно, почти исключительно въ воспріятіи, храненіи и передачѣ пѣсеннаго матеріала по сосѣдству и въ слѣдующія поколѣнія. Самое же творчество: сложеніе новыхъ пѣсенъ, развитіе старыхъ сюжетовъ, отдѣлка, обработка сложенного—происходили, конечно, въ культурныхъ центрахъ. Современная пѣсня, повидимому, больше всего принадлежитъ «каменной Москвѣ». Потому она отличается и политической неустойчивостью. Она осудила сравнительно небольшіе пороки низверженнаго «Гришки», но тщателью обошла всѣ темныя стороны лѣвосты и дѣятельности Ивана IV или Петра I.

Изъ Москвы вновь сложенные пѣсни разносились во всѣ края Россіи, какъ и теперь разносятся разные романсы въ родѣ: «Ясный мѣсяцъ плыветъ вадъ рѣкою», «Зачѣмъ ты, безумная, губишь» и т. п., которые поются чуть не вездѣ. Если допустить народное творчество случайное и неопредѣленное относительно мѣста, то не возможно будетъ понять: какимъ образомъ въ разныхъ краяхъ Россіи поются пѣсни,

въ большинствѣ случаевъ, сходныя между собою. Еще труднѣе будетъ объяснить совершенство литературной отдѣлки въ пѣснѣ и черты книжности въ ея языкѣ. Въ содержаніи пѣсни бросается въ глаза роскошь обстановки, въ которой выводится ея герои и происходитъ ея дѣйствіе. Золото, серебро, жемчугъ, шолкъ, бархатъ, тифтъ, сафьянъ—вотъ въ пѣснѣ матеріалъ для одежды: простое крестьянство знало только овчину, холстъ, лыко. Смуть кафтанъ, шляпа съ перомъ, золотая трость, перчатки, завиваніе кудрей, вѣжливость въ обращеніи съ дамами, искусство сушить и крушить женскія сердца—мало извѣстны и современному, болѣе культурному деревенскому парню. Сельскій житель и въ былинѣ презрительно называется: «засельщиной, деревенщиной». Въ народной пѣснѣ мы найдемъ иногда такіа тонкія указанія относительно дѣвичьего туалета, которыя, можетъ быть, неизвѣстны многимъ нашимъ горожанкамъ; напр., какъ употреблять румяна, цвѣта, какъ привлекать поклонниковъ.

Напомню для послѣдняго случая прекрасную, полную житейскаго смысла и наблюдательности, пѣсню о томъ, какой совѣтъ подаетъ дѣвничъ губернаторъ, когда она подала просьбу на молодца, ходившаго къ ней, а потомъ оставившаго ее.

Всѣ эти данныя говорятъ за городское происхожденіе большинства пѣсней и возникновеніе ихъ въ высшихъ классахъ стараго общества, что впрочемъ было замѣчено уже давно, еще К. Д. Кавелинымъ. Понятія, стремленія, жизни лицъ, о которыхъ поетъ пѣсня, принадлежатъ еще болѣе культурному обществу. Крестьянинъ, конечно, можетъ быть страстнымъ, но едва ли—эстетичнымъ, свободнымъ во взглядахъ на отношенія къ красивой женщинѣ. Пѣсня на тему: «Чужая жена—лебеди бѣлая, а своя жена змѣя лютая»—скорѣе должна явиться у горожанина, аристократа, чѣмъ у крестьянина.

Признавая мѣстомъ происхожденія народной пѣсни культурный центръ той или другой области, мы приблизимся и къ разрѣшенію вопроса о времени упадка народнаго творчества. Какъ только начинается возникать искусственная книжная пѣсня, такъ необходимо должна падать народная, которая спускается въ болѣе низшіе классы населенія, но въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія еще въ болѣе широкое употребленіи въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ что собиратели пѣсней того времени могли записывать ихъ, не выѣзжая изъ столицъ. Тексты пѣсней въ сборникахъ Новикова, повидимому, московской редакціи. Сахаровъ даетъ прямые указанія на записи пѣсней въ Москвѣ и Петербургѣ. Присутствіе въ русскомъ пѣсенномъ репертуарѣ переводныхъ, заимствованныхъ пѣсней даетъ новое указаніе, что въ развитіи русской народной пѣсни первая роль принадлежитъ не деревнѣ, а городу.

Факты народнаго творчества связаны съ характеромъ всей культуры государствъ и народовъ. Когда русская культура стала принимать западническій характеръ, тогда стало ослабѣвать и національное народное творчество. На характеръ и понятія къ современнаго намъ простонародья уже отразились черты общей культуры; крестьяне стоятъ на новой, высшей ступени развитія. Люди съ поэтическими наклонностями и талантами, выдѣляющіеся изъ теперешней народной массы, являются не слагателями пѣсней на старый ладъ, а сомоучками-писателями и поэтами, какъ, напр., извѣстные Семеновъ или Дрожжинъ.

Если мы находимъ теперь въ деревнѣ слагателей пѣсней, то это обыкновенно стихослагатели новѣйшаго типа. Таковъ, напр., былъ въ с. Шолохшѣ, Нижегородскаго у., крестьянинъ Семенъ Тимофеевичъ Сусинъ, научившійся грамотѣ у дьячка. Онъ жилъ въ 60-хъ годахъ, былъ «пѣсельникъ» и оставилъ въ своемъ селѣ двѣ пѣсни, которыя составилъ самъ и «положилъ на голосъ». Здѣсь мы видимъ пѣсню съ именемъ автора, съ мѣстнымъ или личнымъ содержаніемъ, съ рѣшомъ, съ довольно правильно примѣненнымъ стихотворнымъ размѣромъ. По содержанію и языку—это ученическое стихотвореніе, въ которомъ очень прозаическій рассказъ подчиненъ размѣру и риму; изложеніе не живое и не яркое. Направленіе данныхъ пѣсней, какъ и направленіе части литературы того времени, обличительное, чего совсѣмъ нѣтъ въ народной пѣснѣ. Приведу одно изъ этихъ стихотвореній, которое короче и лучше, замѣтивъ предварительно, что оно написано послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по поводу того, что они отказались отъ выкупа земли.

Шестьдесятъ во первомъ годѣ
 Была радость во народѣ.
 Вотъ была радость у насъ,
 Намъ послѣдовалъ указъ.
 Намъ прислали манифестъ.
 Манифестомъ насъ сподобили,
 Отъ господъ насъ слободили.
 Стали молодцы вольны,
 Намъ не надо всѣмъ земли.
 Стали думать и гадать,
 Какъ постронть свой кабакъ.
 Вотъ постронли жорчму,
 При большѣмъ при мосту;
 При большѣмъ при мосту,
 При быстрою при рѣченкѣ.
 Каждый праздникъ воскресенье
 Въ кабакъ у насъ веселье;
 А вечернею порой
 Чуть плетемся всѣ домой.
 Шолохшански мужичевки
 Пропиваютъ голичочки.
 По утру рано встаеиъ,
 На плечо ведры беремъ,
 А въ карманахъ—отъ пятачекъ,
 Со похмелъ въ кабачекъ.
 Вотъ мы пѣли да гуляли,
 Жоны по міру собирали.
 А вотъ зимнею порой
 Пойдемъ всѣ за померой (т. е. по міру).
 Стали думать и гадать,
 Какъ навадъ бы землю взять.
 Взяли землю на шесть лѣтъ,
 Сѣмень зѣрна у насъ нѣтъ.

Въ томъ же самомъ селѣ есть современная пѣсня и болѣе народнаго склада, но также очень слабой обработки. Ее составляли и клали на голосъ два крестьянина. Мнѣ ова рассказывалась и пѣлась однимъ изъ составителей. Пѣсня уголовного со- держанія: изложеніе подробностей убійства, происшедшаго въ сосѣдней деревнѣ. Обстоя- тельства дѣла въ пѣснѣ изложены полно и, повидному, точно, но объ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ личностей въ ней не дается никакого понятія, что лишаетъ пѣсню всякой поэтичности. Общественная, не художественная тенденція пѣсни обнару- живается въ томъ, что она сложена по слухамъ до оффиціального разслѣдованія дѣла, когда убійцы еще не были арестованы. Слагатели пѣсни получали предостереженія или угрозы, что имъ будетъ «худо», если они станутъ продолжать пѣніе этой пѣсни. Вотъ эта пѣсня.

Въ деревнѣ во Стану,
 Недалеко отъ краю,
 Недалеко отъ краю,
 Во селышемъ во дому
 Лиса ' Фаина убила,

' Жена убійцы, Елисавета; убійство приписывается ей потому, что мужъ дѣйствовалъ по ея наущенію.

Всю деревню удивила.
Стали думать и гадать,
Куда Фалина дѣвать.
По утру рано вставали,
Огонечекъ воздушили;
Огонечекъ воздушили,
За Александромъ побѣжали.
Александра не тказался (не отказался),
Онъ за нимъ скоро сражался.
Когда въ избу заходилъ,
Иванъ водки подносилъ;
Иванъ водки подносилъ,
У Лисы фонарь спросилъ.
Свѣчку сальну зажигали,
На широкій дворъ ходили;
На широкій дворъ ходили,
Коня сиваго ловили.
А когда коня впрягали,
А Ивана окликали.
Въ сани Фалина сажали;
Вдоль широкаго двора,
Во передни ворота
Сельску гору выѣзжали;
Сельску гору выѣзжали,
Къ теткѣ въ Мокру заѣзжали,
Съ собой тетку туда звали.
А съ нимъ тетка не пошла,
Топоръ Ивану припасла.
Иванъ къ Кудымъ подѣзжалъ
И пролупку расчищалъ.
Онъ пролупку расчищалъ,
Въ пролубъ Фалина соналъ.
Фалинъ въ воду ни пошелъ,
А Иванъ припасъ топоръ.

Пѣсня эта, сочиненная 12 лѣтъ тому назадъ, припоминалась съ трудомъ. При самомъ составленіи ея авторы затруднялись незнаніемъ всѣхъ подробностей дѣла.

С.-Петербургъ.
24 мая 1902 года.

В. Чернышевъ.

Памяти Филиппа Діомидовича Нефедова ¹.

Ряды русских этнографовъ все болѣе и болѣе убываютъ. Такъ, за послѣдніе полтора года сошли со сцены такіе видные дѣятели въ этой области, какъ Максимовъ и Шейнъ, смерть которыхъ является болѣею потерей для этнографіи, еще такъ нуждающейся въ самостоятельныхъ изслѣдователяхъ. Теперь намъ снова приходится заносить въ свой мортирологъ имя извѣстнаго нашего этнографа Филиппа Діомидовича Нефедова, скончавшагося 12 марта сего 1902 года въ Костромской губерніи. Памяти этого труженика я и посвящаю сегодня нѣсколько словъ. Покойный почти всю свою жизнь посвятилъ не только изученію и изслѣдованію народной жизни, но помогалъ строй народной массѣ, среди которой онъ провелъ большую часть своей жизни, словомъ, дѣломъ и даже матеріально изъ своихъ скудныхъ средствъ. Покойный въ полномъ смыслѣ слова былъ народникъ, всю жизнь посвятившій наблюденію и изученію народной жизни.

Біографическихъ свѣдѣній о покойномъ мы имѣемъ крайне мало. Ф. Д. родился въ 1848 г. (по другимъ извѣстіямъ въ 1847 г.) въ Ивановъ-Вознесенскѣ, гдѣ отецъ его служилъ на одной изъ фабрикъ. Первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной школѣ. Обладая любознательностію и жаждой знанія, онъ много читалъ (насколько это можно было сдѣлать въ глухомъ городѣ) и неустанно старался пополнять свои знанія. Благодаря настойчивости и своимъ природнымъ способностямъ, Ф. Д. чрезъ нѣсколько времени настолько подготовился, что могъ поступить въ московскій университетъ на юридическій факультетъ вольнослушателемъ. Хотя, къ сожалѣнію, покойному окончить курсъ не удалось, но онъ усердно продолжалъ заниматься наукою и слѣдилъ за литературою. Въ 189 г. Ф. Д. выступаетъ на литературное поприще своими очерками, подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ», напечатанными въ «Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». Замѣтки эти носятъ болѣею частію этнографическій характеръ и въ нихъ уже виднѣтъ будущій народный изслѣдователь. Затѣмъ, онъ началъ писать небольшіе очерки, рассказы и даже стихотворенія.

Переселившись въ Москву для дальнѣйшаго самообразованія, Ф. Д. попадаетъ въ кругъ интеллигентныхъ лицъ и преимущественно литераторовъ, и съ этого времени его талантъ болѣе развивается и получаетъ определенное направленіе; онъ посвящаетъ свою дѣятельность изученію народной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь создается у него широкіе планы, задачи и т. д. въ счетъ своей будущей дѣятельности. Онъ дѣлается писателемъ-народникомъ.

Литературные труды Нефедова можно раздѣлить на двѣ главныя части: 1) труды исключительно беллетристическаго характера и лишь иногда съ этнографическимъ описаніемъ, во 2) на труды чисто этнографическіе и археологическіе въ связи съ антропологіей. Не оставаясь подробно въ первомъ рода трудахъ покойнаго, какъ выходящихъ изъ рамокъ нашей задачи, замѣтимъ лишь одно. Ф. Д., стоя близко къ народу и объективно наблюдая народную жизнь со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами, умѣлъ широко пользоваться этой сокровищницей для своихъ беллетристическихъ работъ—очерковъ, рассказовъ и т. п. Въ нихъ онъ изображалъ народъ съ различныхъ сторонъ жизни: и семейной, и общественной, и пра-

¹ Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Географическаго Общества.

вовою, и т. д. Близость фабричной жизни и хорошее съ нею знакомство съ малолѣтства дали ему матеріалъ для прекраснаго очерка, подъ заглавіемъ: «Н а ш и ф а б р и к и и з а в о д ы» (1872 г.). Въ началѣ 70-хъ годовъ вышло первое собраніе сочиненій Нефедова, подъ заглавіемъ: «Н а м і р у», обратившее на себя вниманіе интеллигентной публики и особенно молодежи того времени. Я хорошо помню, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ прочитывались эти очерки и рассказы, открывающіе новыя стороны народной жизни. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, помѣщаемыхъ въ лучшей журнальной литературѣ: въ «Русск. Мысли», «Рус. Вѣд.» «Сѣв. Вѣсти.» и т. д. авторъ даетъ живую картину деревни и ея обитателей съ ихъ радостями и печалями, темными и свѣтлыми сторонами, относясь съ искреннимъ сочувствіемъ къ ея лучшимъ явленіямъ и съ состраданіемъ ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Можетъ быть, здѣсь иногда проглядываетъ и нѣкоторая идеализація народной жизни, въ чемъ иныя критики и упрекали покойнаго, но онъ иначе не могъ поступить — это было такъ естественно и вполне согласовалось съ его натурой, характеромъ. Можно сказать, что онъ жилъ вмѣстѣ съ своими односельчанами (въ послѣднія 12 л. онъ жилъ въ деревнѣ Переборъ, Владимірской губ., близъ станціи Ундолъ Московско-Нижегородской жел. дор.), помогая имъ, чѣмъ могъ, и особенно по части развитія грамотности и любви къ чтенію. Вообще нужно сказать, что у покойнаго была глубокая любовь къ народу и глубокая вѣра въ нравственную мощь его, которая онъ донесъ до могилы.

Покойный не чуждъ былъ общественной дѣятельности, особенно въ школьномъ дѣлѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей воскресной школы на своей родинѣ — Иваново-Вознесенскѣ. Въ 1872 г. Ф. Д. отдается дѣлу организаціи народнаго театра. Долгое время онъ принималъ живое участіе въ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, занимая должность ея секретаря. Съ 1879 г. до начала 1881 г. былъ редакторомъ газ. «Русскаго Курьера», которая въ это время достигла лучшаго своего развитія.

Смерть Ф. Д. вызвала глубокое сожалѣніе среди мѣстнаго населенія. Дѣти и молодые крестьяне съ душевной благодарностью вспоминаютъ о томъ, сколько пользы принесъ для нихъ Ф. Д., приучая ихъ къ чтенію и охотно раздавая имъ книжки изъ своей обширной библіотеки, въ которой много находилось брошюръ и книгъ народныхъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній были изданы для народа и народныхъ чтеній. Именно, съ этой стороны покойный вправѣ можетъ быть причисленъ къ ряду общественныхъ дѣятелей на пользу распространенія народнаго просвѣщенія.

Дѣятельность Ф. Д. не ограничивалась одной беллетристической работой по преимуществу изъ народнаго быта. Къ его цѣннымъ заслугамъ нужно отнести и работы его въ области этнографіи, которой онъ занимался съ молодыхъ лѣтъ. Его этнографическія изслѣдованія охватываютъ не только русское населеніе, главнымъ образомъ приволжское, въ которомъ до сихъ поръ сохранилось такъ много своеобразнаго и самобытнаго, но и нашихъ и нородцевъ преимущественно восточныхъ губерній. Въ 1874 г. Ф. Д. избирается членомъ Этнографическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія.

Въ этнографическихъ своихъ изслѣдованіяхъ Ф. Д. широко захватываетъ жизнь населенія, касаясь почти всѣхъ ея сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ свою работу «О б ѣ эт н о г р а ф и ч е с к о м ѣ и з с л ѣ д о в а н і и К о с т р о м с к о й г у б .» (1874—76 г.г.) авторъ включилъ слѣдующія 14 отд., начиная съ мѣстнаго нарѣчія и кончая матеріалън. условіями жизни населенія. Сюда вошли: народная мнѣологія, сказанія, различные обряды, обычаи, празднества, юридическія условія, физическое состояніе народа, народная медицина, умственное и нравственное развитіе и т. д. По этой же программѣ Ф. Д. намѣревался произвести свои изслѣдованія въ смежныхъ съ Костромской губ. — Вологодской (сѣверо-восточной ея части) и Пермской. Въ 1877 г. въ «Трудахъ этнограф. отд. Московскаго Общества Любителей Естествознанія» (т. XXVIII, кн. IV) были помѣщены изслѣдованія Ф. Д., подъ заглавіемъ: «Э т н о г р а ф и ч е с к і я н а б л ю д е-

нія по Волгѣ и ея притокамъ». Эти наблюденія, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже почти 25 л., до сихъ поръ представляютъ интересъ и могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для сравненія того времени съ настоящими условіями жизни этого края. Въ этомъ трудѣ Ф. Д. далъ много указаній на занятія населенія, образъ жизни и т. д.

Въ 1886 г. Нефедовъ представилъ программу своихъ этнографическихъ изслѣдованій, принятую Москов. Общ. Любит. Естествознанія, Антропологій и Этнографіи. Онъ между прочимъ говоритъ, что изученіе настоящаго невозможно безъ всесторонняго изученія прошлаго и, наоборотъ, — давно-минувшее мы въ состояніи тогда только понять, когда будемъ основательно знать настоящее. Покойный исполнѣ основательно держался того изгяда, что рядомъ съ антропологическими изслѣдованіями должны идти археологическія и этнографическія.

Исходя изъ этихъ положеній, авторъ ставилъ въ программу своихъ изслѣдованій: обзоръ литературы по археологій и антропологій, изслѣдованія городищъ, кургановъ и кладбищъ, собраніе народныхъ преданій и сказаній, относящихся до городищъ, кургановъ и т. д. Наблюденія надъ современными жителями по отношенію къ росту, цвѣту волосъ и глазъ, экономическія условія населенія, современный бытъ и нравы, обычаи, обряды при рожденіи, крещеніи, свадьбахъ, играхъ, празднествахъ, похоронахъ.

Помимо перечисленныхъ трудовъ Ф. Д. по этнографіи, которой онъ занимался до смерти, у него накопилось множество разныхъ пѣсенъ, повѣрій, военъ, сказокъ, легендъ, свадебныхъ, погребальныхъ и т. под. обрядовъ, наблюденій изъ повседневной жизни народа и т. д. Весь этотъ матеріалъ пока не изданъ, несмотря на хлопоты покойнаго какъ-нибудь его издать. Въ виду этого, крайне было бы желательно, какъ уже замѣтилъ проф. Анучинъ, чтобы матеріалъ этотъ переданъ былъ въ одно изъ ученыхъ обществъ для разбора.

Покойный Ф. Д. Нефедовъ немало оставилъ этнографическихъ изслѣдованій и относительно нашихъ инородцевъ, главнымъ образомъ башкиръ Уфимской и Оренбургской губ., татарскаго населенія Касимовскаго уѣзда и черемисъ Уфимской губ. И здѣсь покойный остается вѣренъ своему характеру: старается останавливаться не только на наружныхъ проявленіяхъ жизни народа, но и на духовныхъ его отправленияхъ, о чемъ свидѣлствуютъ собранныя этнографомъ легенды, сказанія, пѣсни и т. д. Такъ, напр., въ сборникѣ «Починъ» за 1895 г. Ф. Д. была помѣщена башкирская легенда «Ушкуль». Вообще нужно замѣтить, что покойный въ своихъ изслѣдованіяхъ объ инородцахъ наиболѣе обращалъ вниманія на башкиръ, о которыхъ имъ собрано было много матеріаловъ, часть которыхъ напечатана, а часть осталась въ рукописяхъ. Во время своихъ занятій надъ башкирами, имъ не разъ приходилось обращаться къ покойному и онъ весьма охотно дѣлился своими свѣдѣніями не только личными, но и литературными. И нужно отдать справедливость, покойный, благодаря не разъ совершеннымъ имъ поѣздкамъ въ восточныя губ., хорошо ознакомился съ бытомъ мѣстныхъ инородцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло.

Говоря о Ф. Д., какъ беллетристѣ-народникѣ и этнографѣ, нельзя пройти молчаніемъ и его работы въ области археологій и антропологій. Еще въ 70-хъ годахъ XIX вѣка покойный началъ заниматься, по порученію Моск. Общ. Люб. Естествознанія, раскопками могилъ и кургановъ. Онъ началъ ихъ въ Рязанской губерніи и потомъ велъ ихъ въ Приуральѣ, главнымъ образомъ, въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ. Собранный имъ матеріалъ далъ много интересныхъ данныхъ для выясненія вопроса о населеніи, его происхожденіи и т. д. Въ этомъ отношеніи интересна работа покойнаго, подъ заглавіемъ: «О памятникахъ и народахъ Приуральскаго края» (Труды Антроп. Общ. Т. XXXI, в. 1—6). Затѣмъ, покойнымъ производились археологическія изысканія въ Костромской и Владимірской губерніяхъ и на южномъ берегу Крыма. Въ половинѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка Ф. Д. былъ приглашенъ Имп. Археологическимъ Обществомъ для археологическихъ изысканій въ области южнаго

Приуралья (въ Оренбургской губерніи, въ Уральской и Тургайской областяхъ, въ Самарской губ.), откуда имъ были доставлены цѣнные матеріалы, частію помѣщенные въ Трудахъ Археологическаго Общества. Потомъ, въ началѣ 90-хъ годовъ (1893—1894), по порученію того же Общества, онъ производилъ изслѣдованія въ Вятской, Пермской, Уфимской и Казанской губ. и въ 1895—96 г. Костромской. Въ 3-хъ уѣздахъ послѣдней губерніи покойнымъ было изслѣдовано много старинныхъ могилъ, городищъ и кургановъ (раскопано 542 кургана), изъ которыхъ добытый матеріалъ далъ указанія для изученія культуры края съ давняго времени въ эпоху употребленія мѣди и бронзы (IX—X вѣка). Цѣпная коллекція, добытая при этихъ раскопкахъ, хранится въ музеѣ Археол. Общества, а отчеты помѣщены въ III вып. Московск. Археол. Общ., подъ заглавіемъ: «Матеріалы по археологій восточныхъ губерній», съ массой таблицъ и рисунковъ въ текстѣ.

Въ области антропологій заслуги Ф. Д. также не малы. Если онъ лично не обрабатывалъ собираемый имъ антропологическій матеріалъ, по недостатку времени, то далъ очень много для работъ другихъ ученыхъ. Съ 1878 г. до послѣдняго времени имъ были доставлены въ разное время: 6 костяковъ и 39 череповъ изъ раскопокъ въ Рязанской губ. (Касимовскаго уѣзда), 52 череповъ изъ раскопокъ во Владимирской губерніи, 30 череповъ изъ Уфимской губ., 43 череповъ изъ Оренбургской губ., 8 череповъ изъ Самарской губ., 38 изъ Тургайской области, 44 череповъ изъ южнаго берега Крыма, 26 череповъ изъ кургановъ Костромской губерніи, всего: 6 костяковъ и 280 череповъ изъ различныхъ губерній Россіи, не считая еще многихъ археологическихъ предметовъ. Въ числѣ доставленныхъ имъ череповъ были женскія, судя по антропологическимъ опредѣленіямъ.

Въ виду всего этого, а также многочисленныхъ этнографическихъ изслѣдованій, Имп. Моск. Общ. Естеств. Антр. и Этнографіи въ 1895 г. присудило Ф. Д. премию имени вел. князя Сергія Александровича по антропологій,—премія, которая выдается какъ для поощренія научныхъ трудовъ по антропологій, такъ и за доставленіе цѣнныхъ антропологическихъ коллекцій Антроп. Обществу. Все это сдѣлалъ и продолжалъ дѣлать Ф. Д. самолично.

Можно сказать, что это былъ неутомимый труженикъ въ области изученія и наблюденія не только повседневной крестьянской жизни, но глубокой старины. Каждое лѣто покойный уѣзжалъ въ командировки—иногда на свой счетъ—въ какія-нибудь мѣстности и всегда возвращался съ богатыми матеріалами по этнографіи или археологій.

Въ лицѣ Ф. Д. Нефедова мы потеряли добросовѣтнаго, трудолюбиваго и безпристрастнаго работника и наследователя въ области этнографіи и археологій; русская литература потеряла одного изъ представителей беллетристовъ-народниковъ, такъ чутко прислушавшагося къ теченію народной жизни, и еще большую потерю пошелъ мѣстное крестьянское населеніе, среди котораго онъ жилъ и помогалъ ему, чѣмъ могъ. Любовь населенія къ покойному съ особенною выразительностью выразилась во время похоронъ. Гробъ его несли крестьяне до самой церкви (около 1 1/2 вер.); похоронная процессія останавливалась весьма часто для совершенія лѣтніи по заказу мѣстныхъ крестьянъ. На дворѣ Соболовской фабрики, въ церкви которой происходило отпѣваніе Ф. Д., около 600 рабочихъ, во главѣ съ мѣстной фабричной администраціей, встрѣтили гробъ. Пѣлъ хоръ фабричныхъ рабочихъ. Священникъ сказалъ теплое, прочувствованное слово надъ останками покойнаго. Похороненъ Ф. Д. въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилами Левитова, Орфанова и Воронова. Пусть же на долго сохранится память о тебѣ, добрый и честный Филиппъ Діомидовичъ, между всѣми, кому дорога твоя любовь къ наукѣ и народу!

Д. П. Никольскій.

ЖИВАЯ СТАРИНА

периодическое издание Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границу—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдельной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к., двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5** к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3**¹/₂ р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4**¹/₂ р. и по **5** р.